

ММММ 555

Л Soc 3983.56

Л Soc 3983.46

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ LXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

И. Киммеля, въ Ригѣ.

Цена 2 руб. 5 коп.

1875

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

PHYSICS DEPARTMENT

1875

PHYSICS DEPARTMENT

UNIVERSITY OF CHICAGO

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ LXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цена 2 руб. 5 коп.

△

L So e 3983. 46

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE ACADEMY
OCT 17 1928

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрель 1892 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штрауза*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о тридцати второмъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1890 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А. Штраухомъ.....	1—21
I. Сочиненія профессора П. В. Владимірова: А. Житіе св. Алексѣя, человека Божія. — Б. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 г. стр. XXVI + 351. Рецензія профессора А. Будиловича.....	22—38
II. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго: «Описаніе старой Малороссіи. Томъ первый. Стародубскій полкъ. К. 1889, XVI, 470, XXX. Д. И. Багалѣя.....	39—186
III. Разборъ изслѣдованія Н. П. Лихачева: «Разрядные дѣякіи XVI вѣка», сдѣланный по порученію Императорской Академіи Наукъ, ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета Н. П. Загоскинымъ. Казань 1889 г....	187—221
IV. Рецензія на книгу Житецкаго: «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія». А. Кочубинскаго.	222—318

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1890 года Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А. Штраухомъ.

Въ соисканіи наградъ гр. Уварова въ настоящемъ году участвовало 15 сочиненій, въ числѣ которыхъ было два, отложенныхъ отъ предыдущаго конкурса.

Для ихъ разсмотрѣнія и постановленія о нихъ приговора была назначена Академіею, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, комиссія подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря изъ гг. Академиковъ: Я. К. Грота, К. С. Веселовскаго, А. О. Бычкова, А. А. Куника, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, Л. Н. Майкова и Адъюнкта Н. О. Дубровина. Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждого изъ нихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсныя произведенія къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока, комиссія признала необходимымъ три сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе и затѣмъ по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ трудовъ, четверымъ изъ нихъ присудила преміи, въ 500 руб. каждая.

I.

О житіи Св. Алексѣя, чловѣка Божія и 2) Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. С.-Петербургъ. 1888. Профессора Петра Влад. Владимірова.

Въ виду спеціальнаго характера этихъ сочиненій Академія обращалась съ просьбою о составленіи рецензіи на нихъ къ проф. Варшавскаго университета Ант. Сем. Будиловичу, который составленнымъ подробнымъ отзывомъ и оказалъ комиссіи существенное содѣйствіе въ дѣлѣ оцѣнки трудовъ проф. Владимірова.

Статья о житіи св. Алексѣя, напечатанная въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, посвящена обзорѣнію написаннаго въ концѣ XV или началѣ XVI в. западно-русскаго житія св. Алексѣя, оказавшагося въ одномъ изъ Сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки. Въ предпосланномъ изданію этого любопытнаго памятника историко-литературномъ введеніи пр. Владиміровъ проводитъ мысль, что хотя, по содержанію своему, житіе не отличается отъ латинской легенды о названномъ святомъ, вошедшей въ извѣстный подъ названіемъ *Legenda aurea* Сборникъ XIII в. Якова à Ворагина, тѣмъ не менѣе, по языку, оно примыкаетъ къ сохранившемуся въ спискахъ XIV и XV вв. чешскому переложенію этой легенды и такимъ образомъ является однимъ изъ малочисленныхъ русскихъ памятниковъ, возникшихъ подъ чешскимъ вліяніемъ въ періодъ утраквизма и чешскобратства.

Текстъ житія (стр. 9—14) изданъ авторомъ съ полною палеографическою точностью и снабженъ подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ отмѣчены ошибки и пропуски списка, по сравненію съ легендою латинскою, ея чешскимъ переложеніемъ и нѣсколькими редакціями польскаго житія того же Святаго (по *Gesta Romanorum*). Послѣднія семь страницъ статьи посвящены характеристикѣ языка нововзданнаго памятника въ отношеніяхъ: фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ, причемъ въ краткомъ словоуказателѣ къ житію приведены соответственные обороты и слова латинскіе, чешскіе, а иногда нѣмецкіе, съ дополнительными параллелями по словарямъ Палевы, Берынды, Юнгмана, Линде, Косовича, Желеховскаго и др.

Хотя, по замѣчанію пр. Будиловича, характеристика эта не представляетъ исчерпывающей полноты, тѣмъ не менѣе пробѣлы

въ словоуказателѣ легко могутъ быть восполнены читателемъ на основаніи изданнаго текста житія.

Равнымъ образомъ «не вполне разъясненъ авторомъ диалектической характеръ языка памятника, происхождение и относительная сила въ немъ вліяній чешскихъ и польскихъ, церковно-славянскихъ, актово-западно-русскихъ, живыхъ бѣлорусскихъ и т. п. Но, быть можетъ, болѣе опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы будетъ представленъ авторомъ позже, при изданіи и описаніи остальныхъ частей Сборника Императорской Публичной Библіотекки», по мнѣнію рецензента, интереснаго не только содержаніемъ и происхожденіемъ (съ чешскаго), но и «по столь раннему примѣненію въ легендарной литературѣ одного изъ живыхъ русскихъ говоровъ, хотя и въ смѣшеніи съ формами, а еще болѣе словами языковъ родственныхъ».

Несравненно большею законченностью отличается другой, явившейся въ соисканіи трудъ проф. Владимірова о *Францискѣ Скоринѣ* — извѣстномъ западно-русскомъ первопечатникѣ и переводчикѣ библии. Вопросъ о происхожденіи, характерѣ и историческомъ значеніи трудовъ Скорины представляетъ много загадочнаго и исчерпывающее его изученіе давно являлось существенною задачею и живою потребностью въ нашей ученой литературѣ. Несмотря на кажущуюся простоту и легкость, выполнение взятой на себя проф. Владиміровымъ задачи, по замѣчанію пр. Будиловича, существенно затруднялось чрезвычайно скудостью біографическихъ свѣдѣній о Скоринѣ, для пополненія коихъ необходимы разысканія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ разное время проживалъ Скорина и гдѣ могли въ актахъ и записяхъ оказаться указанія на его личность или, по крайней мѣрѣ, на культурныя и общественныя условія, опредѣлившія роль его въ исторіи русскаго просвѣщенія. Не меньшая трудность представляется и въ отношеніи изученія книжнаго наслѣдія Скорины, такъ какъ произведенія Скорины по частямъ разбросаны въ бібліотекахъ не только русскихъ, но и заграничныхъ, благодаря чему даже Императорская Публичная Библіотека не можетъ удовлетворить пытливости изслѣдователя, особливо если онъ задумаетъ дѣятельность Скорины изучать сравнительнымъ путемъ — въ рамкахъ общеевропейскаго книгопечатнаго и вѣроисповѣднаго движенія первыхъ десятилѣтій XVI в.

Обращаясь къ содержанію изслѣдованія проф. Владимірова, рецензентъ признаетъ, что оно заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ первый опытъ всесторонняго разсмотрѣнія жизни и дѣятель-

ности Скорины, приче́мъ проф. Будиловичъ указываетъ, что книга, подраздѣленная авторомъ на двѣ части, изъ коихъ первая озаглавлена: «Скорина, его печатныя изданія и переводы», а вторая: «Языкъ Скорины», въ дѣйствительности распадается на три отдѣла: въ первомъ изложена біографія Скорины на общемъ фонѣ западно-русской общественной жизни XVI в.; во второмъ отдѣлѣ представленъ біографическій и историко-литературный обзоръ его изданій и переводовъ, въ связи съ ихъ вліяніемъ на дальнѣйшій ростъ русскаго просвѣщенія, и, наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ разсмотрѣнъ языкъ изданій и переводовъ Скорины.

Въ приложеніяхъ г. Владиміровымъ сообщены нѣкоторые документы и выписки изъ текстовъ Скорины сравнительно съ другими имъ родственными, а въ предисловіи, предпосланномъ сочиненію, и въ самомъ текстѣ сочиненія помѣщенъ обзоръ литературы предмета — настолько обстоятельный, что съ этой стороны, по мнѣнію проф. Будиловича, авторъ исчерпалъ свою тему.

Переходя къ біографическому отдѣлу сочиненія г. Владимірова, ученый рецензентъ хотя и отдаетъ автору ту справедливость, что онъ почерпалъ все подходящее для своего изслѣдованія не только у Соловьева, Макарія, Бестужева-Рюмина, Васильевского и др., но и изъ многихъ западно-русскихъ актовъ данной эпохи, тѣмъ не менѣе біографическій очеркъ признаетъ блѣднымъ и отрывочнымъ; обусловливается это, впрочемъ, скудостью имѣющихся въ обращеніи фактическихъ свѣдѣній о Скоринѣ. — По этой то причинѣ авторъ въ данномъ отдѣлѣ отводитъ широкое мѣсто имѣющему къ Скоринѣ собственно мало отношенія изображенію нравственнаго упадка западно-русскаго духовенства, коему противопоставляется городской классъ или мѣщанство, въ качествѣ истаго представителя нравственно-религіознаго и умственнаго развитія юго-западной Россіи въ концѣ XV и началѣ XVI в.

Иной характеръ носятъ II и III главы разбираемаго сочиненія; заключая въ себѣ обслѣдованіе литературы наслѣдія Скорины, онѣ являются наиболѣе важными въ трудѣ проф. Владимірова; — эти главы, по отзыву рецензента, отличаются точностью метода и надежностью большинства добытыхъ результатовъ. Во II главѣ именно разсмотрѣны самымъ внимательнымъ образомъ пражскія изданія Скорины, а въ III главѣ виленскія его изданія, приче́мъ одинаково тщательно описанъ какъ внѣшній видъ изданій, такъ

и внутреннія свойства текстовъ, сравнительно съ другими однородными изданіями и рукописями.

Соглашаясь съ выводами, дѣлаемыми авторомъ на основаніи обзора сочиненій Скорины въ разныхъ изданіяхъ, проф. Будиловичъ одно лишь изъ заключеній проф. Владимірова — весьма впрочемъ существенное для характеристики Скорины — признаетъ преждевременнымъ и слишкомъ догматичнымъ: рецензентъ сомнѣвается въ томъ чисто-православномъ характерѣ авторской и общественной дѣятельности, какой усвоится Скоринѣ проф. Владиміровымъ.

Въ послѣдней, наконецъ, главѣ сочиненія, посвященной вопросу о языкѣ Скорины, авторъ проводитъ мысль о раннемъ зарожденіи между западно-руссами стремленія приблизить церковный языкъ къ просторѣчю, но въ подтвержденіе этого вывода имъ, по мнѣнію рецензента, убѣдительныхъ доказательствъ не представляется; напротивъ — у Скорины нерѣдко встрѣчаются устарѣлыя или инодіалектическія слова, формы и даже весь строй рѣчи.

Если основной вопросъ о зарожденіи языка Скорины не рѣшается авторомъ окончательно, зато грамматическія и лексическія особенности Скорины очерчены проф. Владиміровымъ и обстоятельно, и въ общемъ правильно.

Ученый рецензентъ, правда, весьма подробно отмѣчаетъ допущенныя г. Владиміровымъ частныя ошибки и невѣрности, по преимуществу лексическаго и грамматическаго характера, но при этомъ оговаривается: «весьма возможно, что на многія изъ этихъ замѣчаній и возраженій авторъ представилъ бы вполне удовлетворительныя объясненія и такимъ образомъ низвелъ бы до значенія простыхъ недомолвокъ или недоразумѣній то, что намъ показалось ошибочнымъ или невѣрнымъ» Но если бы и этого не случилось, если бы читатель присоединился въ большинствѣ случаевъ къ представленнымъ возраженіямъ, то и тогда, по словамъ проф. Будиловича, рассмотрѣнный имъ трудъ г. Владимірова «не утратитъ выдающагося научнаго значенія и важности. Значеніе это заключается въ методическомъ и всестороннемъ пересмотрѣ всего, что можно извлечь изъ литературныхъ произведеній Скорины о немъ и его подвигѣ, съ освѣщеніемъ его лица и дѣятельности съ высшихъ историко-сравнительныхъ точекъ зрѣнія». «Нужды нѣтъ, что то или другое изъ положеній автора уже ранѣе было высказано то Головацкимъ, то Викторовымъ, то Ровинскимъ и другими изслѣдователями старопечатнаго дѣла: даже и въ этихъ

случаяхъ за авторомъ остается заслуга строгой провѣрки прежнихъ догадокъ и возведенія ихъ изъ гипотезъ въ прочныя историко-литературныя положенія. Не важно и то, продолжаетъ рецензентъ, что нѣкоторые изъ домысловъ автора требуютъ еще, по нашему мнѣнію, дальнѣйшей разработки и, пожалуй, могутъ быть потрясены ею, и что вообще сочиненіе это во многомъ не можетъ считаться окончательнымъ рѣшеніемъ затронутыхъ имъ вопросовъ. Довольно и того, что авторъ имъ далъ сильный толчекъ и несомнѣнно приблизилъ къ разрѣшенію. Къ тому же слѣдуетъ оговориться, что почти всѣ указанные неясности или неточности сочиненія касаются разнаго рода біографическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ, тогда какъ собственно бібліографическая часть труда, бывшая у автора на первомъ планѣ, разработана безукоризненно и надолго останется образцомъ монографій этого рода. Не маловажное достоинство книги составляетъ и прекрасная ея внѣшность, вполне достойная какъ выдающихся заслугъ знаменитаго западно-русскаго первопечатника, такъ и нашего дѣятельнаго Общества древней письменности, котораго шифръ красуется на заглавномъ листѣ разсмотрѣннаго сочиненія».

Въ виду изложенныхъ научныхъ достоинствъ какъ брошюры о западно-русскомъ житіи св. Алексѣя, такъ особенно изслѣдованія о Францискѣ Скоринѣ, проф. Будиловичъ признаетъ справедливымъ наградить автора этихъ сочиненій Уваровскою премією въ 500 руб.

II.

Описаніе старой Малороссіи — матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ Стародубскій. Изслѣдованіе Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 1889.

Въ обширной рецензіи на это сочиненіе, составленной, по вызову Академіи, профес. Д. И. Багалѣемъ, и интересными самостоятельными экскурсами въ архивную исторію Украйны пополняющей разсматриваемое сочиненіе, рецензентъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что доселѣ предметомъ вниманія изслѣдователей была лишь исторія южной Руси за болѣе древній періодъ и исторія правобережной Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ; эту послѣднюю изучали главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ея внутренняго быта (положенія крестьянъ, казачества, городовъ, дворянъ, церкви и т. п.). Въ иномъ положеніи оказывалось изученіе исторіи лѣвобережной Ма-

лороссіи: она постоянно оставалась въ тѣни. Даже внѣшняя судьба этого края отъ монголо-татарскаго нашествія до полов. XVII в. извѣстна очень мало. Только со времени Богдана Хмѣльницкаго, когда край этотъ дѣлается центромъ важныхъ политическихъ событій, его живымъ и талантливымъ бытописателемъ является Н. И. Костомаровъ. Но и эта внѣшняя политическая исторія лѣвобережной Малороссіи, за смертью Костомарова, осталась недосказанною, тогда какъ внутренняя жизнь народа, до появленія трудовъ г. Лазаревскаго, представляла изъ себя terra incognita.

Отсюда видно, что существеннѣйшіе вопросы предмета предшествовавшей литературою были или неразрѣшены, или вовсе незатронуты, и потому трудъ, выполненный г. Лазаревскимъ, долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи лѣвобережной Малороссіи — тѣмъ болѣе, что г. Лазаревскій къ разсматриваемому сочиненію былъ вполне подготовленъ прежними собственными трудами, разсыпанными, къ сожалѣнію, въ малораспространенныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, почти не извѣстныхъ читающей публикѣ.

Заслуживъ извѣстность лучшаго знатока внутренняго быта гетманщины и собравъ богатый запасъ архивныхъ матеріаловъ, г. Лазаревскій поставилъ себѣ цѣлью дать систематическое описаніе всей лѣвобережной Малороссіи, которое послужило бы матеріаломъ для будущей исторіи малорусскаго народа. Въ разобранномъ проф. Багалѣемъ первомъ, покуда вышедшемъ, томѣ этого сочиненія очерчивается въ частности Стародубскій полкъ въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ. По мнѣнію ученаго рецензента, если въ книгѣ первый отдѣлъ (общій историческій очеркъ) кратокъ, зато послѣдующіе (о городахъ, селеніяхъ и старшинахъ) обширны и обстоятельны; въ особенности нужно это сказать о 3-мъ и 4-мъ. Каждый изъ нихъ заключаетъ, помимо массы фактическаго интереснаго матеріала, иногда цѣлыя отдѣльныя монографіи и эпизоды. Такова, напримѣръ, исторія Стародубскаго магистрата (въ отдѣлѣ о городахъ), пожалованіе кн. Меньшикову Почеповской сотни (въ отдѣлѣ о селеніяхъ), біографія Лисовскаго (въ отдѣлѣ біографій) и т. п. Книга эта знакомитъ насъ отчасти съ исторіею мѣстнаго общества, въ лицѣ казацкой старшины; болѣе въ ней обстоятельны данныя о территоріи; здѣсь мы находимъ не только многочисленныя данныя для исторіи заселенія края, но и исторію цѣлыхъ территоріальныхъ округовъ (сотенъ и волостей), а также отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ. Не всѣ очерки одинаково подробны: есть и краткіе, есть и очень обширные. Въ нихъ, кромѣ того, со-

общается множество любопытныхъ свѣдѣній о жизни малорусскаго общества — его землевладѣніи, социальномъ положеніи, экономическихъ интересахъ (промыслахъ, ремеслахъ и торговлѣ) и частномъ семейномъ бытѣ. Правда, эти данныя не сгруппированы, разбросаны; но авторъ и не ставилъ себѣ цѣлью дать систематической очеркъ внутренняго быта малороссійскаго общества. Наконецъ здѣсь-же начертана и цѣльная картина общественной дѣятельности и частной жизни всѣхъ представителей мѣстнаго полковаго и сотеннаго управленія. Это — исторія (въ біографіяхъ) высшаго слоя малорусскаго народа; въ ней попадаются данныя для исторіи мѣстнаго управленія и для характеристики социальна-экономическаго положенія общества и его домашняго быта.

Обращаясь къ внутренней оцѣнкѣ содержанія книги Лазаревскаго, рецензентъ признаетъ за нею значеніе отнюдь не простаго сборника сырыхъ матеріаловъ. «Самъ авторъ, говоритъ пр. Багалъй, вѣрно опредѣляетъ характеръ своего сочиненія, называя его «описаніемъ старой (правильнѣе лѣвобережной) Малороссіи». Трудъ автора состоялъ здѣсь не только въ разыскиваніи источниковъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, но въ ихъ сводкѣ, систематизаціи. Это не изслѣдованіе; авторъ въ большинствѣ случаевъ уклоняется отъ выводовъ; это — первоначальная сводка матеріала, но подобраннаго и сгруппированнаго такъ искусно, что у читателя складываются сами собою многія обобщенія. Впрочемъ авторъ даетъ намъ иногда отдѣльные экскурсы, носящіе внѣшніе и внутренніе признаки изслѣдованія (таковы, напримѣръ, общія соображенія о заселеніи Стародубскаго полка въ связи съ географическими условіями мѣстности и этюды о раскольничьихъ слободахъ и владѣніяхъ Кіево-Печерской лавры). Помимо того въ книгѣ разсѣяно много отдѣльныхъ замѣчаній критическаго характера. Конечно, описаніе, какъ таковое, всегда должно быть поставлено ниже изслѣдованія; но эта форма изложенія иногда (какъ въ данномъ случаѣ) оказывается въ практическомъ отношеніи необходимою. Можно только пожелать г. Лазаревскому присоединять къ описанію, гдѣ возможно, элементъ изслѣдованія; это онъ дѣлаетъ и теперь, но только въ очень незначительной степени; достигнуть этого, по мнѣнію рецензента, возможно путемъ расширенія историко-географическихъ очерковъ общаго характера и отдѣловъ, посвященныхъ населенію; послѣднее необходимо сдѣлать автору еще и для того, чтобы исполнить свое обѣщаніе о народной исторіи. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что г. Лазаревскій не могъ те-

перь дѣлать широкихъ обобщеній, потому что описалъ пока еще небольшую часть территоріи лѣвобережной Малороссіи; ко многимъ вопросамъ ему еще придется возвратиться и даже не одинъ разъ. Во всякомъ случаѣ книга г. Лазаревскаго должна быть оцѣниваема главнымъ образомъ съ точки зрѣнія новизны и важности матеріала, какой она вноситъ въ научный обиходъ. «Въ виду этого, замѣчаетъ проф. Багал'ѣй, я и обратилъ особенное вниманіе на источники и пособія, которыми пользуется нашъ авторъ. Такъ какъ мнѣ приходилось имѣть дѣло съ старымъ, опытнымъ бібліографомъ, то я считалъ для себя возможнымъ быть очень требовательнымъ и даже, быть можетъ, нѣсколько придирчивымъ. Мнѣ пришлось отмѣтить не мало пробѣловъ по части печатныхъ источниковъ и пособій. Но всѣ они, даже выѣстъ взятыя, не особенно существенны; основной матеріалъ автору былъ извѣстенъ и онъ въ большей или меньшей степени воспользовался имъ; ошибка г. Лазаревскаго, по моему мнѣнію, состояла въ томъ, что онъ не поставилъ себѣ задачею дать сводку *всѣхъ* печатныхъ данныхъ. Но главная заслуга г. Лазаревскаго заключается въ подборѣ рукописныхъ, а не печатныхъ матеріаловъ. Я показалъ, какую массу весьма цѣнныхъ архивныхъ источниковъ привлечь къ своей работѣ г. Лазаревскій. Онъ самъ разыскалъ этотъ матеріалъ, спасъ его отъ гибели, изучилъ и систематизировалъ. Конечно, и тутъ есть пробѣлы; я ихъ очень рачительно отмѣтилъ; сдѣлалъ то, чего обыкновенно не дѣлаютъ: отправился въ архивы, недоступныя, по личнымъ условіямъ, г. Лазаревскому, порылся въ нихъ и нашелъ для себя не малую добычу. И опять таки дѣлалъ я это не для того, чтобы «уличить» въ пропускахъ, а чтобы принести и свою лепту въ ту сокровищницу, на пользу которой мы всѣ работаемъ (разумѣю отечественную исторію) и для которой г. Лазаревскій собралъ такую цѣнную коллекцію. И такъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи матеріалъ, собранный г. Лазаревскимъ, соответствуетъ задачѣ сочиненія; пробѣлы въ немъ есть, но основныя рубрики онъ заполняетъ. Выборъ его сдѣланъ умѣлою рукою; авторъ понимаетъ относительное значеніе своихъ источниковъ; можно было бы пожелать только большей критики въ предварительномъ изученіи нѣкоторыхъ архивныхъ документовъ, въ особенности такъ-называемаго генеральнаго слѣдствія о мѣстностяхъ, заключающаго въ себѣ противорѣчивыя данныя»...

Подробное разсмотрѣніе книги Лазаревскаго приводитъ рецензента къ тому заключенію, что она отличается чрезвычайнымъ

богатствомъ содержанія. «Сообщаемыя г. Лазаревскимъ свѣдѣнія, пишетъ проф. Багалъй въ заключительныхъ строкахъ своей, преисполненной эрудиціи и интересныхъ фактовъ, рецензіи, разъясняютъ намъ многіе важные вопросы внутренней жизни гѣвобережной Малороссіи XVII и XVIII в. Но тема сочиненія настолько широка, что не могла быть во всей ея полнотѣ исчерпана авторомъ. Я старался расширить изложеніе г. Лазаревскаго и своими прибавленіями наполнилъ добрую половину настоящей рецензіи. Но на нихъ никоимъ образомъ нельзя смотрѣть, какъ на доказательство скудости содержанія книги г. Лазаревскаго; они свидѣтельствуютъ только о широтѣ задачи, поставленной себѣ почтеннымъ авторомъ, и о моемъ усердномъ желаніи способствовать достиженію возможной полноты въ этомъ вопросѣ. Г. Лазаревскому можно поставить въ вину только то, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на нѣкоторые вопросы, имѣющіе прямое отношеніе къ его темѣ (въ особенности на вопросъ о формахъ землевладѣнія), и недостаточно останавливался на нѣкоторыхъ другихъ, которые, на мой взглядъ, должны были-бы быть введены въ содержаніе его «описанія», если онъ хотѣлъ дать матеріалы для народной исторіи». «Крупныхъ ошибокъ въ изложеніи г. Лазаревскаго, прибавляетъ проф. Багалъй, я не нашелъ. Правда, я расхожусь съ почтеннымъ авторомъ по нѣкоторымъ капитальнымъ вопросамъ, напримѣръ, о началѣ и судьбѣ магистратскаго самоуправленія въ Стародубѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ, и мнѣ кажется, что г. Лазаревскій впослѣдствіи долженъ будетъ отказаться отъ своего мнѣнія; но окончательное рѣшеніе возникшаго между нами спора нужно все-таки предоставить читателямъ. Отмѣтилъ я также цѣлый рядъ неточностей и мелкихъ промаховъ; то же самое сдѣлалъ раньше и другой критикъ сочиненія г. Лазаревскаго. Но въ концѣ концовъ я все-таки долженъ сказать, что книга г. Лазаревскаго представляетъ отрадное явленіе въ областной историко-географической литературѣ. Императорская Академія Наукъ поступить, по моему мнѣнію, вполне справедливо, если поощритъ необычайно трудолюбиваго автора и, увѣнчавъ книгу его малою Уваровскою преміей, тѣмъ дастъ ему возможность выпустить въ свѣтъ на свои средства и слѣдующій второй томъ столь широко задуманнаго и полезнаго труда».

III.

Разрядные дьяки XVI вѣка. Изслѣдованіе привать-доцента Н. П. Лихачева.

Въ изученіи внутренняго быта Россіи въ эпоху, предшествовавшую реформамъ Петра Великаго, весьма важный пробѣлъ составляетъ неразработанность исторіи Приказовъ — какъ органовъ, въ которыхъ главнѣйшимъ образомъ сосредоточивалась административная дѣятельность Московскаго государства. Въ сознаніи необходимости для успѣховъ нашей исторической науки восполненія этого пробѣла Академія предприняла, по плану покойнаго Академика Калачова, изданіе, на основаніи документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, *Актовъ Московскаго Государства*, первый томъ которыхъ выпущенъ въ свѣтъ въ началѣ этого года. Къ пополненію-же указаннаго выше пробѣла дадутъ нѣкоторые матеріалы и монографія г. Лихачева.

Полезное содѣйствіе въ оцѣнкѣ этого сочиненія оказалъ комиссіи профессоръ Казанскаго университета Н. П. Загоскинъ, составленною имъ, по приглашенію Академіи, рецензією труда г. Лихачева.

Пр. Загоскинъ справедливо замѣчаетъ, что тема, избранная г. Лихачевымъ, должна быть признана неблагодарною. Книга является обреченною на преждевременное забвеніе; научные результаты ея (разумѣя подъ наукою не сводъ отрывочныхъ архивныхъ и генеалогическихъ выписокъ, но извѣстные обобщенія матеріала, дающія тѣ или иные выводы, положенія и новыя данныя) должны быть признаны незначительными: нѣсколько именъ разрядныхъ дьяковъ, съ указаніемъ времени «сидѣнія» ихъ въ Разрядномъ приказѣ, нѣсколько соображеній относительно времени и порядка составленія «Государева родословца» — вотъ научные результаты, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе г. Лихачева. Съ точки зрѣнія наконецъ источниковъ, тема г. Лихачева является неблагодарною уже по тому, что самый матеріалъ, который можетъ привести въ предѣлахъ данной темы къ интереснымъ научнымъ выводамъ — крайне скуденъ.

Переходя къ ближайшему разсмотрѣнію книги г. Лихачева профессоръ Загоскинъ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ отдѣльныя главы изслѣдованія доц. Лихачева: «въ первой главѣ

авторомъ разсмотрѣны весьма подробно вопросы какъ о времени возникновенія Приказовъ, такъ и о томъ, устроены-ли были Приказы на бюрократическомъ или коллегіальномъ началѣ, причемъ, оговорившись относительно того обстоятельства, что многіе приводимые факты могутъ показаться недостаточными или произвольно истолкованными, и справедливо оправдывая себя тѣмъ, что безъ гипотезъ и вѣроятныхъ объясненій нельзя обойтись въ изслѣдованіи,—г. Лихачевъ заканчиваетъ эту главу вполне вѣрнымъ положеніемъ, что «многое въ исторіи Приказовъ, сравнительно съ существующими мнѣніями, должно быть отодвинуто на значительное число лѣтъ назадъ».

Во II главѣ г. Лихачевъ вводитъ читателя въ область вопроса о времени образованія Разряднаго приказа, возстановляетъ по разряднымъ книгамъ конца первой половины XVI в. (1535—1537 г.) древнѣйшее свидѣтельство о личномъ составѣ этого учрежденія и характеризуетъ интересными соображеніями крупное государственное и общественное значеніе приказнаго дьячества, которое въ XVI в. по преимуществу выходило изъ неродословнаго служилого класса, въ противоположность боярству.

Касаясь ранней исторіи Приказовъ въ XVI в., по свидѣтельству Флетчера, носившихъ наименованіе «Четвертей», г. Лихачевъ замѣчаетъ, что «первоначальная исторія Приказовъ покрыта непроницаемымъ туманомъ; это даетъ, конечно, поводъ къ всевозможнымъ предположеніямъ и домысламъ въ области этого вопроса, тѣмъ болѣе, что Приказы не были создаваемы государствомъ, какъ создавались впоследствии коллегіи и министерства, но вырабатывались самою жизнью, созидались и развивались такъ же постепенно, какъ шагъ за шагомъ выросло и само государство». По мнѣнію рецензента, здѣсь-то и слѣдуетъ искать исходную точку образованія Приказовъ, а не въ накопленіи дѣлъ въ Думской канцеляріи, тѣмъ болѣе, что ни о какой Думской «канцеляріи» мы свѣдѣній не имѣемъ даже и отъ XVII вѣка, и что самая организація государственной Думы, прошедшая — то стадію фактическаго совпаденія ея личнаго состава съ личнымъ составомъ старшей дружины княжеской, то — стадію думы «самъ третей у постели», окончательную организацію свою, съ которою и продолжала существовать въ теченіе всего XVII вѣка, получаетъ лишь при Юаннѣ IV. Профессоръ Загоскинъ по этому поводу замѣчаетъ, что не думные дьяки, въ смыслѣ начальниковъ приказовъ, выдѣлились изъ государственной Думы, но наоборотъ, дьяки, какъ начальники приказовъ, были

введены въ личный составъ думы, получивъ наименованіе «думныхъ».

Въ III главѣ г. Лихачевъ дѣлаетъ удачную—по мнѣнію проф. Загоскина—попытку, на основаніи современныхъ официальныхъ документовъ возстановить личный составъ Разряда съ 1537 по 1565 г.; остальная и значительнѣйшая часть III главы заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе нѣкоторыхъ письменныхъ памятниковъ, въ которыхъ выражалась дѣятельность Разряда. Авторъ не задается трудно-выполнимою, при настоящемъ положеніи источниковъ и ихъ разработки, задачею изслѣдованія *всѣхъ* остатковъ дѣлопроизводства Разряднаго Приказа, но останавливается лишь на *разрядныхъ книгахъ, государевомъ родословцѣ* и, отчасти, на *книгахъ боярскихъ и десятиахъ*.

Этотъ отдѣлъ сочиненія г. Лихачева рецензентъ признаетъ наиболѣе выдающеюся частью книги. Составляя почти половину всего ея текста, онъ носитъ характеръ самостоятельнаго изслѣдованія и не потерялъ бы ни своей цѣны, ни своего значенія, будучи выдѣленъ изъ книги въ видѣ отдѣльной монографіи. Правда, въ общія рамки сочиненія г. Лихачева этотъ отдѣлъ какъ-бы искусственно втиснуть, вслѣдствіе чего и выдѣляется яркими красками на общемъ фонѣ труда автора. Дѣйствительно, задача книги г. Лихачева — изслѣдованіе о разрядныхъ дьякахъ XVI в.; къ возстановленію ихъ и ведетъ вся, проходящая черезъ книгу, нить кропотливыхъ изслѣдованій автора. И вдругъ на 284-й стр. нить эта порывается вплоть до стр. 452-й съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто монографическому изслѣдованію о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ, едва ли имѣющему что нибудь общее съ основными результатами, преслѣдованіемъ которыхъ задался авторъ. Хотя это монографическое изслѣдованіе органически не сплочено съ остальною частью книги, тѣмъ не менѣе рецензентъ «далекъ отъ мысли укорять этимъ автора, такъ какъ трактатъ о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ составляетъ истинное украшеніе книги г. Лихачева».

Наконецъ IV главу своего изслѣдованія г. Лихачевъ посвящаетъ почти исключительно возстановленію преемственности разрядныхъ дьяковъ, сидѣвшихъ въ Разрядѣ съ 1566 по 1622 г., причемъ самъ оговаривается, что его сводъ дьяковъ за указанный періодъ времени «конечно будетъ отличаться неполнотою, а весьма вѣроятно и ошибками».

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ весь трудъ г. Лихачева и пройдя

по нити его кропотливыхъ изслѣдованій, проф. Загоскинъ признаетъ, что молодой ученый, подавленный съ одной стороны безпредѣльнымъ богатствомъ, а съ другой — отрывочностью архивныхъ матеріаловъ и къ тому же стѣсненный временемъ, отвлекся съ первоначальнаго пути своихъ занятій, а потому постепенно суживаетъ и урѣзываетъ предѣлы своей работы, ограничивая ее въ концѣ концовъ до возстановленія списка приказныхъ дьяковъ одного лишь Разряднаго Приказа въ XVI в. или, вѣрнѣе, до конца смутнаго времени. Этимъ происхожденіемъ изслѣдованія объясняются особенности книги и ея недостатки, большая часть которыхъ вполне ясно сознается самимъ авторомъ. Г. Лихачевъ самъ заявляетъ, что книга его «должна вызвать упреки въ *мозаичности, неравнолѣтной обработкѣ частей, въ сухости изложенія и игнорированіи иногда важныхъ сторонъ вопросы*»; онъ, далѣе, вполне чистосердечно признаетъ, что виною только-что указаннаго недостатка является «*мелочность и отрывочность тѣхъ, почерпнутыхъ въ разнообразныхъ источникахъ, фактовъ и указаній, изъ которыхъ приходилось составлять связное цѣлое*». Всѣ эти нареканія, предъявляемая авторомъ по собственному адресу — вполне справедливы и доказываютъ безпристрастность г. Лихачева къ самому себѣ.

Въ этой же причинѣ коренится разбросанность содержанія: въ послѣдовательности изложенія не всегда легко ориентироваться, благодаря массѣ черезъ чуръ ужъ мелочныхъ деталей, въ родѣ родословій и біографій цѣлаго ряда дьяковъ и выписокъ, часто имѣющихъ ничтожное значеніе для цѣлей изслѣдованія (напримѣръ цѣлыя мѣстныя дѣла); отъ этого изслѣдованіе г. Лихачева принимаетъ мѣстами характеръ конгломерата болѣе или менѣе мелочныхъ фактовъ и объемистыхъ выписокъ, ничего не доказывающихъ и не выясняющихъ, или же такихъ, вся доказательная сила которыхъ можетъ быть сведена къ нѣсколькимъ словамъ или къ простой цитатѣ. Обиліе эпизодическихъ вставокъ, въ особенности родословныхъ, только утомляетъ читателя и вредитъ цѣлостности изложенія, испещряя его кучею лишняго и часто микроскопически ничтожнаго матеріала.

Долго не останавливаясь однако же на томъ, что и какъ *могло бы быть сдѣлано* изслѣдователемъ, проф. Загоскинъ, обращается къ тому, что *дѣйствительно сдѣлано* г. Лихачевымъ, и говоритъ въ заключеніи своего разбора: «Мы знаемъ, что первоначальная исторія Приказовъ, бывшихъ главными движущими рычагами русскаго

государственного механизма XVI—XVII вѣковъ, скрыта отъ глазъ историка и что, при настоящемъ положеніи источниковъ, только усиленные архивныя изысканія могутъ еще дать надежду на то, что этотъ темный вопросъ русской историко-юридической науки будетъ хотя отчасти освѣщенъ. Но для того, чтобы разобраться въ массѣ подавляющаго архивнаго матеріала и воспользоваться имъ для указанной цѣли, необходимо имѣть возможность смѣло относить данный архивный актъ къ тому или другому приказному вѣдомству, а для этого, въ свою очередь, приходится пользоваться указаніями дьячьиыхъ скрѣпъ. И такъ — прежде всего, надо имѣть списки, каталоги приказныхъ дьяковъ, расположенные какъ по отдѣльнымъ Приказамъ, такъ и въ алфавитномъ порядкѣ. Никто изъ лицъ, знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ источниковъ XV—XVI вѣковъ и съ положеніемъ нашихъ государственныхъ архивовъ, не станетъ спорить противъ того, что выполнение этой задачи — есть вопросъ весьма далекаго будущаго».

Съ попыткою разъясненія этой задачи впервые на научное прище и выступилъ г. Лихачевъ, «еще молодой, но несомнѣнно талантливый и трудолюбивый ученый», въ своемъ «крупномъ» печатномъ трудѣ «Разрядные дьяки XVI вѣка»... «Мы должны чисто-сердечно признать, утверждаетъ пр. Загоскинъ, что въ предѣлахъ возможнаго и въ границахъ поставленной себѣ задачи — г. Лихачевъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, для выясненія выдвинутаго имъ вопроса. Не вина г. Лихачева, если результаты его изысканій дали менѣе того, на что онъ, по всей вѣроятности, самъ рассчитывалъ. Тѣмъ не менѣе г. Лихачеву удалось возстановить три состава Разряднаго Приказа (1535—1537 г.г., 1549-й и 1555—1556 г.г.) и предложить хронологическую таблицу разрядныхъ дьяковъ за промежутокъ времени съ 1535-го по 1612 годъ, которая, если и не совершенно достовѣрна, то, во всякомъ случаѣ, значительно облегчитъ трудъ будущаго историка Разряда. Далѣе авторъ прекрасно освѣтилъ современное положеніе вопроса о разрядныхъ и родословныхъ книгахъ, являющихся въ числѣ важнѣйшихъ результатовъ дѣятельности Разряда. Наконецъ авторъ собралъ въ своей книгѣ богатый и цѣнный архивный матеріалъ, надлежащимъ образомъ освѣщенный и комментированный».

«Къ положительнымъ сторонамъ книги г. Лихачева, продолжаетъ рецензентъ, слѣдуетъ отнести: рѣдкое по добросовѣстности отношеніе къ источникамъ и задачамъ своего труда; умѣлое прилженіе аналитическаго метода, освѣщеннаго надлежащими кри-

тическими приёмами; необычайную, доходящую до педантичности, аккуратность въ цѣпатахъ, наконецъ — громадное трудолюбіе и поражающее упорство труда. Читая книгу г. Лихачева, невольно вспоминаешь научные приемы покойныхъ М. П. Погодина, К. А. Неволина, И. Д. Бѣляева, В. И. Лешкова и современныхъ имъ славныхъ представителей историческаго знанія, давшихъ могучій толчекъ развитію русской исторической и историко-юридической науки. Мы убѣждены, что въ томъ случаѣ, если г. Лихачевъ не будетъ вовлеченъ въ слишкомъ узкія рамки будущихъ работъ своихъ, если онъ будетъ шире ставить задачи ихъ и не обратится въ исключительно архивнаго труженика, подготовляющаго камни для зодчаго-созидателя (чего мы сильно опасаемся), — русская историческая наука вправѣ многого ожидать впереди отъ молодого ученаго».

«Вотъ почему, заканчивая пр. Загоскинъ свою рецензію, мы не безъ искренняго сожалѣнія останавливаемся передъ многократными обѣщаніями г. Лихачева въ его книгѣ, посвятить ближайшіе труды свои одностороннимъ генеалогическимъ изысканіямъ; мы опасаемся, что молодой авторъ, увлекшись подобными детальными работами, — въ значительной степени сказавшимися уже въ разобранной книгѣ, — не приучится къ историческимъ обобщеніямъ, не приобрететъ надлежащей широты историческаго взгляда, что онъ — употребимъ нѣсколько банальное, но мѣткое выраженіе — разбѣиваетъ трудъ свой на мелочь. . . А это было бы очень жаль, ибо хотя изслѣдованіе: «Разрядные дѣякія XVI-го вѣка» и не представляетъ собою труда, который составилъ бы эпоху въ русской исторической наукѣ, оно тѣмъ не менѣе является вполне почтеннымъ трудомъ».

IV.

Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ. Ч. I. Кіевъ 1889. П. Житецкаго.

Основаніемъ для постановленія приговора объ этомъ сочиненіи послужилъ для комиссіи подробный разборъ, написанный, по приглашенію ея, профессоромъ Новороссійскаго университета Кочубинскимъ.

Новый филологическій трудъ г. Житецкаго, уже раньше обратившаго на себя вниманіе опытомъ изученія южной отрасли русскаго языка, посвященъ той-же области — изслѣдованію нетронутого и поучительнаго вопроса о матеріальномъ составѣ литературнаго языка южно-русскихъ писателей XVII вѣка, особенно его второй половины.

Несмотря на сухость избранной темы, г. Житецкій, по отзыву рецензента, сумѣлъ оживить анализъ книжной малорусской рѣчи въ цѣломъ ея составѣ тѣмъ, что изъ XVII столѣтія онъ постоянно обращается то къ болѣе древнему, то къ новому времени. Центромъ изслѣдованія остается по преимуществу книжный южно-русскій языкъ XVII в., но «авторъ пользуется срединною позиціею, чтобы то опускаться въ глубь исторіи южно-русскаго языка и слѣдить за моментами формаціи этой лингвистической особи, то подыматься въ область живыхъ говоровъ и чрезъ очную ставку съ данными старины дать отдѣльнымъ явленіямъ ихъ историческое обоснованіе». Благодаря этому приему, какъ замѣчаетъ проф. Кочубинскій, книга г. Житецкаго отнюдь не сводится къ однообразному и сухому стилистическому обзору слоевъ въ литературномъ южно-русскомъ языкѣ XVII вѣка, но представляетъ живое обозрѣніе: 1) элементовъ общихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ; 2) элементовъ общерусскихъ, и 3) элементовъ частныхъ, обуславливающихъ самое право южно-русской рѣчи на значеніе крупной особи въ русской семьѣ. «Тщательно произведенная эта операція рукою свѣдущей и привычною составляетъ прямое пополненіе къ первому труду автора по статикѣ малорусскаго нарѣчія»

Признавая, что «въ общемъ новый трудъ г. Житецкаго производитъ впечатлѣніе благоприятное, вполне отвѣчая интересамъ исторіи нашего литературнаго языка анализомъ состоянія послѣдняго въ переходную эпоху XVII в. и подготовкою матеріала для этой исторіи», ученый рецензентъ оговаривается, что авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, съ которою проф. Кочубинскій лично никогда не могъ-бы согласиться. «Наше несогласіе, продолжаетъ рецензентъ, касается какъ *credo* автора, гдѣ начинается «литературная исторія малорусскаго нарѣчія», такъ и отдѣльныхъ пунктовъ лингвистическаго характера». По убѣжденію г. Житецкаго, письменное употребленіе малорусскаго языка начинается не то съ XVI (вторая половина), не то съ XVII столѣтія: съ XVI, если принять за эру такъ называемое Пересопницкое Евангеліе, и съ XVII — если принять за исходную точку языкъ изученныхъ авторомъ писателей, учи-

нившихъ какъ бы компромисъ между устарѣвшимъ «славянскимъ языкомъ» и народною «мовою»; первую же причину введенія народнаго языка въ книгу является, по мнѣнію г. Житецкаго, появленіе протестанства на Литвѣ, открывшаго всюду литературное броженіе. «По нашему крайнему убѣжденію, говоритъ рецензентъ, г. Житецкій построилъ всю теорію о связи начала литературной исторіи малорусскаго нарѣчія съ идеями реформаціи на чисто субъективномъ пониманіи эпохи, на искусственномъ освѣщеніи литературныхъ фактовъ родной старины», такъ какъ «памятники якобы сознательнаго употребленія малорусскаго нарѣчія, въ которыхъ авторъ ищетъ опоры для себя, говорятъ противъ, будучи въ языкѣ своемъ тѣсно связаны съ литературною старинной, никакого касательства съ идеями реформаціи не имѣющей». Проф. Кочубинскій, съ своей стороны, утверждаетъ, что «южно-русская рѣчь стала заявлять о себѣ, проявлять себя уже съ первыхъ литературныхъ памятниковъ юга; съ дальнѣйшимъ развитіемъ письменнаго дѣла она чувствуется сильнѣе и сильнѣе, выходитъ за предѣлы родной территоріи (въ Молдавію) и выливается наконецъ въ пестрый, но все-таки болѣе или менѣе опредѣлительный комплексъ звуковыхъ, морфологическихъ и лексическихъ особенностей — въ печатныхъ и рукописныхъ произведеніяхъ конца XVI и начала XVII вѣка». Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ проф. Кочубинскій, «это прогрессивное проявленіе въ книгѣ мѣстной этнической струи юга не было дѣломъ сознательнаго уговора на сторонѣ. Здѣсь не было какого-либо личнаго почина, не было какихъ-либо реформаторовъ соціально-политическихъ условій жизни: тутъ работала сама жизнь. Христіанская культура, явившаяся къ предкамъ нашимъ на территорію Днѣстра-Днѣпра въ благодатно прогрессивной формѣ національной церкви съ народнымъ языкомъ, положила начало этому, а самый строй славянской церкви оказалъ на исторію Европы IX — X вв. такое же дѣйствіе, какое шесть или семь столѣтій спустя проповѣдь нѣмецкихъ протестантовъ: онъ вызвалъ къ жизни національную стихію, ввелъ языкъ простолюдина въ книгу.

Сопоставляемые проф. Кочубинскимъ въ его рецензіи, на основаніи извлеченій изъ церковно-славянскихъ старинныхъ текстовъ, лингвистическіе факты приводятъ его къ заключенію, что въ южно-русской письменности старый литературный языкъ — церковно-славянскій — къ концу XVI вѣка выродился и преобразился въ новый — національнаго характера. Но «предоставленный одному

навыку, преданію, безъ какой либо школы, которая въ состояніи была бы регулировать приемы письменнаго выраженія, и потому непослѣдовательный, шероховатый, а главное беззащитный, совсѣмъ открытый для дѣйствія на него центробѣжной силы мѣстныхъ говоровъ, языкъ этотъ былъ въ опасности расплыться. Это тяжелое положеніе его еще болѣе усиливалось отъ появленія на боку у него языка польскаго съ польскою государственною идеей, намѣтившею, какъ свою первую жертву, церковь съ ея вѣковымъ языкомъ. Вышніе слои уже полячились, за ними всѣ, считавшіе себя образованными; все привыкало говорить, писать и мыслить по польски, отбрасывая родное преданіе, какъ вещь, пришедшую въ негодность. И тѣмъ не менѣе, преданіе—старый литературный языкъ—не погибло: явилось у него подкрѣпленіе, и старый языкъ, обновленный, приведенный въ порядокъ, пройдя рядъ поправокъ, сталъ единымъ литературнымъ языкомъ всей Русской земли».

Это подкрѣпленіе, по словамъ пр. Кочубинскаго, «явилось въ лицѣ школы, а за нею — руководство для регуляціи письменнаго языка, составившихся по указанію грамматикъ класическихъ языковъ». Во главѣ регуляторовъ литературнаго языка долженъ быть безспорно поставленъ Мелетій Смотрицкій, дѣйствовавшій въ такую благовременную пору, какъ начало XVII столѣтія, при самой организаціи школьнаго дѣла, и породившій цѣлую плеяду литературныхъ дѣятелей, произведенія которыхъ, «внеся стиль съ опредѣленіемъ границъ славянскаго и родного элементовъ, составляютъ замѣчательный моментъ въ исторіи сложной выработки современнаго нашего литературнаго языка».

Г. Житецкій посвящаетъ Мелетію и его знаменитой Синтагмѣ цѣлую главу и, по мнѣнію ученаго рецензента, совершенно справедливо, — «ибо мы и сегодня, учась грамотѣ, живемъ знаменитымъ нашимъ филологомъ десятихъ годовъ XVII столѣтія». Тѣмъ не менѣе, хотя г. Житецкій въ своей книгѣ и разсматриваетъ подробно грамматическія положенія Мелетія, однако, поставивъ въ началѣ своего труда прекрасное правило: «при оцѣнкѣ всякаго умственнаго труда не нужно забывать хронологіи», онъ самъ же противъ этой заповѣди и погрѣшаетъ; очерчивая научную сторону Синтагмы Мелетія и взводя на слависта начала XVII в. обвиненіе «въ неумѣіи отличить русскаго искаженія отъ настоящихъ чертъ церковно-славянскаго языка», г. Житецкій становится, по отзыву рецензента, на аяти-историческую точку зрѣнія, — тогда какъ проф. Кучубинскому Мелетій со своею Синтагмою представляется Добровскимъ

XVII вѣка: «оба они работали по однимъ источникамъ — памятникамъ средняго времени, при болѣе или менѣе общемъ критеріи текстовъ русской рѣчи; оба одинаково примѣняли къ славянскому языку современную имъ грамматическую науку, оба одинаково и любили свое дѣло, своего избранника, оба одинаково и ошибались».

Покончивъ съ литературною жизнью южно-русскаго языка въ XVII в., какъ она представлена г. Житецкимъ, почтенный рецензентъ переходитъ къ лингвистической части разбираемой книги, къ разбору сдѣланнаго изслѣдователемъ анализа стиля. Критическое обозрѣніе этой части труда г. Житецкаго проф. Кочубинскій снабжаетъ многочисленными экскурсами въ область самостоятельныхъ изслѣдованій и подвергаетъ обстоятельной провѣркѣ выставленныя г. Житецкимъ положенія; такая критика приводитъ рецензента къ окончательному выводу, что книга г. Житецкаго вообще говоритъ *въ пользу* трудолюбиваго изслѣдователя; впечатлѣніе это, къ сожалѣнію, ослабляется тѣмъ, что «авторъ двоился предъ двойною задачею — быть въ одно и то же время оригинальнымъ историкомъ и скромнымъ лингвистомъ, имѣя полное право на второе и слабое на первое».

«Увлеченный своимъ субъективизмомъ въ вопросахъ исторіи, авторъ, по словамъ пр. Кочубинскаго, явленія побочныя подымаетъ на несоотвѣтственную высоту и строитъ цѣлую систему безъ точнаго обоснованія. Выѣстъ съ этимъ читатель не можетъ не отмѣтить: излишнюю зависимость автора отъ пособій тамъ, гдѣ рѣшающее значеніе могутъ имѣть одни источники, и въ то же время неправильное отношеніе къ предмету, который одинъ имѣетъ громадное контролирующее и выясняющее въ научныхъ работахъ по вопросамъ изъ исторіи русскаго языка значеніе — къ исторіи славянскихъ языковъ. Замѣтитъ читатель также мѣстами какую-то спѣшность изложенія, отчего авторъ то попадаетъ въ крайне неловкое положеніе въ характеристикѣ того или другаго явленія, то является неточнымъ въ самомъ своемъ языкѣ, то, не замѣчая самъ, увлекается въ далекія экскурсіи».

Но, говорить пр. Кочубинскій въ заключеніе своей рецензіи, «принимая во вниманіе, что стилистическое изслѣдованіе г. Житецкаго по предмету столь интересному, какъ матеріальный составъ русскаго литературнаго языка у писателей юга, въ XVII столѣтіи, представляетъ опытъ новый, безъ предшественниковъ, и по серьезному отношенію автора къ нему — опытъ, имѣющій занять свое мѣсто въ исторіи разработки нашего литературнаго языка;

принимая, затѣмъ, въ соображеніе, извѣстную начитанность автора въ области своего предмета, умѣнье правильно оживить свой однообразный матеріалъ справками съ этнографіей и литературной стариной, критическій тактъ, умѣнье разбираться среди массы мелкихъ стилистическихъ фактовъ, въ пестротѣ найти систему, — рецензентъ поручаетъ новый филологическій трудъ пытливаго изслѣдователя старины нашего юга вниманію Академіи Наукъ. Рецензентъ надѣется, что одобрительное, а потому ободряющее отношеніе Академіи къ труду скромнаго дѣятеля на полѣ отечественной науки укрѣпитъ въ немъ силы для новыхъ работъ.

По присужденіи наградъ комисія, во изъявленіе признательности за содѣйствіе, оказанное ей при опѣнкѣ конкурсныхъ сочиненій, положила выразить глубочайшую признательность отъ имени Академіи постороннимъ ученымъ, причемъ назначила установленныя для рецензентовъ золотыя Уваровскія медали: приватъ-доценту Спб. университета Вольтеру, профессору Варшавскаго университета Будиловичу, исправляющему должность хранителя Московской оружейной палаты Павлинову, профессору Харьковскаго университета Багалю, профессору Одесскаго университета Кочубинскому, профессору Московскаго университета Павлову, профессору Казанскаго университета Загоскину, извѣстному бібліографу Пономареву (въ Конотопѣ) и профессору Московской Духовной Академіи Субботину.

I.

СОЧИНЕНІЯ ПРОФЕСОРА П. В. ВЛАДИМІРОВА: А. ЖИТІЕ СВ. АЛЕКСѢЯ, ЧЕЛОВѢКА БОЖІЯ.

(Оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1887 годъ, стр. 18).

В. ДОКТОРЪ ФРАНЦИСКЪ СКОРИНА, ЕГО ПЕРЕВОДЫ, ПЕЧАТНЫЯ ИЗДАНІЯ И ЯЗЫКЪ.

Спб. 1888 г. стр. XXVI + 351.

Рецензія професора А. Будиловича.

Разсмотрѣвъ по порученію Академіи представленныя на Уваровскій конкурсъ 1889—1890 г. два сочиненія проф. Владимірова, честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Академіи отзывъ о каждомъ изъ этихъ сочиненій.

Первое изъ нихъ посвящено изданію и краткой характеристикѣ западно-русскаго Житія св. Алексѣя, находящагося въ одномъ изъ Сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки (подъ шифромъ: Q. 1. 391) конца XV или начала XVI в. Изъ предпосланныхъ изданію этого любопытнаго памятника историко-литературныхъ справокъ мы узнаемъ, что Житіе это по содержанию не отличается отъ латинской легенды о св. Алексѣѣ въ извѣстномъ сборникѣ XIII в. *Legenda Aurea* Якова à Воррагине, но по языку примыкаетъ непосредственно къ чешскому переложенію этой латинской легенды, сохранившемуся въ спискахъ XIV—XV вв., слѣдовательно принадлежитъ къ небольшому числу русскихъ памятниковъ, возникшихъ подъ чешскимъ вліяніемъ, въ періодъ утраквизма и чешскобратства. Такъ какъ Сборникъ, заключающій на-ряду съ западно-русскимъ переводомъ Никодимова евангелія и Повѣсти о трехъ волхвахъ означенное Житіе св. Алексѣя, не имѣетъ хронологической даты, которая стерта чьей-то рукой¹⁾, то время его возникновенія при-

¹⁾ Нельзя-ли возстановить ее химическимъ способомъ?

ходится опредѣлять разными палеографическими соображеніями. Водяные знаки бумаги этого Сборника, по наблюденію проф. Владимірова, похожи на встрѣчаемые въ бумагахъ нѣмецкихъ фабрикъ XV в. Если наблюденіе это вѣрно, то Сборникъ долженъ былъ возникнуть въ концѣ XV или въ началѣ XVI в., подобно сходному Сборнику Московской Синодальной Библіотеки, заключающему въ себѣ тотъ же западно-русскій переводъ Никодимова евангелія и Повѣсти о трехъ волхвахъ, но не содержащему въ себѣ Житія св. Алексѣя. А такъ какъ оригиналъ этихъ двухъ списковъ долженъ былъ появиться нѣсколько ранѣе послѣднихъ, то довольно вѣроятно приуроченіе его авторомъ къ концу XV в.

Текстъ Житія изданъ авторомъ (9—14 стр.) съ полною палеографическою точностью и снабженъ подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ отмѣчены ошибки и пропуски этого списка, по сравненію его съ легендою латинскою, ея чешскимъ переложеніемъ и нѣсколько иной редакціей (по *Gesta Romanorum*) польскаго Житія того же святого.

Послѣднія семь страницъ статьи посвящены характеристикѣ языка новоизданнаго памятника въ отношеніяхъ: графическомъ, фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ, причемъ въ краткомъ словоуказателѣ къ Житію приведены соотвѣтственныя слова или обороты латинскіе, чешскіе, кое-гдѣ польскіе и даже нѣмецкіе, съ нѣкоторыми дополнительными параллелями изъ словарей Памвы Берывды, Юнгмана, Линде, Носовича, Желеховскаго, Даля и н. др. Характеристика эта не претендуетъ на исчерпывающую полноту. Въ приложенномъ словоуказателѣ напр. могли бы найти себѣ мѣсто такія слова, какъ: злакалесе, кликала, мѣшкати, панна, покормѣ, посполный, теремъ, хусты и т. п., не включенныя въ него авторомъ. Точно такъ и въ грамматическомъ обзорѣ памятника отмѣчены далеко не всѣ своеобразныя его особенности. Но эти пробѣлы легко могутъ быть восполнены читателемъ, на основаніи изданнаго текста Житія. Не вполне разъясненъ авторомъ и діалектическій характеръ языка этого памятника, происхожденіе и относительная сила въ немъ вліяній чешскихъ и польскихъ, церковно-славянскихъ, актовъ-западно-русскихъ, живыхъ бѣлорусскихъ и т. п. Но быть можетъ болѣе опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы будетъ представленъ авторомъ позже, при изданіи и описаніи двухъ остальныхъ частей этого Сборника, весьма интереснаго не только по содержанію и происхожденію (съ чешскаго), но и по столь раннему примѣненію въ легендарной литературѣ одного изъ

живыхъ русскихъ говоровъ, хотя и въ смѣшеніи съ формами, а еще болѣе словами языковъ родственныхъ.

Хотя личность и дѣятельность Франциска Скорины болѣе ста лѣтъ уже обращаетъ на себя вниманіе нашихъ библіографовъ, историковъ церкви и литературы, между которыми мы встрѣчаемъ имена Добровскаго и Копитара, Линде и Вишневскаго, митропол. Евгенія и Кеппена, архіеп. Филарета и Макарія, Головацкаго, Викторовова, Каратаева и мн. др., тѣмъ не менѣе вопросъ о происхожденіи, характерѣ и историческомъ значеніи трудовъ западно-русскаго первопечатника и переводчика библии представляетъ много загадочнаго, такъ что исчерпывающее его изученіе и изложеніе давно уже составляло одну изъ существенныхъ задачъ и живыхъ потребностей нашей ученой литературы. Выполненіе этой задачи, при всей кажущейся ея простотѣ и легкости, существенно было затрудняемо чрезвычайною скудостію біографическихъ свѣдѣній о Скоринѣ, для восполненія которыхъ необходимо дѣлать кропотливыя разысканія въ Полоцкѣ, Вильнѣ, Краковѣ, Прагѣ, гдѣ онъ проживалъ въ разное время и гдѣ могли слѣдовательно остаться въ разнаго рода актахъ и записяхъ указанія на его личность или, по крайней мѣрѣ, на тѣ культурныя и общественныя условія, которыя опредѣлили его роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Не малую трудность при изученіи книжнаго наслѣдія Скорины представляло и то обстоятельство, что оно разбросано по частямъ въ библіотекахъ не только русскихъ, но и заграничныхъ, такъ что даже Императорская Публичная Библіотека не можетъ удовлетворить научнымъ потребностямъ изслѣдователя, особенно если бы онъ вознамѣрился изучать дѣятельность Скорины сравнительнымъ путемъ, въ рамкахъ общеевропейскаго книгопечатнаго и вѣроисповѣднаго движенія первыхъ десятилѣтій XVI вѣка. А такъ именно и понялъ свою задачу въ озаглавленномъ сочиненіи проф. Владиміровъ, вслѣдствіе чего книга его заслуживаетъ серіознаго вниманія, какъ первый опытъ всесторонняго изученія жизни и дѣятельности Скорины. Посмотримъ же, насколько удалось автору разрѣшить эту задачу или, по крайней мѣрѣ, приблизить науку къ ея разрѣшенію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Книга проф. Владимірова раздѣлена имъ на двѣ части, изъ которыхъ первая озаглавлена: *Скорина, ея печатныя изданія и переводы*, вторая же: *Языкъ Скорины*; но вѣрнѣе бы разбить ее по содержанию на три отдѣла: I. Біографія Скорины, на общемъ фонѣ западно-русской общественной жизни XVI в. (стр. 1—67); II. Библіографи-

ческий и историко-литературный обзоръ его изданій и переводовъ въ связи съ ихъ вліяніемъ на дальнѣйшій ростъ русскаго просвѣщенія (68—246), и III. Разсмотрѣніе языка изданій и переводовъ Скорины (247—320). Въ предисловіи къ сочиненію мы находимъ еще обзоръ литературы о Скоринѣ (I—XXVI), а въ примѣчаніяхъ нѣкоторые документы и выписки изъ текстовъ Скорины, сравнительно съ другими имъ родственными (321—351).

Въ обзорѣ литературы о Скоринѣ авторъ представилъ не голый перечень научныхъ статей и замѣтокъ о немъ, начиная съ Бакмейстера и кончая Викторовымъ и Каратаевымъ, но и критическую оцѣнку высказанныхъ до него взглядовъ на Скорину. Если присоединить къ этому вводному очерку многочисленныя и нерѣдко обстоятельныя экскурсіи въ литературу о Скоринѣ въ дальнѣйшихъ главахъ сочиненія, то слѣдуетъ признать, что авторъ исчерпалъ свою тему съ этой стороны и доставилъ читателю легкую возможность по каждому частному вопросу обозрѣвать всю совокупность сдѣланныхъ въ разное время отвѣтовъ и такимъ образомъ выдѣлить личный вкладъ нашего автора отъ научныхъ домысловъ прежнихъ изслѣдователей.

Переходя отъ введенія къ первому, біографическому отдѣлу изслѣдованія о Скоринѣ, мы прежде всего останавливаемся на набросанномъ авторомъ очеркѣ нравственной, религіозной и умственной жизни западно-руссовъ XV—XVI вв., какъ общемъ фонѣ для нанесенія затѣмъ на него событій жизни Скорины. Составленіе этого очерка представляло не малыя трудности какъ по слабой разработкѣ внутренней исторіи западной Руси того времени, такъ и по необходимости изучать ее во взаимодѣйствіи съ тогдашнею общественною и литературною жизнію Польши, Чехіи, даже Германіи. И хотя авторъ воспользовался не только историческими изслѣдованіями по этому предмету Соловьева, Макарія, Бестужева-Рюмина, Васильевского и мн. др., но и многими западно-русскими актами той эпохи, однако очеркъ вышелъ у него блѣдный, отрывистый, неполный. Одна изъ причинъ этой бѣдности заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что авторъ не сосредоточилъ своего вниманія на первыхъ десятилѣтіяхъ XVI в., когда собственно сложились взгляды Скорины и развернулась его писательская дѣятельность, а вмѣсто того разбросался на два почти вѣка западно-русской жизни, представляющіе слишкомъ ужъ широкое полотно для такой въ сущности малой картины, какъ портретъ Скорины, хотя бы и во весь ростъ. Для біографіи послѣдняго авторъ могъ воспользоваться лишь

незначительной частью собраннаго въ этомъ вводномъ очеркѣ матеріала. Даже дѣятельность западно-русскихъ братствъ, на которой онъ остановился съ болѣею подробностію, въ сущности вовсе не касается Скорины, при жизни котораго братства эти были еще въ тѣсномъ смыслѣ цеховыми, «медовыми» ассоціаціями, для устройства праздничныхъ взаимоугощеній и нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ цѣлей, но вовсе не занимались еще ни типографіями, ни школами, ни вѣроисповѣдною борьбою, какъ это видимъ въ послѣдствіи, со второй половины XVI в. Мало отношенія къ Скоринѣ имѣеть и нарисованная авторомъ — притомъ весьма густыми красками — картина нравственнаго упадка западно-русскаго духовенства, противопоставляемаго въ этомъ отношеніи горожанамъ или мѣщанамъ, въ которыхъ авторъ видитъ настоящихъ представителей «нравственно-религіознаго и умственнаго развитія юго-западной (sic) Россіи въ концѣ XV и въ началѣ XVI в.» (1-й тезисъ положеній къ докторскому диспуту автора). Такъ какъ Скорина вышелъ не изъ духовной, а изъ мѣщанской среды, то характеристика западно-русскаго клира XVI в. лишь косвенно относится къ его біографіи. Важнѣе однако то, что эта характеристика никакъ не можетъ быть признана вѣрною по отношенію къ той эпохѣ, когда дѣйствовалъ Скорина. Архіепископъ Макарій въ своей исторіи церкви выдѣлилъ даже эту именно эпоху (1503—1555 гг.) въ особую главу подъ заглавіемъ: *«Спокойное состояніе православія, лишь изрѣдка нарушавшееся борьбою съ латинствомъ, безъ попытокъ къ униі»*; о четырехъ же высшихъ западно-русскихъ іерархахъ того времени: митрополитахъ Іонѣ II, Іосифѣ II Солтанѣ, Іосифѣ III и даже Макаріи II говорить, что «всѣ они строго держались православія», а достойнѣйшій изъ нихъ, Іосифъ II, ко времени котораго (1507—1522 гг.) главнымъ образомъ и относится зарожденіе и развитіе писательской дѣятельности Скорины, «сдѣлалъ для западно-русской церкви даже болѣе, чѣмъ другіе» (IX, 284), что признаеть и нашъ авторъ (2, 8 сл.). Тотъ упадокъ высшей іерархіи, который и архіепископъ Макарій признавалъ, въ рамкахъ своего церковно-историческаго изслѣдованія, главнымъ источникомъ злополучій этой церкви, доведшихъ ее до униі 1596 г., обрисовался значительно позже, равно какъ къ позднѣйшей эпохѣ относится и подъемъ духовныхъ силъ западно-русскаго мѣщанства, въ составѣ церковныхъ братствъ и подъ охраною нѣсколькихъ патріотическихъ вельможъ, съ Острожскими во главѣ. Но даже для этой позднѣйшей исторической эпохи было бы, думаемъ, несправедливо такъ односторонне рас-

предѣлять свѣтъ и тѣни по сословнымъ группамъ, какъ это дѣлаетъ авторъ. Уже à priori представляется сомнительнымъ такое состояніе и направленіе общественнаго развитія, при которомъ одинъ изъ культурныхъ слоевъ населенія, напимѣрь духовный, разлагался бы, а другой — положимъ мѣщанство — преуспѣвалъ, при существованіи между этими слоями не только внѣшнихъ соприкосновеній, но и внутренняго обмѣна движеній. Если образованные западно-русскіе міряне представляли здоровый общественный классъ, то почему бы это здоровье оставляло ихъ при вступленіи въ духовную среду или служеніе? Но и безспорные историческіе факты, напимѣрь хотя бы исторія уніи 1596 г., доказываютъ, что какъ въ духовноѣ, такъ и въ свѣтскомъ западно-русскомъ обществѣ того времени были тогда люди самостоятельные и рабы, были характеры твердые и слабые, были патріоты и эксплуататоры. Не одни епископы польстились тогда на унію, но и многіе вельможи; за ними вскорѣ послѣдовали средніе классы, не исключая и мѣщанъ, которыхъ склоненъ нѣсколько идеализовать нашъ авторъ. Болѣе того, значительная часть западно-русскаго мѣщанства не остановилась и на уніи, а перешла впослѣдствіи въ чистый папизмъ, чего мы не можемъ сказать о массѣ западно-русскаго духовенства, изъ среды котораго вышли или къ которой принадлежали такіе дѣятели и писатели, какъ Христофоръ Бронскій, Стефанъ и Лаврентій Зизанія, Захарія Копыстенскій, ученый—хотя безхарактерный—Мелетій Смотрицкій, Памва Берында и мн. др., до присвопамятнаго Юсіа Сѣмашки включительно. Какія равносильныя этимъ имена можетъ противопоставить западно-русское мѣщанство XVI и слѣдующихъ вѣковъ? Итакъ, выступленіе Франциска Скорины на поприще церковно-писательской дѣятельности обусловлено вовсе не тѣмъ, что онъ былъ мѣщанинъ и медикъ, а не священникъ или монахъ, а совершенно другими личными наклонностями и условіями. Такъ и изъ двухъ московскихъ первопечатниковъ одинъ (діаконъ Иванъ Теодоровичъ) былъ духовнаго званія, другой (Петръ Тимоѣевъ Мстиславецъ)—свѣтскаго, но это сословное различіе вовсе не отразилось на характерѣ дѣятельности обоихъ.

Представленный въ той же вводной главѣ сочиненія обзоръ литературныхъ средствъ и пособій, которыя могъ имѣть подъ рукою образованный западно-руссъ XVI в., обвиняетъ дюжины двѣ уцѣлѣвшихъ церковно-славянскихъ рукописей западно-русской редакціи XV—XVI вв. (точнѣе съ конца XIV в. по половину XVI). Несмотря на кажущуюся свою полноту, обзоръ этотъ не можетъ быть приз-

нанъ исчерпывающимъ, такъ какъ сверхъ этихъ рукописей въ библіотекахъ западно-русскихъ временъ Скорины находилось, конечно, не мало церковно-славянскихъ памятниковъ и другихъ редакцій, особенно велико-русской, а также вѣроятно и нѣкоторыя печатныя изданія типографій Краковскихъ, Цетинскихъ, Венеціанскихъ и мн. др., какъ это видимъ между прочимъ изъ изслѣдованій нашего автора объ источникахъ Скорины при составленіи принятыхъ имъ изданій. Между этими источниками и пособиями находились несомнѣнно чешскія и латинскія, а можетъ быть еще польскія и нѣмецкія книги, что обязывало автора включить въ рамки своего вводнаго обзора характеристику важнѣйшихъ явленій и направленій тогдашней западно-славянской литературы, оказавшей безспорное вліяніе на зарожденіе идей Скорины и развитіе его издательской дѣятельности. Неполнота собранныхъ авторомъ свѣдѣній по этому послѣднему отдѣлу литературныхъ пособій и вліяній на Скорину невыгодно отразилась на нѣкоторыхъ частяхъ изслѣдованія, даже на одномъ изъ основныхъ положеній автора, какъ будетъ указано ниже.

Количество біографическихъ данныхъ о Скоринѣ въ сочиненіи проф. Владимірова лишь немногимъ превышаетъ тотъ крайне скудный запасъ свѣдѣній, который былъ въ ходу до него. Мы и теперь, какъ прежде, не знаемъ года рожденія и смерти Скорины; не знаемъ условій его первоначальнаго воспитанія и образованія на родинѣ; не знаемъ, довершилъ ли онъ свое гѣкарское образованіе въ Краковѣ или быть можетъ въ Прагѣ, сколько времени и съ какими перерывами жилъ Скорина въ каждомъ изъ этихъ городовъ, въ какихъ вѣроисповѣдныхъ кругахъ тамъ вращался, подъ какими вліяніями развивался и дѣйствовалъ; не знаемъ, совершалъ ли онъ поѣздки въ Германію, былъ ли напримѣръ въ Виттенбергѣ, встрѣчался ли съ Меланктономъ и Лютеромъ, какъ это извѣстно объ одномъ Franciscus Polonus въ 1525 г. (стр. XIII); не знаемъ даже, почему онъ носилъ латинское или униатское имя Franciscus и къ какому собственно вѣроисповѣданію тяготѣлъ въ Краковѣ и Прагѣ: къ латинскому или протестантскому, утравкистскому или чешско-братскому и т. п. и т. п. Ничего не извѣстно и о причинахъ прекращенія его издательской дѣятельности въ Прагѣ, потомъ возобновленія ея въ Вильнѣ, а вскорѣ вторичнаго и окончательнаго ея перерыва въ этомъ послѣднемъ городѣ. Лишь весьма слабымъ подспорьемъ въ этой массѣ біографическихъ исковъ служатъ отысканные авторомъ и изданные въ Приложеніи два судебные акта

изъ Литовской Метрики, подъ 1532 и 1535 гг., изъ которыхъ первый относится къ тяжбѣ Скорининой жены Малгореты съ однимъ изъ ея родственниковъ изъ-за владѣнія родовымъ домомъ въ г. Вильнѣ, второй же упоминаетъ подъ 1535 г. доктора Францишка Скорину въ такомъ контекстѣ, изъ котораго можно заключить, что онъ былъ еще живъ тогда и оставался въ Вильнѣ. Сколь густымъ мракомъ покрыты и теперь еще послѣдніе годы жизни Скорины, это видимъ изъ словъ нашего автора на стр. 202: «по всей вѣроятности въ 1562 г. Скорины не было уже въ живыхъ». А ранѣе этого года, положимъ въ 1560 или 1550 г., значитъ, могъ онъ быть въ живыхъ? Почему же не осталось никакихъ слѣдовъ этой жизни? Мы съ своей стороны охотнѣе склоняемся къ предположенію, что Скорина умеръ гораздо раньше, вскорѣ послѣ тѣхъ гражданскихъ процессовъ, которые упоминаются и въ актахъ 1532 и 1535 гг. и которые, по вѣроятному домыслу автора, не могли не парализовать его издательской дѣятельности въ послѣдніе годы жизни. Если бы Скорина значительно пережилъ это тяжелое для него время и дождался 1550—1560-хъ годовъ, когда протестантизмъ вызвалъ и въ Литвѣ ободренную умственную жизнь, то врядъ-ли онъ сидѣлъ бы въ бездѣйствіи, оставаясь неизвѣстнымъ и незамѣтнымъ въ средѣ, въ которой число лицъ съ высшимъ образованіемъ не могло быть особенно значительно.

При такой скудости біографическихъ свѣдѣній о Скоринѣ автору ничего другого не оставалось, какъ перенести центръ тяжести на обследованіе литературнаго наслѣдія Скорины. Результаты этого обследованія изложены во II и III главахъ сочиненія, которыя я не колеблюсь признать важнѣйшими и лучшими въ разбираемомъ сочиненіи какъ по матеріалу, такъ по точности метода и надежности большинства добытыхъ результатовъ.

Во II главѣ рассмотрѣны самымъ внимательнымъ и кропотливымъ образомъ Пражскія изданія Скорины: Псалтырь 1517 г. и Библейскія книжки 1517—1519 гг.; въ III же главѣ — Виленскія его изданія: Апостолъ 1525 г. и Малая подорожная книжица около 1525 г., причемъ обращено равное вниманіе какъ на внѣшній видъ изданій, такъ и на внутреннія свойства текста, сравнительно съ другими однородными изданіями и рукописями. Чтобы выяснитъ генезисъ изданій Скорины и занимаемое ими мѣсто въ ряду сродныхъ произведеній типографскаго искусства, авторъ входитъ во всѣ подробности тогдашняго книгопечатанія, рассматриваетъ бумагу Скорининыхъ изданій, водяные въ ней знаки, очертанія буквъ,

характеръ заставокъ, гравюръ и т. п., и этимъ путемъ опредѣляетъ ихъ связь съ изданіями Нюрнбергскими, отчасти Краковскими, Цетинскими, Венеціанскими. При анализѣ же текста изданныхъ Скориною библейскихъ и богослужебныхъ книгъ авторъ представилъ самое тщательное и детальное сравненіе его со сродными текстами церковно-славянскихъ рукописей русскихъ и южно-славянскихъ изводовъ, а равно первопечатныхъ нашихъ книгъ, затѣмъ съ бібліями чешскими, польскими, латинскими, нѣмецкими, обращаясь по временамъ за справками и къ еврейскому тексту, при содѣйствіи спеціалистовъ. Въ особую заслугу слѣдуетъ поставить автору то обстоятельство, что вся эта сравнительная работа произведена не урывками лишь, не по выдержкамъ разбираемыхъ книгъ и рукописей, а по полнымъ ихъ текстамъ, слѣдовательно исчерпывающимъ образомъ, такъ что позднѣйшимъ изслѣдователямъ не придется уже повторять этой утомительной и сложной работы, а можно будетъ смѣло положиться на точность наблюденій нашего автора и прочность сдѣланныхъ имъ выводовъ. Къ такимъ безспорнымъ, по моему мнѣнію, выводамъ его принадлежатъ заключенія: о связи типографскихъ особенностей Скорининыхъ изданій съ Краковскими, Венеціанскими, особенно же съ Нюрнбергскими того времени; о тѣсномъ соотношеніи его текстовъ съ церковно-славянскими западно-русскаго письма въ XV—XVI вв.; о руководящемъ значеніи для Скорины при измѣненіяхъ церковно-славянскаго текста бібліи — чешской утравкистской бібліи 1506 г. и о второстепенной роли прочихъ его пособій, не исключая даже комментаріевъ бл. Іеронима и Николая де Лира (*Biblia latina*).

Въ двухъ послѣднихъ главахъ II отдѣла сочиненія (III и IV гл.) разсмотрѣны: въ 1-й вліяніе изданій Скорины на дальнѣйшія западно-русскія изданія XVI в.: несвижскія, заблудовскія, виленскія, острожскія, съ бібліей 1580—1581 г. во главѣ; во 2-й — цѣлый рядъ западно-русскихъ рукописей XVI в., въ которыхъ оказываются отчасти списки со Скорининыхъ библейскихъ переводовъ (напримѣръ Львовская Свято-Онуфріевская рукопись ветхозавѣтныхъ книгъ и ея продолженіе въ Погодинскомъ спискѣ И. П. Б.; Варшавская рукопись тѣхъ же книгъ въ спискѣ Луки изъ Тернополя, принадлежавшая прежде Главной бібліотекѣ, а теперь — бібліотекѣ гр. Красинскаго¹⁾); одна Виленская рукопись Пророковъ и мн. др.), отчасти же передѣлки и подражанія Скорины (напримѣръ Пересопницкое евангеліе 1556—1561 гг., отчасти и Евангеліе Ва-

¹⁾ См. Первольфа, Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи II, 573.

силія Тяпинскаго около 1570 г. и мн. др.). Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ по этимъ вопросамъ, столь же надежны и большею частію безспорны, какъ и заключенія двухъ первыхъ главъ этого отдѣла. Нѣкоторыя подробности быть можетъ видоизмѣнятся по ближайшемъ изслѣдованіи не обзорѣнныхъ авторомъ лично рукописей Свято-Онуфріевской и Варшавско-Красинской; возможно, что и взглядъ на историческое значеніе Скорининыхъ писаній и изданій подвергнется со временемъ нѣкоторому ограниченію: но основные выводы о томъ автора врядъ-ли будутъ существенно измѣнены дальнѣйшими изслѣдованіями.

Только одно изъ его заключеній и притомъ довольно важное для характеристики Скорины, именно о чисто-православномъ характерѣ его писаній и изданій, слѣдовательно и вообще его дѣятельности, представляется намъ нѣсколько преждевременнымъ и слишкомъ ужъ догматическимъ. Начать съ того, что самое имя Франциска и его жены Малгореты отзывается чѣмъ-то униатскимъ¹⁾. Затѣмъ, продолжительное пребываніе его въ Краковѣ и въ чешской Прагѣ, въ средѣ конечно не православной, а скорѣе католической, утравкистской, чешско-братской, едва ли могло содѣйствовать выработкѣ или хотя бы сохраненію въ немъ міросозерцанія православнаго. Самая мысль переложить священные библейскіе и богослужебные тексты православнаго славянства на одинъ изъ областныхъ русскихъ діалектовъ едва ли могла въ ту пору зародиться самостоятельно въ головѣ православнаго человѣка. По крайней мѣрѣ мы нигдѣ не видимъ даже попытокъ къ тому до реформаціонной эпохи. То обстоятельство, что Скорина перелажалъ свою біблію на западно-русскій діалектъ чуть-ли не ранѣе, чѣмъ Кальвинъ перевелъ ее на французскій языкъ, Лютеръ и Цвингли на нѣмецкій, а Тиндаль на англійскій, не можетъ служить возраженіемъ противъ домысла о протестантскихъ вліяніяхъ на Скорину, ибо въ Чехіи подобнаго рода вліянія ошутительны были и раньше, со времени Гуситства. Самъ авторъ указалъ на чешскую біблію 1506 г. какъ на главное пособіе Скорины при совершенномъ имъ переложеніи, а эта біблія была утравкистская, слѣдовательно не вполне согласная ни съ вульгатою, ни съ нашимъ каноническимъ текстомъ, а до нѣкоторой степени сектаторская (ст. 61, 171). Въ чемъ заключалось это сектаторство и насколько оно отразилось

¹⁾ Вспомнимъ при этомъ, что во второй половинѣ XV в., при митрополитахъ Григоріи Болгаринѣ, Мисаилѣ и Іосифѣ Болгарининовичѣ были сдѣланы попытки къ униі: не потому ли и Скорина прозванъ Францискомъ?

затѣмъ въ переводѣ Скорины, это вопросъ особый и довольно трудный; но до обстоятельнаго разбора его не слѣдуетъ категорически отвергать стараго взгляда, засвидѣтельствованнаго между прочимъ Курбскимъ, о существованіи нѣкоторыхъ протестантскихъ примѣсей въ книжномъ наслѣдіи Скорины. Если же параллельно съ этимъ взглядомъ издавна выражаемъ былъ и другой, о близости Скорины къ латинской церкви, нѣкоторымъ подтвержденіемъ чего можетъ служить и католическій характеръ гравюръ въ «Малой подорожной книжицѣ» (178), то быть можетъ разгадка этого противорѣчія и заключается въ полукатолическомъ, полупротестантскомъ, кое въ чемъ и въ православномъ (напримѣръ чаша) характерѣ чешскаго утраквизма.

Послѣдняя глава разбираемой книги, не вполне правильно названная авторомъ «второю частью» сочиненія, посвящена вопросу о языкѣ Скорины. Нѣкоторыя вводныя о томъ замѣчанія находятся и въ разсмотрѣнной уже выше I главѣ сочиненія, гдѣ авторъ проводитъ мысль о раннемъ зарожденіи между западно-руссами стремленія приблизить свой церковный языкъ къ просторѣчю. Но ни тамъ, ни здѣсь авторъ не представилъ убѣдительныхъ доказательствъ этой мысли. Встрѣчаемыя на поляхъ многихъ церковно-славянскихъ рукописей объяснительныя глоссы, попадавшія нерѣдко при перепискѣ и въ текстъ библейскихъ, богослужебныхъ и т. п. книгъ, представляютъ нѣчто вовсе отличное отъ переложеній Скорины, который измѣнялъ не только устарѣлыя (или инодіалектныя) слова, но и формы, даже весь строй рѣчи, такъ что вмѣсто церковно-славянскаго текста западно-русской редакціи мы получаемъ у него западно-русскую рѣчь, пропитанную бѣльшимъ или меньшимъ количествомъ церковно-славянизмовъ. Ничего подобнаго не представляютъ тѣ житія и поученія въ Четьи 1489 г., тѣ Прологи и Минеи конца XV и начала XVI в., тѣ части Геннадіевской библіи, на которыя ссылается нашъ авторъ, какъ на туземную почву, на которой выросъ де вопросъ о языкѣ народномъ, общепонятномъ, взамѣнъ церковно-славянскаго (27—29). Что касается евангелій Пересопницкаго, Вас. Тяпинскаго и т. п. переложеній во второй половинѣ XVI в., то уже хронологическая дата не позволяетъ ссылаться на нихъ, какъ на туземные antecedенты для языка Скорины. Послѣдній близокъ, безспорно, къ языку Литовскаго статута и западно-русскихъ актовъ XV—XVI в.; но это сходство не объясняетъ намъ тѣхъ логическихъ посылокъ, путемъ которыхъ могъ Скорина дойти до мысли о примѣненіи будничнаго

актоваго языка къ церковному и высшему литературному употребленію. Самостоятельный актовъ языкъ издавна существовалъ и въ восточной Руси, однако ни въ XV, ни въ XVI, ни даже въ XVII в., онъ не былъ собственно примѣняемъ къ цѣлямъ литургическимъ и вообще церковно-литературнымъ. Такъ и въ западной Европѣ національные языки несравненно раньше нашли примѣненіе въ канцеляріяхъ, актахъ, даже въ придворныхъ и аристократическихъ кругахъ (ср. нѣмец. Kanzleisprache, Kings english и т. п.), чѣмъ проникли въ высшую литературу, въ библію, въ богослуженіе. Остается слѣдовательно для сравненія съ языкомъ Скорины одинъ лишь вышеупомянутый западно-русскій сборникъ съ Никодимовымъ евангеліемъ и нѣкоторыми другими статьями, въ спискахъ Имп. Публ. Библиотеки и Московско-Синодальномъ, возникновеніе котораго, какъ выше показано, относится къ концу XV в. Но и этотъ сборникъ, подобно книгамъ Скорины, носитъ несомнѣнные признаки чешскаго происхожденія, слѣдовательно не можетъ считаться самобытнымъ продуктомъ западно-русской жизни и мысли того времени. Къ тому же и содержаніе этого сборника *легендъ*, предназначенныхъ для частнаго чтенія, представляетъ лишь отдаленную аналогію съ изданіями Скорины, принадлежащими къ высшимъ родамъ церковной литературы. Все это подрываетъ мысль автора о туземномъ, западно-русскомъ зарожденіи Скоринина языка и заставляетъ предполагать еще другіе его источники, скрывавшіеся въ вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ тогдашней Чехіи и въ сильномъ ея вліяніи въ погуситскую эпоху на сосѣднія славянскія земли, между прочимъ на Польшу, а чрезъ нее и на западную Русь. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ заслуживаетъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія въ сочиненіи, обнимающемъ и «языкъ Скорины», хотя бы для этого пришлось автору сократить цитаты изъ западно-русскихъ грамматикъ конца XVI и начала XVII-го вѣка, которыми вѣдь не могъ пользоваться авторъ, писавшій въ 1510—1520-хъ годахъ.

Но если основной вопросъ о зарожденіи Скоринина языка и не рѣшенъ авторомъ окончательно, зато его грамматическія и лексическія особенности характеризованы довольно обстоятельно и въ общемъ правильно, хотя безъ строгаго научнаго размѣщенія языковѣднаго матеріала. Онъ разсмотрѣлъ: правописаніе Скорины, особенности употребленія гласныхъ и согласныхъ, систему склоненій и спряженій, главные типы чехизмовъ и полонизмовъ, а наконецъ представилъ словарчикъ къ сочиненіямъ Скорины. Нельзя сказать чтобы весь матеріалъ, бывшій очевидно подъ рукою автора, во-

шелъ въ этотъ бѣглый обзоръ. Относительно словарчика авторъ самъ сознается, что это лишь выборъ изъ составленнаго имъ полнаго словаря, изданіемъ котораго онъ боялся загромоздить книгу. Дѣйствительно, для библиографа и историка литературы достаточно и напечатаннаго выбора, но языковѣдамъ очень пригодился бы и полный словарь къ такому раннему и своеобразному писателю, какъ Скорина. Весьма неполно разработана авторомъ и синтаксисъ Скорины, занимающій менѣе двухъ страницъ (300—301); но пробѣлъ этотъ не трудно будетъ восполнить по обильнымъ выпискамъ автора изъ разныхъ изданій, особенно же предисловія и послѣсловія Скорины. Нѣкоторые другіе пробѣлы объясняются тѣмъ, что авторъ не могъ воспользоваться нѣкоторыми рукописями, напр. Свято-Онуфріевскою, въ которой Головацкій нашелъ между прочимъ весьма любопытный матеріалъ для вопроса объ акцентуаціи Скорининой рѣчи, которая весьма часто сбивалась на чешскую (Науковій Сборникъ 1865 г., стр. 239 сл.). Очень жаль еще, что въ заключеніе главы «о языкѣ Скорины» авторъ не представилъ свода своихъ о немъ наблюденій, такъ что для читателя остается неяснымъ даже то, какъ смотритъ собственно авторъ на этотъ языкъ: видитъ ли въ немъ дѣйствительный разговорный языкъ образованныхъ западноруссовъ того времени, или же искусственный жаргонъ, образовавшійся подъ перомъ Скорины изъ эклектическаго сочетанія стихій: западно-русской, церковно-славянской, польской, чешской? Изъ нѣкоторыхъ, хотя и непрямыхъ выраженій автора можно заключить, что онъ склоняется къ первому изъ этихъ предположеній, т. е. «считаетъ языкъ Скорины памятникомъ бѣлорусской или западно-русской рѣчи начала XVI в.» (стр. 247, ср. 248, 313); но вѣрнѣе домыслъ Головацкаго, что это «былъ языкъ ни бѣлорусскій, ни великорусскій, ни малорусскій, а языкъ книжный, искусственный, якимъ никто никогда не говорилъ» (Науков. Сб. 1865 г., стр. 251), но—прибавлю отъ себя—съ преобладаніемъ формъ зап.-рус. актовой рѣчи XV—XVI в. Обстоятельство же это не мало важно: въ немъ, кажется, заключается разгадка и слабыхъ успѣховъ Скорининой дѣятельности, малаго вліянія его библии на дальнѣйшее развитіе западно-русскаго языка и просвѣщенія, особенно если сопоставить это вліяніе съ результатами переводовъ библии Виклефа на англійскій языкъ, Кальвина на французскій, Лютера на нѣмецкій и т. п.

Въ заключеніе да позволено мнѣ будетъ отмѣтить нѣкоторые частные промахи разсмотрѣннаго сочиненія: А. исправленные са-

нимъ авторомъ въ конкурсномъ экземплярѣ сочиненія и Б. отличенные мною и которыми онъ быть можетъ воспользуется при второмъ изданіи книги.

А. Стр. II, стр. 9 снизу: прибавить «См. Петерб. Публичн. Библ.

» 18 » 7 сверху: вм. 1397 читай 1489.

Стран. 25, строка 3 сверху: вм. 21 читай 20.

» — » 15 » » 20 мая — 24 іюля.

» 27 » 5 снизу: » 1397 чит. 1489.

» 46 » 9 и 16 сверху: » 22 копы чит. 40 копъ.

» 130 » 4 снизу: » camelopardulum чит. — alum.

» 131 » 4 сверху: » Comedant чит. Comedent.

» 145 » 15 » » holocausta чит. -ti.

» 152 » 15 » » praecedit чит. praecidit.

» 159 » 12 » » detestabantur чит. -buntur.

» 160 » 12 » » ablationem чит. oblationem.

» 161 » 6 снизу: » querebant чит. quaerebant.

» 167 » 16 сверху: » vocare ad olera чит. vocari ad olera.

» 214 » 8 снизу: » exstrneos чит. extraneos.

» 216 » 13 сверху: » abscedentibus чит. abscedentibus.

» — » — » » Judiph чит. Judith.

» — » 5 снизу: » CV чит. XV.

» 261 » 17 сверху: зачеркнуть слова: Олена (см. у насъ выше, стр. 197).

» — » 20 » зачеркнуть слова: олен (но рядомъ: елен).

» 271 » 10 снизу: зачеркнуть слова: 3 руку Н. 20 б.

» 301 » 1 сверху: » водра чит. ведра.

» — » 17 » » Altitudem чит. — dinem.

» 306 » 2 » » 1571 чит. 1561.

Б. Стр. 25. Звукосочетанія гы, кы, хы напрасно названы церковно-славянскими; съ такимъ же правомъ можно ихъ назвать и древнерусскими, древнесербскими, древнепольскими, вообще древнеславянскими.

Стр. 26. «Выдержанность Ъ» не составляетъ спеціальной принадлежности южнорусскихъ памятниковъ; наоборотъ, она даже несвойственна послѣднимъ въ вѣкъ Фѣоля.

Стр. 33. Идиллія русско-польской дружбы въ первой половинѣ XVI в. не вполне подтверждается фактами. Не слѣдовало приводить безъ оговорокъ и оптимистическій взглядъ Шуйскаго на польскія уни, хотя бы и XV лишь вѣка.

- Стр. 58. «w Boleslawi mladem» слѣдуетъ, кажется, читать: w Boleslawi Mladěj.
- Стр. 190. Мнѣніе, что «Малая подорожная книжица» предназначалась для однихъ мірянъ, не доказано авторомъ (ср. 192). Не хотѣлъ ли онъ сказать: «предназначалась для частнаго, а не публичнаго богослуженія»?
- Стр. 198. Годъ напечатанія перваго нѣмецкаго календаря, 1439 г. очевидно невѣренъ.
- Стр. 206. Связь виленской типографіи Скорины въ 1520-хъ годахъ и Мамоничей въ 1570-хъ и еще болѣе позднихъ годахъ, т. е. послѣ полувѣковаго перерыва, требовала бы болѣе убѣдительныхъ доводовъ. Наоборотъ, гораздо правдоподобнѣе, что преданія Скорины были прерваны въ западной Россіи и типографская дѣятельность второй половины XVI в. оживлена въ ней совершенно иными вліяніями, именно реформаціоннымъ движеніемъ съ запада и переселеніемъ двухъ знаменитыхъ московскихъ типографщиковъ (Ивана Θεодоровича и Петра Тимоѣева Мстиславца) съ востока.
- Стр. 248. Жаль, что авторъ не привелъ заглавія грамматики 1586 г., извѣстной ему по единственному экземпляру кн. Вяземскаго.
- Стр. 263. Древне-рус. суффиксъ еск звучалъ собственно ѡск.
- Стр. 264. На тожествѣ й и ј нечего настаивать, такъ какъ оно весьма сомнительно для старорусскаго языка.
- Стр. 266. Въ написаніяхъ: ыр, ыл вмѣсто слоговыхъ чешскихъ R, L слѣдуетъ, кажется, видѣть не «проясненіе вокализма», а попытку приблизительной графической передачи чуждыхъ русскому языку и слуху слогаобразующихъ плавныхъ.
- Стр. 267. Смѣна гласныхъ у и о въ закрытыхъ слогахъ составляетъ несомнѣнный малоруссиязмъ. То же, кажется, слѣдуетъ думать о формахъ: всихъ, всеми, въ которыхъ авторъ предполагаетъ приноровленіе къ им. мн. вси (287).
- Стр. 267, 271. Явленія аспираціи (в, г) слѣдовало разсмотрѣть въ связи и не смѣшивать этихъ дѣйствительныхъ «придыханій» съ мнимыми, которыя авторъ предполагаетъ напр. въ словахъ: усеница (272), рознетивше (276) и т. п.
- Стр. 270. Положенію о мягкости въ языкѣ Скорины согласныхъ

ч, ц противорѣчать, кажется, написанія чо, цо вм. че, це и т. п. (270).

- Стр. 270. Тождество звуковъ ц, ч съ звуко сочетаніями тс, тш болѣе чѣмъ сомнительно.
- Стр. 273. «Сочетанія тло, дло» слишкомъ узкій терминъ для характеризоваемаго явленія: онъ не обхватываетъ напр. такихъ формъ, какъ изчель, пагъ и т. п.
- Стр. 275. Чередованія звуковъ: ж—з, ч—ц не составляютъ общебѣлорусской звуковой особенности. Самъ авторъ въ 9 тезисѣ къ диссертации выразился нѣсколько тѣснѣе: «ж-з, ч-ц особенности Полоцко-Смоленскаго говора, начиная съ XIII в.».
- Стр. 252. Замѣчанія о ъ, ь обнимаютъ и такія явленія (напр. второе полногласіе), которыя имѣютъ и фонетическое, а не графическое лишь значеніе. То же должно сказать о соображеніяхъ автора относительно буквъ е, ѣ (253), е-уо, іо (256), ре-гзе (257), к-кг (256) и н. др.
- Стр. 277. Замѣчанія о категоріи родовъ слѣдовало помѣстить въ синтаксическомъ, а не въ морфологическомъ отдѣлѣ обзора.
- Стр. 278. Нѣкоторыя падежныя окончанія: род. ед. на у, дат. ед. на ови, им. мн. на ове слѣдуетъ кое-гдѣ объяснять польскимъ вліаніемъ.
- Стр. 282. При обзорѣ окончаній дат. мн. на омъ, амъ, твор. мн. на ы-ами и т. п. слѣдовало опредѣлить хоть въ нѣкоторомъ приближеніи количественное отношеніе формъ древнихъ и позднѣйшихъ новообразованій.
- Стр. 284. Говоря о двойств. числѣ, не мѣшало бы отмѣтить существованіе оборотовъ новѣйшаго, дополнительнаго типа вм. прежнихъ, опредѣлительныхъ (ср. 287).
- Стр. 284. При обзорѣ безчленныхъ прилагательныхъ архаизмы перемѣшаны съ чехизмами и полонизмами, которые вообще далеко не исчерпаны въ соответственномъ отдѣлѣ обзора (290, 296 сл.).
- Стр. 299. Въ числѣ явственныхъ полонизмовъ не мѣшало помѣстить названія мѣсяцевъ у Скорины (ср. 297).

Къ часто повторяющимся стилистическимъ неточностямъ сочиненія я отношу термины: «бѣлорусскій языкъ» (276, 313), вм. нарѣчіе, діалектъ, и «югозападная Русь» въ примѣненіи не къ Кіеву или Львову, а Вильнѣ, Полоцку и т. п.

Очень возможно, что на многія изъ этихъ замѣчаній и возраженій авторъ представилъ бы вполне удовлетворительныя объясненія и такимъ образомъ низвелъ бы до значенія простыхъ недомолвокъ или недоразумѣній то, что намъ показалось ошибочнымъ или невѣрнымъ. Но если бы и этого не случилось, если бы читатель присоединился въ большинствѣ случаевъ къ представленнымъ возраженіямъ, то и тогда разсмотрѣнный трудъ проф. Владимірова вовсе не утратитъ своего выдающагося научнаго значенія и важности. Значеніе это заключается въ методическомъ и всестороннемъ пересмотрѣ всего, что можно извлечь изъ литературныхъ произведеній Скоринны о немъ и его подвигѣ, съ освѣщеніемъ его лица и дѣятельности съ высшихъ историко-сравнительныхъ точекъ зрѣнія. Нужды нѣтъ, что то или другое изъ положеній автора уже ранѣе было высказано то Головацкимъ, то Викторovýmъ, то Ровинскимъ и другими изслѣдователями старопечатнаго дѣла: даже и въ этихъ случаяхъ за нашимъ авторомъ остается заслуга строгой провѣрки прежнихъ догадокъ и возведенія ихъ изъ гипотезъ въ прочныя историко-литературныя положенія. Не важно и то, что нѣкоторые изъ домысловъ автора требуютъ еще, по нашему мнѣнію, дальнѣйшей разработки и пожалуй могутъ быть потрясены ею, что вообще сочиненіе это во многомъ не можетъ считаться окончательнымъ рѣшеніемъ затронутыхъ имъ вопросовъ. Довольно и того, что авторъ далъ имъ сильный толчекъ и несомнѣнно приблизилъ къ рѣшенію. Къ тому же слѣдуетъ оговориться, что всѣ почти указанныя выше неясности или неточности сочиненія касаются разнаго рода біографическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ, тогда какъ собственно бібліографическая часть труда, бывшая у автора на первомъ планѣ, разработана безукоризненно и надолго останется образцомъ монографій этого рода. Не мало-важное достоинство книги составляетъ и прекрасная ея внѣшность, вполне достойная какъ выдающихся заслугъ знаменитаго западно-русскаго первопечатника, такъ и нашего дѣятельнаго Общества древней письменности, котораго шифръ красуется на заглавномъ листѣ разсмотрѣннаго сочиненія.

Въ виду изложенныхъ научныхъ достоинствъ какъ брошюры о западно-русскомъ Житіи св. Алексѣя, такъ особенно изслѣдованія о Францискѣ Скоринѣ, пр. Будиловичъ считалъ бы справедливымъ награжденіе автора этихъ сочиненій меньшею Уваровскою премією въ 500 р. с.

II.

РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО: «ОПИСАНІЕ СТАРОЙ МАЛО-РОССІИ. ТОМЪ ПЕРВЫЙ. СТАРОДУВСКІЙ ПОЛКЪ. К. 1889, XVI, 470, XXX.

Д. Н. Багалія.

Мѣсто занимаемое книгой г. Лазаревскаго въ общемъ ходѣ южно-русской исторіографіи.

Всякая книга имѣетъ свою исторію, болѣе или менѣе любопытную. Иногда самъ авторъ открываетъ читателю причину, побудившую его взяться за перо и издать въ свѣтъ свое сочиненіе. Но такія авторскія объясненія по большей части бывають кратки и не всегда удовлетворяють заинтересованную въ этомъ дѣлѣ публику. Для читателя, берущаго въ руки ту или иную спеціальную книгу, важно знать, какой пробѣлъ въ наукѣ желаетъ пополнить авторъ и каково относительное значеніе поднимаемаго имъ вопроса. Случается, что сама тема говоритъ за себя; но и тогда необходимо опредѣлить взаимное отношеніе между даннымъ трудомъ и предшествующими. А. М. Лазаревскій снабдилъ свою книгу предисловіемъ, въ которомъ дѣлаетъ нѣкоторыя общія предварительныя указанія относительно ея характера и источниковъ. Но авторъ мало останавливается на интересующемъ насъ вопросѣ. Отсюда мы узнаемъ только, что А. М. Лазаревскій задумалъ дать намъ описаніе по полкамъ всей лѣвобережной Малороссіи главнымъ образомъ съ половины XVII до конца XVIII вѣка (съ 1654 по 1782 г.); самъ онъ смотритъ на свою книгу, какъ на собраніе матеріаловъ для будущей исторіи *малорускаго народа*. Изложивъ планъ своей

работы, онъ замѣчаетъ: «въ такомъ видѣ мы желаемъ представить описаніе всѣхъ десяти полковъ, составлявшихъ Малороссію лѣваго берега Днѣпра, полагая, что наша книга дастъ нѣкоторые матеріалы для изученія народной жизни, которая въ написанныхъ до настоящаго времени исторіяхъ Малороссіи такъ сильно заслонена пересказомъ событій внѣшней исторіи» (стр. III). Конечно, нѣтъ ни малѣйшей надобности доказывать важность затронутого А. М. Лазаревскимъ вопроса; онъ занимаетъ несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ остальныхъ вопросовъ русской областной исторіи. Исторія Малороссіи давно уже стала привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, въ особенности южанъ, желавшихъ оглянуться на свое прошлое и дать себѣ въ немъ хотя какой нибудь отчетъ. Всѣмъ извѣстны книги Бантышъ-Каменскаго и Маркевича. Первое изданіе труда Д. Бантышъ-Каменскаго вышло еще въ двадцатыхъ годахъ, а сочиненіе Маркевича — въ началѣ сороковыхъ ¹⁾. И то, и другое представляютъ опытъ полной *систематической* исторіи Малороссіи — и, конечно, опытъ далеко несовершенный даже для своего времени. Неудача лежала не столько въ самихъ авторахъ, сколько въ тогдашнемъ состояніи южнорусской историографіи. Большая часть нынѣ изданныхъ памятниковъ (казацкихъ лѣтоп. и т. п.) находилась тогда въ рукописяхъ. Наиболѣе достовѣрный актовъ матеріалъ мирно почивалъ еще въ архивахъ. Источники не были критически разсмотрѣны — царю полное довѣріе даже къ такимъ недостовѣрнымъ сочиненіямъ, какъ пресловутая «Исторія Руссовъ», которую Бантышъ-Каменскій называетъ любопытною рукописью ²⁾, а Н. Маркевичъ отдаетъ ей видимое предпочтеніе передъ другими источниками; и первый, но особенно второй, черпали изъ нея широкой рукой свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ XVI—XVIII вв. Отдѣльные частные вопросы не только не были обслѣдованы, а наоборотъ — были затемнены историками-лѣтописцами и компиляторами. Едва-ли нужно прибавлять, что внутренняя жизнь Малороссіи вовсе не затронута въ обихъ «исторіяхъ» ³⁾. Не удивительно поэтому, что сочиненія двухъ назван-

¹⁾ 1-е изданіе «Исторіи Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго въ 4-хъ томахъ вышло въ 1822 году, 2-е — въ 3-хъ томахъ — въ 1830 году, съ посвященіемъ Императору Николаю Павловичу; «Исторія Малороссіи» Н. Маркевича въ 5-ти томахъ, изъ коихъ только два первыхъ заняты текстомъ, появилась въ 1842—1843 годахъ.

²⁾ «Исторія Малой Россіи», 2-е изд., 1-й т., стр. X.

³⁾ Между тѣмъ и Бантышъ-Каменскій, и Маркевичъ имѣли доступъ къ такъ называемому архиву Малороссійской коллегіи, хранившемуся въ Чер-

ныхъ выше малороссійскихъ историковъ въ настоящее время имѣютъ только библиографическій интересъ. Не потеряли своего значенія только документы, приложенные къ этимъ сочиненіямъ, въ особенности къ исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго ¹⁾; изданіе же ихъ у Маркевича насъ теперь далеко не удовлетворяетъ ²⁾. Но книги Бантышъ-Каменскаго и Маркевича очевидно пробудили въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ родной исторіи. Въ сороковыхъ годахъ мы видимъ значительное оживленіе въ южно-русской исторіографіи. О. М. Бодянский въ редактированныхъ имъ «Чтеніяхъ» издалъ въ это время много важныхъ источниковъ для исторіи Малороссіи (Симоновскаго, Ригельмана, Самовидда), въ томъ числѣ и «Исторію Руссовъ», которая, такимъ образомъ, сдѣлалась доступной для исторической критики, разоблачившей вскорѣ ея несостоятельность. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ 1848 г. С. М. Соловьевъ напечаталъ свои «Очерки исторіи Малороссіи до соединенія ея съ Великою Россіею» ³⁾, въ которыхъ старался излагать факты на основаніи критически провѣренныхъ источниковъ. Тогда же начала свою въ высшей степени плодотворную дѣятельность по части изданія памятниковъ Западнорусской исторіи Петербургская Археологическая Комисія; собираніемъ и редактированіемъ актовъ южной и западной Россіи занимался главнымъ образомъ Н. И. Костомаровъ и отчасти Г. Θ. Карповъ и П. А. Кулишъ. Не удивительно, что всѣ они, а въ особенности Костомаровъ, на долю котораго выпалъ главный трудъ, напечатали не мало работъ по южнорусской исторіи. Сочиненія Н. И. Костомарова ⁴⁾ главнымъ образомъ относятся

ниговъ и заключающему въ себѣ тогда драгоцѣннѣйшій и богатѣйшій матеріалъ именно для внутренней бытовой исторіи лѣвобережной Малороссіи въ XVII—XVIII вв. Но ни тотъ, ни другой имъ почти не пользовались. Н. Маркевичъ, какъ извѣстно, составилъ себѣ цѣлый архивъ документовъ по исторіи лѣвобережной Малороссіи, который отъ него перешелъ къ Лукашевичу, а этимъ послѣднимъ пожертвованъ былъ въ Моск. Публ. Рум. музей, гдѣ хранится и нынѣ.

¹⁾ У Б.-Каменскаго, въ подражаніе Н. М. Карамзину, документы помѣщены въ примѣчаніяхъ, а у Маркевича выдѣлены особо и составили три тома приложений. Впослѣдствіи незабвенный О. М. Бодянский издалъ источники, собранные Б.-Каменскимъ, въ «Чтеніяхъ» и отдѣльной книгой въ 2-хъ частяхъ.

²⁾ См. замѣчанія о нихъ въ книгѣ Г. Θ. Карпова «Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся». М. 1870; гл. 2-я и 3-я.

³⁾ Отеч. Зап. 1848 г. №№ 11 и 12 и 1849 г. № 2.

⁴⁾ Монографіи о Богданѣ Хмѣльницкомъ, Ив. Выговскомъ, Юріѣ Хмѣльницкомъ, Рувиѣ, Мазепѣ и Мазепинцахъ, Полуботкѣ.

къ исторіи южнорусскаго казачества, внѣшнюю судьбу котораго онъ представилъ съ XVI по начало XVIII ст.; но внутренняго быта гетманской Малороссіи онъ вовсе не касался. Работы гг. Кулиша ¹⁾ и Карпова ²⁾ вращаются главнымъ образомъ около личности и эпохи Богдана Хмѣльницкаго и не идутъ далѣе первой половины XVII вѣка. Спеціальное сочиненіе ³⁾ проф. Коляловича, въ связи съ двумя ⁴⁾ редактированными имъ изданіями Археологической Комисіи, относится къ исторіи югозападной Россіи. Громадное значеніе въ дѣлѣ разработки западнорусской исторіи имѣли кievскіе ученые. Почти одновременно съ Бодянскимъ началъ свои изслѣдованія по части южнорусской исторіи въ Кіевѣ извѣстный М. А. Максимовичъ. Его научная дѣятельность отличалась по преимуществу критическимъ и библиографическимъ характеромъ ⁵⁾. На его долю выпала трудная и неблагодарная задача очищать источники малороссійской исторіи (преимущественно лѣтописные) и основанные на нихъ труды отъ заблужденій, ошибокъ и искаженій. Онъ расчищалъ почву для будущихъ трудовъ, создавалъ, по его собственнымъ словамъ, кирпичи для будущаго зданія южнорусской исторіи; изслѣдованія, статьи и замѣтки его относились ко всѣмъ отдѣламъ и періодамъ, въ томъ числѣ и къ лѣвобережной Малороссіи послѣ присоединенія ея къ Великой Россіи.

Съ устройствомъ въ Кіевѣ центральнаго архива, въ которомъ сосредоточены были акты Кіев., Под. и Вол. губ., и открытіемъ временной Археол. Ком., поставившей своею цѣлью изданіе этихъ памятниковъ, изученіе южнорусской исторіи сразу стало на документальную почву. Энергичными дѣятелями этой комиссіи были проф. Иванишевъ, а за нимъ его преемникъ проф. Антоновичъ. Благодаря изданію цѣлой массы новыхъ матеріаловъ, исторія югозападной Россіи была поставлена на прочномъ фундаментѣ. Явилось множество прекрасныхъ работъ, въ особенности по исторіи внутренняго быта, принадлежавшихъ тѣмъ самымъ лицамъ, кото-

¹⁾ «Исторія возсоединенія Руси» 3 т. и 1 т. «Матеріаловъ»; новѣйшій трудъ — «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» 3 т. М. 1889 (первоначально въ «Чтеніяхъ» 1888 и 1889 гг.).

²⁾ «Начало исторической дѣятельности Богдана Хмѣльницкаго» и «Въ защиту Богдана Хмѣльницкаго» («Чтенія» 1889 г., книга первая).

³⁾ «Литовская церковная унія».

⁴⁾ «Дневникъ Люблинскаго сейма» и «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края».

⁵⁾ См. его статьи по исторіи Малороссіи въ 1-мъ томѣ собранія его сочиненій. К. 1876 г.

рые издавали документы (въ Арх. Ю.-Зап. Россіи). Плодотворная дѣятельность Кіев. Врем. Ком. продолжается до нашихъ дней — въ послѣднее время она подарила публику весьма цѣнными матеріалами и изслѣдованіями В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, О. И. Левицкаго, Н. В. Стороженка, г. Голубева и друг. Нельзя не отмѣтить еще «Памятниковъ русской старины въ зап. губ.», гдѣ помѣщено было, напримѣръ, чрезвычайно важное изслѣдованіе проф. В. Г. Васильевскаго ¹⁾, капитальной работы проф. Владимірскаго-Буданова ²⁾, статей проф. Леонтовича, книги свящ. Флерова, проф. Чистовича, и мн. др.; всѣ они также относятся къ исторіи западной Россіи. Говоря о документальномъ изученіи исторіи правобережной Малороссіи, нельзя не отмѣтить еще нѣкоторыхъ польскихъ изданій, такъ какъ они имѣютъ весьма важное значеніе въ этомъ отношеніи. Я разумѣю варшавское изданіе «Źródła dziejowie», три тома котораго заключаютъ въ себѣ ревизіи и люстраціи волинскихъ и украинскихъ замковъ XVI—XVII вв. съ прекрасными изслѣдованіями, основанными на этомъ матеріалѣ, г. Яблоновскаго. Послѣдній недавно вышедшій въ свѣтъ XIX томъ ³⁾ этого изданія, по своему характеру, напоминаетъ намъ книгу г. Лазаревскаго. Онъ заключаетъ въ себѣ описаніе Волини и Подолья въ XVI в. и состоитъ, подобно Архиву Ю.-Зап. Россіи, изъ документовъ и изслѣдованія. Это послѣднее раздѣляется на три части: въ 1-й помѣщенъ краткій географическій очеркъ территоріи, во 2-й — статистическія данныя о населеніи и его соціально-экономическомъ положеніи, въ 3-й — описаніе разныхъ видовъ земельныхъ имуществъ (королевскихъ, духовныхъ и шляхетскихъ). Такимъ образомъ, здѣсь мы находимъ матеріалы по исторіи заселенія, сословныхъ отношеній и землевладѣнія, т. е. то самое, что, какъ мы увидимъ далѣе, даетъ и книга г. Лазаревскаго.

Я намѣтилъ въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ южнорусской исторіографіи для того, чтобы показать, что предметомъ особеннаго вниманія изслѣдователей была исторія южной Руси за болѣе древній періодъ и исторія правобережной Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ; эту послѣднюю изучали главнымъ образомъ

¹⁾ «Очеркъ исторіи гор. Вильны» (въ V-мъ вып. «Памятниковъ»).

²⁾ «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ» Спб. 1868 г.

³⁾ «Źródła dziejowie», t. XIX. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym; t. VIII; Ziemie Ruskie-Wołyn i Podole, opisane przez Alexandra Jabłonowskiego. W. 1889 г.

съ точки зрѣнія ея внутренняго быта (положенія крестьянъ, казачества, городовъ, дворянъ, церкви и т. п.).

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится дѣло изученія исторіи лѣвобережной Малороссіи — она постоянно оставалась въ тѣни. Даже внѣшняя судьба этого края отъ монголо татарскаго нашествія до половины XVII в. извѣстна намъ очень мало. Только со времени Богдана Хмѣльницкаго край этотъ дѣлается центромъ важныхъ политическихъ событій, которыя живо и талантливо изобразилъ намъ Н. И. Костомаровъ. Но и эта внѣшняя политическая исторія лѣвобережной Малороссіи, со смертью Костомарова, осталась недосказанной; а внутренняя жизнь народа, до появленія трудовъ г. Лазаревскаго, представляла изъ себя настоящую terra incognita. Только въ семидесятыхъ годахъ вышелъ многообъщавшій первый научный трудъ О. И. Левицкаго «Очерки внутренней исторіи Малороссіи во 2-й половинѣ XVII в. К. 1875 г.»; но, во первыхъ, онъ остановился на одномъ выпускѣ, а, во вторыхъ, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, внутреннюю борьбу разныхъ политическихъ партій, существовавшихъ тогда въ малороссійскомъ обществѣ. Больше другихъ сдѣлали для изслѣдованія внутренняго быта лѣвобережной Малороссіи М. А. Максимовичъ и преосв. Филаретъ.

Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ статья Максимовича — «Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ со времени Богдана Хмѣльницкаго» и служащая дополненіемъ къ ней «Исторія Бубновской сотни Переяславскаго полка»¹⁾. Въ 1-й статьѣ М. А. Максимовичъ даетъ намъ какъ бы краткій, сжатый конспектъ того, что теперь задумалъ въ сравненно болѣе широкихъ размѣрахъ А. М. Лазаревскій, именно краткое описаніе полковъ и сотенъ всей старой Малороссіи (праваго и лѣваго берега Днѣпра), начиная съ половины XVII ст. Сначала опредѣляется число полковъ въ разные историческіе моменты (до Зборовскаго трактата 1649 года и послѣ него), а затѣмъ сообщаются краткія свѣдѣнія (по большей части извлеченныя изъ лѣтописей) о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, о числѣ сотенъ, о городахъ, мѣстечкахъ и монастыряхъ, а также о полковникахъ и вообще о войсковой старшинѣ. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ впрочемъ очень скудны и относятся почти исключительно ко 2-й половинѣ XVII в.; во многихъ случаяхъ они представляютъ простую

¹⁾ Кромѣ этого сюда еще относятся статьи о Гр. Тепловѣ и его запискѣ и рядъ бібліографическихъ замѣтокъ о казацкихъ лѣтописяхъ.

номенклатуру личныхъ именъ или географическихъ названій. Въ противоположность этой работѣ статья Максимовича о Бубновской сотнѣ представляетъ чрезвычайно подробный и въ высшей степени обстоятельный очеркъ судьбы этой маленькой территоріи, бывшей родиной историка и служившей ему мѣстопробываніемъ въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ выхода въ отставку; тамъ надъ Днѣпромъ находилась его Михайлова гора, а возлѣ нея с. Прохоровка, Сушки и Бубновская слободка, составлявшія Бубновскую сотню. «Много здѣсь близкаго лично для меня въ разныхъ отношеніяхъ, писалъ Максимовичъ. Потому я желалъ привести себѣ въ извѣстность прошедшую жизнь Бубнова и его сотни, — тѣмъ болѣе, что исторіи Русской недосужно было останавливаться надъ такимъ уголкомъ Руси, гдѣ общественная жизнь ея работала тихо-молчкомъ, не выдаваясь ничѣмъ особеннымъ изъ своего обиходнаго круга. Свѣтъ исторіи, какъ и лучи утренняго солнца, озаряетъ прежде всего вершины да крупныя выпуклости народнаго бытія; а то, что у подошвы его, то остается на долго въ тѣни, и нерѣдко вовсе исчезаетъ изъ памяти людской. Но я люблю прохладу такихъ укромныхъ уголковъ земли русской; люблю распросить смиреннаго, но забытаго труженика Руси обо всей прошедшей жизни его; посмотрѣть на все, что отъ нея уцѣлѣло, и помянуть съ нимъ нашу родную старину»¹⁾. И дѣйствительно, статья написана тепло и задушевно, основана въ значительной степени на мѣстныхъ матеріалахъ и преданіяхъ и читается съ большимъ удовольствіемъ. Но это всетаки исторія одной только сотни.... Скудость данныхъ въ 1-й статьѣ Максимовича объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ не пользовался архивными матеріалами; печатные же источники въ то время были очень незначительны. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать нѣкотораго вліянія этихъ двухъ статей на трудъ г. Лазаревскаго, конечно, не въ смыслѣ содержанія, а въ смыслѣ идеи и способа изложенія матеріала.

Преосв. Филаретъ издалъ 7 томиковъ «Историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи», въ которыхъ сообщилъ не мало интересныхъ свѣдѣній по исторической географіи сѣверной части Малороссіи (нынѣшней Черниговской губ.). Книга эта составлена по образцу изданнаго раньше имъ «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи», а это послѣднее гораздо шире

¹⁾ Собраніе сочиненій, т. 1-й. К. 1876 г., стр. 749.

своего заглавія ¹⁾). Также широко было задумано и описаніе Черниговской епархіи. Но, къ сожалѣнію, авторъ не успѣлъ ни довести его до конца, ни въ должной мѣрѣ обработать. Тѣмъ не менѣе оно всетаки даетъ очень много. Кромѣ общаго обзора епархіи и біографій церковныхъ іерарховъ, кромѣ специальныхъ свѣдѣній о церквяхъ и монастыряхъ, тамъ мы находимъ историческіе очерки городовъ и очень многихъ селеній; планъ составленъ первый. Исторія селеній слишкомъ кратка, но и тутъ попадаются иногда любопытныя выписки изъ актовъ и приводятся статистическія свѣдѣнія о населеніи; что же касается раскольничьихъ слободъ, то о нихъ мы находимъ очень точныя, обстоятельныя и любопытныя данныя. Вообще автору знакома была почти вся печатная литература, и онъ кромѣ того пересмотрѣлъ не мало рукописныхъ матеріаловъ. Слабою стороною труда нужно признать произвольныя догадки о времени основанія селеній; къ дотатарскому періоду отнесено множество населенныхъ пунктовъ безъ достаточныхъ основаній. Это въ свое время было отмѣчено знатокомъ мѣстной старины Константиновичемъ.

Но А. М. Лазаревскій, на мой взглядъ, относится не совсѣмъ справедливо къ труду преосв. Филарета. Онъ отмѣчаетъ въ немъ одни недостатки и въ заключеніе говоритъ: «откуда понятно, почему этою книгою мы должны были пользоваться весьма осторожно» (стр. XVI). Книга пр. Филарета даетъ, какъ это мы видѣли, больше, чѣмъ обѣщаетъ, и едва ли можно, игнорируя то, что она даетъ, упрекать за то, чего въ ней нѣтъ (ссылокъ на монастырскіе акты, хранящіеся въ Черниг. Казен. Палатѣ). У самого г. Лазаревскаго данныя о времени основанія селеній не всегда достовѣрны. Затѣмъ меня удивило то обстоятельство, что г. Лазаревскій приводитъ одинъ только примѣръ ошибочной хронологической даты пр. Филарета и притомъ заимствуетъ его у Константиновича (относительно с. Семеновки). Для бѣльшаго убѣжденія читателя г. Лазаревскій, располагавшій генер. слѣд. о маестностяхъ, долженъ былъ привести нѣсколько своихъ примѣровъ. Наконецъ, Константиновичъ, на котораго ссылается г. Лазаревскій, въ общемъ высказывается о книгѣ пр. Филарета одобрительно; указавши на недостатки сочиненія, онъ говоритъ: «не смотря на все это, трудамъ архіепа. Филарета по описанію Черниговской губерніи

¹⁾ См. о немъ въ предисловіи къ моимъ «Очеркамъ изъ исторіи кол. степной окр. Моск. гос.». М. 1887 г.

дать цѣну всякій, кто серьезно интересуется русскою исторіей. Правда, смотрѣть на нихъ, какъ на конечный трудъ, нельзя; но они представляютъ матеріалъ для *народной русской исторіи* и матеріалъ очень солиднаго свойства ¹⁾. Конечно, я не хочу сказать, чтобы книга пр. Филарета представляла изъ себя такое же описаніе сѣверной Малороссіи, какъ и сочиненіе г. Лазаревскаго; и по широтѣ плана, и по источникамъ, положеннымъ въ основу труда, и по исполненію это послѣднее стоитъ несравненно выше соч. Филарета; но будущій историкъ лѣвобережной Украйны, какъ мнѣ кажется, не обойдется и безъ сочиненія пр. Филарета и съ благодарностью вспомнить о скромномъ предшественникѣ г. Лазаревскаго по изученію Черниговщины въ ист.-геогр. отношеніи. Нельзя не пожалѣть, что мы не имѣемъ такого же Исг.-Стат. опис. Полтавской епархіи, т. е. южной Малороссіи. Число работъ, посвященныхъ исторіи лѣвобережной Украйны, вообще крайне незначительно (если не считать собственныхъ сочиненій г. Лазаревскаго). Кое-какія данныя мы найдемъ въ запискахъ о Полтавской губ. Арендаренки и въ Памятной книжкѣ Полтавской губ. Бодянскаго. Только въ самое послѣднее время проф. И. В. Луцицкій напечаталъ «Сборникъ матеріаловъ» и нѣсколько статей по вопросу объ общинѣ въ лѣвобережной Украйнѣ ²⁾ и возбудилъ ими всеобщій интересъ къ исторіи малороссійскаго землевладѣнія; сюда же нужно отнести ст. пр. М. М. Ковалевскаго ³⁾ и мою ⁴⁾, изданіе г. Филимонова ⁵⁾ и нѣкоторыхъ другихъ. По исторіи Черниговщины слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайно цѣнную, но къ сожалѣнію не оконченную ра-

¹⁾ «Замѣтки о трудахъ архіепископа Филарета по описанію Черниговской губерніи» (Зап. Черн. Губ. Ст. Ком., кн. 2-я, вып. 5-й и 6-й, стр. 31); присоединимъ сюда библиографическую замѣтку гр. Милорадовича, въ которой общаются любопытныя свѣдѣнія о вставкахъ и измѣненіяхъ, допущенныхъ издателемъ книги, пресв. Наанаиломъ (Кіев. Стар. 1888 г., мартъ, 657, 658).

²⁾ Первая его статья «Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII в.» была напечатана въ Отеч. Зап. (1882 г., ноябрь); въ послѣднее время онъ напечаталъ статью «Сябры и сябренное землевладѣніе въ Малороссіи» (Сѣвер. Вѣст. 1889, № 2) и «Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи» (Юрид. Вѣстникъ, 1890, мартъ).

³⁾ «Общинное землевладѣніе въ Малороссіи въ XVIII в.» (оттискъ изъ Юрид. Вѣст.).

⁴⁾ «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII вв.» (Кіев. Стар. 1888, декабрь).

⁵⁾ Румянцевская генеральная опись Суражскаго уѣзда. Вятка. 1888 г.

боту г. Александровича ¹⁾, историко-ст. описанія Погара ²⁾ и Суражскаго уѣзда ³⁾; наконецъ, если мы прибавимъ сюда мелкія статьи и замѣтки въ журналахъ и мѣстныхъ газетахъ (особенно въ «Кіевской Старинѣ» ⁴⁾), то исчерпаемъ едва ли не всю литературу предмета. Существеннѣйшіе вопросы оказываются нерѣшенными этой литературой и даже незатронутыми. И вотъ, если мы сравнимъ все это съ тѣмъ, что сдѣлано самимъ г. Лазаревскимъ, то ясно увидимъ, что онъ долженъ занять почетное мѣсто въ качествѣ историка *лѣвобережной Малороссіи*. Собственные труды главнымъ образомъ подготовили г. Лазаревскаго къ тому сочиненію, которое разбирается въ настоящей рецензіи. Но такъ какъ большинство его работъ было помѣщено въ разныхъ провинціальныхъ, мало распространенныхъ изданіяхъ, то онѣ недостаточно извѣстны читающей публикѣ.

Уже первый ⁵⁾ его ученый трудъ былъ солиднымъ вкладомъ въ сокровищницу южнорусской исторіи и обнаружилъ въ немъ стремленіе и любовь къ библиографическимъ разысканіямъ. Затѣмъ въ «Запискахъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета» онъ помѣстилъ цѣлый рядъ изслѣдованій и матеріаловъ по мѣстной исторіи; чтобъ оцѣнить ихъ значеніе, достаточно вспомнить, что здѣсь были напечатаны его «Малороссійскіе посполитые крестьяне» ⁶⁾ и «Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Черниговской губ.» ⁷⁾: послѣднюю работу онъ продолжалъ въ послѣдствіи на страницахъ Русскаго Архива и Кіевской Старины подъ инымъ болѣе широкимъ заглавіемъ ⁸⁾. Его исторія крестьянскаго сословія въ лѣвобережной Малороссіи (съ 1648 по 1783 г.) представляетъ выдающееся явленіе въ областной исторической литературѣ какъ по новизнѣ матеріаловъ (извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ), такъ и по тщательной группировкѣ ихъ. Выводъ, къ которому

1) Остерскій уѣздъ. Часть 1-я. К. 1881 г.

2) А. Ханенка. Г. Погарь.

3) А. Есимоновскаго. Описаніе Суражскаго уѣзда. Ч. 1845 г.

4) Особенно цѣнна работа г. Теличенка, по даннымъ архива Малороссійской коллегіи, «Очеркъ кодификаціи Малороссійскаго права» (Кіевск. Старина, 1888, № 9 и 10).

5) Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края. Вып. 1-й, Спб. 1858 г.

6) Зап. Губ. Стат. Ком., кн. 1-я. Черниговъ. 1866, 1—152.

7) Ibidem, кн. 2-я, вып. 1-й и 2-й, стр. 35—148.

8) Русск. Арх. 1875 г., I, II, III, 76, III (Очерки малороссійскихъ фамилій); Кіевская Старина 1882 г., 1, 3, 8; 84 г. 1; 85 г. 5, 86 г. 1, 7; 87 г. 6, 7, 8; 88 г. 11.

пришелъ авторъ, долженъ былъ показаться неожиданнымъ для многихъ. На основаніи документальныхъ данныхъ здѣсь доказывалось, что закрѣпощеніе крестьянъ въ Малороссіи не было вызвано извѣстнымъ указомъ Екатерины II (1783 г.), а подготовлялось исподволь постепенно самою казацкою старшиною, все болѣе и болѣе увеличивавшею повинности посполитыхъ. Дальнѣйшее развитіе той же мысли мы находимъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ жизни старинныхъ малороссійскихъ фамилій; въ нихъ яркими чертами изображается исторія типическихъ представителей этихъ родовъ, ихъ страсть къ наживѣ на счетъ своихъ подданныхъ, злоупотребленія въ дѣлѣ управленія и т. п.; здѣсь г. Лазаревскій обнаружилъ изумительную начитанность въ старой малороссійской генеалогіи; въ другихъ статьяхъ (о сотникахъ и о духовенствѣ) ¹⁾, онъ пытается рядомъ съ отдѣльными біографіями представить общую характеристику жизни цѣлыхъ общественныхъ группъ; все это упрочило за нимъ извѣстность основательнаго изслѣдователя внутренней, соціально-экономической жизни въ гетманщинѣ XVII и XVIII вв. Таково направленіе ученыхъ работъ А. М. Лазаревскаго; его пессимизмъ и стремленіе изучать внутреннюю жизнь были какъ бы естественною реакціею противъ оптимизма и увлеченій внѣшними событіями со стороны прежнихъ малороссійскихъ историковъ; такого увлеченія, какъ извѣстно, не избѣжалъ и талантливѣйшій представитель южно-русской исторической школы, Костомаровъ. Важное значеніе трудовъ г. Лазаревскаго опредѣляется новизною ихъ содержанія, а эта послѣдняя въ свою очередь зависитъ отъ новизны источниковъ. Онъ открылъ и собралъ множество архивныхъ матеріаловъ по исторіи лѣвобережной Украины и этимъ оказалъ большую услугу наукѣ. Всѣ его изслѣдованія основаны почти исключительно на неизданныхъ документахъ, извлеченныхъ изъ архивовъ Черниговскаго губернскаго правленія, казенной палаты, дворянскаго депутатскаго собранія и полученныхъ отъ частныхъ лицъ. Кромѣ того ему принадлежитъ честь открытія знаменитой Румянцевской описи Малороссіи и изданія въ свѣтъ половины ея краткаго обзорѣнія ²⁾; онъ же нашелъ и напечаталъ часть «Описанія Черниговскаго намѣстничества» Д. Пащенка ³⁾, а также издалъ чрезвычайно важное собраніе фамиліальныхъ докумен-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1873 г., I; 1871.

²⁾ Обзорѣніе Румянцевской описи Малороссіи. Черн. 1866—67.

³⁾ Зап. Губ. Ст. Ком., кн. 2-я, вып. 1-й и 2-й, 3-й и 4-й (приложеніе).

товъ Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей ¹⁾). Нужно замѣтить, что всѣ эти документы были разсѣяны въ архивахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ, и судьба ихъ была по истинѣ печальна: многіе присвоивали ихъ себѣ съ корыстными цѣлями, другіе брали съ благими намѣреніями — спасти отъ уничтоженія и воспользоваться для своихъ ученыхъ работъ; и г. Лазаревскій въ это время собралъ для себя значительное количество архивныхъ матеріаловъ и тѣмъ положилъ начало своей рукописной библіотекѣ. Въ то время какъ документы, относившіеся къ правобережной Малороссіи (Кіевской, Подольской и Волынской губерніямъ), были собраны въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ и выходили въ свѣтъ въ образцовыхъ изданіяхъ Кіевской археографической комиссіи, сопровождаемые цѣнными изслѣдованіями гг. Иванишева, Антоновича, Новицкаго и др., архивъ малороссійской коллегіи въ Черниговѣ постепенно уменьшался въ своемъ объемѣ; о приведеніи его въ порядокъ и объ изданіи никто не заботился. Такое положеніе дѣла должно было, естественно, отразиться и на характерѣ ученой дѣятельности г. Лазаревскаго, стоявшаго непосредственно у этихъ источниковъ: не имѣя возможности издавать архивныхъ матеріаловъ, онъ долженъ былъ вводить ихъ въ слишкомъ большомъ количествѣ въ текстъ своихъ изслѣдованій, и благодаря этому, многія его работы представляютъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и сборникомъ матеріаловъ; въ особенности это нужно сказать о его работахъ по исторіи заселенія края («Села ²⁾ Конотопскаго уѣзда» и друг.); такимъ же характеромъ, какъ увидимъ далѣе, отличается до нѣкоторой степени и настоящее его сочиненіе. Ближе всего подходит по своему содержанію къ нынѣшнему труду г. Лазаревскаго названная выше работа о селахъ Конотопскаго уѣзда; она представляетъ еще болѣе детальную исторію селеній Конотопскаго уѣзда, чѣмъ извѣстная намъ статья Максимовича о Бубновской сотнѣ. О характерѣ этихъ очерковъ даетъ ясное представленіе предисловіе самого сочинителя: «предлагая здѣсь историческіе очерки населенныхъ мѣстъ Конотопскаго уѣзда, мы имѣемъ въ виду, говорить онъ, сообщить возможно полную ихъ исторію. Очеркъ каждаго поселенія будетъ заключать въ себѣ не только исторію его заселенія, но всю его судьбу отъ возникновенія до настоящаго времени, по возможности. При этомъ главное вниманіе наше обра-

¹⁾ Сулимовскій Архивъ. К. 1884 г.

²⁾ Зап. Черн. Губ. Стат. Ком., кн. 2-я, вып. 3-й и 4-й, стр. 149—340.

щено будетъ на ту историческую обстановку, въ которую поставлено было населеніе того или другаго мѣста и при которой оно совершало историческую жизнь. При этомъ мы воспользуемся всѣми фактами (добытыми нами преимущественно изъ архивныхъ источниковъ), не смотря на кажущуюся, быть можетъ, ихъ незначительность. Дорожить этими свѣдѣніями заставляетъ и то уже обстоятельство, что русская сельская исторія вообще крайне бѣдна ими, такъ какъ она постоянно заслоняется одними крупными фактами исторической жизни народа. Вслѣдствіе же бѣдности сельской исторіи, остаются неизвѣстными многіе факты изъ народной жизни, безъ которыхъ иногда не будетъ возможно полное уразумѣніе тѣхъ темныхъ или свѣтлыхъ сторонъ, которыя представляются въ настоящемъ положеніи нашихъ селъ» (стр. 163). Какъ видно отсюда, эта работа заключаетъ въ себѣ матеріалы по исторіи заселенія, землевладѣнія, сословныхъ отношеній и управленія края; въ ней преобладаетъ описательная часть, а иллюстраціей служатъ статистическія данныя. Въ началѣ помѣщенъ краткій общій очеркъ заселенія лѣвобережной Малороссіи до второй половины XVII в., который, вмѣстѣ съ замѣтками по этому вопросу пр. Филарета, является первымъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ. Вообще статья эта представляетъ какъ бы краткій конспектъ того, что теперь задумалъ дать намъ г. Лазаревскій. Теперь онъ значительно расширилъ свою задачу; желаетъ представить намъ описаніе всей лѣвобережной Малороссіи XVII и XVIII вв., которая состояла тогда, какъ извѣстно, изъ десяти полковъ. Каждому полку, очевидно, предполагается посвятить по одному тому, а всѣхъ, такимъ образомъ, будетъ 10. Принявъ во вниманіе предъидущіе труды и изданія г. Лазаревского, его начитанность въ печатныхъ источникахъ, зная также, что въ его распоряженіи находится рукописная бібліотека или, правильнѣе говоря, цѣлый домашній архивъ, я не могу назвать его предпріятіе слишкомъ смѣлымъ и ненадежнымъ; изъ всѣхъ современныхъ изслѣдователей южно-русской старины онъ скорѣе всѣхъ можетъ дать намъ историко-географическое описаніе лѣвобережной Малороссіи XVII и XVIII вв. Работа надъ генеалогіей малороссійскихъ дворянскихъ семействъ, приобрѣтенное въ продолженіе 20 слишкомъ лѣтъ искусство въ обращеніи съ арх. матеріаломъ, любовь къ детальному изученію народной жизни, о которой свидѣтельствуемъ приведенная мною выдержка, послужили прекрасною подготовительною школою для настоящаго труда. Содержаніе же и форма его опредѣляются съ одной стороны тѣмъ состояніемъ, въ кото-

ромъ находятся источники и разработка исторіи лѣвобережной Малороссіи (что я старался показать выше), а съ другой индивидуальными особенностями самого г. Лазаревскаго, какъ писателя; несомнѣнно, что ему лично присущъ интересъ именно къ такого рода описательнымъ и статистическимъ работамъ.

Планъ, общій характеръ и содержаніе книги.

О планѣ и содержаніи своей книги г. Лазаревскій выражается такъ: «въ нашей книгѣ описывается Малороссія лѣваго берега Днѣпра, составляющая нынѣ губерніи Черниговскую и Полтавскую, причемъ описаніе имѣетъ въ виду главнымъ образомъ періодъ времени отъ присоединенія Малороссіи къ Русскому государству въ 1654 г. до введенія въ ней общерусскихъ формъ гражданскаго управленія въ 1782 г. открытіемъ намѣстничествъ. Собранный матеріалъ располагается по тому административному дѣленію Малороссіи, которое въ ней существовало до открытія намѣстничествъ; до 1782 г. Малороссія, какъ извѣстно, дѣлилась на полки. Полкъ сталъ выражать собою не только военную, но и гражданскую единицу, и Малороссія раздѣлилась въ гражданскомъ отношеніи на нѣсколько округовъ, которые стали называться полками. Каждый такой полкъ подраздѣлялся въ свою очередь на части, которыя, занимствуя свое названіе также отъ военнаго дѣленія полка, стали называться сотнями. Полковники и сотники соединяли въ своихъ рукахъ какъ военную, такъ гражданскую власть, причемъ въ послѣднюю включена была кромѣ административной и судебная власть» (стр. I—II)... Въ такомъ видѣ г. Лазаревскій намѣренъ представить описаніе всей Малороссіи. Каждый полкъ будетъ описываться отдѣльно, причемъ, послѣ историческаго очерка территоріи его, будетъ перечисляться въ хронологическомъ порядкѣ полковая старшина отъ полковника до хорунжаго включительно и будутъ сообщаться о ней всѣ біографическія данныя. «Въ этомъ отдѣлѣ, говоритъ г. Лазаревскій, будетъ заключаться матеріалъ какъ для исторіи частнаго (полковаго) управленія въ Малороссіи, такъ и для исторіи мѣстнаго общества вообще. Полковая старшина въ Малороссіи, пользуясь отсутствіемъ предѣловъ своей власти, имѣла такое широкое вліяніе на экономическую жизнь народа, что возможно полное ознакомленіе съ отдѣльными личностями ея состава является необходимымъ условіемъ при изученіи внутренняго быта въ

Малороссіи въ періодъ гетманщины. Послѣ перечня полковой старшины слѣдуетъ описаніе полка по сотнямъ, которому предшествуетъ перечень сотниковъ съ сообщеніемъ о нихъ также возможно подробныхъ свѣдѣній въ виду той обширности власти, которою пользовались сотники надъ подчиненнымъ имъ населеніемъ. Послѣ перечня сотниковъ слѣдуетъ перечень всѣхъ поселеній, составлявшихъ сотню, причемъ приводятся свѣдѣнія о времени ихъ возникновенія, о ихъ владѣльцахъ и о количествѣ жителей. Здѣсь наиболѣе скудны свѣдѣнія о времени возникновенія описываемыхъ населенныхъ мѣстностей, потому что достовѣрныя свѣдѣнія о времени поселенія послѣднихъ имѣются лишь относительно тѣхъ изъ нихъ, которыя возникли не раньше второй половины XVII в.» (стр. II—III).

Настоящій первый томъ сочиненія г. Лазаревскаго, заключающій въ себѣ описаніе Стародубовскаго полка, выполненъ по выше указанному плану. Сначала помѣщенъ «историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Стародубскій полкъ», затѣмъ идутъ біографіи всѣхъ дѣятелей полковаго управленія — полковниковъ, полковыхъ обозныхъ, судей, писарей, эсауловъ, хорунжихъ, потомъ географическій очеркъ Стародубскаго полка и дѣленіе его на сотни, исторія полковаго города Стародуба и, наконецъ, исторія каждой сотни въ отдѣльности; сюда входятъ біографіи сотниковъ, исторія сотенныхъ городовъ и всѣхъ селеній, входившихъ въ составъ той или иной сотни.

Сказаннымъ совершенно ясно опредѣляется и основная задача труда, и его планъ, и общій характеръ его содержанія. Г. Лазаревскій желаетъ дать намъ не изслѣдованіе, въ точномъ смыслѣ этого слова, а описаніе лѣвобережной Малороссіи. Въ это описаніе входитъ впрочемъ не только территорія, но и населеніе. Кромѣ историко-географическихъ очерковъ городовъ и селеній, даются и историческія свѣдѣнія о дѣятеляхъ мѣстнаго управленія и о землевлѣдѣніи. Такимъ образомъ, прямая цѣль сочиненія — не выводы изъ фактовъ, а такъ сказать, самые факты; впрочемъ факты эти представляются не *in studo*, а въ систематизированномъ видѣ; они являются средствомъ для подробнѣйшаго описанія мѣстности и населенія въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали съ половины XVII до конца XVIII в. Не смотря на обиліе, преобладаніе, вѣрнѣе, даже господство фактическаго матеріала въ книгѣ, авторъ почти всегда воздерживается отъ выводовъ и обобщеній; въ этомъ характерная особенность всѣхъ такихъ сочиненій, хотя, конечно,

они требуютъ значительнаго труда не только на собраніе матеріала, что совершенно понятно, но и на его систематизированіе и первоначальную сводку. Группировать историческій матеріалъ можно различными способами и каждый изъ нихъ имѣетъ право гражданства. Въ послѣднее время у насъ не только среди авторовъ-историковъ, но и среди рецензентовъ, даже, такъ сказать, присяжныхъ господствуетъ какая-то путаница понятій по этому вопросу. Пишетъ напримѣръ авторъ очень полезныя очерки по исторіи своего края; они состоятъ изъ многихъ отдѣльныхъ *разказовъ* и *описаній*, связанныхъ другъ съ другомъ только тѣмъ, что относятся къ одной и той же территоріи; и что же? Въмѣсто того, чтобы назвать вещь ея собственнымъ именемъ, авторъ во что бы-то ни стало хочетъ, чтобы его трудъ называли изслѣдованіемъ и обижается на критика, который говоритъ, что это не изслѣдованіе. Другой авторъ, наоборотъ пишетъ историческій этюдъ, такъ и озаглавливаетъ его, а присяжный-критикъ въ своемъ безапелляціонномъ и «компетентномъ» отзывѣ ограничивается только указаніемъ на то, что данная работа напрасно претендуетъ на титулъ изслѣдованія. Или еще одинъ примѣръ: третій критикъ не желаетъ назвать разбираемаго имъ сочиненія изслѣдованіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что въ немъ находится цѣлый рядъ монографическихъ изслѣдованій. Мнѣ кажется, что едва ли удобно и справедливо исключительно руководствоваться въ своихъ отзывахъ теоретическимъ представленіемъ о томъ, чѣмъ должно быть изслѣдованіе въ его цѣльномъ видѣ; вѣдь я, напримѣръ, могу не выполнить требованія о *полнотѣ* содержанія по обстоятельствамъ отъ меня не зависящимъ, — потому что нѣтъ для этого источниковъ; «на нѣтъ и суда нѣтъ». Иногда въ изслѣдованіе приходится вводить описаніе и т. д.; все это обуславливается различными частными обстоятельствами, которыя игнорировать едва ли возможно; иногда наиболѣе пригодною формою систематизаціи матеріала оказывается чистое описаніе.

Такъ было и въ данномъ случаѣ; г. Лазаревскій, нѣкогда написавшій изслѣдованіе о крестьянахъ лѣвобережной Малороссіи, счелъ полезнымъ дать своей теперешней книгѣ описательный характеръ. Это обстоятельство, конечно, нисколько не помѣшаетъ ему въ послѣдствіи обобщить свои фактическія данныя и наблюденія — и эти обобщенія, будучи основаны на цѣлой массѣ сгруппированнаго, критически сопоставленнаго матеріала, окажутся устойчивыми и надежными. А если бы самъ г. Лазаревскій не взялъ на себя такой задачи, то ее исполнить кто нибудь другой — и тогда книга г. Ла-

заревскаго явится для него основнымъ фундаментальнымъ источникомъ. Тамъ онъ найдетъ множество данныхъ по исторіи заселенія, землевладѣнія, управленія, соціального и экономическаго быта населенія; у г. Лазаревскаго нѣтъ въ оглавленіи послѣдней рубрики, но мнѣ кажется, что это простой недосмотръ: по крайней мѣрѣ біографіи казацкихъ старшинъ, на мой взглядъ, заключаютъ въ себѣ гораздо больше данныхъ для характеристики соціально-экономическаго положенія малороссійскаго общества того времени, чѣмъ для исторіи его управленія.

Описательный характеръ книги г. Лазаревскаго опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находятся источники по этому вопросу. Громадное большинство ихъ не напечатано и на правильное изданіе ихъ трудно и рассчитывать. На сколько мнѣ извѣстно, г. Лазаревскій обращался съ предложеніемъ въ Кіевскую Археографическую Коммиссію объ отдѣльномъ изданіи одного изъ важнѣйшихъ своихъ архивныхъ источниковъ — Генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ по разнымъ полкамъ (о немъ я буду говорить ниже); но дѣло почему-то не состоялось; не удивительно, что этотъ источникъ нужно было вводить въ текстъ; то же самое вышло и съ другими архивными матеріалами; это и придало книгѣ фактической характеръ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ. Такой важный матеріалъ, какъ генеральное слѣдствіе о маестностяхъ или *описаніе* Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества заслуживало бы отдѣльнаго изданія. Тогда имъ могли-бы пользоваться не одинъ г. Лазаревскій, но и другіе. Теперь же мы имѣемъ въ отрывкахъ только то, что намъ сообщаетъ г. Лазаревскій; а онъ извлекъ далеко не все, руководствуясь при этомъ тѣми или иными соображеніями, и новому изслѣдователю придется обращаться за этими пропущенными свѣдѣніями къ тѣмъ же неизданнымъ матеріаламъ. Впрочемъ, едва ли справедливо винить въ этомъ г. Лазаревскаго; едва ли можно требовать отъ частнаго лица изданія на свои средства сырыхъ матеріаловъ. Можно только отдать преимущество въ этомъ отношеніи той формѣ изданія, какую мы находимъ въ архивѣ юго-западной Россіи или въ варшавскихъ изданіяхъ г. Яблоновскаго. Здѣсь и сырой матеріалъ, помѣщенный въ приложенияхъ, подвергнуть самой тщательной переработкѣ и потому изслѣдованіе изобилуетъ многими обобщеніями и выводами; самое изложеніе отличается большею систематичностью. Впрочемъ есть въ такомъ способѣ изданія и невыгодная сторона и ее необходимо отмѣтить. Изслѣдователь, какъ показываетъ опытъ,

ограничивается обыкновенно констатированіемъ важнѣйшихъ своихъ наблюденій и выводовъ; все то, что составляетъ мѣстные особенности или слабыя разновидности, не можетъ служить предметомъ тщательнаго наблюденія и остается неподчеркнутымъ. Авторъ-хорошо изучившій издаваемый имъ матеріалъ, легко впадаетъ въ ошибку, думая, что и читатель не ограничится его изслѣдованіемъ и *внимательно* прочтетъ также документы; но такого внимательнаго чтенія почти никогда не бываетъ. Вообще описательному элементу въ такихъ работахъ по неволѣ приходится отводить самое скромное мѣсто; если, напримѣръ, авторъ пишетъ изслѣдованіе по исторіи заселенія края, то ему необходимо будетъ остановиться только на болѣе яркихъ примѣрахъ основанія селеній, для того чтобы опредѣлить характерные типы; еще болѣе замѣтно это относительно біографій мѣстныхъ дѣятелей; каждый изъ нихъ несомнѣнно обладалъ кромѣ общихъ родовыхъ, такъ сказать, чертъ своего типа, индивидуальными особенностями характера, которыя также представляютъ интересъ; притомъ и эти общія родовыя черты типа будутъ уловлены только тогда, когда мы постараемся изучить во всѣхъ подробностяхъ жизнь очень многихъ дѣятелей, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, г. Лазаревскій относительно своихъ «Людей Старой Малороссіи»; для того чтобы картина *внутренню быта* получилась рельефнѣе, она непремѣнно должна иллюстрироваться біографіями историческихъ лицъ; для того чтобы исторія колонизаціи не была слишкомъ сухою, она обязательно должна сопровождаться наглядными примѣрами судьбы многихъ населенныхъ пунктовъ, въ связи съ вліяніемъ на нихъ мѣстныхъ условій жизни; не должны отсутствовать здѣсь и историческіе портреты колонизаторовъ. Нельзя, по моему мнѣнію, упускать изъ вида и еще одно соображеніе. Едва ли кто не согласится съ тѣмъ, что въ Русской исторіи географическій элементъ долженъ играть чрезвычайно видную роль. Работы по русской исторической географіи являются желанными всходами на нивѣ отечественной исторіи. Въ числѣ ихъ книга г. Лазаревскаго должна будетъ занять очень видное мѣсто. Но историко-географическое направленіе въ русской исторіографіи далеко еще достигло желательной степени развитія. Дѣло стоитъ такъ, что приходится дорожить не только ученымъ изслѣдованіемъ, но и первоначальною сводкою фактовъ, даже самыми фактами, если они расширяютъ наши свѣдѣнія или исправляютъ наши ошибки. Много еще хотѣлось бы мнѣ высказать по этому любопытному вопросу, но ограничусь и этимъ. Полагаю,

что теперь выяснилось мое отношеніе къ той формѣ систематизаціи матеріала, которую выбралъ г. Лазаревскій и которую онъ называетъ «Описаніемъ Старой Малороссіи». Не могу здѣсь кстати не отмѣтить неточности употребленнаго имъ термина «Старая Малороссія»; рѣчь идетъ не о старой, а о лѣвобережной Малороссіи; такъ слѣдовательно, нужно было озаглавить и книгу — «Описаніе лѣвобережной Малороссіи».

Мы познакомились въ общихъ чертахъ съ планомъ и содержаніемъ книги г. Лазаревскаго и можемъ перейти теперь къ ея детальному разсмотрѣнію. Разсматривать ее я буду не по плану автора, а по собственному, представляющему больше удобствъ для цѣлей критики. Основной вопросъ, который предстоитъ рѣшить этой послѣдней, это показать — сколько новаго даетъ сочиненіе г. Лазаревскаго и на сколько это новое заслуживаетъ нашего вниманія. Имѣя въ виду эту цѣль, я распредѣляю все содержаніе книги на четыре главы: въ одной будутъ разсмотрѣны историко-географическія описанія мѣстностей общаго характера; въ другой — отдѣлы книги, посвященные городамъ, въ третьей — селеніямъ, въ четвертой — біографіямъ казацкой старшины. Такимъ образомъ, удобнѣе будетъ сдѣлать и кое-какія обобщенія, которыя не были сдѣланы самимъ авторомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнить должнымъ образомъ и самую книгу. Но предварительно необходимо разсмотрѣть вопросъ объ источникахъ и пособіяхъ, положенныхъ въ основу настоящей работы.

Источники и пособія.

Уже въ первой главѣ я постарался указать на нѣкоторыя важнѣйшія сочиненія, относящіяся къ исторіи лѣвобережной Малороссіи. Теперь необходимо детально разсмотрѣть вопросъ объ источникахъ и пособіяхъ, положенныхъ г. Лазаревскимъ въ основаніе его труда, такъ какъ значеніе этого послѣдняго опредѣляется главнымъ образомъ обиліемъ новыхъ фактическихъ данныхъ, извлеченныхъ авторомъ изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ. Главнѣйшими печатными матеріалами для г. Лазаревскаго были слѣдующія изданія: Обзорѣніе Румянцевской описи Малороссіи, Сулимовскій Архивъ, Матеріалы отечественной исторіи Судіенка, Архивъ Сената Баранова, Матеріалы военно-ученаго архива Главнаго Штаба, Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ. (т. XXXV и LIX).

Акты южной и западной Россіи, дневники Ханенка и Я. Марковича, Архивъ юго-западной Россіи, Доп. къ Ак. Истор., Источники Малор. ист. Бантышъ-Каменскаго, Рус. истор. библ., Акты запад. Россіи, Volumina legum, Памят. Кіев. Ком., Акты Вилен. Арх. Ком., книги разрядныя, Симв. сборн., казацкія лѣтописи (Самовидца, Величка и Грабянки), письма Лазаря Барановича, Лѣт. пов. Ригельмана, Tagebuch Gordon's, Русск. Родосл. книга, П. С. Зак., Архивъ кн. Воронцова, Путевыя замѣтки Гуна и нѣкотор. др. Какъ видимъ изъ этого перечня, въ основу книги положены документальныя данныя — актовъ матеріалъ, и онъ выбранъ не только изъ специальныхъ книгъ, но и сборниковъ общаго характера. Наконецъ, нельзя не отмѣтить знакомства г. Лазаревскаго со многими документами, напечатанными въ такихъ малоизвѣстныхъ и малодоступныхъ изданіяхъ, какъ напр. Черниговскія Губ. Вѣд. и Черниговскій Листокъ за старыя годы. Кто знаетъ, какъ много историческихъ, географ., статист. и этнографическихъ матеріаловъ помѣщено было въ этихъ изданіяхъ, тотъ вполне оцѣнитъ заслугу г. Лазаревскаго. Нельзя не указать также на то обстоятельство, что извлеченія изъ Черниговскихъ Губерн. Вѣдомостей сдѣланы не случайно, а систематически; по крайней мѣрѣ я пришелъ къ такому заключенію, сравнивъ указатель къ Черниг. Вѣд. съ 1838 по 1858 годъ (за 20 лѣтъ) съ ссылками г. Лазаревскаго.

Столь же основательно знакомство г. Лазаревскаго и съ пособиями. Ему извѣстны: Истор.-стат. оп. Черн. епар. Филарета, сочиненія Б. Каменскаго, Максимовича, Костомарова, Кулиша, Антоновича, Соловьева, Васильчикова (Семейство Разумовскихъ), Григоровича (кн. Безбородко), Погодина, Самоквасова, Барсова, Арцыбашева, рядъ статей о мѣстныхъ архивахъ, Городскія поселенія Россійской имперіи, Описаніе Кіево-Печерской лавры, Описаніе г. Мглина г. Токмакова, Ист. опис. нѣкоторыхъ мѣстностей Черниг. губ. Ханенка, Пѣжинскіе греки г. Сторожевскаго, Стародубье Верховскаго; онъ пользуется и такими брошюрами и статьями, которыя составляютъ библиографическую рѣдкость, напримѣръ, чрезвычайно интересною работою Есимонтовскаго: «Описаніе Суражскаго уѣзда», Ханенка: «Г. Погаръ», а также статьями, помѣщенными въ различныхъ журналахъ (Рус. Арх., Ист. Вѣст., Кіев. Стар., Основѣ, Рус. Стар.); онъ не пропускаетъ и сочиненій, относящихся къ современному быту, напримѣръ — трудовъ Черниговскаго Земскаго Статистическаго бюро («Матеріалы для оцѣнки земель и угодій»); онъ, наконецъ, извлекаетъ необходимыя для себя свѣдѣнія и изъ та-

кихъ работъ, которыя по содержанію своему имѣютъ самую отдаленную связь съ интересующимъ его предметомъ—*Katalog wystawy archeologicznej. Lw.; Linde. Słownik języka polskiego; Moraczewski. Starożytności polskie; Balinskiego i Lipinskiego. Starożytna Polska; Historyczne pamiątki Świętego.* Нечего и говорить, что важнымъ пособіемъ для г. Лазаревскаго являются его собственные изслѣдованія и матеріалы.

Въ концѣ концовъ получается, такимъ образомъ, довольно длинный списокъ источниковъ и пособій, которыми пользовался авторъ; однако кое-что г. Лазаревскій упустилъ изъ виду. Не принимая на себя задачи возстановить всѣ эти пробѣлы, я отмѣчу только нѣкоторыя. Г. Лазаревскій ссылается на 2 тома Сборника И. Р. И. Общ. (XXXV и LIX), но почему-то не упоминаетъ о ХLI-й т., въ которомъ заключаются памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіатскими народами — Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціей за время великихъ князей Иоанна III и Василія Іоанновича; а между тѣмъ и въ немъ находятся такія же любопытныя данныя, какъ и въ остальныхъ двухъ. Для древнихъ судебъ Стародубскаго края (XVI и 1-й пол. XVII в.) имѣютъ значеніе матеріалы, заключающіеся въ соч. Бѣляева «О сторожевой, станичной и полевой службѣ»¹⁾; это сочиненіе г. Лазаревскому неизвѣстно, во всякомъ случаѣ онъ на него не ссылается; разрядными книгами онъ хотя и пользуется, но только однимъ вторымъ томомъ. Много данныхъ для себя г. Лазаревскій нашелъ въ обзорѣняхъ Сенатскаго и Штабнаго архива, но у него нѣтъ ссылокъ на описаніе другихъ архивовъ, напримѣръ, Синодальнаго и разряднаго²⁾. Нѣтъ указаній и на матеріалы изъ архива Кіев. губ. пр., изданныя А. А. Андріевскимъ, а между тѣмъ въ нихъ помѣщено любопытное свѣдѣніе о кожевенныхъ заводахъ въ раскольничьихъ слободахъ. Если г. Лазаревскій не успѣлъ воспользоваться весьма важными для него документами, касающимися извѣстной Екатерининской Коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія, потому что они недавно начали печататься на стр. Кіев. Стар. (въ 1888) и въ ХLIII т. Сб. И. Р. И. Общ., то почему онъ въ такомъ случаѣ

¹⁾ Чтенія Моск. Общ., 1846, № 4;

²⁾ Въ описаніи Гос. Раз. Архива Иванова помѣщенъ документъ 1605 г., относящійся къ Стародубу (стр. 42—45). Въ книгѣ Н. Н. Оглоблина «Обозр. ист.-геогр. матеріаловъ XVII и XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. М. 1884 г.» есть указанія на архивныя данныя, касающіяся Стародубскаго полка.

не воспользовался свѣдѣніями объ этомъ, находящимися хотя бы у С. М. Соловьева или Авсѣенки (не указываю на книгу г. Латкина, потому что у него данныя объ этомъ совершенно компилятивныя). Въ дѣлѣ Екатерининской Коммиссіи населеніе Стародубскаго полка играло довольно характерную роль; въ Стародубскихъ депутатскихъ наказахъ мы встрѣчаемъ интересныя свѣдѣнія о положеніи разныхъ классовъ тогдашняго общества, о взаимныхъ отношеніяхъ между ними — и все это обойдено молчаніемъ у г. Лазаревского. Неизвѣстна г. Лазаревскому и Исторія Россійской іерархіи Амвросія, гдѣ помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ русскихъ монастыряхъ. Очень важнымъ источникомъ — Румянцевскою описью Суражскаго уѣзда ¹⁾ г. Лазаревскій, вѣроятно, не могъ воспользоваться потому, что она вышла въ свѣтъ во время печатанія его книги; но нельзя не поставить почтенному автору въ вину того обстоятельства, что онъ только указываетъ въ примѣчаніи (597-мъ на 390 стр.) на весьма любопытную статью г. Филимонова, «Формы землевладѣнія въ Суражскомъ уѣздѣ» ²⁾, но не представляетъ изъ нея никакихъ извлеченій. Въ этой статьѣ сдѣлана попытка дать исторію мѣстнаго землевладѣнія (монастырскихъ крестьянъ), по даннымъ Румянцевской описи Малороссіи. Вопросъ о формахъ землевладѣнія въ Стародубщинѣ весьма важенъ, онъ находится въ тѣснѣйшей связи съ соціально-экономическимъ бытомъ населенія и складомъ его обычно-правовыхъ воззрѣній; во всякомъ случаѣ по важности своей онъ не уступаетъ вопросу о способахъ хозяйства, о чемъ г. Лазаревскій счелъ нужнымъ поговорить, воспользовавшись для этого брошюрою Есимонтовскаго. Допустить, чтобы г. Лазаревскій не интересовался исторіей землевладѣнія едва-ли возможно, такъ какъ онъ обѣщаетъ дать въ своей книгѣ матеріалы и по этому вопросу. Недостаточно исчерпалъ г. Лазаревскій также изданные имъ протоколы Стародубскаго магистрата 1683 и 1690 г. и оставилъ безъ вниманія статью о нихъ извѣстнаго профессора Лешкова ³⁾, между тѣмъ какъ они освѣщаютъ темный вопросъ о характерѣ судопроизводства въ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ. Чтобы объяснить себѣ эти пропуски, можно сдѣлать одно предположеніе (и пожалуй самое вѣроятное), что г. Лазаревскій имѣлъ въ виду дать новые матеріалы и не

¹⁾ Румянцевская Генер. Опись Суражскаго уѣзда. Е. С. Филимонова. Вятка. 1888 г.

²⁾ См. Черниг. Губ. Вѣд. 1852, №№ 36, 40, 42—44 и 57 г. №№ 22, 24, 27—28, 30—33; Москвитининъ, 1853, № 1-й.

желалъ повторять того, что сказано другими; но если это такъ, то я долженъ замѣтить, что эта манера не выдержана авторомъ — онъ приводитъ не мало выдержекъ и изъ общеизвѣстныхъ источниковъ (напримѣръ, Обзорѣнія Румянцевской описи Малороссіи). Вообще, какъ мнѣ кажется, г. Лазаревскій самъ недостаточно остановился надъ вопросомъ — въ какой мѣрѣ и полнотѣ ему нужно было пользоваться печатными источниками и пособиями. Нѣкоторыми изъ нихъ, на мой взглядъ, онъ пользуется въ недостаточной степени, напримѣръ, разрядными книгами, реестрами, изданными Бодянскимъ, Сборникомъ Имп. Рус. Ист. Общ., 10-мъ томомъ Актовъ южной и западной Россіи, Историко-статистическимъ описаніемъ Черниговской епархіи Филарета и даже Обзорѣніемъ Румянцевской описи Малороссіи. Впослѣдствіи я постараюсь восполнить нѣкоторые фактическіе пробѣлы г. Лазаревского; теперь же замѣчу только, что изъ Актовъ южной и западной Россіи онъ, напр., далеко не извлекъ того, что можно было извлечь; сюда нужно отнести любопытныя свѣдѣнія о разныхъ населенныхъ мѣстностяхъ Стародубскаго полка — о городскихъ укрѣпленіяхъ, о числѣ жителей съ подраздѣленіемъ ихъ на сословія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что г. Лазаревскому прекрасно извѣстна большая часть указанныхъ мною сочиненій и думаю, что онъ не воспользовался ими только потому, что смотрѣлъ на свою книгу, главнымъ образомъ, какъ на собраніе новыхъ данныхъ по разрабатываемому имъ предмету. Но мнѣ все-таки кажется, что работа г. Лазаревского только выиграла бы, если бы онъ въ ней представилъ по возможности полный систематическій сводъ *всѣхъ* печатныхъ данныхъ. Ему не было бы даже надобности загромождать текста книги всѣмъ этимъ матеріаломъ — его можно было бы отнести къ примѣчаніямъ, а въ иныхъ случаяхъ просто ограничиться общей характеристикой источника.

Но всѣ указанныя мною дополненія печатныхъ источниковъ и пособій не имѣютъ особенно существеннаго значенія, тѣмъ болѣе что основнымъ матеріаломъ являются для г. Лазаревского не печатныя, а архивныя данныя. Къ обзорѣнію этихъ послѣднихъ я теперь и перехожу. Въ распоряженіи А. М. Лазаревского находится цѣлый архивъ, собранный имъ въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ и относящійся исключительно къ исторіи лѣвобережной Малороссіи. Исторія составленія его мнѣ не извѣстна. Но, судя по тѣмъ матеріаламъ, которые приводилъ и приводитъ изъ него г. Лазаревскій, можно полагать, что онъ составилъ частью изъ фамильныхъ,

семейныхъ документовъ, а частью изъ официальныхъ актовъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ ¹⁾ (главнымъ образомъ Черниговской губерніи). Нельзя не поблагодарить г. Лазаревскаго за то, что онъ спасъ отъ гибели многія фамильныя бумаги. Архивныя матеріалы въ рукахъ г. Лазаревскаго приносятъ возможно наибольшую пользу, такъ какъ постоянно употребляются имъ для научныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ выразить желаніе, чтобы г. Лазаревскій постепенно, по частямъ, по мѣрѣ того какъ будетъ исчерпывать свои документы, передавалъ ихъ въ собственность какого либо общественнаго хранилища — архива или библіотеки. У всѣхъ насъ живъ еще въ памяти пожаръ богатой рукописной библіотеки Кіевского проф. Голубева. Какъ бы то ни было, у г. Лазаревскаго имѣется подъ рукою богатое собраніе важныхъ источниковъ, — оно-то и послужило основаніемъ настоящей книги; имъ же будетъ пользоваться авторъ и для слѣдующихъ томовъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о важности этихъ документовъ, приведу о нихъ краткія данныя, сообщаемыя самимъ авторомъ.

На первомъ планѣ стоитъ такъ называемое *генеральное сведеніе о маетностяхъ* въ Стародубовскомъ полку 1729—1730 года, въ которомъ заключаются свѣдѣнія «о всѣхъ маетностяхъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ свободныхъ войсковыхъ и кто и по какимъ крѣпостямъ оными владѣеть и на какіе уряды тіе маетности прежде нынѣшнихъ владѣльцевъ належали и кто ими владѣлъ и по какимъ дачамъ съ приложеніемъ къ тѣмъ дачамъ копій высокомонаршихъ грамотъ, гетманскихъ универсаловъ и иныхъ крѣпостей». Это — драгоценный матеріалъ и для исторіи селеній (владѣльческихъ) и для исторіи мѣстнаго землевладѣнія (крупнаго старшинскаго). Старожилы должны были сообщать правдивыя свѣдѣнія о судьбѣ селъ до 1729 года, подъ угрозою жестокаго наказанія и потери имущества; державцы же представляли копии съ документовъ. Къ сожалѣнію, этотъ важный матеріалъ рисуетъ намъ только судьбу владѣльческихъ селеній, о казацкихъ же онъ не сообщаетъ почти

¹⁾ Сюда, быть можетъ, нужно отнести описаніе Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества, которое въ черновой рукописи хранится у г. Лазаревскаго. Въ 1869 г., г. Лазаревскій, ссылаясь на рук. опис. Новгородъ-Сѣвер. нам., писалъ, что оно принадлежитъ Черн. Губ. Стат. Ком. (Зап. Черн. Губ. Стат. Ком. книга 2-я, вып. 3 и 4, стр. 176, прим. 1). Тожественны или нѣтъ эти двѣ рукописи?

ничего. По Стародубовскому полку сохранились обѣ редакціи генеральнаго слѣдствія—пространная (черновая) и болѣе краткая (бѣловая). Г. Лазаревскій пользовался и тою, и другою ¹⁾. Кстати прибавлю отъ себя, что всѣ эти книги по видимому представляютъ не оригиналы, а оффиціальныя списки. По крайней мѣрѣ въ архивѣ Малор. Кол. (въ Харьковѣ) имѣется дѣло о снятіи копій съ тѣхъ книгъ генеральнаго слѣдствія, которыя въ 1731 г. были отправлены въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; необходимость снятія копій была вызвана пожаромъ, посѣдившимъ г. Глуховъ въ 1749 г. и истребившимъ хранившіяся тамъ книги генеральнаго слѣдствія. Это дѣло поручено было одному *канцеляристу*, который сначала отправился въ Петербургъ, но тамъ узнавъ, что книги эти были переданы въ Москву. Ему дана была особая инструкція относительно точности переписки и онъ получалъ значительное содержаніе деньгами и натурой, занимаясь этимъ дѣломъ съ писцами въ Москвѣ ²⁾.

2) Ревизская книга Стародубовскаго полка 1723 года представляетъ полный именной перечень населенія съ подраздѣленіемъ его на казаковъ, старшинъ, духовныхъ, посполитыхъ и мѣщанъ; посполитые въ свою очередь подраздѣлялись на грунтовыхъ (можнѣйшихъ и среднихъ) и бобылей. 3) Описаніе Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества 1781 г., въ которомъ заключаются цѣнныя статистическія данныя о количествѣ населенія, о торговлѣ и промышленности въ городахъ и мѣстечкахъ, о крестьянскомъ сословіи—все это важные источники для характеристики экономическаго быта Малороссіи въ концѣ XVIII в., когда она вступила уже на новый путь своего гражданскаго существованія. 4) Къ числу рукописныхъ матеріаловъ, которые принадлежатъ самому г. Лазаревскому, слѣдуетъ еще присоединить цѣлый рядъ фамильныхъ архивовъ—Сулимъ, Скорупъ, Войцеховичей, Есимонтовскихъ, Бороздны; другими фамильными рукописями онъ пользовался при посредствѣ разныхъ лицъ, напримѣръ, г. Скаржинскаго и покойныхъ А. Θ. Кистяковскаго и А. С. Лашкевича. Сюда же нужно причислить и отдаточныя книги Топальской и Чолховской волостей, которыя хранятся у нынѣшней владѣлицы м. Топали, кн. М. П. Долгорукой. Онѣ заключаютъ въ себѣ обстоятельное описаніе двухъ названныхъ выше

¹⁾ Книги генеральнаго слѣдствія сохранились по 7 малороссійскимъ полкамъ (въ Рум. Музеѣ, въ библиотекѣ Коллегіи П. Галагана въ Кіевѣ и у г. Лазаревскаго).

²⁾ Хар. Ист. Арх. Дѣло Мал. Кол. № 6597.

волостей, изъ которыхъ Топальская описана была въ два срока—въ 1710 г., при отдачѣ ея Рагузинскому, и въ 1771, при отдачѣ той и другой Румянцеву-Задунайскому. Здѣсь находятся данныя для исторіи селъ и землевладѣнія. 5) Много цѣнныхъ матеріаловъ извлекъ г. Лазаревскій въ 1865—68 г. изъ спеціальнаго правительственнаго архива лѣвобережной Малороссіи — Архива генеральной войсковой канцеляріи, или иначе Малороссійской коллегіи, когда онъ находился еще въ Черниговѣ. Архивъ этотъ имѣетъ свою печальную исторію, которую я рассказалъ г. Лазаревскій, основываясь отчасти на появившихся въ печати статьяхъ о немъ и отчасти на личныхъ наблюденіяхъ. Теперь онъ находится въ Харьковѣ въ вѣдѣніи Ист.-Фил. Общества, въ университетскомъ зданіи; положеніе его нѣсколько улучшилось, но все-таки оставляетъ желать очень многого, въ особенности относительно помѣщенія ¹⁾. Г. Лазаревскій не одобряетъ передачи этого архива въ Харьковъ. Я съ своей стороны въ прежней своей рецензіи на 1-й вып. книги г. Лазаревскаго привелъ цѣлый рядъ возраженій противъ этого мнѣнія и теперь мнѣ остается только сослаться на нихъ ²⁾. А. М. Лазаревскій пользовался этимъ архивомъ тогда, когда онъ находился еще въ Черниговѣ и не былъ разобранъ. Въ силу этого выборка изъ него матеріала носить на себѣ печать случайности и не отличается систематичностью. Да оно и понятно, — тогда г. Лазаревскій дѣлалъ себѣ извлеченія для другихъ цѣлей; не удивительно, что для настоящей книги они оказываются не вполне достаточными. 6) Другимъ Малороссійскимъ архивомъ, имѣющимъ по своему содержанію очень близкую связь съ Архивомъ Малор. кол.—я имѣю въ виду архивъ Малорос. историка Маркевича, проданный

¹⁾ Г. Лазаревскій указываетъ на двѣ мои замѣтки объ этомъ архивѣ, но ничего не говоритъ о третьей моей статьѣ, напечатанной въ Вѣстн. Археологіи и Исторіи Н. В. Калачова, и ст. П. С. Ефименка; въ послѣднее время г. Теличенко, работавшій въ этомъ архивѣ въ Харьковѣ, напечаталъ статью «Скорбный листъ архива Малорос. коллегіи» (Кіевская Стар. 1889, № 2), въ которой, на основаніи подлинныхъ дѣлъ, излагаетъ судьбу его въ прошломъ вѣкѣ и отчасти характеризуетъ его нынѣшнее состояніе. Къ сожалѣнію едва-ли въ близкомъ будущемъ можетъ измѣниться къ лучшему его положеніе; по крайней мѣрѣ послѣднее ходатайство мое о введеніи его въ штатъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій успѣхомъ не увѣнчалось; послѣдній отчетъ о состояніи архива въ 1889 г. напечатанъ въ «Харьковскомъ Сборникѣ» на 1890 годъ.

²⁾ См. отдѣльный оттискъ изъ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1889 г., стр. 358—360.

имъ Лукашевичу, а этимъ послѣднимъ переданный въ Московскій Румянцевскій музей, — г. Лазаревскій воспользовался очень мало (извлекъ изъ него всего одинъ небольшой документъ); между тѣмъ въ немъ находится множество интереснаго матеріала. Г. Лазаревскій при этомъ сообщаетъ нѣкоторыя данныя о происхожденіи этого архива, но на мой взглядъ они весьма не полны и не точны. И это объясняется тѣмъ, что ему неизвѣстны весьма важныя статьи объ этомъ архивѣ самого Н. Маркевича. Въ одной изъ нихъ ¹⁾ рассказана подробно исторія составленія этого архива; въ другой ²⁾ — находятся краткія свѣдѣнія о его содержаніи. Изъ словъ г. Лазаревскаго можно вывести заключеніе, что Маркевичъ составилъ свою коллекцію изъ присвоенныхъ имъ бумагъ архива Малорос. коллегіи. Самъ же Маркевичъ рассказываетъ, что архивъ его созидался постепенно (еще дѣдъ его началъ собирать документы) изъ бумагъ нѣкоторыхъ видныхъ дѣятелей Малороссійскаго управленія (Маркевича, гетмана Скоропадскаго, Разумовскаго, Румянцева-Задунайскаго, Гудовичей, Кочубеевъ и нѣкоторыхъ другихъ). Едва-ли можно признать весь этотъ рассказъ выдумкою, хотя за нѣкоторыя частности его поручиться мудрено. Сходство Маркевичевскихъ матеріаловъ съ документами архива Малорос. кол. объясняется въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что тамъ хранятся акты двухъ гетмановъ и Румянцева. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сюда попало не мало документовъ и изъ правительственнаго архива Малороссіи. Самъ Маркевичъ косвенно сознается въ этомъ, рассказывая, какъ дѣдъ его нашелъ въ Глуховѣ, въ упраздненномъ Преображенскомъ монастырѣ, въ погребахъ необыкновенное множество бумагъ. Значительную часть изъ нихъ дѣдъ перевезъ къ себѣ. Пока онъ собирался забрать остальные, ихъ растаскали на обертки мыла и свѣчъ, и долго спустя еще по лавкамъ отыскивались драгоценныя автографы. *«Впрямую Архивъ Глуховскій недостаточенъ былъ для помѣщенія всѣхъ бумагъ, и частью ихъ наполнили подвалъ Дръвичьего монастыря».* 7) Въ несравненно большихъ размѣрахъ А. М. Лазаревскій воспользовался архивомъ Черниговской казенной палаты, въ которомъ хранятся документы всѣхъ Черниговскихъ монастырей (они попали туда послѣ секуляризаціи). 8) Архивъ Черниговскаго и отчасти Полтавскаго депутатскаго собранія далъ г. Лазаревскому массу свѣдѣ-

¹⁾ Архивъ Н. А. Маркевича (Отеч. Зап. 1851 г. № 2).

²⁾ Соврем. 1859 г. № 4, т. LXXIV.

ній для біографій и генеалогій Малороссійскаго дворянства. 9) Въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ г. Лазаревскій нашель обширное дѣло о Стародубовскомъ магистратѣ, изъ котораго извлекъ много цѣнныхъ свѣдѣній, характеризующихъ городское самоуправленіе.

Такимъ образомъ, матеріалъ, извлеченный г. Лазаревскимъ изъ архивовъ, долженъ быть признанъ чрезвычайно важнымъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Онъ относится непосредственно къ темѣ сочиненія и по своему богатству и разнообразію значительно превосходитъ печатныя данныя; нельзя не поставить въ особенную заслугу г. Лазаревскому его умѣнья разыскивать частныя фамилныя документы, которые, какъ извѣстно, очень часто погибають безслѣдно для науки. Г. Лазаревскій сначала создалъ себѣ славу специалиста по исторіи старинныхъ малороссійскихъ фамилій, а потомъ получилъ въ свое распоряженіе и многіе фамилныя архивы ¹⁾; достигнуть этого, вѣроятно, было нелегко, потому что его характеристики дѣятелей старой Малороссіи отличаются, какъ извѣстно, по преимуществу отрицательнымъ характеромъ. Что касается официальныхъ документовъ, то и этими г. Лазаревскій долженъ былъ пользоваться при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Всѣ они хранились въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и для ученыхъ занятій приспособлены не были; таково было положеніе архива Малор. кол. (въ Черниговѣ), Черн. каз. палаты, Черн. и Полтав. двор. собраній; въ послѣдніе три архива, на сколько мнѣ извѣстно, кромѣ г. Лазаревскаго не заглядывалъ никто. О богатствѣ матеріаловъ, положенныхъ г. Лазаревскимъ въ основу его труда, свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что описанію одного изъ десяти полковъ лѣвобережной Малороссіи посвященъ большой томъ въ 470 стр., не считая введенія и указателей. Высокое научное значеніе этого матеріала также стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Книга преслѣдуетъ описательныя цѣли, а между тѣмъ въ ней мы находимъ массу *историко-статистическихъ* цифровыхъ данныхъ; другими словами, въ ней дается не только описаніе, но и статистика; и это объясняется тѣмъ, что г. Лазаревскому посчастливилось найти значительное

¹⁾ Начиная свои очерки по исторіи старыхъ Черниговскихъ родовъ, г. Лазаревскій пользовался только официальнымъ архивомъ Черн. двор. депутатскаго собранія (см. Зап. Черн. Губ. Ст. Ком., книга вторая, вып. 1-й и 2-й, стр. 85).

количество документовъ не частнаго, а общаго характера. Судебныя дѣла обнимаютъ обыкновенно какой нибудь частный случай. Его же документы напротивъ даютъ намъ цѣльныя описанія, обнимающія болѣе или менѣе значительную территорию; статистика населенія составляетъ ихъ необходимую принадлежность и отличительную особенность. И центральное правительство, и мѣстный урядъ нуждались въ такихъ свѣдѣнiяхъ для своихъ соображенiй и практическихъ мѣропрiятiй, въ особенности въ эпохи реформъ; по мѣрѣ того какъ Малороссiю старались ввести въ общее русло русской гражданской жизни, являлась необходимость узнать, изучить ее съ разныхъ сторонъ. Вотъ чѣмъ объясняется такое обилiе ист.-стат. материаловъ по исторiи лѣвобережной Украйны. Таково, по моему, происхожденiе всѣхъ этихъ генеральныхъ слѣдствiй о маестностяхъ, ревизскихъ книгъ, описанiй намѣстничествъ и, наконецъ, знаменитой Румянцевской описи Малороссiи ¹⁾. Ясное дѣло, что такой характеръ источниковъ долженъ былъ отразиться и на самомъ содержанiи книги г. Лазаревскаго. Вотъ, почему оказалось болѣе удобнымъ (и пожалуй даже необходимымъ) дать систематическое историко-статистическое описанiе всей территории лѣвобережной Малороссiи, вмѣсто того чтобы представлять монографическiя изслѣдованiя о важнѣйшихъ сторонахъ ея внутренней жизни въ XVII—XVIII вѣкахъ. Важное значенiе имѣетъ также въ этомъ случаѣ обстоятельство, на которое я уже указывалъ выше — невозможность правильнаго изданiя этихъ материаловъ вмѣстѣ съ объяснительными статьями, какъ это дѣлается въ Архивѣ юго-западной Россiи. Впрочемъ архивный материалъ г. Лазаревскаго не отличается односторонностью: въ немъ мы находимъ счастливое сочетанiе официальныхъ описательныхъ и цифровыхъ данныхъ съ показанiями и повѣствованiями частныхъ лицъ; они заключаются въ показанiяхъ старожиловъ, духовныхъ завѣщанiяхъ и т. п. Этотъ материалъ говоритъ самъ за себя; его встрѣчаемъ на многихъ страницахъ труда г. Лазаревскаго и эти страницы я постараюсь отмѣтить въ своемъ мѣстѣ.

И такъ, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношенiи архивный материалъ г. Лазаревскаго заслуживаетъ полнаго вниманiя. Въ сферѣ своихъ возможностей г. Лазаревскiй воспользо-

¹⁾ О ближайшихъ поводахъ, вызвавшихъ эту знаменитую перепись, см. въ моей статьѣ «Генеральная опись Малороссiи (Кiev. Стар. 1883 г. ноябрь и отдѣльно).

вался очень многимъ. Критика не имѣетъ права обращаться къ автору съ настойчивыми запросами *относительно архивнаго* матеріаловъ, — почему у него нѣтъ того или другаго. Систематическое извлеченіе *всѣхъ* рукописныхъ данныхъ, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ архивовъ, есть только идеаль, къ которому возможно болѣе или менѣе приближаться. Если бы сдѣлать это обязательнымъ условіемъ, то у насъ вовсе не появлялось бы тѣхъ полезныхъ работъ, которыя составляютъ дорогое достояніе русской исторической науки. И чѣмъ шире и важнѣе вопросъ, затрогиваемый въ сочиненіи, тѣмъ меньше шансовъ избѣжать пробѣловъ. Дѣло серьезной и ученой критики заключается главнымъ образомъ въ оцѣнкѣ того матеріала, который дается въ книгѣ, и въ указаніи его отношенія къ существующей печатной литературѣ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе критика имѣетъ право сдѣлать дополненія къ тому, что дается авторомъ, и за такое дополненіе могутъ быть благодарны какъ читатели, такъ и авторъ; наконецъ, въ такихъ дополненіяхъ мы находимъ, такъ сказать, объективную опору для оцѣнки въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи матеріала, которымъ воспользовался сочинитель. Исходя изъ такого убѣжденія и сознавая всю важность критическихъ отзывовъ о книгахъ, представляемыхъ на Уваровскія преміи, я постарался собрать свѣдѣнія и о тѣхъ архивныхъ матеріалахъ, которыми не могъ воспользоваться г. Лазаревскій, полагая, что обнародованіемъ этихъ свѣдѣній я принесу нѣкоторую пользу будущимъ изслѣдователямъ и читателямъ; а, быть можетъ, также и самъ г. Лазаревскій воспользуется моими указаніями для послѣдующихъ томовъ своего обширнаго труда. Въ настоящей главѣ я сдѣлаю только указанія на новые архивные матеріалы, оставшіеся неизвѣстными или бывшіе недоступными г. Лазаревскому своими же выписками и извлеченіями я воспользуюсь дальше, при детальномъ разборѣ содержанія занимающей насъ книги. Едва-ли нужно прибавлять, что я не претендую на полноту своихъ дополненій.

Въ Москвѣ, въ архивѣ Министерства Юстиціи въ настоящее

¹⁾ Останавливаюсь на этомъ вопросѣ, потому что многіе рецензенты держатся противоположнаго взгляда, что пришлось испытать и мнѣ самому. Разбирая мое сочиненіе (Оч. изъ ист. кол. ст. ок. Моск. гос.) и воспользовавшись главнымъ образомъ моими собственными указаніями на пробѣлы архивнаго матеріала, одинъ почтенный критикъ высказалъ мнѣніе, что книга моя представляетъ сводъ *печатныхъ* данныхъ, между тѣмъ какъ она по крайней мѣрѣ на половину основана на архивныхъ источникахъ.

время хранится чрезвычайно важное собраніе документовъ для древнѣйшей исторіи южной и западной Руси — я разумѣю *литовскую метрику*, которая раньше находилась въ Петербургѣ, при Сенатѣ. Правда, громадное большинство ея актовъ относится къ исторіи югозападной и западной Россіи; но среди нихъ попадаются документы, относящіеся и къ исторіи лѣвобережной Малороссіи, за то время, когда она находилась подъ властью Литвы и Польши, т. е. за самый темный и вѣстѣ съ тѣмъ довольно важный періодъ ея историческаго существованія. Исторія Сѣверской земли, т. е. нынѣшней Черниговщины и Полтавщины, доведена (у г. Голубовскаго и у меня) до половины XIV в., затѣмъ идетъ пробѣлъ до второй половины XVII в., т. е. въ три столѣтія, очень слабо наполненный въ существующей исторической литературѣ, главнымъ образомъ потому, что для него очень мало данныхъ не только въ печатныхъ источникахъ, но и въ мѣстныхъ архивахъ. И вотъ Литовская метрика является однимъ изъ самыхъ важныхъ хранилищъ матеріаловъ для этого періода. Къ сожалѣнію способъ пользованія этими бумагами теперь пока все еще затруднителенъ, конечно, не со стороны администраціи архива, которая оказываетъ всякому предупредительность, вниманіе и содѣйствіе, а потому, что печатное обозрѣніе метрики г. Пташицкаго совершенно недостаточно, а рукописныя описи не полны и нѣсколько спутаны. Я могъ заниматься въ архивѣ Министерства Юстиціи не долго (зимними каникулами 1889 г.) и разыскалъ не особенно много изъ того, что подходило къ темѣ г. Лазаревскаго. Это — все документы, относящіеся къ первой половинѣ XVII в. (до Переяславскаго договора 1654 г.), за исключеніемъ одного акта начала XVI в. По содержанію можно ихъ раздѣлить на три группы: 1) пожалованіе имѣній польскими королями (Сигизмундомъ III, Владиславомъ IV и Яномъ Казимиромъ) отдѣльнымъ лицамъ; 2) грамоты на привилегіи юридическимъ лицамъ (казацкой хоругви на земли и городу Стародубу на Магдебургское право); 3) актъ XVI в., опредѣляющій границы Черниговщины съ Москвою. Но при бѣдности документовъ для характеристики землевладѣнія въ этомъ краѣ подъ польскимъ владычествомъ, извлеченные мною акты будутъ, надѣюсь, не бесполезны и позволятъ мнѣ хотя немного расширить скудный матеріалъ, представляемый по этому вопросу самимъ г. Лазаревскимъ. Въ *основныхъ* отдѣленіяхъ архива Министерства Юстиціи найдется безъ сомнѣнія не мало данныхъ для исторіи лѣвобережной Малороссіи и въ частности Стародубовскаго полка. Особенно это нужно сказать о мало трону-

тыхъ доселѣ книгахъ и столбцахъ Малороссійскаго приказа; но я не просматривалъ даже рукописныхъ каталоговъ этого приказа. Писцовыхъ книгъ по Черниговской губерніи къ сожалѣнію въ архивѣ не сохранилось ¹⁾; но кое-какіе аналогичные матеріалы хранятся въ 1-мъ отдѣленіи, въ книгахъ разряднаго архива, а также, вѣроятно, и въ столбцахъ ²⁾; не могутъ отсутствовать интересующіе насъ матеріалы и въ сенатскихъ дѣлахъ Московск. Арх. Мин. Юстиціи; не даромъ же они попадаютъ въ описаніи сенатскаго архива г. Баранова. Въ Москвѣ же находится специальное собраніе малороссійскихъ актовъ историка Н. А. Маркевича, состоящее изъ нѣсколькихъ тысячъ номеровъ и относящееся почти исключительно къ XVIII вѣку. Я успѣлъ только заглянуть въ Московскій Румянцевскій музей, гдѣ оно хранится, и перелистать его рукописную опись. Здѣсь масса драгоценныхъ данныхъ для задуманнаго г. Лазаревскимъ сочиненія — полнаго описанія всѣхъ 10 полковъ лѣвобережной Малороссіи. Самъ г. Лазаревскій сообщаетъ, что тутъ хранится генеральное слѣдствіе о маетностяхъ по двумъ полкамъ (Переяславскому и Прилуцкому); здѣсь находится переписка очень многихъ малороссійскихъ дѣятелей, представляющая столь важныя данныя для ихъ біографій, а этимъ послѣднимъ г. Лазаревскій отводитъ въ своей книгѣ очень видное мѣсто; здѣсь, наконецъ, множество матеріаловъ для внутренней исторіи лѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ — для характеристики ея соціального и экономическаго положенія. Лично я впрочемъ могъ воспользоваться очень, очень немногимъ. Укажу между прочимъ на дѣла о сборахъ въ Стародубовскомъ полку ³⁾, о Почеповской парусной фабрикѣ ⁴⁾, о кожевникахъ ⁵⁾, вѣдомость о маетностяхъ Стар. пол. 1724 г. съ приложеніемъ документовъ ⁶⁾ о раскольничьихъ поселеніяхъ ⁷⁾. Наконецъ, въ Москвѣ же есть еще одно богатое собраніе документовъ преимущественно (но далеко не исключительно) по внѣшней исторіи Малороссіи — Главный Архивъ Министерства

¹⁾ Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по указателю къ нимъ, помѣщенному въ 1 и 2-мъ том. «Описанія документовъ и бумагъ».

²⁾ Изъ соч. Н. Н. Оглоблина видно, что тамъ есть — 1) смѣтная книга г. Стародуба 1699 г. 2) списокъ служилыхъ людей Стародубовскаго уѣзда 1669 г. и 3) списокъ служилыхъ людей Почеповскаго уѣзда 1669 года.

³⁾ №№ 1911 и 2010.

⁴⁾ № 1995.

⁵⁾ № 5204.

⁶⁾ № 1176.

⁷⁾ №№ 294, 93, 157.

Иностранныхъ Дѣлъ. Статья Г. Ѳ. Карпова ¹⁾ о малороссійскихъ городахъ, основанная главнымъ образомъ на документахъ этого архива, сама по себѣ уже служитъ речательствомъ того, что и здѣсь есть интересующіе насъ матеріалы.

Но безъ сомнѣнія самымъ важнымъ собраніемъ документовъ по исторіи лѣвобережной Малороссіи является специальный архивъ ея, хранящійся нынѣ въ Харьковѣ. Разборка его въ настоящее время приходитъ къ концу; въ каталогъ занесено уже болѣе 25,000 дѣлъ и книгъ, причемъ иногда подъ однимъ номеромъ находится по нѣсколько десятковъ однородныхъ дѣлъ. Нынѣшнюю весною будетъ доставлена и та часть архива Малороссійской коллегіи, которая до послѣдняго времени хранилась въ Полтавѣ при Губернскомъ Правленіи (въ томъ числѣ и неизвѣстная доселѣ часть Румянцевской описи Малороссіи ²⁾). Для задуманнаго г. Лазаревскимъ труда здѣсь неисчерпаемый родникъ матеріаловъ. Я просмотрѣлъ рукописный каталогъ этого архива (въ 2-хъ томахъ) и отмѣтилъ только болѣе важные, прямо относящіеся къ вопросу документы; но и такихъ, какъ увидитъ читатель, оказалось не мало. Для исторіи заселенія края представляетъ интересъ слѣдствіе о бѣглыхъ великороссійскихъ крестьянахъ, жившихъ въ Стародубовскомъ полку ³⁾. Для того, чтобы привести въ извѣстность этихъ лицъ, отъ обывателей затребованы были свѣдѣнія, или сказки, о мѣстѣ ихъ рожденія; многія изъ этихъ сказокъ весьма любопытны по своему содержанію, знакомя насъ съ біографіями «мандрованныхъ» посполитыхъ, проводившихъ свою жизнь въ постоянныхъ переходахъ съ одного мѣста на другое. Въ высшей степени характерно дѣло о поселеніи на имя гетм. Д. Апостола слободы Далисичъ и др. въ Стародубовскомъ полку. Гетманъ повторилъ все то, что продѣлывала и казацкая старшина (конечно, на законномъ основаніи), т. е. займку земель, скуплю грунтовъ и т. п. ⁴⁾. Дѣло это служитъ дополненіемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя напечатаны у Судіенка. Исторія Стародубовскихъ раскольничьихъ поселеній значительно

¹⁾ «Малорос. города въ эпоху соединенія Малорос. съ Великорос.» (Лѣтопись занятій Археогр. Ком., вып. 6-й).

²⁾ См. объ этомъ мою статью «О вновь открытыхъ матеріалахъ для истор. Лѣвоб. Украйны» (Арх. Полт. Губ. Пр.) (Труды VI Одесскаго Археолог. съѣзда, т. IV и отдѣльно). Теперь она уже доставлена.

³⁾ Харьковскій Истор. Архивъ. Дѣла Малороссійской коллегіи, № 816 и 1502.

⁴⁾ Ibidem № 3383.

пополняется нашими архивными документами. Въ нихъ излагается и исторія основанія поселеній, и послѣдовавшія затѣмъ столкнове- нія между ними и сосѣдними владѣльцами ¹⁾, въ томъ числѣ и Кіево-Печерскою Лаврою, приводятся жалобы помѣщиковъ, самихъ раскольниковъ, сообщаются статистическія данныя о прибыли и убыли въ нихъ населенія, о положенномъ на нихъ окладѣ, о фабри- кахъ. Еще болѣе богаты свѣдѣніями документы, относящіеся къ исторіи землевладѣнія. Сюда относится, во первыхъ, цѣлый рядъ специальныхъ дѣлъ о разнаго рода маетностяхъ въ Стародубов- скомъ полку: 1) справочная вѣдомость 1732 г. о маетностяхъ по- ложенныхъ на ранги (во всѣхъ полкахъ) ²⁾. 2) вѣдомость о всѣхъ маетностяхъ Стародубовскаго полка ³⁾ 1740 г. 3) вѣдомость о гет- манскихъ маетностяхъ Стародубовскаго полка ⁴⁾ 1741 г. 4) справка о томъ, сколько полагалось на рангъ маетностей въ 1742 г. ⁵⁾ 5) чрезвычайно любопытная вѣдомость о ранговыхъ маетностяхъ въ Стародуб. полку ⁶⁾ 1765 г. 6) генеральная вѣдомость о маетно- стяхъ по Стародуб. полку 1753 года сравнительно съ слѣдствіемъ 1729 г. ⁷⁾. Сюда же нужно отнести особую серію дѣлъ объ опис- ныхъ волостяхъ — Почеповской, Шептаковской, Ропской и Баклан- ской. Г. Лазаревскій подробно изложилъ исторію отдачи кн. Менъ- шикову Почеповской волости съ казаками; но исторія эта мо- жетъ быть дополнена въ существенныхъ пунктахъ: можно пока- зать, каково было положеніе здѣшняго мѣщанскаго населенія подъ властью князя, — какіе новые сборы были наложены имъ сравни- тельно съ прежнимъ временемъ; объ этомъ сохранилось два дѣла ⁸⁾; есть также описаніе Почепы съ уѣздомъ въ 1727 г. ⁹⁾, Почепской парусной фабрики ¹⁰⁾, отдаточная вѣдомость ея 1750 г. ¹¹⁾ (на гет- манскій урядъ), прихода-расходныя книги ¹²⁾ ея и т. п. ¹³⁾. Кромѣ того сохранилась отдаточная книга Шептаковской волости баро- несѣ Строгановой 1725 г. ¹⁴⁾, слѣдствіе о захваченныхъ къ Шеп- таковской волости деревняхъ ¹⁵⁾, прихода-расходная книга ея

1) Ibidem №№ 2285, 2478, 3411, 13339.

2) Ibidem № 2522.

4) Ibidem № 2759.

6) Ibidem № 1555.

8) Ibidem № 1 и 1684.

10) Ibidem 1703, 1706, 5680 и 5681.

12) Ibidem № 2580, 2927.

14) Ibidem № 71.

3) Ibidem № 3378.

5) Ibidem № 1521.

7) Ibidem № 6290.

9) Ibidem № 82.

11) Ibidem № 2250.

13) Ibidem № 4550.

15) Ibidem № 86.

1749 г. ¹⁾) и переписная книга Ропской и Бакланской вол. 1742 г. ²⁾). Для исторіи старшинскаго землевладѣнія имѣетъ значеніе собраніе купчихъ крѣпостей на земли въ Стародубовскомъ полку ³⁾), относящихся преимущественно къ 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія, и цѣлый рядъ спорныхъ дѣлъ объ имѣніяхъ разныхъ лицъ — Юркевичей ⁴⁾), Янжуловъ ⁵⁾), Романовича ⁶⁾), Озерскаго ⁷⁾), гр. Рагузинскихъ съ 1715 г. ⁸⁾ (Саввы и Гаврилы Владиславичей), полковника Лукьяна Жоравки ⁹⁾ (съ 1704—19). Также обиленъ матеріалъ и для исторіи сословныхъ отношеній. Для біографій казацкихъ старшинъ Стародуб. полка имѣютъ важное значеніе «сказки» о службахъ ихъ (1734 г.) ¹⁰⁾ и (1761) ¹¹⁾. О знаменитомъ Новгородсѣверскомъ сотникѣ Лисовскомъ сохранилось то самое дѣло ¹²⁾, которымъ главнымъ образомъ пользовался г. Лазаревскій для своего очерка. Просмотрѣвъ его, я пришелъ къ заключенію, что оно далеко не исчерпано почтеннымъ изслѣдователемъ; оставленъ безъ вниманія эпилогъ его; оказывается, что и послѣ смерти имя Лисовскаго причиняло еще многимъ хлопоты и безпокойства. Двѣ жены его долго спорили другъ съ другомъ о наслѣдствѣ, а имъ между тѣмъ постарались воспользоваться тѣ лица, у которыхъ самъ Лисовскій при жизни производилъ захваты. Имѣется также цѣлый рядъ жалобъ на полковниковъ Пашкова ¹³⁾, Дурова ¹⁴⁾ и Радищева ¹⁵⁾, б. судью Силенка ¹⁶⁾, на каз. полк. Корецкаго ¹⁷⁾, сотника Чернолузскаго ¹⁸⁾ и многихъ другихъ урядниковъ Стародубовскаго полка ¹⁹⁾. Есть дѣла, относящіяся непосредственно къ казакамъ и посполитымъ (о нововписныхъ казакахъ ²⁰⁾, слѣдствіе о монастырскихъ подданныхъ ²¹⁾); другія даютъ намъ важныя свѣдѣнія о городахъ; таковы копіи жалованныхъ грамотъ Малороссійскимъ городамъ XVII и XVIII вв. — (Стародуба ²²⁾, Погара ²³⁾, Новгородъ-

¹⁾ Ibidem № 2607.

²⁾ Ibidem № 3901.

³⁾ Ibidem № 1587.

⁴⁾ Ibidem № 1586.

⁵⁾ Ibidem № 3402.

⁶⁾ Ibidem № 3705.

⁷⁾ Ibidem № 3672, см. также 9627 и 10270.

⁸⁾ Ibidem № 83.

⁹⁾ Ib. № 2311.

¹⁰⁾ Ib. № 1513.

¹¹⁾ Ib. № 726.

¹²⁾ Ib. № 7971.

¹³⁾ Ib. № 1556.

¹⁴⁾ Ibidem № 3620.

¹⁵⁾ Ibidem № 1259.

¹⁶⁾ Ibidem № 1585.

¹⁷⁾ Ibidem № 1577.

¹⁸⁾ Ibidem № 2988.

¹⁹⁾ Ib. № 2272.

²⁰⁾ Ib. № 853.

²¹⁾ Ib. № 1578.

²²⁾ Ibidem № 875.

²³⁾ Ib. № 1553.

Сѣверска ¹⁾, Мглина ²⁾, свѣдѣнія о состояніи Погара ³⁾ 1767 г., доставленныя въ Екатерининскую комисію для составленія проекта Нов. Улож., о выборѣ войта въ Стародубѣ ⁴⁾, жалобы мѣщанъ на своихъ урядниковъ, не желавшихъ отбывать общенародныхъ повинностей ⁵⁾. Важное мѣсто занимаютъ также ист.-стат. матеріалы — такова ревизская книга Новгородсѣверской сотни 1740 г. ⁶⁾ и перечень мѣстнаго населенія конца XVIII в. (годъ неизвѣстенъ, по видимому онъ относится уже ко временамъ намѣстничества) ⁷⁾.

Уже изъ этого краткаго перечня можно видѣть, какую массу интересныхъ данныхъ заключаетъ въ себѣ Харьк. ист. архивъ для исторіи одного Стародубовскаго полка; такой же матеріалъ находится въ немъ и для исторіи другихъ мѣстностей лѣвобережной Малороссіи. Я извлекъ довольно много данныхъ изъ указанныхъ здѣсь дѣлъ и буду пользоваться ими по мѣрѣ надобности въ послѣдующемъ изложеніи. Наконецъ, считаю необходимымъ прибавить, что въ моемъ распоряженіи находится еще списокъ съ подворной описи г. Стародуба 1767 г., извлеченный изъ Румянцевской описи Малороссіи, хранящейся при Черниговскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Г. Лазаревскій, какъ мы уже знаемъ, на сей разъ не пользовался рукописною Румянцевскою описью Малороссіи. «Въ Румянцевской описи (рукописной), говоритъ онъ, для нашей книги важны поземельные документы, а изъ послѣднихъ важнѣйшіе всѣ приведены въ изданномъ обзорѣніи» (стр. IX). Но это не совсѣмъ вѣрно: имѣютъ значеніе не одни документы, а и подворныя описанія; эти послѣднія, пожалуй, важнѣе самихъ документовъ (въ обзорѣніи, какъ извѣстно, приводятся только общія цифры населенія). Для полноты своихъ библиографическихъ указаній долженъ еще прибавить, что въ бібліотекѣ Кіевской временной комисіи находится компутъ Стародубовскаго полка 1713 г. ⁸⁾, а у проф. В. Б. Антоновича — нѣсколько фоліантовъ выписокъ,

¹⁾ Ib. № 1554 и 1987.

²⁾ Ibidem № 1557.

³⁾ Ib. № 3701.

⁴⁾ Ib. № 1017.

⁵⁾ Ib. № 1239.

⁶⁾ Ib. № 2325.

⁷⁾ Ib. № 4372, 4373 и 5708.

⁸⁾ № 393. Замѣчу кстати, что здѣсь же есть компуты и ревизіи и другихъ полковъ — Прилуцкаго 1713 г. (№ 392), Гадяцкаго 1722 г. (№ 388), Черниговскаго 1723 г. (№ 389), Кіевскаго 1732 г. (№ 387), Прилуцкаго 1735 г. (№ 385), Гадяцкаго 1735 г. (№ 384), Полтавскаго 1735 г. (№ 786), Черниговскаго 1735 г. (№ 390), Лубенскаго 1735 г. (№ 391); такія же книги находятся въ Харьк. Ист. Архивѣ.

сдѣланныхъ покойнымъ В. П. Масловымъ ¹⁾ изъ Московскаго Архива Мин. Юстиціи и заключающихъ въ себѣ множество интересныхъ данныхъ, между прочимъ и для исторіи гѣвобережной Малороссіи. Я не сомнѣваюсь, что г. Лазаревскій постарается воспользоваться этими портфелями, напоминающими въ миньютюрѣ знаменитые Миллеровскіе, для послѣдующихъ томовъ своего труда. Покончивъ съ перечнемъ источниковъ, обращаюсь теперь къ весьма важному вопросу о томъ, какъ пользуется ими г. Лазаревскій; сдѣлать это необходимо между прочимъ и потому, что въ одной довольно авторитетной рецензіи на «Опис. Стар. Малороссіи» высказаны по этому именно поводу сильныя замѣчанія и укоризны по адресу нашего автора ²⁾. Начну съ печатныхъ источниковъ. Я отнесся съ особеннымъ вниманіемъ къ этому вопросу, провѣряя ссылки г. Лазаревскаго на первоисточники и пришелъ къ заключенію, что отношеніе его къ источникамъ въ высшей степени добросовѣстное, научное и критическое. Да и едва ли могъ поступать иначе изслѣдователь, который еще въ 1858 г. выпустилъ «Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края», потребовавшій чрезвычайной точности, аккуратности, внимательности и усердія и затѣмъ всюю послѣдующею своею научною дѣятельностью только укрѣпившій во всеобщемъ сознаніи увѣренность въ его добросовѣстности и критическомъ тактѣ. Конечно, *ergate humanum est* и на *ergata* г. Лазаревскаго уже сдѣланы нѣкоторыя указанія; будутъ сдѣланы, вѣроятно, и другія; но, конечно, отъ ошибокъ и неточностей до негодности матеріала, представленнаго тѣмъ или инымъ авторомъ, еще очень далеко. Печатный матеріалъ г. Лазаревскаго отличается вполне доброкачественнымъ характеромъ: выборъ источниковъ сдѣланъ опытною, умѣлою рукою; я убѣдился въ этомъ, выписавъ всѣ ссылки г. Лазаревскаго; въ основу труда положены документальныя извѣстія; гѣтописныя данныя и мемуары служатъ только необходимымъ дополненіемъ и не возбуждаютъ нашихъ сомнѣній, относясь къ болѣе позднимъ временамъ. Правда, въ этомъ списокѣ красуется и «Исторія Руссовъ», но извѣстія ея не только не служатъ основаніемъ для вы-

¹⁾ В. П. Масловъ служилъ много лѣтъ въ Арх. Мин. Юст. и указываемые мною фоліанты представляютъ результаты его неутомимаго усердія и любви къ исторіи Малороссіи; при жизни онъ оказывалъ большое содѣйствіе въ извлеченіи нужныхъ матеріаловъ изъ архива Н. И. Костомарову и А. Ф. Кистяковскому.

²⁾ Пр. И. В. Лучицкаго въ «Кіев. Унив. Извѣстіяхъ», 1889, декабрь.

водовъ, а наоборотъ опровергаются. Источники свои г. Лазаревскій беретъ изъ первыхъ рукъ. Безъ нужды онъ не испещряетъ своей книги ссылками на источники, для того чтобы она имѣла, такъ сказать, болѣе представительный видъ, какъ любятъ дѣлать нѣкоторые. Къ извѣстіямъ первоисточниковъ онъ относится не безъ критики; я указывалъ уже на «Исторію Руссовъ»; то же самое нужно сказать о казацкихъ лѣтописяхъ (наприм., Величка). Не менѣе добросовѣстно относится г. Лазаревскій къ пособіямъ. Извлекая что нибудь для себя изъ того или иного сочиненія, онъ всякій разъ дѣлаетъ точную ссылку; притомъ беретъ онъ исключительно факты, а не выводы, и то въ очень умѣренномъ количествѣ, такъ что его можно упрекнуть скорѣе въ скупости, чѣмъ въ излишествѣ. Будучи даже знакомъ съ источниками, положенными въ основаніе того или иного пособия, онъ ссылается не на первые, а на второе. Такъ, напр., вмѣсто того чтобы излагать судьбу Стародуба по лѣтописямъ, которыя ему извѣстны, онъ просто ссылается на «Городскія поселенія Россійской имперіи», въ которыхъ собраны объ этомъ всѣ нужныя свидѣтельства. Къ пособиямъ своимъ онъ относится критически. Изъ описанія г. Мглина г. Токмакова берутся только новыя архивныя данныя и вмѣстѣ съ тѣмъ въ особой рецензій доказывается совершенно компилятивный характеръ историческихъ свѣдѣній этого сочинителя о г. Почепѣ. Съ пр. Филаретомъ г. Лазаревскій нерѣдко полемизируетъ и доказываетъ несостоятельность и произвольность его заключеній. Наконецъ, нельзя не отмѣтить внимательности г. Лазаревскаго къ собственному изложенію. Въ приложеніи онъ отмѣчаетъ нѣсколько своихъ фактическихъ ошибокъ и пробѣловъ (стр. 465—470). Ясно, такимъ образомъ, что мы можемъ относиться съ довѣріемъ къ той части книги г. Лазаревскаго, которая основана на печатныхъ данныхъ. Гораздо труднѣе провѣрка архивнаго матеріала; здѣсь обыкновенно приходится полагаться на добросовѣстность и опытность изслѣдователя. Г. Лазаревскій — не новичекъ въ этомъ дѣлѣ: онъ занимается архивными работами болѣе 20 лѣтъ и уже давно приобрѣлъ въ этой сферѣ заслуженную извѣстность. Конечно, это нисколько не страхуетъ его отъ ошибокъ и неточностей; отъ нихъ не свободны были и такіе корифеи нашей исторической науки, какъ С. М. Соловьевъ, Н. И. Костомаровъ. Кромѣ того относительно г. Лазаревскаго мы гарантированы еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ въ большинствѣ случаевъ приводитъ выписки изъ архивныхъ матеріаловъ дословно, а не въ

вольной передачѣ; такихъ выписокъ во всей книгѣ разсѣяно много, даже слишкомъ много, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ; ими наполнена значительная часть книги; иногда авторъ разсказываетъ такимъ образомъ цѣлые эпизоды. По этимъ выпискамъ мы знакомимся, напримѣръ, съ характеромъ матеріаловъ архива Черниговск. казен. палаты, архива Генеральной войсковой канцеляріи, описанія Новгородсѣверскаго намѣстничества и т. п. Едва ли можно, конечно, заподозрить и эту часть данныхъ въ книгѣ г. Лазаревскаго. Остается только одинъ рукописный источникъ, способъ пользованія которымъ подвергнуть сомнѣнію — это генеральное слѣдствіе о маестностяхъ. Дѣйствительно нельзя не поставить въ вину г. Лазаревскому, что онъ не попытался критически изслѣдовать этотъ источникъ первостепенной важности. Это необходимо было сдѣлать хотя бы уже потому, что въ извѣстіяхъ его мы находимъ значительныя противорѣчія. Оказывается ¹⁾, что въ немъ параллельно излагаются свѣдѣнія двоякаго происхожденія — по ревизіи 1726 г. и по разсказамъ старожиловъ, къ которымъ присоединены документы; и эти два первоисточника нерѣдко противорѣчатъ другъ другу. Между тѣмъ г. Лазаревскій, по словамъ пр. Лучицкаго, пользуется то тѣми, то другими данными безъ критики, не объясняя, почему онъ предпочитаетъ иногда то, а иногда другое извѣстіе. Пр. Лучицкій хотѣлъ бы, чтобы г. Лазаревскій «не мудрствуя лукаво, просто приводилъ цѣликомъ драгоцѣнныя данныя слѣдствія, дополняя ихъ имѣющимися у него другими документами». Но г. Лазаревскій не могъ, конечно, одновременно осуществить этихъ двухъ противорѣчивыхъ требованій — критической выборки и сплошной буквальной выписки безъ пропусковъ и измѣненій документовъ. Я лично склоняюсь къ первому способу, т. е. къ критической, мотивированной выборкѣ извѣстій, именно потому, что они нуждаются въ такой критикѣ; но и здѣсь встрѣчается затрудненіе — какъ разрѣшить то противорѣчіе въ извѣстіяхъ, на которое указываетъ пр. Лучицкій. Отвѣта на этотъ вопросъ онъ не даетъ, да повидимому во многихъ случаяхъ опредѣленнаго отвѣта и не будетъ; въ такомъ случаѣ останется на выборъ одно изъ двухъ — или постоянно приводить оба противорѣчивыя извѣстія, не имѣя возможности указать, которое изъ нихъ вѣрнѣе, или прямо заявить, что этого вопроса на основаніи суще-

¹⁾ Пользуюсь здѣсь исключительно свѣдѣніями о рукописи генер. слѣд., сообщенными проф. И. В. Лучицкимъ въ его рецензіи на книгу г. Лазаревскаго.

ствующихъ данныхъ опредѣленно рѣшить нельзя; второе будетъ даже удобнѣе. Критическая провѣрка извѣстій генеральнаго слѣдствія о маенностяхъ необходима еще и потому, что оно основано между прочимъ на воспоминаніяхъ старожиловъ, а эти воспомина-нія не всегда могутъ быть достовѣрны, по крайней мѣрѣ въ подробностяхъ и особенно въ хронологіи. Я лично могъ убѣдиться на примѣрѣ совершенно аналогичнаго документа («слѣдствія о завлаженныхъ войсковыхъ земляхъ Слоб. Харьковскаго полка 1749 г.») что на хронологію старожиловъ полагаться невозможно¹⁾; что память иногда измѣняла старожиламъ (въ особенности въ именахъ), объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ г. Лазаревскій. Спрашивается, какже можно цѣликомъ, какъ этого требуетъ пр. И. В. Лучицкій, приводить подобнаго рода данныя? Это удобно было бы сдѣлать въ сборникѣ сырыхъ матеріаловъ, но не въ такой книгѣ, какъ соч. г. Лазаревскаго. Здѣсь можетъ найти себѣ мѣсто только критически провѣренный или вообще не возбуждающій сомнѣній матеріалъ. Г. Лазаревскій даетъ характеристики своихъ архивныхъ матеріаловъ, но, на мой взглядъ, онѣ слишкомъ кратки и недостаточны. Генеральное слѣдствіе о маенностяхъ должно критикѣ, какъ мы видѣли, не подвергнуто; то же самое нужно сказать и относительно другихъ рукописныхъ данныхъ, напримѣръ, Описанія Новгородсѣверскаго намѣстничества и вообще историко-статистическихъ матеріаловъ. На сколько достовѣрны заключающіяся въ нихъ цифры, — вотъ вопросъ, который не можетъ не задать себѣ скептической изслѣдователь. Между тѣмъ г. Лазаревскій, привнесшій въ свою книгу цѣлую массу историко-стат. данныхъ, и не ставитъ себѣ вопроса объ ихъ относительной достовѣрности и точности; а она едва ли будетъ одинакова во всѣхъ этихъ документахъ. Степень точности цифръ зависѣла помимо всего прочаго отъ способа и цѣли собиранія ихъ, и въ этомъ отношеніи Румянцевская опись замѣтно отличается отъ генеральнаго слѣдствія или отдаточныхъ вѣдомостей. Важную роль играетъ здѣсь *исторія* происхожденія того или иного документа. Конечно, она не всегда бываетъ извѣстна, но, во-первыхъ, мнѣ кажется, что г. Лазаревскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи такія данныя, а во-вторыхъ, онъ опустилъ и то, что объ этомъ извѣстно

¹⁾ См. объ этомъ мои «Очерки изъ ист. колон. и быта» 1887 г., стр. 501, прим. 1-е и мои «Матеріалы» I, 1886, стр. 289—325.

въ существующей печатной литературѣ ¹⁾). Желательна была бы также большая критика при пользованіи судебными дѣлами, въ особенности жалобами, не подтвержденными еще судебнымъ разбирательствомъ. «Слезныя прошенія» стараго времени можно уподобить запросу при продажѣ товаровъ; «запросъ не бѣда», говорили тогда; прошеніе, подаваемое въ судъ, было нерѣдко со стороны истца такимъ же «запросомъ».

Историко-географическое описаніе Стародубовскаго полка.

Въ книгѣ г. Лазаревскаго есть одно историческое и одно географическое описаніе *всей* территоріи Стародубовскаго полка; они служатъ какъ бы введеніемъ въ болѣе частныя описанія городовъ и селеній. Къ обзорѣнью ихъ я теперь и перехожу. «Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Стародубовскій полкъ», занимаетъ 11 страницъ, изъ которыхъ времени до 1648 г. посвящено всего 3½ стр. Нельзя не назвать этого очерка слишкомъ краткимъ; онъ уступаетъ въ этомъ отношеніи даже страницамъ пр. Филарета; притомъ въ немъ есть неточности. «Послѣ образованія государствъ Московскаго и Литовскаго, говоритъ почтенный авторъ, расположенная посреди ихъ Сѣверская земля обратила на себя притязаніе обоихъ государствъ. Начавшіяся съ XIV в. между Москвою и Литвою войны велись преимущественно за обладаніе Сѣверскою землею. Послѣ освобожденія отъ татаръ, послѣдняя вошла въ составъ Литовскаго государства и принадлежала Литвѣ до начала XVI в. Полуторавѣковая зависимость Сѣверской земли отъ Литвы не изгладила однакоже въ ея населеніи русскихъ элементовъ» (стр. 1). О какомъ освобожденіи отъ татаръ говоритъ здѣсь г. Лазаревскій, понять мудрено; если Сѣверская земля находилась въ зависимости отъ Литвы 1½ ст., то значитъ, она подпала подъ власть ея въ пол. XIV в., и это дѣйствительно было такъ; но объ освобожденіи ея въ это время отъ Монгольскаго ига намъ ничего не извѣстно; едва ли къ XIV в. можно относить войны Литвы съ Москвою изъ за Сѣверскихъ городовъ,—начались онѣ въ XV вѣкѣ. Здѣсь же г. Лазаревскій дѣлаетъ ошибку, которую впрочемъ

¹⁾ Исторія производства Румянц. описи Малороссіи рассказана въ моей статьѣ «Генерал. опись Малор.» (Кіев. Стар. 1883 г., ноябрь и отдѣльно); исторію составл. топогр. опис. Черн. Нам. Шафонскаго см. у Н. И. Стороженка (Кіев. Унив. Извѣстія 1886, октябрь).

дальше самъ и исправляетъ, относя завоеваніе Новгородъ-Сѣверска ко времени Поляновскаго мира. Между тѣмъ, даже на основаніи существующихъ печатныхъ источниковъ, обо всемъ этомъ можно было бы разсказать подробнѣе. Было бы крайне интересно опредѣлить относительную роль въ исторіи заселенія мѣстности какъ прежняго стариннаго Сѣверскаго населенія, которое, несомнѣнно, не было окончательно изгнано грозой татарскаго нашествія, такъ и новыхъ выходцевъ-колонистовъ изъ Литвы, Польши и Великой-Россіи; удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса представляетъ интересъ не только для историковъ, но и для филологовъ. Не такъ давно проф. А. И. Соболевскій въ своей докторской диссертациі утверждалъ, что древнее населеніе Сѣверщины исчезло послѣ татарскаго погрома и замѣнилось Великорусскимъ. Но къ сожалѣнію почтенный изслѣдователь не привелъ въ пользу своего мнѣнія никакихъ доказательствъ, такъ что его нужно признать вполне голословнымъ. Правда, трехсотлѣтній періодъ въ исторіи Сѣверщины (съ полов. XIV до полов. XVII в.) очень теменъ, тѣмъ не менѣе изъ отрывочныхъ извѣстій источниковъ видно, что историческая жизнь здѣсь шла своимъ чередомъ. Въ XIV—XV вв. мы видимъ въ Стародубѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ цѣлый рядъ подручныхъ Литвѣ князей и намѣстниковъ. По акту 1400 года въ Стародубѣ, напримѣръ, мы видимъ князя Александра Патрикѣвича (его отецъ Патрикій былъ внукъ Гедемина). Онъ цѣлуется крестъ— по смерти своего господаря Витовта, быть неотлучнымъ отъ Польскаго короля Владислава Ягеллы «безъ лсти и безъ хитрости ¹⁾». Въ началѣ XV в. владѣтель Сѣверщины (и Стародуба) Свидригайло отъѣхалъ въ Москву: ему сопутствовали нѣкоторые князья, епископъ (Черниговскій) и Стародубовскіе бояре; Свидригайло потомъ разорилъ Стародубъ. Изъ Москвы въ свою очередь переѣзжали выходцы въ Литву; такъ сюда прибылъ кн. Боровской и получилъ отъ Казимира въ удѣлъ Сѣверскіе города, въ томъ числѣ и Стародубъ. Такъ дѣло продолжалось въ теченіе всего XV столѣтія. Въ Литовской метрицѣ есть одинъ любопытный документъ (нач. XVI в., кажется, 1523 г.) — реестръ границъ съ Москвою на Чернигово-Сѣверскомъ пограничьи. Въ немъ упоминается цѣлый рядъ селеній и указывается число дымовъ, т. е. домовъ; количество ихъ колеблется отъ 10 до 40; а во Мглинѣ, когда онъ принадлежалъ 23 года передъ тѣмъ Литвѣ, ихъ было 500; дани съ

¹⁾ Ак. Зап. Рос., I, № 17.

него собиралось 50 кадей меду и поголовщины ¹⁾ 50 копъ грошей «широкой личбы». Въ с. Горскѣ было 30 домовъ.

Изъ этого акта видно, что Чернигово-Сѣверскій край въ то время далеко не представлялъ изъ себя пустыни. Въ самомъ концѣ XV в. въ Сѣверчинѣ мы видимъ еще полусамостоятельныхъ князей. При Казимирѣ Московскій выходецъ Иванъ Андрѣевичъ Можайскій княжилъ въ Стародубѣ, а Иванъ Дмитріевичъ Шемякинъ — въ Новгородъ-Сѣверскѣ; имъ наслѣдовали ихъ сыновья — первому Симеонъ ²⁾, второму Василій ³⁾. Въ 1500 г. Іоаннъ III извѣщалъ вел. кн. Литовскаго о переходѣ въ Москву Симеона Ивановича Можайскаго, кн. Стародубскаго, и Василя Ивановича Шемякина, кн. Сѣверскаго, *съ ихъ вотчинами*; переходъ свой они мотивировали католическою пропагандою Лит. кн. Александра. Великій князь Московскій просилъ князя Александра не вступаться въ эти города и волости, которыми они владѣли. Московскія войска вслѣдъ затѣмъ вступили въ предѣлы Сѣверской земли и здѣсь имъ сдались города — Радегощъ (позднѣйшій Погарь), Почепъ, Попова Гора, Дроковъ и Мглинъ; все это — волости, позднѣе вошедшія въ составъ Стародубовскаго полка ⁴⁾. Литовцы и Поляки не могли помириться со своей потерей и нѣсколько разъ нападали на эти отторгнутыя отъ нихъ области, хотя и безуспѣшно. Въ 1503 г. они опустошили Попову Гору и селенія кн. Симеона Стародубовскаго. Въ 1525 г. — Попову Гору, Дроковъ ⁵⁾ и другіе. Московскіе подданные оплачивали имъ взаимными набѣгами. Все это приводило къ постояннымъ жалобамъ; то Московское правительство жаловалось на разбои Литовскихъ людей въ Стародубѣ, то на оборотъ подобныя жалобы представляли Литовцы ⁶⁾; въ 1527 г. Кіевскихъ купцовъ пограбили на пути въ Стародубъ, а намѣстникъ Стародубовскій забралъ у грабителей вещи и не отдавалъ потерпѣвшимъ ⁷⁾. Въ 1535 г. Стародубъ былъ сожженъ Литовцами, а воевода Телепневъ — Оболенскій взятъ въ плѣнъ ⁸⁾; въ это время въ немъ погибло 13000 гражд-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Литовская метрика II, А/В. листъ 18 (об.).

²⁾ Ак. Зап. Рос., I, № 139; здѣсь подтверждается ему Черниговъ, Стародубъ, Гомей и Карачевъ (въ 1496 г.); Стародубъ и Гомей даются въ вотчину; подтверждена эта грамота и въ 1499 г. (Ibidem, № 167).

³⁾ Ibidem, № 180.

⁴⁾ Сб. И. Р. И. Общ. 41-й, стр. 327 и др.

⁵⁾ Сб. И. Р. Ист. Общ. 35, стр. 430 и 693.

⁶⁾ Сб. И. Р. Ист. Общ., т. 59, стр. 215, 345—346.

⁷⁾ Сб. И. Р. Ист. Общ., т. 35, стр. 759.

⁸⁾ Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 59, стр. 14.

данъ, что ясно указываетъ на его населенность; въ слѣдующемъ году онъ снова былъ отстроенъ. Опустошенія продолжались и въ послѣдующее время; въ 1579 г. онъ былъ сожженъ Малороссійскими казаками. Неудивительно, что Московское правительство съ своей стороны употребляло всѣ усилія, чтобы укрѣпить и обезопасить Сѣверскую Украину. Съ другой стороны нужно было принимать мѣры и противъ Крымцевъ. И вотъ въ 1571 г. изъ Новгородъ-Сѣверска высланы сторожа на счетъ посадскихъ людей на Бакаевъ шляхъ до большихъ сѣговъ. Тогда же князь Мстиславскій рѣшилъ замѣнить северюковъ-сторожей дѣтьми боярскими, а къ нимъ прибавить жителей Почепа и Новгородъ-Сѣверска; въ 1575 г. въ составъ оборонительной линіи входили уже Стародубъ и Почепъ; по государевой грамотѣ 1577 г. велѣно было стеречь на совмѣстной Путивльской сторожѣ посадскимъ города Новгородъ-Сѣверска, а въ донецкіе сторожа и головы выбраны были дѣти боярскіе изъ сѣверскихъ городовъ — Брянска, Стародуба, Почепа, Новгородъ-Сѣверска ¹⁾). Полусамостоятельное существованіе Сѣверскихъ городовъ прекратилось еще при Василиѣ III; они вошли въ составъ военно-оборонительныхъ линій; въ нихъ посажены были воеводы. Во время набѣговъ страдали и селенія; такъ было, напримеръ, когда на Новгородъ-Сѣверскій уѣздъ сдѣлалъ нападеніе ротмистръ Мих. Вишневецкій съ казаками «и многіе села и деревни пожгли» ²⁾). Существованіе здѣсь селъ и деревень доказываетъ и грамота Ивана Грознаго Новгородъ-Сѣверскому Спасскому монастырю 1552 года, подтверждающая еще болѣе древнюю грамоту вел. кн. Василя III ³⁾). Такова была судьба этого края въ XVI в.

Въ смутное время Стародубовщина сдѣлалась очагомъ «смуты». Сначала, какъ извѣстно, Новгородъ-Сѣверскъ геройски защищался отъ самозванца. Борисъ Годуновъ прислалъ защитникамъ въ 1605 году разныя награды за осадное сидѣнье ⁴⁾), но вскорѣ они все перешли на сторону самозванца. Впрочемъ въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича Сѣверскіе города принадлежали еще Москвѣ и составляли по прежнему Сѣверскую Украину; въ

¹⁾ Бѣляева. О стор. стан., полевой службѣ (Чтен. 1846 г., № 4, стр. 26, прил. стр. 8, 14, 25, 27, 28).

²⁾ Книга Посольская, I, стр. 233; подробности см. у Пр. Филарета VI, стр. 21—24 и VII, стр. 10—11.

³⁾ Она напечатана въ «Об. Рум. оп. Малор.», ст. 847—857.

⁴⁾ Иванова. Опис. гос. раз. арх., стр. 42—45.

1616 году тамъ числилось 3662 человекъ гарнизона: въ Стародубѣ было 650 человекъ (мѣстныхъ дѣтей боярскихъ, пушкарей, затынщиковъ, воротниковъ, стрѣльцовъ, казаковъ да съ Лебедни 150 чел. дѣтей боярскихъ и казаковъ). Въ Новгородъ-Сѣверскъ — воевода и 693 чел. гарнизона (дворянъ и дѣтей боярскихъ Новгородъ-Сѣверскихъ, Черниговцевъ, пушкарей и затынщиковъ, воротниковъ, кузнецовъ, плотниковъ, стрѣльцовъ, казаковъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ съ Ельца и Бѣлгорода ¹⁾); въ 1617 г.—777 чел. ²⁾. Московскіе воеводы по прежнему старались «провѣдывать» о появленіи врага; въ 1614 г. въ Брянскъ былъ отправленъ противъ Литовцевъ воевода Шаховской, который долженъ былъ отсюда посылать станицы къ Стародубу и Новгородъ-Сѣверску ³⁾; въ 1618 г. собрано было сѣверское ополченіе въ 1740 чел. въ виду приближенія ратныхъ людей къ Стародубу ⁴⁾; въ это время тамъ было 596 чел. да велѣно было прибрать еще 100 стрѣльцовъ ⁵⁾. Въ слѣдующемъ 1619 г. по Деулинскому перемирію, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Попова Гора, Почепъ съ ихъ волостями перешли къ Польшѣ ⁶⁾. Балтазаръ Стравинскій и Войтѣхъ Клиμποцкій назначены были разводить Новгородъ-Сѣверскіе рубежи ⁷⁾. Впрочемъ въ 1633 г. Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ и Почепъ были временно заняты русскими ⁸⁾ войсками; воеводы получили обширный наказъ, какъ взять эти города на государя въ 1633 г. Сѣверскіе города очищены были отъ Поляковъ: въ Новгородъ-Сѣверскъ былъ поставленъ Московскій воевода со служилыми людьми въ количествѣ 670 чел.; туда привезенъ былъ нарядъ, зелье, доставлены соль, хлѣбъ; городище, что былъ городъ, по размѣрамъ оказалось равнымъ 240 с. (кромя башенъ). Въ Стародубѣ также былъ оставленъ гарнизонъ въ 699 человекъ; размѣръ острога равнялся 212¹/₂ косыхъ саж. Раньше здѣсь засѣвалась на короля польскаго пашня въ количествѣ 400¹/₂ десятинъ, такъ что теперь было найдено хлѣбныхъ запасовъ 700 четвертей. Въ Почепѣ оставлено было 110 чел. и найдено 541 чет-

¹⁾ Бѣляева. О стор. станич. и пол. служ. (Чт. 1846 г. № 4, пр. стр. 46—47).

²⁾ Разр. кн. I, 401—402.

³⁾ Ibidem, 30.

⁴⁾ Ibidem, 473.

⁵⁾ Ibidem, 541.

⁶⁾ Переписка между Россіей и Польшей (Чтенія 1862 г., кн. 4, стр. 29).

⁷⁾ Ibidem, 39.

⁸⁾ Ibidem, 49.

верть хлѣбныхъ запасовъ; мѣра острога равнялась 126 саж. ¹⁾. Впрочемъ всѣ эти города уже въ слѣдующемъ 1634 г., по Поляновскому миру, снова отторгнуты были отъ Москвы. Въ сторону польскую отошли между прочимъ Стародубъ, Попова Гора, Новгородъ-Сѣверскъ и Почепъ, «со всѣми къ нимъ принадлежащими уѣзды, волостями, военнымъ снарядомъ, посадскими и пашенными людьми и со всѣмъ тѣмъ, что въ оныхъ городахъ, при занятіи россиянами, было (кромѣ церковной утвари, разрядныхъ дѣлъ, духовнаго чина особъ, воеводъ, боярѣ, дворянѣ, стрѣльцовъ и казаковъ, коимъ всѣмъ дозволить возвратиться въ Россію), очистить и отдать назначеннымъ для сего Польскимъ дворянамъ съ роспискою; привезенные же въ эти города изъ Россіи всякіе пушечные запасы вывезть» ²⁾. Съ этого времени Сѣверщина находилась уже подъ властью Польши до возстанія Богдана Хмѣльницкаго (до 1648 г.). За этотъ промежутокъ времени поляки много сдѣлали для пропаганды полонизма и католицизма въ край. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ, напримѣръ, Доминиканамъ былъ отданъ Троицкій монастырь, а для іезуитовъ устроенъ колегіумъ ³⁾. Земли и должности раздавались польской шляхтѣ; администрація получила такой характеръ, какимъ она отличалась въ самой Рѣчи посполитой. Въ 1623 г., напр., должность подстоля въ Стародубовскомъ повѣтѣ вручена была пану Томашу Ерликовскому ⁴⁾; въ 1624 г. генеральство пожаловано въ Стародубѣ п. Вышмирскому ⁵⁾ и т. п.

Такова внѣшняя судьба Стародубовщины и Новгородъ-Сѣверщины съ полов. XIV до пол. XVII в. Мы видимъ здѣсь постоянную смѣну различныхъ вліяній: древне-русскіе порядки были уничтожаемы и замѣняемы здѣсь литовскими, господствовавшими 1¹/₂ столѣтія, литовскіе — московскими, продолжавшимися ровно столѣтіе, а московскіе — польскими; но и польскіе продолжались не долго — менѣе 30 лѣтъ и то съ перерывомъ въ два года. Въ связи съ этимъ естественно проникала въ этотъ край то литовская, то московская, то польская колонизація, причемъ новая колонизаціонная волна, какъ мы увидимъ далѣе, вытѣсняла въ значительной степени предшествовавшую. Не смотря однако на всѣ эти пертурбаціи, здѣсь должно

¹⁾ Разр. книги II, 425 — 435, 460 — 467.

²⁾ Переписка между Россіей и Польшею (Чтен. 1862 г., кн. 4-я, стр. 64).

³⁾ Физарета, VI, 25.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст. Лит. метрик. 1¹³/₃₂ стр. 6 — 7.

⁵⁾ Ibidem, стр. 86, 87.

было удержаться и старинное населеніе, даже отъ домонгольскаго періода; всё эти прихожіе иностранцы только производили разные эксперименты съ туземцами; но эти послѣдніе, не смотря на тяжелыя подѣлы чась испытанія, удержали свою національность и сохранили многія старыя основы жизни. И это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что мѣстность эта изобиловала непроходимыми гѣсами-пущами, служившими защитой мѣстному населенію отъ «насильниковъ». Не даромъ же обитатели Стародубья удержали свое древнее названіе *севрюковъ*, не даромъ же въ XVIII в. мы видимъ еще такія архаическія формы быта, которыя переносятъ насъ какъ бы въ сѣдую славяно-русскую старину—*притеребы, роздерты, знаменія на бортовыхъ ухажаяхъ, бобровыя юны, зетринныя и рыбныя ловли*; хозяйство ведется на *лядахъ*, т. е. такъ, какъ оно велось въ самыя отдаленныя времена.

Намъ слѣдуетъ обратиться теперь къ этимъ внутреннимъ особенностямъ жизни Стародубовскаго края, тѣснымъ образомъ связаннымъ съ вопросомъ о социальномъ составѣ населенія и его землевладѣніи; матеріаломъ будутъ служить жалованныя грамоты, дошедшія до насъ отъ разныхъ періодовъ. Исторія сохранила намъ имена такихъ лицъ, которыя, не смотря на всё смуты, удержали свои имѣнія въ Стародубовщинѣ въ продолженіе многихъ столѣтій — отъ домонгольскаго періода до XVIII вѣка включительно. Таковы были: Рубцы, Бороздны, вѣроятно, также Фаи. Въ 1620 г. польскіе комисары проводили межи и границы имѣній Рубцовъ, причемъ Рубцы представили въ доказательство своихъ правъ грамоты, пожалованныя ихъ предкамъ русскими великими князьями и подтвержденныя польскими королями ¹⁾. Эти же самыя комисары въ томъ же 1620 г. подтвердили множество имѣній сынамъ боярскимъ Борозднамъ, такъ какъ у нихъ оказались грамоты на эти помѣстья, пустоши и селенія также отъ *великихъ князей русскихъ* ²⁾. Хваевскій обрубъ, т. е. отчины Фаевъ по грамотѣ 1663 г. принадлежали имъ «одѣ вѣковъ» ³⁾. Въ литовскій періодъ (съ половины XV до начала XVI в.) мы видимъ пожалованія громадныхъ территорій — цѣлыхъ городовъ съ ихъ округами съ одной стороны и болѣе мелкихъ земельныхъ участковъ съ другой; первые носили вотчинный харак-

¹⁾ Обоар. Рум. оп., 676.

²⁾ Ibidem, стр. 743.

³⁾ Ibidem, стр. 828.

теръ — соотвѣтствовали московскимъ княжескимъ вотчинамъ татарскаго періода. Объ этомъ даетъ ясное представленіе пожалованная грамота великаго князя Литовскаго Александра Семену Ивановичу Можайскому на Черниговъ, Стародубъ, Гомей и Карачевъ. «Дали есмо, говорится тамъ, ему городъ нашъ Черниговъ, со всимъ, што къ нему слушаетъ», исключая такихъ-то бояръ (слѣдуетъ перечень), которые со своихъ имѣній должны служить намъ, остальные же обязаны служить ему, а онъ не имѣеть права удалять ихъ съ имѣній. Дается ему, женѣ и дѣтямъ на вѣчныя времена Черниговъ «съ слугами путными, съ людьми данными и тяглыми, со всѣми доходами». Точно также подтверждено было пожалованіе ему Казимиромъ на вѣчныя времена въ вотчину Стародуба; Карачевъ былъ данъ до воли ¹⁾. Эта грамота напоминаетъ намъ порядки, господствовавшіе тогда въ Литовской Руси; и здѣсь, какъ и тамъ, были князья вотчинники, бояре, слуги вольные — путные бояре, крестьяне — данники и тяглые; и здѣсь мы видимъ феодальные распорядки, выражавшіеся въ обязательствѣ военной службы или непосредственно великому князю, или князю вотчиннику. Но извѣстны и незначительныя пожалованія; такъ великій князь Александръ подтверждаетъ въ 1496 грамоту своего отца, выданную Черниговскому намѣстнику, кн. Ив. Глинскому, на четыре человекъ данниковъ въ Стародуб. повѣтъ «съ ихъ землями пашными и бортными, съ сѣножатями, съ рѣками и бобровыми гоны и со всѣмъ, што здавна къ тымъ *ихъ* землямъ прислуhalo и со всеми ихъ входы»; даются они въ вѣчность: воленъ князь Глинскій ихъ продать, подарить ²⁾ и т. п. Въ XVI в. Стародубовщина и Сѣверщина перешли, какъ мы уже знаемъ, подъ власть Москвы и это обстоятельство должно было отразиться извѣстнымъ образомъ на мѣстномъ землевладѣніи, хотя, по всей вѣроятности, не сразу. Болѣе двадцати лѣтъ здѣсь еще удержались мѣстныя князья-вотчинники, а вмѣстѣ съ ними, конечно, и прежніе распорядки. Въ XVI вѣкѣ въ 1550 г. мы встрѣчаемъ имена нѣсколькихъ стародубцевъ, ограбленныхъ литовцами. У городского Стародубовскаго приказчика Родіона Суховерхова въ Боровичахъ литовцы выдрали 300 роевъ пчель, у стародубца Якуша Рубца 250 да въ деревнѣ его взяли 25 п. меду и 7 лисиць (всего на 165 руб.); у стародубца Васьки Устинова выдрали 70 роевъ пчель да владѣли его бобровыми го-

¹⁾ Ак. Зап. Рос., I, № 139.

²⁾ Ibidem, № 133.

нами 2 года (50 руб.); ограбили также Афанасія Слѣпца, Ивана Ѳедоровича Микулинца съ братіей, Ивана Ивановича Микулинца, приходили въ село Микуличи, пограбили его и взяли у Янка Микулина, у Васюка Ѳедорова, у Гридки Остапова и Іевка Иванова съ братією коней, рогатаго скота, оружія, меду, воску, платья и всякой рухляди на 1200 руб. Такія же опустошенія производили они въ селахъ и деревняхъ Поповскаго уѣзда. Среди этихъ лицъ кромѣ Рубцовъ нужно, повидимому, отнести къ старымъ туземнымъ фамиліямъ и обширный родъ Микулинцевъ, которымъ, надо полагать, было обявано своимъ происхожденіемъ и село Микуличи. Земли Микуличъ граничили съ землями польскаго селенія Тростани, которое въ XVI в. принадлежало роду Зѣнченкокъ, какъ это видно изъ ревизіи 1560 г. Воловича и Нарушевича ¹⁾. Главными занятіями населенія, очевидно, было бортничество, рыболовство и звѣроловство (особенно бобровые гоны). Это еще яснѣе доказывается жалованною грамотою Ивана Грознаго Новгородсѣверскому Спасскому монастырю, подтвердившею прежнюю грамоту его отца Василя III. Она косвенно свидѣтельствуетъ о введеніи московскихъ порядковъ администраціи. Во владѣніи монастыря было очень много имѣній, (деревни, починки, сельца и селища), но преобладали такія угодья, какъ рыбныя ловли (озерца, пруды, рѣчки, истоки, ѣзы, оболонья), бортныя ухожья со знаменіями, бобровые гоны, вспуды, сторожевища и перевѣсы, сѣнныя покосы по оболонямъ», дикое поле—подубровье и т. п.; деревни, починки и селища были заселены монастырскими бортниками. Крестьяне монастырскіе получили отъ государя чрезвычайно обширныя льготы п, конечно, это не могло остаться безъ вліянія на заселеніе этихъ земель.

Въ XVII в. въ Сѣверщинѣ стали хозяйничать поляки. Получивъ ее въ 1619 году, они уже въ слѣдующемъ 1620 отправили комиссаровъ — старосту Мозырскаго и тивуна Троцкаго, Балтазара Стравинскаго и королевскаго секретаря Войтеха Глембоцкаго — «на ординацію замковъ одѣ Москвы рекуперованныхъ для отбиранія замковъ сѣверскихъ отъ Москвы такъ тоже и для ревидованья и показанія намъ правъ отъ людей стану духовнаго яко дворянъ, сыновъ боярскихъ, яко зачимъ, хто всякіе добра ойчизніе и помѣстья держить ²⁾», т. е. другимъ словами, здѣсь должно было происходить нѣчто въ родѣ генеральнаго слѣдствія о магностяхъ съ тре-

¹⁾ Обзор. Рум. оп. Мал., стр. 684 — 695; Филаретъ, VII, 232 — 233.

²⁾ Ibidem, стр. 675.

бованіемъ документовъ, выслушиваніемъ околныхъ людей и сосѣдей. Нѣсколько документовъ объ этомъ напечатано въ Обзор. Рунян. описи Малороссіи. Утверждались земли за старыми обывателями края, владѣвшими ими безспорно по грамотамъ, въ родѣ дѣтей боярскихъ Рубцовъ и Борозднѣ; эти послѣдніе, оказывается, владѣли громадною територією, но она состояла по большей части изъ селищъ; имъ принадлежали Городище Горскъ, Истровъ, Исаевскій и Городецъ; селища — Семашкино, Скворцово, Данки, Прахниковское, Хреновичи, Крашево, Чертово, Пустое, Хоромно, Клецово, Бутовское, Коптюхино, Бахаевское, Исичево (Иваничи), Карцево, Тростянское, Росчипянское и Раевское, пустоши — Жоведь и Иваничи, и деревни — Ключи, Куршановичи, Медвѣдовы, Ярцово, Борознино ¹⁾). Очевидно, что смутное время и послѣдовавшая за нимъ польско-московская война привели къ страшному опустошенію этотъ несчастный край. Такимъ образомъ, являлась настоятельная необходимость въ заселеніи этихъ селищъ и пустошей, обладавшихъ угодами и удобствами. Все это подтверждено имъ по королевскому универсалу Владислава IV на ленномъ правѣ, съ условіемъ защиты сѣверскихъ замковъ, безъ платы въ пользу короля или старосты, исключая выдѣлки селитры и другихъ лѣсныхъ товаровъ ²⁾). Такова же жалованная грамота сыну боярскому Григорію Калениковичу Гладкому ³⁾ 1628 г. Онъ не захотѣлъ послѣ Деулинскаго перемирія переходить на Московскую сторону, а остался въ Стародубщинѣ, гдѣ у него были помѣстья, которыя теперь Владиславъ IV и утвердилъ за нимъ, женою и дѣтьми его мужеска пола. Ему принадлежало дворовое мѣсто въ замкѣ Стародубовскомъ съ огородомъ на посадѣ, предковскіе грунты надъ р. Ипутью въ с. Ущерпѣ и особенное наследственное помѣстье въ Почеповскомъ уѣздѣ подъ названіемъ Заполье; въ замѣну всѣхъ этихъ земель (исключая городскихъ) комисары отвели ему грунты надъ рѣчкою Сечною подъ названіемъ Мясятынскъ, одну пустошь и 10 четвертей поля въ д. Горыславнѣ; всего нарѣзано было ему 50 волокъ, т. е. принимая волоку за 19 десятинъ, 950 десятинъ «со всѣми пожитки, исключая селитры и лѣсныхъ товаровъ», которые не могли быть разрабатываемы безъ особаго разрѣшенія короля; имущество онъ это могъ отчуждать, но только оиять-таки съ согласія

¹⁾ Ibidem, стр. 742 — 743.

²⁾ Ibidem, стр. 745.

³⁾ См. приложение, № 1.

короля; за это Гладкій обязанъ былъ построить въ замкѣ Стародубовскомъ на своей усадьбѣ домъ и держать въ немъ постоянно челядника или подворника литовской или польской націи, а на время войны и самъ долженъ былъ явиться въ замокъ подъ начальство старосты или капитана, а если самъ не сможетъ, то поставить такого же надежнаго, какъ и онъ, человѣка и держать тамъ на полгода себѣ провизіи (на случай осады); отъ всѣхъ же другихъ повинностей онъ былъ совершенно свободенъ. Это типическій образецъ жалованныхъ грамотъ, выдававшихся мѣстнымъ обывателямъ шляхетскаго стана. Точно также получилъ подтвержденіе на свои помѣстья сынъ боярскій Родіонъ Скрягинъ въ 1625 году ¹⁾. Но кромѣ туземцевъ получили земли и прихожіе шляхтичи-поляки; свободныхъ помѣстій было не мало уже по одному тому, что многія изъ нихъ опустѣли послѣ войны: владѣльцы частью были перебиты на войнѣ, частью побросали ихъ, частью, наконецъ, попереходили въ московскую сторону. И вотъ благородная, но неимущая польская шляхта выпрашиваетъ себѣ эти пустыя помѣстья. Панамъ Гимбольтамъ въ 1623 г. даются имѣнія бывшихъ московскихъ дѣтей боярскихъ Арешковыхъ (дер. Субачевцы и селище Пастзыдзіевское) и Фед. Сурапова (полов. дер. Енинской) ²⁾. Панъ Конюшовскій въ 1624 г. получилъ въ Почеповскомъ уѣздѣ двѣ деревни, принадлежавшія раньше московскимъ сынамъ боярскимъ (Старобоче и Кульновцы) и плацъ въ Почеповскомъ замкѣ ³⁾, а жолнеръ Янъ Волинскій — въ томъ же уѣздѣ цѣлый рядъ имѣній, принадлежавшихъ также сначала московскимъ боярамъ, а послѣ нихъ безъ права присвоенныхъ разными лицами (а именно дер. Тупальцы, Губастовъ, принадлежавшія прежде Ивану Львову, дер. Васконичи на р. Шолоцимѣ, принадлежавшую прежде Сильвестру и Якову Львовымъ, дер. Карманово и Молково на р. Косныци, принадлежавшія раньше Ивану Львову, дер. Межино и селище Ивашково на р. Деренейной, принадлежавшія прежде Григорію и Константину Байкаскавнымъ, дер. Оноцлово и Черницино, принадлежавшія прежде Семену Паскону и Мих. Санину ⁴⁾). Если жолнеру дано было столько селеній, то изъ этого нельзя не заключить, что тѣ лица, отъ которыхъ зависѣла раздача, особенной скупостью не отлича-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Лит. Метр. Кн. Зап. ($\frac{7A}{101}$ стр. 161—162).

²⁾ Арх. Мин. Юст. Лит. Метр. Кн. Зап. ($\frac{7A}{101}$ стр. 85—86).

³⁾ Ibidem, стр. 88.

⁴⁾ Ibidem, стр. 62.

лись. Жаловались не только запустѣвшія помѣстья, но и всякія другія. Нѣкому пану Рапсану вымѣрено было въ 1625 г. на урочищѣ Синину по обоемъ берегамъ рѣки Вабли въ Стародубовскомъ повѣтѣ 40 волокъ съ огороднымъ мѣстомъ подъ Стародубовскимъ замкомъ ¹⁾. Должностныя лица могли получать такія пожалованія, конечно, еще съ бѣльшимъ удобствомъ; въ томъ же 1625 г. Стародубовскій подстолій Терликовскій получилъ въ своемъ повѣтѣ 50 волокъ, годныхъ для поселенія, т. е. со всѣми угодыми ²⁾. По сказкѣ старожиловъ, поляку Дубровскому принадлежали въ Почеповскомъ уѣздѣ с. Красниково, Бабкино, Селиваново, Рековая, Посная поляна, Шавичи, которыя потомъ запустѣли и до начала XVIII в. оставались селищами ³⁾. Жалованныя грамоты выдавались еще и въ самомъ началѣ пятидесятихъ годовъ. Такую грамоту получилъ, напримѣръ, въ 1653 г. на селенія Лихтино или Филипповичи, Покони и Итаціонки въ Стародубовскомъ повѣтѣ, панъ Скурульскій послѣ жены своей Елены, урожденной Волковны ⁴⁾. Въ 1654 г. были утверждены за Быховцемъ д. Бабиничи и Полюнки въ Почеповскомъ уѣздѣ; къ этому же времени относится рядъ грамотъ, разрѣшающихъ производство селитры или отчужденіе имѣній. Въ 1652 г. вдова покойнаго Троцкаго воеводы Николая Абрамовича, Елисавета съ Тулинъ Горностаевна получила разрѣшеніе въ теченіи 8 лѣтъ выдѣлывать лѣсные товары — поташъ, смольчугъ, клепки и т. п. или передать это право по контракту, кому она захочетъ; такое разрѣшеніе было дано ея мужу еще въ 1650 г., но имъ нельзя было воспользоваться по случаю казацкихъ бунтовъ ⁵⁾. Въ томъ же 1652 г. послѣдовало разрѣшеніе со стороны короля пани Абрамовичевой на отчужденіе г. Мглина съ волостью въ руки какого либо другаго лица шляхетскаго рода, со всѣми тѣми правами и обязанностями, которыми пользовалась прежняя владѣлица ⁶⁾. Такое же разрѣшеніе получила Соколовская ⁷⁾ на отчужденіе своихъ ленныхъ деревень — Тавлюковщизны и Кудрайовщизны вообще, и Котовская ⁸⁾ — на отчужденіе дер. Маташева и Демянова на р. Косцици въ пользу Яна Цюндзевскаго.

1) Ibidem, стр. 144 — 145.

2) Ibidem, стр. 136 — 138

3) Обзор. Румянц. описи, стр. 601.

4) Моск. Архивъ Мин. Юст. Лит. Метрика. Книга Записей, № 127, л. 417.

5) См. прил. № 5.

6) См. прил. № 7.

7) См. прил. № 8.

8) См. прил. № 6.

Самыми крупными владѣльцами въ Стародубовщинѣ были Ал. Пясочинскій и Николай Абрамовичъ. Первому принадлежали между прочимъ Новгородъ-Сѣверскъ и Погаръ, второму Мглинъ. А. М. Лазаревскій приводитъ интересную выдержку изъ книги Свѣнцикаго-Бартошевича, въ которой говорится, что «Пясочинскій владѣль въ Сѣверщинѣ огромными земельными имуществами, которыя получилъ отъ короля, и такъ какъ они были пусты, то заселялъ ихъ. Нѣкій Стахорскій отъ его имени былъ осадчимъ этихъ безлюдныхъ маестностей. Въ Липовецкомъ Архивѣ осталось множество бумагъ, относящихся до этихъ вновь основанныхъ селеній въ Сѣверщинѣ и на основаніи ихъ можно было бы написать чрезвычайно любопытную исторію ихъ колонизаціи» (стр. 3—4, прил. 11). Единственнымъ указаніемъ на повинности мѣщанъ и крестьянъ, бывшихъ въ зависимости отъ этихъ владѣльцевъ, является характерное посланіе Н. Абрамовича къ Мглинскимъ мѣщанамъ и обывателямъ деревень 1650 г., написанное имъ послѣ Зборовскаго договора. Оно напечатано съ необходимыми поясненіями въ книгѣ А. М. Лазаревскаго и потому я на немъ останавливаться не буду.

Кромѣ помѣщиковъ (поляковъ и русскихъ) и зависимаго отъ нихъ населенія была еще группа, которой въ ближайшемъ будущемъ суждено было совершенно уничтожить весь социально-экономическій строй, насажденный здѣсь поляками; я разумѣю казаковъ. Найденный мною въ Лит. метрикѣ привилей ¹⁾ Стародубовской казацкой хоругви 1625 г. даетъ намъ ясное представленіе о ихъ правахъ и обязанностяхъ. Указавъ на необходимость возможно лучшей защиты Стародубовскаго замка и затруднительность собиранія особыхъ налоговъ для найма жолнеровъ, король Сигизмундъ заявляетъ, что онъ остановился на мысли поручить эту защиту сотнѣ казаковъ и отвести ей, вмѣсто жалованья, 400 волокъ (7600 дес.) земли, по 4 волока, т. е. по 76 десятинъ на коня; земли эти должны быть отведены каждому казаку отдѣльно. Сотня получала особое знамя (корогву)— красное съ синимъ крестомъ, которое должно находиться подъ наблюденіемъ начальника Стародубовскаго замка. Нарѣзанныя казакамъ земли остаются *навсегда* собственностью ихъ самихъ, дѣтей ихъ и потомковъ. Въ самомъ замкѣ они получаютъ мѣста для постройки домовъ и огороды. Волоки имъ даются со всеми угодьями, въ томъ числѣ съ правомъ «въѣзда» въ пуцу, т. е. рубки для себя лѣса. Все это они могли отчуждать, но

¹⁾ См. прил. № 2.

съ согласіа короля или начальника Стародубовскаго замка и притомъ только такимъ лицамъ, которыя могли бы нести соотвѣтствующія этому имуществу повинности. А чтобы ускорить постройку домовъ, устройство хуторовъ и заведеніе хозяйства, имъ предоставлена была шестилѣтняя льгота отъ всѣхъ повинностей. По истеченіи же этого срока они должны будутъ нести только рыцарскую казацкую службу, проживая для этого въ случаѣ надобности по требованію начальника въ замкѣ; а если бы необходимость заставила кого-либо изъ нихъ отлучиться въ это время, то онъ долженъ будетъ непремѣнно испросить на это позволеніе у начальника замка. Судъ долженъ быть такой, какъ и у всѣхъ Смоленскихъ казаковъ, т. е. старостинскій; дѣла записываются исключительно въ Стародубовскія книги; притѣсненій имъ ни отъ кого не будетъ, но и сами они должны отдавать требуемое «послушенство» начальнику Стародубовскаго замка, являться черезъ каждые четыре мѣсяца на перепись и не приставать къ бунтамъ; отправлять королевскихъ писемъ они не обязаны. На случай продолжительной осады въ Стародубовскомъ замкѣ, они будутъ получать по 8 польскихъ злотыхъ на человѣка за четверть года. Такая же казацкая «корогва» была и въ Почепѣ. «Александръ Королькевичъ, читаемъ мы въ актѣ 1652 г., маючи подъ собою одну уволку на казацкомъ въ Доманичахъ, принялъ другую уволку тамъ же въ Доманичахъ по Римарю вакующую (т. е. пустую) и теперь маючи грунтъ на полъ коня мѣтеъ послугу замковую отправовать, якъ другіе казаки; также шляхетный Измаилъ Короза въ Доманичахъ грунтъ казацкій волоки двѣ на *полконя* принялъ по Мизьгеру вакующей на такой же послузѣ, якъ иншіи казаки одправуютъ, ведлугъ привилею, на оборону замку Почеповскаго наданого» ¹⁾; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ половинами казацкихъ службъ, а Вас. Ян. Головкѣ въ пустошахъ того же Почеповскаго уѣзда нарѣзано было 4 казацкихъ службы ²⁾ — 16 волокъ; изъ другого документа мы узнаемъ, что казацкія волоки продавались другимъ лицамъ: въ 1638 г. Ал. Легоновичъ и его жена продали свою казацкую маетность Скрябинъ (4 волоки) Ал. Доманскому ³⁾. Наконецъ, видное мѣсто среди тогдашняго общества занимало городское населеніе — *мѣщане*. О положеніи ихъ въ то время даетъ обстоятельныя свѣдѣнія жало-

¹⁾ Обзор. Рум. оп., 613.

²⁾ Ibidem, 619 и 621.

³⁾ Ibidem, 447.

ванная грамота на магдебургское право г. Стародубу 1620 г. ¹⁾. Въ подлинности этой грамоты не сомнѣвается и г. Лазаревскій, хотя и думаетъ, что магдебургское право въ Стародубѣ при полякахъ не дѣйствовало. Не касаясь этого вопроса въ подробностяхъ (о чемъ придется говорить въ слѣдующей главѣ), я только остановлюсь на болѣе существенныхъ пунктахъ этой грамоты, характеризующихъ социальную-экономическую бытъ Стародубовскаго мѣщанства. Пожалованіе Магдебургскаго права было вызвано желаніемъ укрѣпить Стародубъ, какъ пограничный пунктъ, и привлечь къ нему льготами населеніе, въ особенности купцовъ и ремесленниковъ. Всѣ мѣщане, купцы, перекупни, ремесленники, шинкари и др. городскіе обыватели отнынѣ исключительно должны быть подсудны «мѣскому уряду», т. е. войту и магистрату; ему же подвѣдомственны будутъ прїѣзжіе купцы, обязанные помѣщать свои товары въ городскомъ гостинномъ дворѣ, и такіе шляхтичи или казаки, которые бы проживали въ Стародубѣ и занимались «гандлемъ, шинкомъ или ремесломъ». Войта, бурмистровъ, райцовъ, лавниковъ выберутъ всѣ граждане, а потомъ они немедленно приступаютъ къ исполненію своихъ обязанностей: даютъ судъ не только мѣщанамъ, но и всѣмъ горожанамъ; постановленія записываются въ книги по польски и запечатываются печатью, на которой изображенъ городской гербъ. Всѣ мѣщане имѣютъ право держать шинки съ обязательствомъ уплаты за это въ городскую «скринку» ежегодно по 2 таляра; за пахатные грунты мѣщане должны платить чиншъ; на городской урядъ назначены были имѣнія: на войтовство 20 волокъ съ подданными, мельницей, на бурмистровъ — 15, на писаря — 6; на ратушу — двѣ деревни въ 40 волокъ, доходы съ продаваемыхъ товаровъ (скота, рыбы), гостинный дворъ, баня посполитая, рѣзницкія «ятки» (все это нужно было еще построить), мостовое и налоги на купцовъ — ремесленниковъ по общему постановленію. Но всѣ эти доходы должны идти не на частныя нужды, а на общее благо — на порохъ, артиллерию, на поправку замковой крѣпости, на устройство зданія ратуши и часовъ. Городской урядъ долженъ заботиться о заведеніи цеховъ и совмѣстно съ замковымъ — объ исправленіи валовъ и укрѣпленій; за то другихъ повинностей мѣщане уже не будутъ нести (давать подводы старостамъ, посылать сторожей, отправлять письма, ходить на охоту, помогать въ работахъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ

¹⁾ Обзор. Рум. оп. Малор., стр. 405 — 411.

томъ, что грамота эта могла дѣйствительно способствовать росту Стародуба и увеличенію благосостоянія его жителей—мѣщанъ, ремесленниковъ и купцовъ. Король, такимъ образомъ, хотѣлъ и успѣлить Стародубъ, и привлечь къ себѣ симпатіи его жителей, которыми непріятенъ былъ его католическій прозелитизмъ; этотъ послѣдній нашелъ себѣ мѣсто даже и въ этой самой грамотѣ. Заботы Сигизмунда объ увеличеніи съ этого края доходовъ въ государственную казну высказались еще въ одномъ актѣ, относящемся къ 1625 г. — въ приказѣ починять старые мосты, паромы и дороги и дѣлать новые, чтобы облегчить Могилевскимъ, Смоленскимъ и Оршинскимъ купцамъ путь на Чечерскъ до Стародуба, путь, который въ послѣднее время сдѣлался совсѣмъ непроѣзднымъ ¹⁾. Такое же магдебургское право было даровано повидимому и Новгородъ-Сѣверску. Такимъ образомъ, основными чертами мѣстной жизни до возстанія Богдана Хмѣльницкаго нужно признать — сильное развитіе крупной поземельной собственности, которая принадлежала отчасти мѣстнымъ обывателямъ, а отчасти прихожей шляхтѣ, насажденіе католицизма и іезуитовъ, получившихъ въ свои руки часть тѣхъ земель, которыя прежде принадлежали православному черному духовенству, предоставленіе самоуправленія сѣверскимъ городамъ, эмансипація ихъ отъ старостинской власти и попытки правильно нормировать казацкій элементъ, который впрочемъ былъ весьма немногочислененъ. Другими словами, здѣсь создавался такой строй, который господствовалъ во всей остальной территоріи Рѣчи Посполитой. Но все это, по выраженію акта, было «скасано казацкою саблею».

Я счелъ безцѣльнымъ сдѣлать эти прибавленія къ историческому очерку А. М. Лазаревскаго, потому что онъ составленъ очень неполно, между тѣмъ какъ намъ чрезвычайно важно уяснить себѣ тѣ порядки, которые господствовали здѣсь до полов. XVII в.; казацкая сабля не вполне скасовала, да и не могла скасовать всего прежняго строя, — онъ оставилъ наслѣдіе, которое приняло послѣдовавшее поколѣніе. Останавливаться на разборѣ географическаго очерка Стародубовскаго полка я не буду, такъ какъ онъ составленъ, по моему мнѣнію, удачно. Только мнѣ кажется, его нужно было-бы помѣстить *передъ* историческимъ очеркомъ или еще лучше слить съ этимъ послѣднимъ. Въ такомъ случаѣ онъ могъ бы служить какъ бы основаніемъ для исторіи колонизаціи края, указывая, ка-

¹⁾ См. прил. № 4.

ковы были географическія условія мѣстности и какъ они отразились на характерѣ колонизаціи, на занятіяхъ жителей, на мѣстныхъ промыслахъ и т. п. У А. М. Лазаревскаго приведены очень любопытныя данныя о характерѣ почвы и указано какъ это обстоятельство отразилось на колонизаціи и занятіяхъ первыхъ поселенцевъ. Лучшія земли заселены были раньше и на нихъ занимались хлѣбопашествомъ, менѣе плодородныя — позже и здѣсь получили широкое развитіе «будницкій, гутницкій и рудницкій» промыслы. Едва-ли только можно согласиться съ заключеніемъ автора, что мѣстоположеніе поселеній на гористыхъ берегахъ или полуостровѣ *несомненно* свидѣтельствуетъ о его глубокой (дотатарской) древности; часто такъ бывало въ дѣйствительности, но почему же такихъ крѣпкихъ и надежныхъ мѣстъ не могли выбирать себѣ и поселенцы болѣе поздняго времени? Мы видѣли, что и тогда край этотъ испытывалъ постоянныя опасности вражескихъ нашествій. Вообще мнѣ кажется, что г. Лазаревскому въ послѣдующихъ томахъ полезно будетъ расширить какъ историческій, такъ и географическій очерки общаго содержанія и помѣщать въ нихъ то, что не можетъ найти себѣ мѣста въ частныхъ обзорѣнїяхъ городовъ и селеній, напримѣръ, общій очеркъ заселенія полка въ связи съ географическими условіями мѣстности и историческими обстоятельствами, его сопровождавшими; здѣсь же умѣстно было бы приводить статистическія данныя, относящіяся ко всему району полка, напримѣръ, о числѣ гетманскихъ и свободныхъ войсковыхъ маестностей за тотъ или иной періодъ времени. Есть еще въ книгѣ г. Лазаревскаго и краткія описанія сотенъ: ихъ также можно было бы нѣсколько расширить. Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ и въ нынѣшнемъ видѣ отличаются полнотою и обстоятельностью, — таковъ очеркъ Почеповской сотни и раскольничьихъ слободъ; но о нихъ я буду говорить при разборѣ описанія селеній.

Описаніе городовъ.

Въ составъ Стародубовскаго полка входилъ одинъ полковой городъ Стародубъ и четыре сотенныхъ — Новгородъ-Сѣверскъ, Погарь, Почепъ и Мглинь; центромъ остальныхъ сотенъ были простыя мѣстечки и селенія. О Стародубѣ г. Лазаревскій сообщаетъ очень подробныя свѣдѣнія (на 25 стр.), пользуясь для этого «дѣломъ о Стародубовскомъ магистратѣ»; объ остальныхъ городахъ говорится

гораздо меньше (всѣмъ въ совокупности посвящено 22 стр.); впрочемъ о г. Почепѣ приводятся нѣкоторыя данныя еще при обзорѣ нѣи Почепской сотни (по поводу отдачи почепскихъ казаковъ кн. Меншикову). Въ исторіи городовъ естественно первое мѣсто должна занимать исторія городского управленія и хозяйства, а также промышленности, ремесла и торговли, и г. Лазаревскій дѣйствительно преимущественно останавливается на этихъ вопросахъ; особенно подробно изложена у него исторія Стародубовскаго магистрата и его войтовъ. То, что рассказано здѣсь г. Лазаревскимъ, составитъ несомнѣнно одну изъ самыхъ характерныхъ и яркихъ страничекъ въ будущей исторіи малороссійскихъ городовъ. Здѣсь указывается и на важное промышленно-торговое значеніе Стародуба, побудившее еще Сигизмунда III даровать ему жалованную грамоту на магдебургское право, и затѣмъ приводится печальная исторія этого городского самоуправления. Прежде городское хозяйство велось въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ; въ концѣ XVII вѣка въ вѣдѣніе магистрата было отдано множество посполитскихъ деревень, которыя составили нѣсколько волостей, управлявшихся волостными сотниками; они вносили такъ называемую «грошевую складку» для общенародныхъ повинностей. Но самостоятельность магистрата не могла долго удержаться: «малороссійскіе полковники, говоритъ г. Лазаревскій, съ первыхъ же временъ своего существованія, присвоили себѣ такую власть, при которой магистратское самоуправленіе было не мыслимо» (118). «Прежде всего они наложили свою руку на магистратскій судъ». «Мѣщане понимали, что дѣйствительная власть имѣется лишь у одного полковника, а всѣ остальные урядники, въ томъ числѣ и магистратскіе, были только исполнителями его приказаній». Если въ XVII в. Стародубовскій магистратъ пользовался еще значительнымъ вліяніемъ, то этимъ онъ обязанъ «личности» войта Спиридона Широка, занимавшаго этотъ урядъ около 30 лѣтъ (1681—1708). Съ удаленіемъ его, обстоятельства измѣнились: полковникъ Жоравко могъ сажать магистратскаго писаря на цѣпь и «кіями страшить». Г. Лазаревскій рассказываетъ намъ послѣдовательно о тѣхъ порядкахъ или, правильнѣе говоря, безпорядкахъ, при которыхъ происходило замѣщеніе войтовскаго уряда новыми лицами въ первой половинѣ XVIII в. Рассказъ этотъ изобилуетъ многими характерными подробностями, ярко рисующими упадокъ городского самоуправления—подкупность высшихъ сферъ генеральной канцеляріи, опанваніе избирателей и т. п. Войтъ Андреенко «письменно обязался не вы-

ходить изъ полковничьяго послушанія и, такимъ образомъ, открыто подчинилъ и свою, и магистратскую власть власти полковника» (стр. 127). Магистратское хозяйство, служа лишь средствомъ наживы для полковыхъ и магистратскихъ урядниковъ, дошло до такой степени упадка, что самая «ратуша (т. е. зданіе) въ это время представляла собою одну полуразвалившуюся избу, причемъ и той половина отнята была полковою старшиною» (стр. 132). Въ періодъ времени съ 1733 по 1760 г. Стародубовскій магистратъ лишился всѣхъ своихъ волостныхъ селъ. «Кругъ магистратскаго хозяйства ограничился однимъ городомъ»; городскіе доходы спустились до ничтожной цифры; не смотря на это, городъ по прежнему представлялъ изъ себя важный торгово-промышленный центръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ описаніе его 1781 г., приводимое г. Лазаревскимъ: при 863 дворахъ жителей, въ немъ было 212 лавокъ, 5 винныхъ погребовъ, 143 шинка, 2 ярмарки, на которыя между прочимъ «изъ Риги привозилась соленая и копченая рыба, шампанское, бургонское и другихъ сортовъ вина, французскія водки, аглицкое пиво, голландскій сыръ»; отсюда эти товары развозились по другимъ малороссійскимъ городамъ: здѣшніе купцы въ свою очередь отправляли товары за границу; наиболѣе замѣчательнымъ мѣстнымъ продуктомъ была пенька, которой здѣсь собиралось до 500,000 пудовъ (136). Я расхожусь съ г. Лазаревскимъ по вопросу о началѣ магистратскаго самоуправленія въ Стародубѣ. Г. Лазаревскій высказываетъ мысль, что извѣстная грамота Спигзунда III 1620 г. на магдебургское право Стародубу осталась мертвою буквой; «было ли введено въ Стародубѣ тогда же магистратское самоуправленіе по этой грамотѣ, говоритъ г. Лазаревскій, мы не знаемъ: никакихъ свѣдѣній о существованіи его при полякахъ мы не находимъ. Первый Стародубовскій войтъ встрѣчается въ 1656 г., когда поляковъ въ Стародубѣ уже не было. Очень можетъ быть, что польскіе чиновники, распорядившіеся въ Стародубѣ, находили для себя невыгоднымъ магистратское самоуправленіе и грамота 1620 г. оставалась мертвымъ актомъ до изгнанія поляковъ» (115—116). Мнѣ кажется, что для скептицизма, который обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ г. Лазаревскій, очень мало данныхъ. Едва-ли бы польскіе чиновники (какіе?) могли не приводить въ исполненіе такой королевской грамоты, въ которой было заинтересовано населеніе цѣлаго города. Что же касается отсутствія упоминаній о войтахъ, то и оно, во первыхъ, само по себѣ еще ничего не доказываетъ, а во вторыхъ, быть можетъ, имѣеть

спеціальное объясненіе (о чемъ ниже). Мнѣ удалось найти въ Литовской метрикѣ жалованную грамоту Стародубу на магдебургское право короля Сигизмунда III 1625 г.¹⁾, которая въ нѣкоторыхъ пунктахъ существенно расходится съ извѣстною грамотою 1620 г. Эта вторая грамота строго офіціального происхожденія и потому заслуживаетъ полнаго довѣрія. Въ общемъ, по содержанію своему, она близко подходитъ къ грамотѣ 1620 г. и потому я отмѣчу въ ней только то, что представляется новымъ или видоизмѣненнымъ. «Войтовство, говорится здѣсь, будетъ даваться только тому, кто будетъ старостой или капитаномъ Стародубовскаго замка, католику римской вѣры, такъ какъ при разной юрисдикціи оборона замка не могла бы выполняться удовлетворительно; бурмистры, райцы и лавники будутъ выбираться изъ среды всего посполства, но только католическаго вѣроисповѣданія или русскаго, соединеннаго съ католическимъ (т. е. уніатскаго); постановленія и всякія дѣла магистратскія должны писаться сначала въ теченіе двадцати лѣтъ на польскомъ, а потомъ на латинскомъ языкѣ, но не иначе, ибо этого требуетъ магдебургское право; въ случаѣ неисполненія этого требованія граждане будутъ лишены своей привилегіи; апеллировать на магистратскія рѣшенія можно только въ искахъ, превышающихъ 50 золотыхъ; городу дается гербъ св. Георгія; за вольное винокурение и продажу питей каждый мѣщанинъ долженъ уплачивать по копѣ литовской капщизны»; всѣ мѣщане при этомъ должны молоть свой хлѣбъ на королевской мельницѣ, за положенную тамъ плату, но при этомъ имъ самимъ разрѣшается имѣть одинъ жерновъ на 10 домовъ; если бы испортилась королевская мельница и гребля (плотина), то всѣ мѣщане должны немедленно бѣжать или посылать своихъ слугъ для ея исправленія. Сверхъ того каждый мѣщанинъ обязанъ давать съ дома и огорода по 15 грошей литовскихъ въ государственную казну ежегодно, а съ cadaго морга земли по 3 гроша; на войтовство (не на лицо, а на должность) назначается 40 уволокъ; на 3-хъ бурмистровъ — 15, на писаря — 2; дома ихъ освобождаются отъ уплаты чинша на время ихъ службы; на ратушный хуторъ назначается 100 волокъ, свободныхъ отъ всякихъ повинностей; учреждается ярмарка на св. Юрія Римскаго, доходы съ которой должны поступать также въ городскую «скринку»; гостинныхъ дворовъ разрѣшалось устроить два: одинъ въ городѣ для иногороднихъ купцовъ, а другой на предмѣстьѣ для иноземныхъ московскихъ; разрѣшается также

¹⁾ См. прилож. № 3.

устроить 4 кирпичныхъ завода; для исправленія замковыхъ укрѣпленій каждый мѣщанинъ обязанъ всякую зиму вывезти по два дерева и по одной тесаной доскѣ; иногородніе купцы должны продавать здѣсь товаръ оптомъ, а не въ розницу; подводы подъ гонцовъ мѣщане будутъ давать по истеченіи льготнаго срока только по королевскому приказанію. Сравнивая грамоты 1620 и 1625 гг., мы замѣчаемъ, что вторая налагаетъ на Стародубъ больше повинностей, чѣмъ первая (напримѣръ, уплату 15 грошей съ двора кромѣ капщизны); нельзя не отмѣтить также здѣсь польско-католическаго прозелитизма; войтомъ долженъ быть католикъ, а другими членами уряда католики или униаты; производство въ судѣ должно совершаться на польскомъ, а потомъ на латинскомъ языкѣ; наконецъ, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что должность войта не выборная: представитель администраціи староста является вмѣстѣ съ тѣмъ и войтомъ, «дабы не было раздѣленія властей»; этотъ послѣдній пунктъ долженъ былъ значительно сократить автономію Стародуба; послѣ этого понятно, почему не сохранилось именъ Стародубовскихъ войтовъ. Но если принять во вниманіе и это обстоятельство, то все-таки многое остается неяснымъ и загадочнымъ въ дальнѣйшей судьбѣ Стародубовскаго мѣщанства. Отъ русскаго правительства они получили жалованную грамоту на магдебургское право только въ 1666 г.; спрашивается, почему такъ поздно, позже другихъ малороссійскихъ городовъ? Правда, сами мѣщане отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, говоря: «а прежнія де наши царскаго величества жалованніе грамоты отъ разорѣнія литовскихъ людей утерялись»; но мнѣ кажется, что здѣсь была еще одна причина. А. М. Лазаревскій пользовался X томомъ А. Ю. и З. Р., гдѣ помѣщено описаніе нѣкоторыхъ пунктовъ Стародубовскаго полка (въ томъ числѣ и г. Стародуба), но не отмѣтилъ одного чрезвычайно характернаго факта, который тамъ именно находится. Въ Стародубѣ московскіе люди, приводившіе къ присягѣ Алексѣю Михайловичу малороссійскій народъ, не нашли *ни одного мѣщанина* — все населеніе оказалось казацкимъ. Мѣщане переписаны были только въ г. Погарѣ. До возстанія Богдана Хмѣльницкаго мѣщане здѣсь были; въ 1654 г. ихъ не оказалось, и это, конечно, потому что все населеніе лѣвобережной Малороссіи въ это время *оказачивалось*; оказачивались и мѣщане, какъ это отмѣчено даже въ лѣтописяхъ; оказачиванье было вольное и невольное. «Любо бы якій значній человекъ и не хотѣлъ привязоватися до того казацкаго войска, тилко мусѣлъ задля позбиття насмѣвиска и нестерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, напояхъ и

кормахъ незвычайныхъ»... «И такъ народъ посполитый на Украинѣ говоритъ Самовидецъ, послышавши о знесенью войскъ коронныхъ и гетмановъ, заразъ почали ся купити въ полки не только тѣ, которые козаками бывали, але кто и нѣкды казацтва не зналъ»... «Многіе въ неволю татарскую пойшли, а найбарзѣй ремесники молодіе, которіе себѣ головы голили пополюску, чупрыну пускаючи на верхъ головы»; такъ было въ 1648 г., а въ слѣдующемъ къ Хмѣльницкому присталъ Черниговскій полкъ «зо всею Сѣверю ажъ по Гомель и Дроковъ и Млинъ»; тѣи уси полки были при гетману Хмѣльницкомъ, въ которыхъ незличоная личба войска была, бо иншіи полкъ мѣлъ козацтва тысячъ больше 20, бо що село, то сотникъ, а иная сотня мѣла люду тысячу. Такъ усе, що живо, поднялося въ казацтво, же заледво знайшоу въ якомъ селѣ такого челоуѣка жебы не мѣлъ або самъ, або сынъ до войска пти; а ежели самъ не здужалъ, то слугу паробка посылалъ. И иніе, килко ихъ было, вси ишли з двора, тилко одного зоставали, же трудно было о наймыти. А то же дѣялося для того, що прошлого року збогатилися шарпаниною добръ шляхетскихъ и жидовскихъ и иныхъ людеи, же наветъ, гдѣ въ городахъ были и права майдебургскіе, — и присягліе бурмистрове и райцы свои уряды покидали и бороди голили до того войска ишли; бо тѣе себѣ за зневагу держали, которій бы з бородою неголеною у войску былъ. Такъ діаволь учинилъ себѣ смѣхъ злюдей статечныхъ»¹⁾. Эти извѣстія объясняютъ намъ и отсутствіе въ Стародубѣ мѣщанъ въ 1654 г., и позднѣе полученіе ими жалованной грамоты на магдебургское право. Все городское населеніе Стародуба представляло вначалѣ однообразную массу казачества и только черезъ нѣкоторое время изъ нея вышла особая группа мѣщанъ и ремесленниковъ. Это было тѣмъ болѣе возможно, что Стародубовскій полкъ выдѣлился въ особую териториальную и административную единицу не сразу, а въ 1663 г. въ гетманство Брюховецкаго; отъ этого послѣдняго Стародубъ получилъ и жалованную грамоту на магдебургское право; до того времени стародубскіе мѣщане находились въ зависности отъ наказныхъ полковниковъ и ихъ полковыхъ канцелярій. Вотъ гдѣ, по всей вѣроятности, лежить одна изъ причинъ притязаній Стародубовскаго полковаго управленія послѣдующаго времени на протекторатъ надъ мѣстнымъ урядомъ». Исторію этихъ притязаній намъ до нѣкоторой степени разъясняетъ грамота императрицы Елисаветы Петровны,

¹⁾ Лѣт. Самовида, 2-е изд. 12, 15, 19, 20.

въ которой помѣщена и любопытная челобитная войта Коменка и универсалъ гетмана Брюховецкаго 1668 г. Я приведу цѣликомъ эту грамоту, такъ какъ она дополняетъ изложеніе г. Лазаревскаго. «Магистрата Стародубовскаго войтъ Антонъ Коменокъ съ урядники при доношеніи своемъ въ генеральную войсковую канцелярію представили для переписки данный магистрату Стародубовскому зоной генеральной канцеляріи прошлаго 1741 году октября 21 дня універсалъ на магдебургское право и волности, въ которомъ универсалѣ написано: при поданномъ де челобитѣ оного магистрата Стародубскаго войтъ Коменокъ съ майстратовыми урядники и мѣщане предостойнѣйшую высокомонаршую блаженныя и вѣчно достойныя памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца грамоту, отъ созданія міра въ 7174 году данную магистрату Стародубовскому презентовали, въ которой изображено: (слѣдуетъ жалованная грамота Алексѣя Михайловича 1666 г., напечатанная въ Обзор. Румянцевской описи Малороссіи). Да оный же де войтъ Каменокъ съ мѣщаны предъявили прежнихъ гетмановъ на ихъ Стародубовскую майдебургію универсалы, а именно первій Ивана Брюховецкаго 1668 году марта 2 д., вторій Ивана Самойловича въ 1672 году іюня 21 чиселъ, въ которыхъ изображено, дабы за силу высокомонаршей грамоты войтовѣ Стародубовскому въ правѣ магдебургскомъ и въ судахъ ихъ не били перешкодою и до вольностей ихъ правнихъ не интересовали полковникъ Стародубовскій, сотники, атаманъ городовій и жаденъ зстаршини и черни; просили онъ войтъ Каменокъ смайстратовыми, чтобъ ихъ войта съ майстратовыми и мѣщаны противъ нѣжинскихъ, черниговскихъ и переясловскихъ мѣщанъ отъ полковой Стародубовской канцеляріи отрѣшить, а быть въ состояніи противъ Нѣжинскаго, Черниговскаго и Переяславскаго майстратовъ и чтобъ на полковника и полковую старшину цеховіе ремесніе безъ денежной заплаты никакой работизны не дѣлали; а понеже Нѣжинскій, Черниговскій магистраты сподвѣдомства полковыхъ тамошнихъ канцелярій и полковой старшины исключены, а состоятъ подь особливымъ вѣдѣніемъ генеральной войсковой канцеляріи, примѣромъ которыхъ за силу выше изображенной высокомонаршей грамоты надлежитъ содержать и Стародубовскій магистратъ; того ради въ бывшее тогда правленіе малороссійскихъ дѣлъ генерала аншефа и кавалера и Киевской губерніи генерала губернатора Леонтіева съ присутствующими войсковой енеральной канцеляріи члены, имѣя власть послѣ Высочайшихъ Императорскаго Величества имян-

ныхъ указовъ всякіе въ Малой Россіи принадлежаціе дѣла до уряду гетманской и войсковой и гражданской службы устроявать и управлять, яко велѣли за силу выше изображенной Монаршей грамоты и гетманскихъ универсаловъ въ подтвержденіе прежнихъ магистрату Стародубовскому правъ Майдебурскихъ и волностей оной майстратъ Стародубовской принять въ особливое вѣдомство генеральной войсковой канцеляріи и на то дать генеральной войсковой канцеляріи тотъ заруками его генерала и кавалера и присудствующихъ генеральной войсковой канцеляріи членовъ универсалъ, такъ чрезъ оной предложено, дабы генеральная малороссійская старшина, а паче полковникъ Стародубовскій старшина полковая и сотники того полку и всякъ, кому о томъ вѣдать потребно будетъ, объ ономъ опредѣленіи вѣдая, до того Стародубовскаго магистрата ни въ чемъ дѣла не имѣли и всуда оного магистрата и расправы не касались и тѣмъ никакого в ономъ магистратѣ помѣшательства не чинили, а быть суду и расправѣ въ томъ магистратѣ за силу выше показанной Высочайшей грамоты и гетманскихъ универсаловъ по правамъ майдебурскимъ, а ежелибъ кто судомъ того магистрату доволенъ не былъ, тотъ апеліовавъ бы прямо въ генеральную войсковую канцелярію, якоже оной магистратъ имѣетъ состоять въ особливомъ вѣдомствѣ генеральной войсковой канцеляріи; состоящіе же въ вѣдомствѣ магистрата Стародубовскаго мѣщане и прочіе люде должны въ одбуваніи общенародныхъ повинностей исполнять по расположеніямъ того магистрата, однако тѣ и прочіе наряды по силѣ присылаемыхъ звойсковой енеральной канцеляріи указовъ на оныхъ мѣщановъ и другихъ вѣдомства магистратоваго людей должны быть чинимы вполковой Стародубовской канцеляріи въ присутствіи войта или урядниковъ безъ всякаго отягощенія соуравненіемъ; на партикулярнія же работизны оного города Стародуба цеховихъ людей и другихъ употреблять никтобъ не дерзавъ. И за силу Высочайшого Ея Императорскаго Величества имянного всемплоствивѣйшаго указа въ енеральной войсковой канцеляріи опредѣлено тотъ универсалъ реченному магистрату Стародубовскому на майдебурское право и волности въ прошломъ 1741 году октября 21 дня данній въ енеральной войсковой канцеляріи переписавъ, выше означенному Стародубовскаго магистрата войту Коменку съ урядники и мѣщани дать, которой и данъ въ Глуховѣ 1746 году марта 15 дня»¹⁾.

¹⁾ Хар. Ист. Арх. Дѣла Малорос. Кол. № 1558.

Отсюда видно, что мѣщане Стародубовскіе до 1666—1668 г. находились въ зависимости отъ мѣстнаго полковника и полковой канцеляріи. Но попытка ихъ освободиться отъ полковничьей власти въ XVIII в., при посредствѣ генеральной войсковой канцеляріи, какъ это показываетъ намъ г. Лазаревскій, не привела ни къ чему. Да и могло-ли быть иначе, когда основаніе и устройство ремесленныхъ цеховъ зависѣло отъ тѣхъ же полковниковъ. Къ сожалѣнію г. Лазаревскій вовсе не останавливается на Стародубовскихъ цехахъ и ограничивается только ссылкой на полковничьи листы, разрѣшавшіе устройство ихъ въ Стародубѣ; во всякомъ случаѣ въ «Описаніи Старой Малороссіи» необходимо должно было найти себѣ мѣсто, по крайней мѣрѣ, *описаніе цеховыхъ порядковъ*. Нельзя не поставить также въ вину почтенному автору того обстоятельства, что онъ не знакомитъ читателей съ характеромъ магистратскаго суда (хотя бы по извѣстнымъ ему печатнымъ «протоколамъ» Стародубовскаго магистрата 1683 и 1690 г.), а ограничивается только указаніемъ на присутствіе въ этомъ судѣ членовъ полковаго управленія (стр. 118). Между тѣмъ въ этихъ «протоколахъ» есть чрезвычайно важныя указанія на роль громады въ судѣ или на такъ называемые копные суды. Одно изъ нихъ привелъ самъ г. Лазаревскій въ своей статьѣ «Черты быта и нравовъ въ XVII и XVIII в. ¹⁾); другое сдѣлано г. Н. Бакаемъ ²⁾); третье (раньше всѣхъ) отмѣчено пр. Филаретомъ ³⁾); наконецъ, г-жа А. Я. Ефименко напечатала по этому поводу чрезвычайно любопытную статью ⁴⁾), на которую опять таки нѣтъ ссылки у г. Лазаревскаго. И что же? Оказывается, что *все* извѣстные намъ доселѣ факты о дѣятельности копнаго суда въ лѣвобережной Малороссіи (въ томъ числѣ и самое важное дѣло, найденное г-жею Ефименко въ Харьк. Ист. Арх.) *относятся къ территории Стародубовскаго полка*; неужели не слѣдовало отмѣтить этого характернаго обстоятельства? Не служить ли оно въ свою очередь доказательствомъ того, что въ этомъ краѣ жило исконное населеніе, сохранившее стародревніе прапрадѣдовскіе обычаи.

¹⁾ Значеніе сельской громады въ суд. процессѣ (Кіев. Ст. 1886 г., № 11, стр. 567 — 569).

²⁾ Зап. Черн. губ. Ст. Ком., кн. 2-я, вып. 5 и 6-й, стр. 91.

³⁾ Ист. Ст. оп. Чер. еп. VII, стр. 77 — 78.

⁴⁾ Копные суды въ Лѣвобережн. Украинѣ (Кіев. Стар. 1885 г., октябрь, 189 — 203).

Я уже выше замѣтилъ, что г. Лазаревскій не пользовался крайне любопытными данными о Стародубѣ и Стародубовскомъ полкѣ, доставленными въ извѣстную Екатерининскую комисію для составленія проекта Новаго уложенія 1767 г. Между тѣмъ эти данныя ярко рисуютъ намъ приниженность этихъ центровъ администраціи и промышленности, прекрасно разъясняютъ причину ихъ упадка и указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на тѣ средства, которыми можно было хотя немного поднять ихъ благосостояніе ¹⁾. Къ сожалѣнію я не могу останавливаться на этихъ любопытныхъ вопросахъ, потому что это завело бы меня слишкомъ далеко, и ограничусь только тѣмъ, что приведу въ своемъ мѣстѣ одно неизвѣстное еще до сихъ поръ описаніе г. Погара. Съ другой стороны эти данныя подтверждаются и Румянцевскою описью Малороссіи, которая производилась въ это-же самое время. Доходъ магистратскій состоялъ тогда изъ двухъ мельницъ и вѣсовъ; расходовался онъ на починку тѣхъ же мельницъ, городскихъ часовъ, на жалованье писарю, подпискамъ, часовщику и на покупку для магистрата бумаги, сургуча, свѣчей, дровъ и т. п. ²⁾. Состояніе полиціи было также крайне неудовлетворительное: всѣ усилія употреблялись на предосторожности отъ пажара, но они къ желанной цѣли не приводили, не смотря на то, что всѣ граждане должны были имѣть кое-какіе пожарные инструменты и съ ними являться на пожаръ. О состояніи нравственности народной свидѣлствуютъ факты, подобранные пр. Филаретомъ ³⁾. Но вмѣстѣ съ этимъ г. Стародубъ славился своею торговлею: въ 1767 г. Стародубовскія ярмарки продолжались недѣли по двѣ и сюда пріѣзжало въ значительномъ числѣ великороссійское, малороссійское, польское и турецкое купечество ⁴⁾.

На исторіи г. Новгородъ-Сѣверска г. Лазаревскій останавливается уже гораздо меньше; прослѣдивъ судьбу его до пол. XVII в., онъ прямо переходитъ къ состоянію его въ кон. XVIII в. по описанію Нов-Сѣв. нам. 1781 г. Подъ польскимъ владычествомъ Новгородъ-Сѣверскъ, по мнѣнію г. Лазаревскаго, магдебургскимъ правомъ не пользовался. «Хотя, по свидѣтельству Бантъпизъ-Каменскаго (II, прим. 171), говоритъ онъ, нми и оставлено было здѣсь магдебургское право, данное будто бы Новгородъ-Сѣверску Сигиз-

¹⁾ См. Авсѣенка «Малор. въ 1767 г.», «Наказы Малор. депутатовъ». Изд. Кіев. Ст.

²⁾ Подвор. опись г. Стародуба (Рук. Черн. губ. Ст. Ком.).

³⁾ См. Ист. Ст. оп. Черн. еп. VII, 23, 29.

⁴⁾ Подвор. опис. г. Стародуба (Рук. Черн. губ. Стат. Ком.).

мундомъ III наравнѣ съ другими городами, но, кажется, свидѣтельство это не вѣрно. Новгородскихъ войтовъ мы встрѣчаемъ уже съ 1656 г.; но существовалъ ли въ то же время и магистратъ — не знаемъ, какъ не знаемъ вообще ничего о его дѣятельности. Сохранилось лишь нѣсколько именъ лицъ, занимавшихъ урядъ Новгородъ-Сѣверскихъ войтовъ, да универсалъ Скоропадскаго 1720 г., изъ котораго видно, что въ вѣдѣніи Новгородъ-Сѣверскаго магистрата находилось нѣсколько селъ, крестьяне которыхъ обязаны были помогать городу въ исполненіи разныхъ общенародныхъ повинностей» (стр. 210 — 211). Затѣмъ г. Лазаревскій приводитъ въ примѣчаніи выдержку изъ отписки Новгородъ-Сѣверск. маг. 1756 г., въ которой говорилось, что въ магистратѣ «никаковыхъ грамотъ, за потеряніемъ въ Шейнову бывшую войну не съискалось». «Отсюда мы заключаемъ, говоритъ г. Лазаревскій, что Новгородокъ грамоты на магдебургское право при полякахъ не получалъ; иначе магистратъ о ней бы сказалъ, если бы подлинникъ ея и погибъ въ Шейнову войну, т. е. при взятіи Новгородъ-Сѣверска Балтинымъ въ декабрѣ 1632 г.» («Балтинъ — декабря въ 21 день взялъ Новгородъ взятымъ, литовскихъ людей побили всѣхъ и *юродъ сожгли*». Дворцовые разряды II, 310)» (211).

Но дѣло въ томъ, что Новгородъ-Сѣверскій магистратъ *говорилъ* о своихъ старыхъ грамотахъ на магдебургское право; мало того — представилъ цѣлый трактатъ со ссылками на печатные и архивные матеріалы въ доказательство существованія здѣсь магдебургскаго права еще при польскихъ короляхъ. И такъ, предоставимъ самимъ Новгородъ-Сѣверскимъ магистратскимъ чиновникамъ состава 1752 г. отстаивать передъ судомъ новѣйшаго историка свои насущные интересы и доказывать исконное существованіе магистрата. Самая грамота, выданная польскимъ королемъ, сгорѣла и потому имъ приходится пользоваться косвенными доказательствами. Вотъ что доносили они гетману К. Разумовскому въ 1752 году: «Отъ многихъ прошедшихъ лѣтъ, когда еще вся Малая Россія состояла во владѣніи королей польскихъ, то было въ городѣ Новгородку княженіе и оный городъ былъ повѣтовый и состоялъ всегда при волностяхъ правахъ магдебургскихъ; давней же и ставропитія была и архіереи живали; а послѣ того въ замку Новгородскомъ жилижъ Александръ Песочинскій, каштелянъ Кіевскій, староста Новгородскій, судья земскій Речинскій и подсудокъ Адамъ Вишневскій и прочіе чиновные люди, отпрауя яко въ городѣ повѣтовомъ городскіе и земскіе суда, въ которомъ Новгородскомъ по-

вѣтъ и городъ Погарь съ имѣющимися подъ нимъ уѣздомъ найдовался и до повѣту Новгородскаго надлежалъ, что изъ стародавнихъ магистратовыхъ воеводства Черниговскаго имѣющихся книгъ и прочихъ письменныхъ документовъ видимо; да по выбитіи ляховъ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ въ Малой Россіи былъ въ городѣ Новгородку магистратъ и судились мѣщане правомъ магдебургскимъ, о коемъ магистратѣ явно есть изъ универсала полковника Черниговскаго и наказнаго гетмана Демьяна Игнатіевича, что ему гетману войтъ Новгородскій з бурмистры въ 1668 году были челомъ; да и что оный городъ повѣтовый и старинный издревле и при вольностяхъ и правахъ заставалъ, о томъ такъ съ привилегіи короля польскаго Владислава, данной въ 1635 г. боярамъ замку Новгородка-Сѣверскаго Василию и Ивану Фаемъ, яко изъ ланкартъ географическихъ ижъ оный надъ прочіе города полку Стародубовскаго и въ другихъ многихъ государствахъ знатнѣйшій и печатуетса городомъ княженія Новгородскаго, есть явственно; къ тому жъ и нынѣ архіереи черниговскіе титулуютса черниговскіе и Новгородка-Сѣверскаго, на которую вольность имѣли граждане Новгородскіе королевскія привилегіи и грамоты государей, царей и прочія права; точію тако они во время войны называемой Шеиновой и испаленія Новгородка Болтеннымъ (какъ о томъ доносили старинцы мѣщане при справованью инквизиціи Захаріемъ Шейкевичемъ и Бѣлзорецкимъ) яко и послѣ того въ 1680 году за бытность пребезмѣрнаго пожару, и другія послѣднія крѣпости и книги мѣскія погорѣли, чрезъ что въ всекрайнѣйшее раззореніе и несостояніе городъ Новгородокъ пришелъ; послѣ же того хотя онаго Новгородка привилегіи и крѣпости погорѣли, то яко оный знатный и старѣйшій въ полку Стародубовскомъ былъ, имѣлся при вольностяхъ и правахъ, за чимъ многія во владѣніи имѣлися при ратуши Новгородской села и деревни, на которыя имѣются и нынѣ гетманскіе универсалы и другіе крѣпости, на то все вышеписанное при экстрактѣ съ документовъ точныя копія приложены; а пропшаго 1742 г. по учиненной публикаціи Е. И. В. указа о учрежденіи въ г. Глуховѣ бывшей комиссіи экономіи и о бытіи подъ вѣдомствомъ той комиссіи экономіи всѣмъ свободнымъ городамъ (кромѣ тѣхъ, кои на магдебургское право высокомонаршія грамоты имѣютъ) мѣстечкамъ, селамъ де и городъ Новгородокъ за изгореніемъ и неимѣніемъ привилегіи съ прочими свободными обыватели въ опись подъ вѣдомство комиссіи экономіи былъ поставленъ, прочіе же города полковіе, съ коихъ хотя иные и жалованныхъ гра-

моть не имѣли, такожь и городъ Глуховъ, а въ полку Стародубовскомъ гор. Мглинъ и Погаръ (съ коихъ Погаръ былъ какъ выше писано въ повѣтъ Новгородскомъ), отъ комиссіи экономіи выключены и заставляли въ свободности, въ чемъ мы нижайшіе, вида онаго Новгородка старшинство въ прошломъ 1742 г. сентября били челомъ въ полковой Стародубовской канцеляріи съ представленіемъ о всемъ вышеписанномъ и спрошеньемъ, дабы оный городъ Новгородокъ противъ протчихъ городовъ въ вѣдомствѣ комиссіи экономіи не состоячій безъ равенства не остался и свободности малороссійской былъ не лишень и его съ подъ вѣдомства комиссіи экономіи выключено, о томъ бы представлено было въ Генеральную войсковую канцелярію и отослано въ высокоправительствующій сенатъ съ прошеніемъ милостиваго разсмотрѣнія и опредѣленія; которое наше челобитье, при доношеніи отъ оной полковой Стародубовской канцеляріи къ подлежащему разсмотрѣнію и опредѣленію въ генеральную войсковую канцелярію и отослано; токмо по оному Генеральная войсковая канцелярія съ представленіемъ въ высокоправительствующій сенатъ удержалась и насъ нижайшихъ съ подъ вѣдомства комиссіи экономіи не выключено, зачѣмъ мы, состоя подъ оною комиссіей экономіи, понесли знатныя обиженія, ибо въ прошломъ 1743 г. февраля 2 дня указомъ съ оной комиссіи экономіи въ ратушу Новгородскую присланнымъ, первое повелѣно было отдать и города Новгородка той же комиссіи члену подполковнику Ладыженскому во владѣніе 50 дворовъ да потомъ когда отъ генеральной войсковой канцеляріи насъ отъ того уволено и особливо по указу высокоправительствующаго сената велѣно отдать съ подъ вѣдѣнія комиссіи экономіи полковнику Гадяцкому Галецкому съ свободныхъ посполитыхъ до 150 дворовъ, то подполковникъ Ладыженскій мстачисъ за тое что ему мѣщане не пришли въ подданство и будучи гор. Новгородка къ мѣщанамъ всегда не доброжелательный опредѣлилъ былъ отдать ихъ оному Галецкому съ Новгородка съ мѣщанъ показанное число дворовъ, и за тѣмъ мы били жъ челомъ въ оной комиссіи экономіи и въ будучей тогда въ городѣ Глуховѣ Министерской канцеляріи, прося дабы насъ, яко издревле будучихъ свободныхъ, въ партикулярное подданство было не опредѣлено и учинень о свободности города Новгородка милостивый рескептъ, по яковымъ нашимъ челобитнымъ отъ министерской канцеляріи, поколь учинено разсмотрѣніе и городъ Новгородъ признанъ, что издревле предъ протчими городами полку Стародубовскаго старшій-

шій, къ тому же что мѣщанъ и высокоправительствующаго сената указомъ отдавать въ подданство запрещено и какъ отъ того подданства освобождено, то послѣдовали намъ знатніе волокиты и убытки; да и послѣ того по недоброжелательству къ городу нашему помянутаго подполковника Ладыженскаго и смотрителей отъ него присылаемыхъ чрезъ всю бытность комиссіи экономіи чинились отъ объявленнаго члена намъ горькія отягощенія разными работизнами и другими тяжкими напастыи и издержали мы съ города не малую сумму денегъ; за неснабженіемъ насъ бывшею вольностью пришли мы къ несостоянію такому, что въ городѣ Новгородкѣ мѣщане, купечество и промышленники въ умаленіи и въ дѣйствіи по купечеству своему съ оскуденіемъ находятся и къ тому на мѣсто того почти большимъ числомъ умножилось торговыхъ великороссійскихъ купцовъ раскольщиковъ живущихъ въ дворахъ сотника Новгородскаго и въ другихъ владѣльческихъ, кои никакихъ служебъ, дачей и повинностей гражданскихъ не отбываютъ; нынѣ же по Высочайшему Е. И. В. Всемилостивѣйшей нашей Государыни Императрицы Елисаветы Петровны самодерж. Всероссийской благосиизволенію и къ народу Малороссійскому оказанной милости, понеже за счастливымъ избраніемъ и утверженіемъ ясновельможности вашей въ высокое достоинство гетманства повелѣно Малой Россіи быть по прежнему при своихъ вольностяхъ и правахъ; того ради мы нижайшіе, яко состоимъ въ волѣ и благосиизволеніи Вашей ясновельможности съ нижайшею нашей рабскою покорностью просили городъ Новгородъ, яко старинный и знатный издревле по прежнему вольностью малороссійскою и къ правосудію правомъ магдебургскимъ милостиво снабдить неоставить; чтобъ оный городъ Новгородъ предъ прочими городами полку Стародубовскаго не былъ уполнѣжденъ и повелѣтъ быть въ немъ магистрату, а не ратушѣ и о томъ о всемъ учинить милостивое опредѣленіе и высокоповелительнымъ вашей ясновельможности универсаломъ тое опредѣленіе милостиво утвердить». Затѣмъ слѣдуютъ подписи войта Афанасія Томиловскаго, бурмистра Григорія Сухоты и Герасима Михайлова и многихъ мѣщанъ. Стародубовская полковая канцелярія вполнѣ согласилась съ этимъ ходатайствомъ и въ ея представленіи находятся еще нѣкоторыя доказательства въ пользу древности Новгородъ-Сѣверска. «Стрѣйковскаго книги 13-й на листѣ 485 показано Дмитрія Корибута князя съ Новгородка-Сѣверскаго; да въ той же книгѣ на листахъ 516 и 517 напечатано, яко Витольдъ Свидригайлу далъ въ Сѣверской землѣ

княжескіе удѣлы Стародубъ, Брянской и Новгородъ-Сѣверскій; да въ той же книгѣ на страницѣ 548 тожь напечатано, что Свидригайло причиною Жигмунта Римскаго и венгерскаго короля отъ брата Ягелла принять въ милость и взялъ Новгородъ-Сѣверскій и Брянскъ два княженія; на ландкартахъ Іоанна Гоманна въ Коримбергу печатанныхъ, а именно на ландкартѣ королевства польскаго и великаго княжества Литовскаго Дукатъ Сѣверскомъ, большими Новгородъ-Сѣверскій надъ протчіе города, въ ономъ дукатѣ имѣются за его преимущество знатность и давность литерами означенъ; въ книгѣ Іоанна Гибнера штатскомъ лексиконѣ, въ городѣ Лейпсигу въ 1741 г. печатанномъ, на листу 1362 показано Новгородокъ-Сѣверскій дукатусъ Новгородіи Сѣверской російскою провинціей и герцогствомъ между Воротина, Смоленска, Чернигова, Кіева и Литвы знатнымъ городомъ тогожь имени, который положеніемъ укрѣпленъ надъ рѣкою Десною». Въ приложеніяхъ помѣщены экстракты и цѣлыя рукописныя документы: 1) подтверждающая грамота Владислава IV Новгородъ-Сѣверскимъ боярамъ Василю и Якову Фаямъ на имѣнія въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ; 2) универсалъ Александра Песочинскаго, старосты Новгородскаго, данный въ 1640 году церкви Пречистой Божіей Матери въ Новгородъ-Сѣверскѣ на земли, озера, сѣнокосы; 3) актъ разграниченія Россіи и Польши въ 1646 г. (между Трубчевскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ уѣздамъ); 4) слѣдствіе 1688 г. о такъ называемой «Вовчей полянѣ», изъ за которой спорила Новгородъ-Сѣверская ратуша со Спасскимъ Новгородъ-Сѣверскимъ монастыремъ; свидѣтели старожили доказывали, что она «издавна и искони належала на ратушу Новгородъ-Сѣверскую и на все «мѣсто» (т. е. городъ) и что отецъ архимандритъ насильственно ее отнялъ при гетманѣ Брюховецкомъ; монахи не могли предъявить на нее грамоты, но объясняли это тѣмъ, что она принадлежала къ с. Гуркамъ; здѣсь интересно указаніе на бывшаго войта Нпкифора Погорѣлаго; 5) двѣ выписки изъ книгъ Черниговскаго магистрата 1651 года, данныя Новгородъ-Сѣверскому войту Ивану Зимковскому въ 1749 году, доказывающія, что тогда Новгородъ-Сѣверскъ былъ повѣтовымъ городомъ; 6) универсалъ 1632 г. подсудка Новгородъ-Сѣверскаго Адама Вишнеускаго на 85 волокъ земли, нарѣзанныхъ доминиканскому пріору на ур. Каянцѣ; 7) универсалъ наказнаго гетмана Демьяна Игнатовича 1668 г. на имя войта и бурмистровъ.

Всѣ эти доказательства, взятые въ совокупности, на мой взглядъ,

силнѣе отрицательныхъ соображеній А. М. Лазаревскаго и потому я склоняюсь къ убѣжденію, что Новгородъ-Сѣверскъ могъ пользоваться магдебургскимъ правомъ и при полякахъ, и что оно существовало въ немъ во второй половинѣ XVII вѣка; но въ это время оно, такъ сказать, слилось съ сотеннымъ управленіемъ, находилось въ полной почти зависимости отъ этого послѣдняго; объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ между прочимъ объяснительная записка Новгородъ-Сѣверскаго сотеннаго правленія, вызванная настоящимъ челобитиемъ мѣщанъ. Не буду останавливаться на любопытной исторіи возрожденія магистратскаго самоуправленія въ Новгородъ-Сѣверскѣ, такъ какъ намѣренъ это сдѣлать въ особой работѣ; замѣчу только, что оно было возобновлено въ томъ же 1752 году ¹⁾.

О городѣ Погарѣ, гѣтописномъ Радегощѣ, г. Лазаревскій сообщаетъ болѣе обстоятельныя данныя, чѣмъ о Новгородъ-Сѣверскѣ, пользуясь для этого какъ первоисточниками (печатными и рукописными), такъ и спеціальною работою г. Ханенка. Оказывается, что Погарь былъ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Сѣверской землѣ и даже послѣ татарскаго нашествія удержалъ свое старое названіе Радегоща. Возобновленный послѣ пожара, постигшаго его въ смутное время, онъ уже является съ новымъ именемъ Погара, т. е. погорѣлаго. Преданіе приписываетъ возобновленіе его извѣстному намъ колонизатору сѣверщины Пясочинскому; въ 1726 г. погарскіе старожилы, показывая о принадлежности одного земельного участка къ Погару, говорили, что тотъ участокъ «съ давнихъ лѣтъ еще за лядщины за ляха на тотъ часъ державцу Погарскаго, некакогось Песочинскаго, ишелъ на пушкарровъ погарскихъ». Къ этому неясному свидѣтельству прибавлю то, о чемъ писали погарскіе жители въ Екатерининскую комиссію для составленія прозкта новаго уложенія: «городъ Погарь издревле еще до разоренія Малой Россіи Батыемъ царемъ Татарскимъ былъ основанъ и осажень, а кѣмъ именно устроень, о томъ за глубокою давностью знать никому невозможно, только предки наши отъ предковъ своихъ слыжали, что издревле городъ нашъ отъ начала своего именованія Радегощъ, а не Погарь, что значитъ о городяхъ и всегосвѣтныхъ земляхъ и рѣкахъ ландкартахъ, съ означеніемъ онаго близъ рѣки Судости; послѣ же Батыева въ Малой Россіи разоренія бывшаго, городовое запустѣлое положеніе, по праву

¹⁾ Хар. Ист. Арх. Дѣла Мал. Коллег. № 1987.

королевскому подкоморимъ короннымъ Польскимъ Михайлою Пясочинскимъ, вновь осажень и построень и паки по прежнему городомъ королевщизной возобновленъ и народомъ вольнымъ приумноженъ, о якомъ возобновленіи близъ самого городского замкунай денная подписанная каменная таблица (свидѣтельствуеть), коя положена въ церкви Николаевской городской Погарской въ прошломъ 1746 году вновь устроенной въ покрытіе Креста Св. подъ престоломъ лежащаго; Погаромъ же названъ еще за державу Польскую, по причинѣ бывшихъ въ тѣхъ годахъ сильныхъ и ежечасныхъ Божиимъ допущеніемъ пожарей». Г. Лазаревскій говоритъ о важномъ значеніи погарскаго мѣщанства въ 1666 г., но забываетъ указать, что оно было очень сильно и раньше во время поляковъ; не даромъ же только въ немъ одномъ оказались мѣщане въ 1654 г., когда приводили къ присягѣ на вѣрность Москвѣ Малороссійскій народъ ¹⁾. Дальнѣйшая судьба погарскаго городского самоуправления въ XVII и XVIII вв. довольно подробно рассказана г. Лазаревскимъ. Въ началѣ XVIII в. онъ совсѣмъ перешелъ въ вѣдѣніе сотеннаго правленія, а въ 1744 г. снова возстановленъ. Приводимое г. Лазаревскимъ описаніе города Погара въ 1781 г. даетъ понятіе о составѣ и занятіяхъ его жителей, передъ открытіемъ намѣстничества, а я съ своей стороны прибавлю еще описаніе его 1767 г., доставленное въ Екатерининскую комиссію; оно кромѣ того содержитъ въ себѣ нѣкоторыя данныя и о состояніи его въ прежнее время до 1767 года.

«Городъ Погаръ положеніемъ состоитъ со всѣмъ посадомъ и фортецію, посредѣ одного состоящею, мѣрою въ длину двѣ версты и восемь саженой, а въ ширину, до подворковъ веркѣвскихъ чрезъ рѣку Судость одна верста и четыреста саженой; фортеція же городовая окружностію одна верста и сто саженой; земля же одного города Погара простирается окружностію своею, начавъ по сей сторонѣ рѣчки Судости отъ самого берега той рѣчки отъ межи земли села Курова издревле на градскихъ земляхъ осаженнаго, мимо грунта суворовскіе, чубаровскіе, перегонскіе, любковскіе, борщевскіе, гриневскіе, бобрицкіе, посудницкіе миможе урочища Якимовъ гѣсь, поза хуторомъ Джуринымъ мимо хутора Рухлядкинъ, около урочища Бордашовъ и хутора Гамалей прозываемаго Холопецъ оставя деревенскіе вышеписанные земли влѣво и градскіе и хуторскіе въ томъ числѣ и деревню Яковличи издревле магистратовую

¹⁾ А. Ю. и З. Р. X. 833.

къ самимъ непроходнымъ болотамъ и мѣстамъ, къ рѣкѣ жъ Судости припалымъ, *мѣрою всю тридцать пять верстъ*, та вся земля градская ровная, а не гористая, въ коей окружности хлѣбопашенной земли три смѣны перемежняющіяся должиною на 8 верстъ, а на 5 верстъ земли хлѣбопашенной же между рощами и зарослями и сѣнокосами состоитъ до межи села Гринева авширь отъ начала шнуровой межи села Курова до хутора Холопца всей земли градской семь верстъ, а отъ холопецкой межи самихъ болотныхъ очертныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ къ берегу рѣки Судости должиною на четыре версты, итого всей окружности по сей сторонѣ города Погару къ рѣкѣ Судости на тридцать пять верстъ, въ якой окружности находятся разныхъ владѣльцевъ хутора съ пахатными и сѣнокосными землями и изъ мельницами въ томъ числѣ и деревня Яковлевичъ издревле по грамотамъ и гетманскимъ универсаламъ на магистратъ Погарскій подлежащая, а нынѣ во владѣніи подсудка земскаго Погарскаго Владиміра Соболевскаго состоящая; по другой же сторонѣ рѣки Судости отъ самаго берега гдѣ межа сего бочная окончилась, мимо хутора Козака Осипа Мефедова поузь посудницкого грунту по рѣчкѣ Большой Литинкѣ, мимо грунта градскіе съ попереченскими и стеченскими вообще лежащими, поузь самого лѣсу Гамалейка Чеховского чрезъ Бубновъ ровокъ мимо урочища Горбовца и деревни Поперечнаго, Стеченскихъ и Богаевскихъ грунтовъ до земли и межи Куровской къ рѣкѣ Судости прилеглой, откуда началась первая межа верстъ двадцать девять, въ якой окружности земли пахатной мало, а сѣнокосной по большей части болотной низзарослями состоитъ; четверти и десятинами за небывалою до сего здѣсь обыкlostью на всю землю посѣву показать не можно.

Оный городъ Погаръ состоитъ при рѣкѣ Судости, а та рѣка теченіе свое имѣетъ, начавшаяся съ Брянскаго уѣзду подъ самой городъ Погаръ, а внизъ города течетъ чрезъ села и деревни Куровъ, Демковичи, Чаусы по село Гремячъ и деревню Муравей и упало тамо въ рѣку Десну, разстояніемъ отъ Погару до тридцати верстъ; по оной же рѣкѣ Судости водяного ходу доселѣ небыло и нынѣ нѣтъ, потому что на оной рѣкѣ состоятъ разные плотны. Первая подъ самымъ городомъ Погаромъ отъ 736 году впустѣ состоящая, 2-я при деревнѣ Куровѣ владѣнія бунчуковаго товарища Семена Ширая, 3-я подъ селомъ Чаусами господина судьи генеральнаго Иліи Журмана, 4-я подъ селомъ Гремячимъ владѣнія отставнаго маіора Мпхайла Корсака Римскаго; впредь же ежели-бъ

оныхъ плотинъ вовсе не было, то во время только весны и осени отъ города Погара внизъ по рѣкѣ Судости въ рѣку Десну водянному байдаками ходу быть можно; самой же рѣки Судости никакихъ рѣкъ и озеръ никуда не истекаетъ. Въ городѣ Погарѣ живущихъ великороссійцевъ, положенныхъ въ подушный окладъ, нѣтъ, а воинскаго званія чиновниковъ земскихъ и значковыхъ товарищей разночинцевъ двадцать семь, рядовыхъ казаковъ 75, владѣльческихъ подусѣдковъ 94, а всѣхъ 196, урядниковъ магистратовыхъ и мѣщанъ 257, цеховыхъ 185, а всего въ вѣдомствѣ магистратовомъ имѣется урядниковъ и мѣщанъ и цеховыхъ 436, а всѣхъ въ городѣ Погарѣ гражданъ 639, а чужестранцевъ и художниковъ и иного роду кромѣ природныхъ гражданъ погарскихъ ни единого нѣтъ. Въ городѣ Погарѣ главныхъ торговъ противъ другихъ большихъ городовъ никакихъ нѣтъ, а состоятъ торги отъ гражданъ только пенькою (половкою?) и чистою, да конопляннѣмъ масломъ, покупая оныя товары привозимыя съ разныхъ уѣздовъ у обывателей да шинкуемѣмъ горячимъ виномъ, рыбою и солью, продавая пеньку великороссійскимъ пріѣзжимъ въ городъ Погаръ купцамъ; конопляннѣе масло продается въ разные великороссійскіе и малороссійскіе города и мѣстечка, а соль и рыбу покупая продаютъ въ народъ и употребляютъ въ пищу къ своему пропитанію. Въ ономъ городѣ Погарѣ бывають годовыя ярманки издревле только три: первая декабря 6 числа чрезъ недѣлю и далѣе, другой мая 9 только чрезъ три дня; оба тѣ ярмолки производятся на праздникъ Чудотворца Николая, 3-й августа 15 въ день Успѣнія Богоматери, чрезъ трижъ дня, въ кои ярмолки торгуютъ пріѣзжающіе какъ изъ великороссійскихъ, такъ изъ малороссійскихъ городовъ купечество всякими лавочными товарами, а граждане малою частью лошадьми, въ степныхъ мѣстахъ покупаемыми, изъ разныхъ городовъ пригоняемыми; обыватели жъ торгуютъ разными дробными вещами и съѣстными и питейными припасы; ремесніе же граждане продаютъ свои рукодѣлія къ своему пропитанію и къ отбуванію указныхъ податей; недѣльные же торги бывають въ одинъ день понедѣлковый, а въ уѣздѣ въ селѣ Гремячемъ разстояніемъ отъ Погару въ двадцати пяти верстахъ въ день пятничный, да въ селѣ Кистрѣ разстояніемъ отъ Погару въ восемнадцати верстахъ въ день четвертковый, которые сельскіе два торга введены самими владѣльцами; мельницъ въ городѣ Погарѣ какъ городскихъ такъ и владѣльческихъ нынѣ ни одной нѣтъ, а хотя отъ давнихъ лѣтъ до прошлаго 736 года подъ городомъ Погаромъ на

выше прописанной рѣкѣ Судости была одна городова одна магистратова о дву колахъ мельница по универсаламъ прежнихъ малороссійскихъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола на власной мѣской погарской греблѣ состоящая, и протчихъ разныхъ владѣльцевъ были мельницы, а всего до восемнадцати колъ, только жъ чрезъ ежегодное той гребли сильное прорваніе и за несогласіемъ тѣхъ владѣльцевъ (та гребля) доселѣ остается безъ мельницъ впустѣ. При городѣ Погарѣ съ рѣки Судости по заливамъ болотныхъ мѣсть хотя имѣются издревле магистратовыя для рыбной ловли озера числомъ девять, которыя зовутся тако: «1-е Подгородное, 2-е Гнилуша, 3-е Боровокъ, 4-е Плюсо, 5-е Вѣжливое, 6-е Доброе, 7-е Котелець, 8-е Плоское, 9-е Сажень, въ коихъ за всегда свободно было всѣмъ гражданамъ погарскимъ рыбу ловить, но оными озерами прежній сотникъ Погарскій, кой нынѣ подсудокъ земскій погарскій же Владиміръ Соболевскій чрезъ усиленное свое по власти сотничей отнятіе завладѣлъ, и магистратоваго уряду изъ гражданъ никого рыбы ловить и нынѣ не допускаетъ въ крайнюю обществу обиду. Чрезъ протекающую въ городѣ Погарѣ рѣку Судость мостовъ никакихъ нѣтъ, а имѣется только за выше упомянутымъ запустѣніемъ прежней гребли подъ самимъ городомъ перевозъ, кой содержится на коштѣ общемъ мѣскомъ при дву чловѣкахъ приставленныхъ съ мѣщанъ перевозникахъ, который перевозъ паче всего учиненъ для всегданяго переѣзду гражданъ погарскихъ на ту сторону рѣки Судости къ упрятыванію своихъ сѣнокосовъ, а при томъ паче для переходящихъ по тракту Трубчевскому армейскихъ полковъ командъ и всякихъ купеческихъ людей. Граждане погарскіе получаютъ себѣ потребное для пици, а именно торговые съ промысловъ своихъ, пашенные жъ нѣкоторое число съ собственныхъ своихъ земель, а другіе пашучи съ сноповщины чужія разнаго званія гражданъ погарскихъ земли, ремесніе жъ питаются съ своихъ рукодѣлій. Въ городѣ Погарѣ производятся ремесла и рукодѣлія нижеслѣдующія 1) иконописто, 2) котлярство, 3) кузнечество, 4) слесарство, 5) ткачество, 6) кожемятство, 7) шевство, 8) кушнерство, 9) гончарство, 10) столярство, 11) шеповалство, а больше иныхъ ремеслъ рукодѣлій и художествъ въ городѣ Погарѣ нѣтъ. Займствуетъ городъ Погаръ для своихъ нуждъ отъ другихъ малороссійскихъ дальнѣйшихъ городовъ, степными мѣстами и хлѣбопашными землями довольствующихся, покупая въ оныхъ городахъ лошадей, всякій рогатый скотъ, рыбу, соль и разный хлѣбъ; напротивъ же того оныя города снабждаетъ городъ По-

гарь отъ себя продажею коноплянаго масла, чиненныхъ кожъ и сапоговъ. Въ городѣ Погарѣ, равно какъ и въ протчихъ малоросійскихъ городахъ, казенныя подати съ гражданъ собираются тако; когда по главному малоросійской коллегіи росписанію послѣдней ревизіи 764 года по хатамъ, а не по дворамъ отъ комиссара повѣтового погарского въ магистратъ посылаемы бываютъ билеты съ требованіемъ выстатченія квартальныхъ денегъ, въ годъ по одному рублю со всякой хаты, то таковыя деньги отъ магистрата, чтобъ бѣдные и не имущіе обыватели предъ могущими не могли быть обтяжены, то на всякой кварталъ самими мѣщанами и цехмистрами не по хатамъ, но по имуществамъ всякаго, тѣ казенныя квартальные деньги окладаютъ, а по взысканіи со всего города вся сумма отдается комиссарамъ повѣтовимъ бунчуковымъ товарищамъ, кто въ коемъ году будетъ за квитанціями; по имяннымъ же мѣщанскимъ и цеховымъ списковымъ раскладкамъ, чтобъ на мѣщанахъ и цеховыхъ излишняго перебору не было, щетъ дѣлается надъ мѣщанами самими жъ первѣйшими людьми, а надъ цеховыми самими цехмистрами, а тѣмъ предосторожность чинится; другихъ поборовъ годовыхъ и никакихъ раскладокъ не бываетъ.

Въ городской службѣ по выбору находится депутатъ, а при городѣ Погарѣ городской голова и ежегодно состоятъ въ присутствіи въ магистратѣ погарскомъ, по одному бурмистру, райцу и лавнику переменнн, по годамъ, а писарь магистратовый безперемѣнно. При ономъ же магистратѣ содержатся городничій мѣскій одинъ, въ надсматриваніи важницы мѣской погодно, по одному важничему и при оной важницѣ по одному служителю; особливо же въ продажѣ казенной соли соляные два начальника и два челоувѣка подчиненные; при содержаніи на рѣкѣ Судости перевоза по два челоувѣка паромщиковъ, да въ цехахъ градскихъ, первомъ шевскомъ, второмъ кравецкомъ, третьемъ ковальскомъ, четвертомъ ткацкомъ съ шаповалами, — по одному цехмистру и по одному жъ молодшому, которые цехмистры и младшіе въ смотрѣніи своемъ имѣютъ должность наблюдать цехмистры по цехамъ своимъ, какъ церквямъ божіимъ ко исправленію святогѣпныхъ разныхъ утварей, такъ и въ собраніи въ цеховыхъ своихъ указныхъ квартальныхъ денегъ и прочихъ цеховыхъ обрядовъ, а сверхъ тѣхъ цехмистровъ и младшихъ имѣются въ городѣ Погарѣ для тѣхже указныхъ квартальныхъ и всѣхъ градскихъ порядковъ между мѣщанскими дворами два квартальные сотники и четыре челоувѣка городскихъ сторожей при магистратѣ для посылокъ и для караула колодниковъ,

итого всѣхъ въ вышеозначенной указной и градской службѣ ежегодно обрѣтается двадцать девять человекъ. Въ городѣ Погарѣ имѣется на содержаніи при магистратѣ издревле важница мѣская съ указными вѣсами, въ коей важницѣ всякій разный вѣсятъ вѣсовой товаръ да по Судостѣ рѣкѣ перевозъ подѣ самимъ городомъ, съ коихъ обоихъ мѣстѣ, важницы и перевоза, за отрѣшеніемъ въ силѣ высочайшаго указа прежнихъ сборовъ, получается отъ добротныхъ дателей въ годъ приходовъ не болѣе осьмидесяти рублей, а въ иныхъ годахъ и поменьше и тѣ приходы употребляются съ немалымъ недостаткомъ на канцелярскіе расходы, а именно на жалованье писарю магистратовому и канцелярскимъ служителямъ, на покупку въ магистратъ бумаги, воску сюргучу, свѣчей и прочихъ нужныхъ потребностей, на подчинку двора магистратоваго и важничаго стараго амбара и перевознаго парома и на прочіе необходимыя расходы, о коихъ расходахъ въ скарбовую малороссійскую канцелярію ежемѣсячно отъ магистрата погарскаго репортуется. Городъ Погаръ имѣеть у себя жалованную на стародавнее майдебургское право и волности мѣщанскія противъ нѣжинскихъ черниговскихъ и переяславскихъ мѣщанъ грамоту блаженныя и вѣчнодостойныя памяти отъ великаго государя и царя Алексѣя Михайловича самодержца всероссійскаго данную. Да по указу Его жъ царскаго пресвѣтлаго величества на тожъ майдебургское право на село Чаусы и деревню Яковливицы, магистрату погарскому жалованныя на расходы мѣскія за печатью Его жъ царскаго величества стольника Кирилла Іосифовича Хлопова крѣпость, именуемую память, а въ послѣдованіи того и отъ гетмана прежняго Демьяна Игнатовича, на основаніи еще предѣ нимъ бывшаго гетмана Ивана Мартиновича Брюховецкаго, да на подтвержденіе магистрату съ прежней генеральной войсковой канцеляріи универсалы. Въ ономъ городѣ Погарѣ училищъ никакихъ кромѣ русской грамоты не было и нынѣ нѣтъ, а публичнаго каменнаго строенія не имѣется кромѣ деревяннаго; богадѣлень состоитъ по числу церквей только 4, въ коихъ живутъ слѣпые, хромыя, и изувѣченныя питающіеся Христа ради милостынею отъ добротныхъ и боголюбыхъ гражданъ своихъ и прочихъ пріѣзжающихъ дателей. Городъ Погаръ имѣеть у себя особый гербъ Успѣнія пресвятыя Богоматери, о чемъ доказательство у себя магистратъ погарскій держить; по всѣмъ старовѣчнымъ магистрата погарскаго издревле даваннимъ съ книгъ мѣскихъ на земли и прочія угоды крѣпостямъ, въ коихъ около печати словами кругомъ подписано тако: «въ рождествѣ дѣвство

сохранила еси!» и кѣмъ именно тотъ гербъ за королей польскихъ пожалованъ о томъ за древность годовъ знать не почемъ».

Историческое описаніе г. Почепа сдѣлано г. Лазаревскимъ между прочимъ на основаніи архивныхъ данныхъ (памяти Хлопова)¹⁾. Судьба его очень характерна — этотъ важный промышленный центръ, пользовавшійся магдебургскимъ правомъ, былъ отданъ въ частныя руки — кн. Меншикову, и только въ 1741 г. въ немъ восстановлена была ратуша по примѣру другихъ малороссійскихъ городовъ; въ 1760 году онъ со всею волостью снова былъ отданъ частному лицу, гетману Разумовскому «въ вѣчное и потомственное владѣніе»; такъ общественные интересы приносились въ жертву личнымъ; отъ потери гражданскихъ правъ не могло гарантировать ни званіе мѣщанина, ни даже магдебургія.

Историческій очеркъ г. Мглина, подобно предъидущимъ, состоитъ изъ краткихъ данныхъ о его первоначальномъ состояніи, свѣдѣній о судьбѣ его магистрата и статистико-экономическаго описанія въ 1781 году. Замѣчу отъ себя, что вдова извѣстнаго Николая Абрамовича, которому на ленномъ правѣ принадлежалъ Мглинъ, въ 1652 г. выхлопала у короля грамоту на отчужденіе его, но грамотой этой, вѣроятно, не успѣла воспользоваться по случаю хлопскаго бунта. Въ исторіи Мглинской ратуши повторяются тѣ же явленія, которыя отмѣчены были раньше въ исторіи другихъ сотенныхъ городовъ — уменьшеніе числа ратушныхъ селъ и попытки привлечь «въ подданство» городское населеніе. Жаль, что г. Лазаревскій не излагаетъ содержанія всей челобитной²⁾ жителей города Мглина, поданной полк. Дурову въ 1730 году; въ ней, по справедливому замѣчанію пр. Филарета, видны и быть, и разныя нужды, и обиды ихъ (VII, 125 — 130); это чрезвычайно типичный документъ. Приводя статистическія свѣдѣнія о населеніи Мглина въ 1723 и 1781 г., г. Лазаревскій не приводитъ данныхъ Румянцевской описи Малороссіи 1767 г. Оказывается, что тогда въ этомъ городѣ жило 151 человекъ купцовъ и промышленниковъ³⁾. Таковы богатыя содержаніемъ отдѣлы книги г. Лазаревского, посвященные исторіи городовъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, г. Лазаревскій имѣлъ въ своихъ рукахъ только не исправный списокъ конца XVIII в.; ему повидимому неизвѣстно, что этотъ документъ напечатанъ въ П. С. Зак.

²⁾ У г. Лазаревского приведенъ только отрывокъ изъ нея, изъ Генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ (334).

³⁾ Обзор. Рум. описи Малор., стр. 638.

Исторія сотенъ, волостей и отдѣльныхъ селеній.

Кромѣ перечисленныхъ городовъ г. Лазаревскій даетъ исторію и всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ предѣлахъ Стародубовскаго полка — мѣстечекъ, селъ, слободъ, деревень, монастырей и даже хуторовъ, и присоединяетъ къ ней еще очерки сотенъ и волостей. Это трудъ — по истинѣ громадный, кропотливый, требовавшій и массы матеріаловъ и большаго вниманія и старательности. Въ общемъ онъ исполненъ удачно; нѣкоторыя части его написаны весьма занимательно и изложены съ такою обстоятельностью, какую только можно желать въ подобнаго рода работахъ; нѣкоторые же отдѣлы, наоборотъ, слишкомъ кратки и не удовлетворяютъ въ этомъ отношеніи требовательнаго читателя; не могъ также при этомъ избѣжать почтенный авторъ нѣкоторыхъ неточностей, иногда даже ошибокъ, на которыя отчасти уже и указалъ пр. И. В. Лучицкій и которыя постараюсь съ своей стороны отмѣтить и я; но повторяю, если гдѣ либо пробѣлы и неточности наиболѣе извинительны, то именно въ такихъ трудахъ. Мыслимо ли было избѣжать ихъ, давая такую массу отдѣльныхъ историко-географическихъ очерковъ и имѣя дѣло съ матеріаломъ, не свободнымъ отъ противорѣчій (генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ). Чтобы дать понятіе о той массѣ историко-географическихъ данныхъ, которыя вноситъ г. Лазаревскій въ научный обиходъ, я, по обычаю своему, представлю содержаніе тѣхъ частей его книги, въ которыхъ они заключаются, и буду дѣлать при этомъ свои замѣчанія, дополненія и возраженія. Въ книгѣ г. Лазаревскаго помѣщена исторія селъ и мѣстечекъ полковой, Шептаковской, Новгородъ-Сѣверской, Погарской, Бакланской, Почепской, Мглинской, Новомѣстской и Топальской сотенъ, очеркъ раскольниковыхъ слободъ и владѣній Кіево-Печерской Лавры, а кромѣ того даются описанія цѣлыхъ сотенъ — Шептаковской, Бакланской и Почепской. Начну свое обозрѣніе съ описанія сотенъ, такъ какъ онѣ отличаются болѣе общимъ характеромъ. Чрезвычайно интересна судьба Почеповской сотни. Это была одна изъ обширнѣйшихъ волостей: она заключала въ себѣ около 150 посполитскихъ селеній, изъ коихъ половина принадлежала къ ратушѣ, около 40 владѣльцамъ, а остальные «на гетманскую булаву» (исключая, конечно, казаковъ). И вотъ вся эта волость, т. е. все мѣщанское и свободное крестьянское население *со включеніемъ казаковъ* отдана была въ 1709—1710 г. все-

сильному свѣтлѣйшему князю Меньшикову въ награду за его дѣятельность въ Мазепину измѣну. Казаки были исключены изъ войсковой службы и сравнены, въ отбываніи повинностей, съ крестьянами; напрасно они собирали рады, чтобы избавиться отъ «подданства»; «Меньшиковъ былъ слишкомъ могущественъ, чтобы кто осмѣлился стать за почепскихъ казаковъ предстателемъ у царя» (стр. 276). Кромѣ Почепской вол. кн. Меньшиковъ получилъ еще Ямпольскую и Храповскую; но недовольствуясь этимъ, онъ затѣялъ еще округлить и обмежевать свои владѣнія, причѣмъ допущены были страшныя злоупотребленія межевщикомъ, дякомъ Лосевымъ Гудовичемъ и др.: къ Почепской сотнѣ были примезованы Бакланская, Мглинская и значительная часть Стародубовской (279). Мглинскихъ казаковъ также всячески убѣждали пойти къ нему въ кабалу; все дѣло велось съ возмутительными насиліями (даже надъ священниками). На Почепское межеваніе поступила жалоба въ Сенатъ, который послалъ полковн. Скорнякова-Писарева для повѣрки дѣла на мѣстѣ. Ревизоръ былъ на сторонѣ Меньшикова и его незаконнаго межеванія. Внесъ правду въ это дѣло только самъ Царь; на челобитной онъ собственноручно начерталъ: «учинить рѣшеніе въ Сенатѣ слѣдующимъ образомъ: то, что далъ гетманъ послѣ Полтавской баталіи кн. Меньшикову и грамотою жалованною утверждено, быть за нимъ; а что сверхъ того примезовано и взято, гетману возвратить и послать нарочнаго, что бѣ то размежеваніе учинилъ въ правду; а которые ту лишнюю неправую межу учинили безъ указа, тѣмъ учинить яко нарушителямъ указу» (287). По этому же царскому указу должны были быть освобождены изъ подъ власти Меньшикова и почепскіе казаки, которые были пожалованы уже въ 1710 году; и опять царь узналъ объ обидахъ казачьихъ изъ устъ самого народа. Казака Бѣлецкаго упростили подать челобитную царю почепскіе казаки, отправленные въ Москву въ тюрьму за то, что не хотѣли идти въ подданство кн. Меньшикову (см. стр. 290—291). Впрочемъ окончательно рѣшилось дѣло Почепскихъ казаковъ только въ царствованіе Елисаветы Петровны; мѣщане же и посполитые такъ и не дождались своего освобожденія въ XVIII вѣкѣ. Г. Лазаревскій не говоритъ намъ о судьбѣ ихъ подъ властью кн. Меньшикова; я имѣю возможность восполнить этотъ пробѣлъ на основаніи челобитныхъ почепскихъ обывателей 1742 г. ¹⁾ Въ нихъ заключаются любопытныя свѣдѣнія о новыхъ

¹⁾ Хар. Ист. Арх. Дѣла Малорос. Коллегіи, № 26.

сборахъ, наложенныхъ Меншиковымъ; свѣдѣнія эти представляютъ и нѣкоторый общій интересъ, разъясняя намъ систему налоговъ, господствовавшихъ въ XVIII в. въ Малороссіи; а это, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ нашей экономической исторіи. За гетмановъ, т. е. въ XVII в. и самомъ началѣ XVIII в. (до 1709 г.) съ Почепа собирались слѣдующіе налоги: 100 рублей стаціи, 241 р. 70 к. поземельнаго сбора съ ратушныхъ селъ (по 60 к. съ 402 четвертокъ пахатной земли), 357 р. 76 к. поземельнаго налога съ гетманскихъ дворцовыхъ селъ на гетманскую булаву (съ 417 четвертокъ и 3-хъ четвертей); съ городской земли не бралось ничего; съ винокуренныхъ казаковъ по 1 р. 20 коп., да съ винниковъ по 20 к. въ годъ, съ бобыльскихъ и пашенныхъ дворовъ отъ 2 до 12 коп., съ бортнаго ухоя — 3 р. 15 к., съ мельницъ по 16 коп. съ камня и по бочкѣ ржаной муки; итого, деньгами 707 руб. 31 коп. А гетманъ Мазепа будто бы на плату войску, а на самомъ дѣлѣ ради своего обогащенія, умножилъ сборы: велѣлъ брать вдвое съ ратушныхъ деревень и мельничныхъ жернововъ, а кромѣ того на городъ и на уѣздныя села наложилъ такъ называемыя *аренды* на сердюковъ, *тысячное* и *поклоны* (т. е. подарки на Рождество, Пасху, Петра и Павла, Сырную недѣлю, и Филипповъ постъ, состоявшіе изъ хлѣба и живности). Петръ Великій въ 1708 г. эти прежніе сборы велѣлъ уничтожить — именно съ казаковъ, которые медь сытять, съ воезовъ за «пропускныя квиты», съ продаваемыхъ лошадей и хлѣба, съ рѣзницкихъ коморъ, съ бобылей, не имѣющихъ грунтовъ, съ хать — стацію, съ посполитыхъ подсушѣдковъ (конныхъ и пѣшихъ) и казаковъ — ралець и т. п. Въ 1710 году г. Почепъ достался кн. Меншикову, отъ имени котораго туда явился Шаховской съ прикащиками, описавши всѣ земли. Повинности опять были сильно увеличены: на четвертку поля положено было вмѣсто 60 коп. 2 руб. 88 коп., такъ что всего имъ пришлось платить съ 1711 по 1715 г. ежегодно вмѣсто 707 р. 31 коп. 4303 р. 31 коп. (т. е. болѣе чѣмъ въ 6 разъ). Въ 1715 году прикащикъ кн. Меншикова Родіоновъ безъ указа сверхъ той земли прирѣзалъ имъ болѣе 895 четвертокъ якобы пахатной земли, причемъ сюда вошли болота, лозы, лѣса, ихъ покушныя сѣнокосы и т. п., и за эту прибавочную землю наложилъ на нихъ 2579 руб. 68 коп. (опять по 2 р. 88 коп. съ четвертки). Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ оставили свои жилища и разошлись врознь, такъ что теперь остается пустыхъ 718 дворовъ съ 350 четвертками, а налогъ за нихъ канцелярія Почеповскаго комендантскаго правленія требуетъ съ оставшихся. Съ 1730 по 1741 г.

накопилось 9284 р. 78 $\frac{1}{2}$ к. недоимки. При Шидловскомъ съ мѣщанъ и мастеровыхъ годоваго сбора было, кромѣ аренды и прочихъ повинностей, по 230—250 руб.; послѣ же этого они стали платить за право вольной продажи вина 509 руб. 29 коп., въ томъ числѣ настоящаго оклада 353 руб. 67 коп., аренды 155 руб. 62 к.; всѣхъ же дворовъ въ Почепѣ было 832 (наличныхъ 561, наемныхъ 55 и бездворныхъ хатъ 216); въ среднемъ, такимъ образомъ, выходитъ по 42 $\frac{1}{2}$ коп. на дворъ; раскладка этого налога производится самими жителями сообразно ихъ имуществу. При гетманахъ съ пахатной городской земли ничего не бралось, а при Меньшиковѣ стали взимать 262 руб. 56 коп. (по 2 р. 88 коп. съ 91 четвертки). Уѣздныя земли были обложены слѣдующими повинностями: при гетманѣ Самойловичѣ было, какъ мы уже знаемъ, въ ратушныхъ селахъ 402 четвертки и платили за нихъ по 60 коп.; при Мазепѣ стали уплачивать по 1 руб. 20 коп., а при Меньшиковѣ вымѣрено было 616 четвертокъ и уплачивалось съ нихъ 1775 руб. 48 к. (по 2 р. 88 коп.). При гетманахъ въ дворцовыхъ селахъ и деревняхъ считалось 371 четвертка пахотной земли и бралось съ ней 357 р. 76 коп. При Меньшиковѣ же было вымѣрено уже 817 четвертокъ и шло съ нихъ 2352 р. 52 коп. При гетманахъ съ двухъ новопоселенныхъ слободъ поступало 4 р. 70 к. доходу, а при Меньшиковѣ намѣрено было 47 четвертокъ по 2 р. 88 коп. на 136 р. 32 коп. При гетманахъ у стрѣльцовъ было 45 четвертокъ земли, мельницы, бортные ухажай, винные казаны; со всего этого они не платили никакихъ налоговъ, а ловили только звѣрей и птицъ на гетманскій обиходъ; при Меньшиковѣ же имъ намѣрили 85 четвертокъ земли, за которую они уплачивали 246 руб. 30 коп., за верхній ухажай (т. е. за бортныя деревья) 21 руб. 20 коп. да вмѣсто подводъ и натуральныхъ повинностей вносили 30 руб., а всего 312 руб. 50 коп. При гетманахъ съ винокурныхъ казановъ шло по 1 р. 20 коп., да «повинничной» отъ человѣка по 20 коп., а при Меньшиковѣ съ казана по 2 р. 16 коп. При Мазепѣ съ мельниковъ третинниковъ брали по 1 р. 20 к., а при Меньшиковѣ по 2 р. 88 коп. При гетманахъ съ бобыльскихъ непахатныхъ дворовъ шло по 2, 3, 4, 6, 12 коп. съ двора, а при Меньшиковѣ—по 22 коп. Рыбными ловлями пользовались сами гетманы, а при Меньшиковѣ онѣ приносили доходу 136 руб. 36 коп. Мостовщины при гетманахъ не брали вовсе, а при Меньшиковѣ были сдѣланы мосты и Шидловскій велѣлъ собирать съ проѣзжихъ столько, сколько въ другихъ мѣстахъ брали «погребельщины» (т. е. съ плотинъ). *Покутичною* при гетманахъ не соби-

ралось, а Шидловскій ввелъ его по образцу другихъ малороссійскихъ владѣльцевъ; при выдачѣ замужъ дѣвушки въ своемъ селѣ уплачивалось 40 коп., а при отдачѣ ея въ чужую деревню — 1 руб. Преемники Шидловскаго еще болѣе увеличили покуничное: если женихъ былъ съ чужаго села, то долженъ былъ внести по взаимному соглашенію, 5, 3, 2, 1 р. 50 коп. или 1 р. 20 к., а со своихъ бралось съ болѣе зажиточныхъ по 50 коп., а съ непахатныхъ бо-былей по 25 коп. Раньше собирались доходы съ мѣской важницы (т. е. вѣсовъ), *поведерковое* (съ продаваемого вина), съ *куфъ скатное* по 10 коп. — съ каждой въ пользу церквей; а городскія вѣсы держали за собой постоянно 3 почеповскія церкви, уплачивая въ ратушу ежегодно за нее аренды по 100 руб. Меньшиковъ же все это обратилъ на себя. При немъ же стали собирать *пожтрное* съ продаваемого вина. Продажа пеньки и «олен» (важнѣйшихъ продуктовъ мѣстнаго производства) прежде была свободная, а при Меньшиковѣ введены были значительныя ограниченія, имѣвшія цѣлью доставить монополію княжескому вотчинному управленію. Во время ярмарки собиралось по давнему обыкновенію *ковшевое* съ продаваемого хлѣба и *квартное* (съ соли); при Меньшиковѣ ковшевое увеличено было втрое. При гетманахъ съ деревянныхъ «дробязковъ» (колесъ, саней, бочекъ, боченковъ) вималось по нѣкоторой части въ «шафарнѣ» натурой, а когда шафарня была отдана въ 1721 г. на откупъ, то и деньгами, а при Меньшиковѣ стали уже брать десятину; съ привозной же соли съ пары бочекъ (по 20 п. каждая) — по 16 коп., а съ куля — по 10 коп. Ярмарки въ Почепѣ были многолюдныя — сюда пріѣзжали и малороссійскіе, и великороссійскіе купцы съ хлѣбомъ, солью, рыбою, шерстью; если купечество это не успѣвало распродать своихъ товаровъ во время ярмарки, то оставались на нѣкоторое время и послѣ нея или везли товары въ другіе города.

Послѣ кн. Меньшикова Почеповская волость перешла въ вѣдѣніе Министерской канцеляріи. Правительство получало постоянныя жалобы на Почеповскихъ управителей и указомъ 1729 года велѣно было разслѣдовать эти жалобы на излишніе сборы, наложенные Меньшиковымъ; указомъ 1730 года приказано было отставить сборы съ пчелъ, табачную десятину, съ мостовъ, перевозовъ, гребель; въ 1731 г. велѣно было устроить такъ, чтобы и сборы но уменьшались, но чтобъ обыватели не чувствовали излишняго отягощенія. Положеніе Почеповскихъ обывателей не улучшилось и въ тридцатыхъ годахъ; въ 1735 г. горожане и уѣздные люди жалова-

лись, что они кромѣ другихъ сборовъ платятъ еще на консистентовъ и на линейную работу 4000 рублей, отчего многіе разошлись (пустыхъ дворовъ оказалось 566). Только въ 1741 году было восстановлено въ Почепѣ ратушное управленіе, а въ 1742 году производилось то дѣло «объ излишнихъ сборахъ, наложенныхъ Меншиковымъ», изъ котораго я и заимствовалъ всѣ эти свѣдѣнія; но не долго оставались свободными Почепцы; въ 1750 г. Почепская волость была отдана Разумовскому на рангъ, а въ 1760 г. и въ полную собственность.

Сохранился экстрактъ изъ описи Почеповской волости 1727 г., когда она отписана была на государиню ¹⁾. Оказывается, что это была дѣйствительно огромная вотчина. Въ замкѣ была артиллерія, въ комнатахъ образа, въ кладовыхъ припасы, въ сараяхъ различные экипажи. Въ г. Почепѣ было 749 дворовъ, а въ уѣздѣ въ 137 селахъ, слободахъ и деревняхъ 3410 дворовъ; сюда нужно прибавить массу всяческихъ угодій и заводовъ — хуторовъ съ винокурнями, шинками и всяческимъ хозяйствомъ и, наконецъ, парусную фабрику, переработывавшую пеньку, которую собирали управители вмѣсто податей; обо всемъ этомъ рассказано чрезвычайно подробно. Я къ сожалѣнію не могу останавливаться на этихъ подробностяхъ и приведу только нѣсколько данныхъ изъ другого документа о парусной фабрикѣ ²⁾. Она была построена въ 1726 г. кн. Меншиковымъ, который вывезъ изъ своихъ подмосковныхъ деревень и мастеровъ, и инструменты. Должны были строить эту фабрику новые почеповскіе подданные князя не за деньги, а «по пригону безъ найму», исключая каменныхъ построекъ, (сушилни и т. п.), для которыхъ нужно было по необходимости нанять специальныхъ мастеровъ. Мануфактура началась здѣсь въ 1726 г. Пеньку покупали у своихъ же почепскихъ подданныхъ (засчитывая ее вмѣсто податей), но при этомъ допускали страшныя притѣсненія; когда рыночная цѣна ея равнялась 12 руб. за берковецъ, имъ засчитывали только 4 руб. Приносила ли эта фабрика чистый доходъ, я не знаю; но если это и было, то доходъ доставляло, очевидно, не самое производство, а все тѣ же Почеповскіе подданные.

Судьба Шептаковской волости у г. Лазаревскаго изложена кратко. Она постоянно переходила изъ рукъ въ руки и по большей части составляла гетманское достояніе. Г. Лазаревскій не захо-

¹⁾ Харьк. Ист. Арх. Дѣла Малорос. Коллегіи, № 82.

²⁾ Моск. Румянц. Музей. Архивъ Марквича, № 1995.

тѣмъ почему-то извлечь для своего труда тѣхъ свѣдѣній о ней, которыя заключаются въ подробномъ описаніи ея 1734 г., изданномъ Судіенкомъ ¹⁾. И это, по моему мнѣнію, напрасно — нужно было, по крайней мѣрѣ, привести хотя самыя главныя цифры; въ 1726 году волость эта была отдана въ арендное содержаніе Марьѣ Строгоновой съ дѣтьми «для поддержанія парусной мануфактуры». Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ сохранилась любопытная сдѣланная опись этого года, дающая о ней наглядное понятіе. Я позволю себѣ привести нѣкоторыя данныя изъ этого неизвѣстнаго доселѣ документа ²⁾. Указъ объ этомъ изданъ былъ еще въ 1725 г. Екатериной I-й. По ревизскимъ книгамъ, въ ней оказалось кромѣ казаковъ и подданныхъ Гамалѣвскаго мон. 2698 дворовъ которые распредѣлялись такъ: въ с. Шептакахъ 182 двора, въ с. Форостовкѣ — 93, въ с. Лариновкѣ 143, Бугриновкѣ 53, Хвеевкѣ 55, Поповкѣ 100, Машевѣ 159, въ гутѣ Василя Гуткина подѣ Машевомъ 33, Каменѣ 91, Каменскомъ 138, Мамыкинѣ 143, Смягѣ 97, Архиповкѣ 88, Костоборѣ 122, Бучкахъ 149, Костерѣ 184, Оробьевкѣ 80, Будѣ 83, въ Руднѣ вдовы Михайловой 15, Печенѣгахъ 125, Лизуновкѣ 34, въ гутѣ Григорія Васильева 19, въ сл. Жадовкѣ 235, Старомъ Жадовѣ 65, Погорѣлицѣ 65, Андрейковичахъ 94, Старыхъ Андрейковичахъ 53, а въ с. Серединой Будѣ Новгородъ-Сѣверской сотни 199 дворовъ; всего 24 селенія, 2 гуты и 1 рудня; доходовъ отсюда въ 1729 г. было 1693 р. 1 коп. (за напитки 431 р. 92 коп., годоваго оклада 866 руб. 78 коп., съ мельницъ, рудень и гуть 173 р. 31 к., съ мельниковъ 24 р. съ перевоза 50 р., съ казаковъ и повинничнаго 147 р.); въ 1723 году 6249 р. 48 коп. (за напитки 2778 р. 80 к., годоваго оклада 2819 р. 98 к., съ мельницъ рудень и гуть 302 р. 70 к., съ мельниковъ 50 р., съ перевоза 50 р., съ казаковъ и повинничнаго 165 р. 20 коп., за проданные припасы 52 руб. 80 к., съ дегтярей 30 руб.); въ 1724 г. 5967 руб. 26 к. (за напитки 2218 р. 92 коп., годоваго оклада 2819 р. 98 к. съ мельницъ, рудень и гуть 250 руб. 42 к., съ мельниковъ 133 р., съ перевоза 50 р., съ казаковъ и повинничнаго 186 р. 60 к., за проданные припасы 282 р. 34 коп., съ дегтярей 26 р.). Кромѣ денежныхъ сборовъ были и натуральныя: съ пахатныхъ земель и мельницъ годоваго хлѣбнаго оклада въ 1724 г. было взято ржи 2913 четвертей, пшеницы 106 четвертей и 6 четвериковъ, овса

¹⁾ Онъ только указываетъ на эти матеріалы.

²⁾ Хар. Ист. Арх. Дѣла Малорос. Коллегіи, № 71.

1544 четверти и $4\frac{1}{2}$ четверика, ячменя 105 четвертей 4 четверика, гречи 570 четвертей и 3 четверика, гороху 24 четверти 2 четверика, проса 30 четвертей и 7 четвериковъ, коноцель 99 четвертей $6\frac{1}{2}$ четверика, пшеница 11 четвертей и 1 четверикъ, крупъ 50 четвертей. Собранный хлѣбъ шелъ на продовольствіе служащихъ и винокурню; разнаго хлѣба въ наличности оказалось 10235 четвертей $6\frac{1}{2}$ четвериковъ, простаго вина 5604 ведра $12\frac{1}{2}$ квартъ, наливковаго 16 в., конвалеваго 16 в., вишневаго 17 в., меду 1600, пива 900, масла коноплянаго 14 в., соли 18 п. 23 ф., сала свиного 27 п. 18 ф.; сала скотиннаго 2 п., желѣза 1 п. 20 ф., стали 31 ф., мѣди 2 п., сухаго олова 14 ф., пеньки 88 п., воску 17 п. $17\frac{1}{2}$ ф., лошадей 4, коровъ 12, подтелокъ 3, воловъ молодыхъ 15, овецъ 30, ягнятъ 12, барановъ 28, старыхъ свиней 136, подсвинковъ 87, кабановъ 54, поросятъ 76, окороковъ свиного мяса 30, поребривъ 30, олечекъ 30, грудинъ 15, ковбасъ 90, чистой «бовни» 4 п. 30 ф., масла коровьяго 2 п. 16 ф., шкуръ 27, малыхъ шкурокъ мерлушекъ 23, скатертей 193 локтя, серветы 71 локоть, мѣдныхъ винничныхъ котловъ 13, мѣдныхъ трубъ 39, пивоваренный мѣдный котель 1, валюшный котель 1, желѣзныхъ котловъ 2, мѣдныхъ кубовъ 1, карета старая 1, лѣтнихъ фурмановъ 2, резиновыхъ 2 и т. п. Все это было передано баронессѣ Строгановой въ аренду за 3000 р., которые нужно было уплачивать въ государственную казну съ условіемъ, чтобы новая владѣлица размножила парусную фабрику и выписала изъ заграницы лучшихъ мастеровъ. Въ 1725 году одного денежнаго дохода собиралось здѣсь 5967 руб.; шафарями, т. е. шинкарями и арендаторами разныхъ статей, были назначены евреи, въ пользу которыхъ шла $\frac{1}{10}$ часть дохода; вино продавали они по $66\frac{1}{2}$ коп., медъ по 18 коп., пиво по 9 коп. ведро. Дозорцей, т. е. главнымъ прикащикомъ, былъ Мовчанъ. Въ 1726 г. туда былъ посланъ подканцеляристъ съ инструкціей объ отдачѣ Строгановой Шептаковской волости. Служитель Строгановой Сабуровъ принялъ её; такимъ образомъ и составилась подробнѣйшая отчеточная книга этой волости съ именнымъ перечнемъ всѣхъ подданныхъ, дѣлившихся на заможныхъ пахарей, среднихъ, убогихъ и огородныхъ бобылей; во главѣ всѣхъ стоялъ войтъ. По описи, весь инвентарь, который я отчасти перечислилъ, былъ оцененъ въ 4102 р. 74 коп. Строганова дѣйствительно начала строить парусную фабрику въ 1726 году, а въ слѣдующемъ году она была пожалована князю Меншикову ¹⁾. «Но 9 октября того же года,

¹⁾ Моск. Рум. Музей. Архивъ Маркевича, № 1995.

говорить Лазаревскій, послѣдовалъ указъ Наумову отписать ее на имя государя; но, кажется, этотъ указъ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ вслѣдъ за поставленіемъ Апостола на гетманство ему отдана была и Шептаковская волость въ числѣ другихъ ранговыхъ гетманскихъ имѣній» (184). Сохранилось свѣдѣніе этого Наумова 1727 года о томъ, сколько прежде къ Шептаковской волости принадлежало селъ и деревень и сколько захвачено было вновь при отдачѣ ея баронессѣ Строгановой, а потомъ Меншикову ¹⁾. Прежде въ составъ ея входили Шептаки, Печенѣги, Форостовичи, Лариновка, Фаевка, Машовъ, Старый Жадовъ, д. Погорѣльцы, сл. Жадовъ, с. Костабобръ, с. Архиповка, Бучки, Андрейковичи, Кистеръ, Камень, сл. Каменская, с. Смячъ, с. Мамѣнинъ, с. Воробьева, д. Буда, с. Бугриновка, Поповка, Лизуновка, Роговна, Пушкари и нѣсколько озеръ при р. Деснѣ. Вновь захвачены были слѣдующія селенія: Средняя Буда, Стахорщина, Блистовая (отданы Наумову), Радомка (Макрѣевича), Михальчина, д. Гудовка (Сулимъ), двѣ мельницы на р. Смячѣ, которыми владѣютъ монахи Рыхловскаго монастыря, с. Ковинина (попа Заруцкаго), мельница на р. Ревяѣ (Пекалицкаго), с. Орловка, Казиловка (Борковскаго), с. Мринъ (Гамалѣевскаго монастыря), въ г. Новгородъ-Сѣверскѣ — замочекъ городской и дворы съ торговыми коморами (церковные), мельницы, сѣнокосы, пахатные грунты въ разныхъ селахъ. По вѣдомости Мовчана, къ с. Шептакамъ принадлежало 23 селенія съ 2459 дворовъ; по ревизорскимъ книгамъ 24 села, 2 гуты, 1 рудня съ 2698 дворовъ подданныхъ черкасъ; когда же она отдавалась Строгановой, то въ ней оказалось 3037 дворовъ; (далѣе слѣдуютъ подробныя свѣдѣнія о захватахъ, которыя я опускаю). Вслѣдъ за тѣмъ Шептаковская волость отдана была гетману Дан. Апостолу, который владѣлъ ею до смерти, послѣ чего она снова перешла въ казенное вѣдомство; въ это время (въ 1734 году) она была подробно описана ²⁾. Извлечемъ изъ этого описанія самые существенныя пункты. Въ это время пресловутая парусная фабрика уже запустѣла и свѣтлицы, въ которыхъ дѣлались прежде полотна, были пустыя безъ потолковъ и печей; окна были забиты наглухо; въ другихъ свѣтлицахъ, гдѣ производилась столярная работа, также окна были безъ стеколъ. Всѣхъ селъ и деревень числилось здѣсь 25, не считая хуторовъ, слободокъ, рудень и гуть, количество ко-

¹⁾ Хар. Ист. Арх. Дѣла Малор. Колл., № 86.

²⁾ Матеріалы для отеч. истор. I, К. 1853 г. Отдѣлъ третій.

торыхъ значительно возрасло сравнительно съ прежнимъ временемъ. Всѣхъ сборовъ было 3120 р. 26 коп.; окладные складывались изъ слѣдующихъ статей: годоваго оклада съ селъ и деревень 2413 руб. 24 $\frac{1}{2}$ коп.; годоваго оклада съ мельниковъ за грунты 77 руб. 98 коп.; съ мельниковъ же за выбывшихъ въ казаки 30 руб. 9 $\frac{1}{2}$ коп.; *поколющины* (т. е. съ мельницъ) 35 р. 17 к.; *покабанщины* 24 руб., *полисичнаго* 14 р., съ валюшень 16 руб., съ мельниковъ же на жалованье служителямъ и мирскіе расходы 23 руб. 86 $\frac{1}{2}$ коп.; съ бортниковъ на то же 6 р. 12 $\frac{1}{2}$ коп.; неокладные отъ двухъ рудниковъ и ихъ мельницъ 52 руб. 30 коп.; съ нихъ же на жалованье служителямъ и мирскіе расходы 2 руб.; отъ двухъ гутниковъ и ихъ мельницъ 62 руб. и на мирскіе расходы 6 р. 20 коп.; за откупныя мельницы 314 р. 15 коп.; за откупной перевозъ 72 руб. 30 коп. Сверхъ того обыватели отбывали и натуральныя повинности, а именно: «поля до дворцовъ принадлежація пахали, сѣнокосы належитіе прятали, дрова до винокурни, тако же до дворцовъ и на гумна возили, да въ Глуховъ брусья, дрань и протчую деревню отвозили, и въ подводы, куда требовало, ѣздили, особливе жъ женки и дѣвки по дворцахъ пряли пригономъ и мотки на села прясть имъ же накидали». Перечисленными выше приходами не исчерпывались доходы съ волости; важную статью составляла продажа напитковъ, которые производились въ своихъ собственныхъ винокурняхъ. Сюда же еще нужно присоединить 3 селенія (Пушкари, Роговка и Биринъ), которыя тянули къ Будисскому дворцу; годоваго платежа было съ нихъ 89 руб. 50 коп. ¹⁾). Наконецъ у меня имѣются еще статистическія данныя о Шептаковской волости за 1741 годъ ²⁾). Тогда въ ней числилось 20 селъ, 4 деревни, 2 хутора, 25 мельницъ, 1620 подданическихъ дворовъ, 121 подданическая винокурня и 1 казенная; пахатнаго поля, предназначеннаго для подданныхъ, было на 126 верстъ 218 саж. въ длину и на 81 вер. 201 саж. въ ширину; дворцоваго поля на 12 вер. 10 с. въ длину и 4 версты 435 саж. въ ширину; сѣнокосу дворцоваго на 637 возовъ, подданическаго 9730 возовъ; лѣсу дворцоваго строеваго на 11 вер. въ длину и 7 вер. 400 саж. въ ширину, дровянаго на 70 верстъ 5 саж. въ длину и 41 вер. 437 саж. въ ширину, три гуты и 1 рудня. Къ Будисскому дворцу принадлежало 3 села со 119 дворами, въ томъ числѣ 11 дворовъ нововписныхъ казаковъ, жившихъ на крестьян-

¹⁾ Хар. Ист. Арх. Дѣла Малор. Колл., № 2579.

²⁾ Хар. Ист. Арх. Дѣла Малор. Колл., № 2759.

скихъ земляхъ, 1 дворцовая мельница, 4 шинка, 1 винокурня; сѣнокосу дворцоваго на 95 возовъ, подданическаго на 340; лѣсу на 9 верстѣ, рыбныхъ и дворцовыхъ озеръ 48; дохода 79 руб. 21 коп. Въ 1739 году съ Шептаковской волости собиралось окладныхъ денежныхъ доходовъ 2109 руб. 94 коп.; кромѣ того была еще цѣлая масса не окладныхъ, на перечисленіи которыхъ я уже не буду останавливаться. Приведенныя мною данныя даютъ, какъ мнѣ кажется, въ достаточной степени ясное понятіе объ экономическомъ положеніи такихъ волостей, какъ Шептаковская. Вотчинное хозяйство въ ней было не сложно. Земли, какъ показываетъ послѣдняя перепись, было очень много; нѣтъ сомнѣній, что приводимыя цифры сильно преувеличены, ибо если перевести ихъ на десятины, то окажется, что одной пахотной земли было тутъ 1063125 десятинъ, т. е. болѣе чѣмъ по 500 десятинъ на дворъ; невѣрность объясняется, конечно, главнымъ образомъ первобытнымъ способомъ счисления: на самомъ дѣлѣ площадь эта не представляла изъ себя правильной геометрической фигуры, бока которой изображали бы изъ себя прямую линію. Во всякомъ случаѣ фактъ земельного простора стоитъ внѣ сомнѣній. Но главный доходъ доставляла все-таки не земля, а разныя угодыя, — заводы, гуты, буды, мельницы, бортные ухояи, винокурни, шинки и другіе промыслы. Населеніе кромѣ денежныхъ и натуральныхъ сборовъ обязано было и барщинною повинностью, о размѣрахъ которой къ сожалѣнію намъ не говорятъ документы; во всякомъ случаѣ она по видимому стояла на заднемъ планѣ и нужна была главнымъ образомъ для веденія собственнаго «дворцоваго» хозяйства, не достигавшаго впрочемъ очень обширныхъ размѣровъ. Во главѣ «дворцоваго» управленія стоялъ «дозорецъ» и цѣлый рядъ подчиненныхъ ему лицъ (писаря, ключникъ, сторожа, гуменники, господиня, дворникъ, пастухъ, ремесленники, винокуры и т. п.). Дозорецъ былъ заинтересованъ въ расширеніи порученныхъ ему маестностей и, конечно, могъ нерѣдко прибѣгать къ злоупотребленіямъ; зависѣлъ онъ отъ гетмана, а на этого послѣдняго жаловаться было мудрено; да и сами гетманы были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и иногда, какъ свидѣтельствуется документъ о поселеніи на гетмана Д. Апостола «Далисича и др. слободъ», прямо давали въ такомъ смыслѣ порученія своимъ довѣреннымъ лицамъ.

Судьба Бакланской сотни, какъ ее описываетъ г. Лазаревскій, напоминаетъ судьбу почеповской; кн. Меншиковъ, какъ мы знаемъ, старался «привернуть» къ себѣ въ кабалу бакланскихъ ка-

заковъ. Центральнымъ пунктомъ ея служило сотенное *мѣстечко* Баклань, въ которомъ была ратуша, находившаяся впрочемъ въ зависимости отъ сотеннаго правленія; населеніе Баклани (кромя казаконъ) попало въ концѣ концовъ въ разрядъ подданныхъ посполитыхъ главнымъ образомъ гетмана Разумовскаго. Въ 1734 году въ Бакланской волости было 12 селеній, съ коихъ получалось въ годъ 184 руб. 26³/₄ коп.; одни платили чиншъ и не несли больше никакихъ повинностей, остальные же отбывали барщину; съ м. Баклани денежнаго оклада не взималось потому, что тамъ жили только одни бобыли, которые служили въ дворцѣ сторожу ¹⁾.

Въ 1741 году къ Бакланскому дворцу принадлежало 1 мѣстечко, 3 села и 8 деревень съ 79 дворами описныхъ подданныхъ, 4 дворцовыми мельницами, 2 подданическими винокурнями; дворцоваго пахотнаго поля было на $\frac{1}{2}$ версты, подданическаго на 2 вер., дворцоваго сѣнокоса на 25 возовъ, дворцоваго лѣсу на 1 версту; окладныхъ сборовъ — 120 руб. 72 коп. ²⁾. Слѣдуетъ еще отмѣтить и Ропскую волость, которая представляла изъ себя владѣльческую вотчину въ чистомъ ея видѣ. Сохранилось ея описаніе 1734 года (у Судіенка). Всѣхъ селъ и деревень въ ней было 14. Окладныхъ доходовъ съ нихъ получалось 947 руб. (съ гуть, рудень, поколющныи, съ откупныхъ мельницъ, на заплату служителямъ и къ праздникамъ гетману) и 200 четвертей жита, 200 четв. овса, 10 четвертей хмѣля, 24 пуда меду (дани медовой), 300 кварть масла коноплянаго. Неокладные сборы состояли изъ *показаницины* (отъ казана, т. е. винокуреннаго котла, по 1 р. 45 коп.), *позіомано* (съ дегтярей за выработку дегтя, деньгами и дегтемъ); *ярмарковаю* съ броварниковъ (пивоваровъ), со ступъ сукновальныхъ и птицъ ко двору гетманскому; сверхъ того подданные этой волости несли и нѣкоторыя барщинныя повинности. Въ м. Ропскѣ брались денежные поборы съ чиншевыхъ «крамаровъ» (т. е. лавочниковъ), медвѣдниковъ и мельниковъ ³⁾. Въ 1741 году Ропская волость состояла изъ 1 мѣстечка, 8 селъ, 5 деревень, 1 хутора, 2 стекляныхъ заводовъ, 2-хъ рудень; въ нихъ было 1040 дворовъ описныхъ подданныхъ (да еще при заводахъ 34 двора), 18 шинковъ, 1 дворцовая и 66 подданическихъ винокурень, 12 дворцовыхъ мельницъ, дворцоваго сѣнокосу на 395 возовъ, подданическаго на 2772 да на

¹⁾ Мат. для отеч. исторіи I, отд. 3-е.

²⁾ Хар. Ист. Арх. Дѣла Мал. Кол., № 2759.

³⁾ Мат. для отеч. истор. I, отдѣл. 3-е.

260 возовъ при заводахъ; дворцоваго пахотнаго поля на 2 вер., подданическаго (общаго у посполитыхъ съ казаками) на 74 версты; гѣсу строеваго (съ казаками общаго) на 14 верстѣ, дровянаго на 47 верстѣ; окладныхъ денежныхъ сборовъ съ нея получалось 786 руб. 75 к. ¹⁾

Особую группу селеній въ Стародубовскомъ полку составляютъ раскольничьи слободы. Г. Лазаревскій рассказываетъ общую исторію ихъ; затѣмъ сообщаетъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о каждой, значительно дополняя въ этомъ отношеніи историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи пр. Филарета, у котораго собрано было объ этомъ не мало данныхъ (особенно цѣнны — такъ называемые осадные листы). Первое появленіе раскольниковъ въ Стародубовскомъ полку г. Лазаревскій относитъ (вслѣдъ за Алексѣевымъ въ его исторіи о бѣдствующемъ священствѣ) къ 1669 году, когда къ Стародубовскому полковнику Гаврилу Иванову явился Московскій попъ Козьма съ 20 человекъми другихъ раскольниковъ и получилъ землю подъ поселеніе въ Понуровкѣ. Г. Лазаревскій въ этомъ Гаврилѣ Ивановѣ видитъ наказнаго полковника Гаврила Даценка (стр. 440). Послѣ выхода въ свѣтъ книги г. Лазаревскаго въ Киевск. Стар. ²⁾ появилась статья г. Лилеева, специально посвященная первоначальной исторіи раскола въ Стародубѣ. Въ ней сведены всѣ данныя о раскольничьихъ стародубовскихъ селеніяхъ и особенно подробно разсматривается вопросъ о первомъ появленіи здѣсь раскольниковъ. Г. Лилеевъ доказываетъ, что приходъ попа Кузьмы нужно отнести не къ 60, а къ 70-мъ годамъ XVII в., и отождествляетъ Гаврилу Иванова съ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою Вольскимъ; это отождествленіе миѣ представляется такимъ же натянутымъ, какъ и миѣніе г. Лазаревскаго и пр. Филарета. Я съ своей стороны позволю себѣ сдѣлать кое-какія добавленія, заимствованныя изъ обширнаго дѣла о стародубовскихъ раскольничьихъ слободахъ, хранящагося въ Харьковскомъ Историческомъ Архивѣ ³⁾; въ нихъ заключаются документальныя свѣдѣнія о времени основанія слободъ, о личности осадчихъ, о числѣ жителей и о взимаемомъ съ нихъ окладѣ. Сл. *Киммова* поселена была въ ранговыхъ дачахъ Стародубовскаго полковника въ 1708 году; осаживалъ ее мѣщанинъ польскаго мѣ-

¹⁾ Хар. Ист. Ар. Дѣла Малор. Коллегіи, № 2759.

²⁾ Киев. Стар. 1889 г. августъ и сентябрь.

³⁾ Дѣла Малор. Кол. № 3125.

стечка Головчина Климъ Ермолаевъ; въ ней было 877 душъ (451 м. и 426 ж.); окладу платили они кромѣ порціоновъ и раціоновъ на консистентовъ окладныхъ 134 р. 89 коп., неокладныхъ съ новопривывшихъ 50 р. 11 коп. Сл. *Митьковка* поселена въ гетманской дачѣ надъ рѣчкою Митковкою въ 1709 году; осаживалъ ее крестьянинъ Семень Савиновъ изъ деревни Заболотья Ярославскаго уѣзда, принадлежавшей Якову Григорьевичу Кафтыреву; ему былъ данъ гетманомъ Скоропадскимъ универсалъ въ 1709 году; въ ней было 1832 д. (476 м. и 356 ж.); оклада берется 75 р. 15 коп., неокладныхъ съ новопривывшихъ 72 р. 85 коп. Это документальное свидѣтельство исправляетъ ошибку г. Лазаревскаго и г. Лигѣва, принявшихъ извѣстіе Алексѣева объ основаніи ея сыномъ Бѣлевскаго священника Дмитріемъ до 1680 г. Пр. Филаретъ былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ названные выше историки; онъ говоритъ, что осадчимъ ея былъ Семень Савельевъ (на самомъ дѣлѣ Савиновъ) и что она основана въ 1703 году (I, 127). Сл. *Зыбка* поселена въ ранговыхъ дачахъ Стародубовскаго полковника въ 1701 году надъ рѣчкою Зыбкою; слободу эту осаживалъ крестьянинъ рыльскаго помѣщика Афанасья Спѣсивцева Еремей Карповъ, которому было дано отпускное письмо отъ помѣщика въ 1704 году; на поселеніе ея имѣются 2 документа — универсалъ Стародубовскаго полковника Михаила Миклашевскаго 1701 года и листъ за подписью регента войсковой канцеляріи Чуйкевича, присланнаго для опредѣленія границъ гетманомъ Мазепою. Въ ней 1141 д. (617 м. и 524 ж.); окладныхъ уплачиваютъ слобожане 202 руб. 69 коп., неокладныхъ 70 р. 90 коп. Сл. *Шеломы* поселена въ дачахъ значковаго товарища казака Силы Зѣнченка на рѣчкѣ Карпѣ въ 1703 г. (1695 г.); слободу эту осаживалъ крестьянинъ Василій Сычевъ изъ деревни Храпкиной Козелецкаго уѣзда, помѣщика Семена Талачина; осадный листъ, выданный Шеломовскимъ обывателямъ, сгорѣлъ, по ихъ заявленію, во время пожара. Жителей въ ней 778 д. (434 м. и 344 ж.); окладныхъ сборовъ 88 руб. 50 коп., неокладныхъ 55 руб. 74 коп. Ни г. Лазаревскій, ни г. Лигѣвъ не знали ни точнаго года основанія этой слободы, ни имени ея осадчаго. Сл. *Деменка* или *Городище* поселена въ дачахъ Стародубовскихъ полковниковъ въ 1719 (1684 г.) надъ рѣчкою Деменкою, осаживалъ ее крестьянинъ села Вена (Иосифова-Волоколамскаго монастыря Козельскаго уѣзда) Максимъ Афанасьевичъ Пузеевской; есть письмо полковника Стародубовскаго Михаила Миклашевскаго 1700 г. и универсалъ на городище бывш. полковника Стародубовскаго Жоравки 1710 г.; обы-

вателей 350 душъ (194 м. и 156 ж.); окладныхъ сборовъ 16 р. 99 коп., неокладныхъ съ новоприбывшихъ 18 руб. Сл. *Злинка* поселена въ 1700 г. въ ранговыхъ дачахъ Стародубовскаго полковника надъ рѣчкою Злинкою; слободу эту осаживалъ крестьянинъ села Новоселокъ дворцовой Комарицкой волости Сѣвскаго уѣзда Логинъ Голубицкій; имѣется выпись съ книгъ Стародубовскаго магистрата 1702 г. за подписью магистратскихъ урядниковъ, въ которой говорится, что былъ данъ универсалъ полковникомъ Михаиломъ Миклашевскимъ, и оригинальное письмо Ипутскаго сотника Юсифа Антоновича; жителей 796 д. (466 м. и 330 ж.); окладныхъ сборовъ 22 руб. 22 коп., неокладныхъ 144 руб. Сл. *Клинцы* поселена въ дачахъ бунчуковаго товарища Ивана Лаврентьевича Бороздны надъ рѣчкою Туросной въ 1707 г., осаживалъ ее крестьянинъ государевой дворцовой Даниловской волости Костромскаго уѣзда, Василій Клинецовъ. Жителей 1014 д. (595 м. и 419 ж.); окладныхъ сборовъ 36 р. 20 коп., неокладныхъ съ новоприбывшихъ 196 руб. 80 коп. При той же слободѣ Клинцахъ описанъ въ переписи капитана Брянченинова (1729 г.) кожевенный заводъ быв. московскаго купца (Барашной слободы) Ивана Соболящикова, который (заводъ) стали содержать послѣ его смерти племянники Якимъ и Максимъ Осокины; Якимъ — крестьянинъ дворцоваго села Тайницкаго, а Максимъ — купецъ Московскаго посада; живутъ они по паспортамъ; оклада съ завода и прилегающей земли положено 12 руб. Слоб. *Еленка* поселена въ 7192 г. (1684 г.) въ дачахъ бунчуковаго товарища Михаила Иванова, сына Рубца, надъ рѣчкою Еленкою; ее осаживалъ крестьянинъ села Даниловскаго дворцовой государевой волости Костромскаго уѣзда, Мелентій Пановъ. Жителей 1107 д. (575 м. и 532 ж.); окладныхъ сборовъ 178 руб. 21 коп., неокладныхъ 58 руб. Сл. *Воронка* поселена въ 7199 (1691) г. въ дачахъ бунчуковаго товарища Якова Михайловича Рубца надъ рѣчкою Воронкомъ; ее осаживалъ крестьянинъ помѣщика Якова Кафтырева Ярославскаго уѣзда, Игнатій Волкъ. Жителей 1071 (542 м. и 529 ж.); окладныхъ 171 р., неокладныхъ 59 р. Сл. *Лужки* поселена въ 7902 г. (1694 г.) въ дачахъ бунчуковаго товарища Игнатія Ильича Рубца надъ рѣчкою Черемошкою; ее осаживалъ посадскій города Бѣлева Артемій Никифоровъ. Жителей 836 д. (455 м. и 381 ж.); окладныхъ 150 руб., неокладныхъ 28 р. 40 коп. Сл. *Млинка* поселена, какъ видно изъ дѣлъ, съ 1710 г., по объявленію самихъ жителей, въ вольномъ государевомъ гѣсу Ходятинѣ, а потомъ была во владѣніи за кн. Меньшиковымъ; на покупные грунты, принад-

лежащіе къ этой слободѣ, имѣются крѣпостные акты. Она была описана въ 1715 году полковникомъ Ергольскимъ, Сухаревымъ въ 1725 году, майоромъ Павловымъ въ 1735 г., и жители ея показаны раскольниками, но описей этихъ въ волостной конторѣ не нашлось. По справкамъ же оказалось, что по 1742 годъ окладъ съ нея уплачивался въ Почеповскую канцелярію; въ 1742 г. жители ея отданы были, по затѣйному челобитію, Мглинскому атаману Соханскому; съ 1743 г. вѣдала ихъ министерская канцелярія въ Глуховѣ, а потомъ они перешли въ вѣдомство Кіевской Губернской канцеляріи и съ 1752 года съ нихъ стали взимать сборы сначала въ бывшее волостное управленіе, а потомъ въ волостную контору (съ 1754 г.). Жителей 344 д. (169 м. и 175 ж.); окладныхъ 42 руб. Слоб. *Чуровичи* поселена въ 1708 году въ дачахъ Стародубовскаго сотника Ивана Марковича Чернолузскаго; ее осаживалъ мѣщанинъ польскаго заграничнаго мѣстечка Шаргородки Потапъ Гуляницкій. Жителей 460 (245 м. и 215 ж.); окладныхъ 60 р. 35 коп., неокладныхъ 35 руб. 15 коп. Сюда еще нужно присоединить двѣ раскольничьихъ слободы въ Черниговскомъ полку—Добрянку и Радуль¹⁾. Приведенныя здѣсь данныя имѣютъ важное значеніе, потому что дополняютъ и исправляютъ во многомъ свѣдѣнія пр. Филарета, А. М. Лазаревскаго и г. Лигѣва. вмѣсто того, чтобы отмѣчать пробѣлы и неточности этихъ авторовъ, я рѣшилъ привести самыя извѣстія, такъ какъ они представляютъ изъ себя новый документальный источникъ оффиціального происхожденія. Статистическія данныя о числѣ жителей въ этихъ слободахъ за 1777 годъ помѣщены въ статьѣ Е. В. Барсова²⁾; (они заимствованы изъ архива Маркевича въ Рум. музеѣ); тогда числилось здѣсь 7088 душъ, а по приведенной мною болѣе ранней переписи 9606; доходовъ получалось 1936 р. 75¼ коп.; въ 1777 году—гораздо больше (по 70 коп. съ души да по 2 коп. прибавочныхъ съ рубля). Въ раскольничьихъ слободахъ было нѣсколько монастырей: 1) Покровскій, основанный на Митковскомъ грунтѣ; въ немъ было 103 монаха и служекъ;

¹⁾ Сл. Добрянка поселена въ 1706 г. въ дачахъ Троицкаго Ильин. Черниговскаго монастыря надъ рѣчкою Добрянкою; ее осаживалъ Бѣлевскій посадскій человекъ Анисимъ Федоровичъ Софроновъ; осадчій листъ выданъ былъ архимандр. мон.; жителей 1052 д. (566 м. и 486 ж.); окладн. 51 р. 45 к.; неокладныхъ 202 р. 25 коп. Сл. *Радуль* поселена въ 1708 г. въ дачахъ б. Черниговскаго полковника П. Полуботка; ее осаживалъ крестьянинъ дворцовой Крупецкой вол. Сѣвскаго уѣзда, Филиппъ Костылевъ; жителей 344 д. (154 м. и 190 ж.) окладныхъ 29 р. 50 к., неоклад. 39 р. 70 к.

²⁾ Чтен. Моск. Общ. 1884 г., кн. 2-я.

2) Дѣвичій при с. Климовой съ 177 д. монахинь и бѣлицъ; 3) Рождественскій на Злынскомъ описномъ грунтѣ при р. Ипути съ 22 челов. Въ раскольничьихъ слободахъ было также 1083 хаты малороссіянъ, съ которыхъ взималось по 1 руб.; но наибольшій доходъ составлялъ питейный откупъ, доставлявшій по 775 руб. ежемѣсячно ¹⁾. По поводу основанія одного изъ монастырей сохранилось любопытное письмо Стародубовскаго полковника Лукьяна Журавки къ гетману 1717 года: «прошлой весны млы смырятыся, а не расширятыся, еще тогда заводячыся строити монастырець; теперь ныякійсь раскольщыкъ Сергій перейшовши съ подъ Гомія зъ заграницы обширне поставуесть и фундуесть, восемь келій построили, трапезу скончили со своими врагопостриженными черноризцы, на часовню много дерева навозили и приготовились закладати; стайни, амбары, оподадь поставили; тако крѣпко предстателемъ своимъ діаволомъ укореняются» ²⁾. Это письмо ярко рисуесть намъ нерасположеніе мѣстной малороссійской старшины къ раскольникамъ; почвою же для него служила рознь экономическихъ интересовъ. Въ 1723 году іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ говорилъ: «раскольники придерживаются не такъ зловѣрю, яко интересу». Дѣйствительно, «интересъ» игралъ въ дѣлѣ заселенія стародубовскихъ слободъ самую важную роль. У г. Лазаревскаго подробно разсказана борьба съ ними Кіево-Печерской Лавры и отчасти мѣстныхъ малороссійскихъ старшинъ. Лаврѣ удалось отвоевать у нихъ свои земли; но старшины остались при печальномъ интересѣ: вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти подданныхъ, которые бы имъ чинили должное «послушаніе», они лишились даже своихъ собственныхъ земель. Терпѣли отъ раскольниковъ и подданные этихъ старшинъ, и казаки; такъ атаманы и войты с. Могилевецъ и Стараго Ропска заявляли, что когда они «между собою громадою кому что надлежало въ опредѣленномъ имъ грунтѣ, зовомомъ Красномъ, размѣрять и помежовати для заживанія своего и во ту пору внезапно напавши жители раскольнической слободы Климовой и многимъ числомъ своимъ товариствомъ съ пѣпами, дубинами и иными оружіи разбойнически безъ пощадно били въ грунтѣ, который намъ достался на основаніи судебнаго рѣшенія» ³⁾. Въ Харьков. Ист. Архивѣ сохранилось

¹⁾ Москов. Рум. музей. Архивъ Маркевича, № 1972.

²⁾ Ibidem, № 294.

³⁾ Ibidem № 93.

множество дѣлъ, заключающихъ жалобы малороссійскихъ владѣльцевъ на раскольниковъ и на оборотъ.

Весьма обстоятельны свѣдѣнія г. Лазаревскаго о *монастырскихъ маетностяхъ*; описаніе владѣній Кіево-Печерской Лавры у него составляетъ отдѣльный этюдъ, проникнутый строго научнымъ, критическимъ характеромъ. «Исторія лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, замѣчаетъ г. Лазаревскій, остается до сихъ поръ не обследованною» (стр. 386). Скептическое отношеніе, которое усвоилъ себѣ г. Лазаревскій къ грамотѣ 1720 г., представляется рациональнымъ. Кромѣ того сообщаются еще данныя о слѣдующихъ монастыряхъ: Спасскомъ Новгородъ-Сѣверскомъ (214—216 стр.), Рябцовскомъ (172—174), Костянскомъ (315), Суражицкомъ (350—351), Каташинскомъ (377—378), Каменскомъ (430—432), Ключовскомъ (435—436). Самымъ важнымъ стариннымъ изъ нихъ былъ Спасо-Преображенскій, основанный еще въ XII в. Г. Лазаревскій справедливо думаетъ, опровергая пр. Филарета, что Спасскій монастырь, съ переходомъ Новгородъ-Сѣверска подъ власть поляковъ, заустѣлъ (214). Я могу привести въ подтвержденіе этого рассказъ новгородсѣверскихъ старожиловъ 1688 г. «Якъ той менованный воевода Евдокимъ (московскій) зѣхалъ съ Новгородка по взятю Смоленска, то по томъ воеводѣ наихалъ съ стороны королевской, вошелъ капитанъ съ гайдуками; въ монастырю зашь Спасскомъ былъ за воеводы (московскаго) Варлаамъ першей, потомъ Нифонтъ, который подъ часъ высланья, не идучи въ Москву, при монастырѣ былъ, ажъ его Кривза епископъ унѣатскій Смоленскій у лѣтъ осмь выгналъ до Сѣвска съ братією»¹⁾. Не знаю, почему г. Лазаревскій не пользуется жалованною грамотою монастырю 1676 г. (напечатанною въ Доп. къ Акт. Ист., т. VII, № 12).

Таковы описанія г. Лазаревскаго сотенъ, волостей и монастырскихъ владѣній. Однѣ изъ этихъ маетностей принадлежали ратушамъ и назывались *ратушными*, другія — гетману и мѣстной казацкой старшинѣ и раздѣлялись на *ранговья*, если давались временно на *ранъ*, т. е. на должность, и *заслуженныя*, если отданы были за заслуги въ полную собственность, третья признавались *свободными войсковыми*, четвертыя *монастырскими*, пятія — *сомнительными*. Здѣсь съ одной стороны мы находимъ болѣе или менѣе зависимое (хотя и не прикрѣпленное къ землѣ) населеніе, а съ другой держав-

¹⁾ Харьк. Ист. Архивъ. Дѣла Малор. Коллегіи, № 1987.

цевъ свѣтскаго или духовнаго званія. Совокупность же ихъ даетъ понятіе о *владѣльческой Малороссіи*. Всѣ отдѣльныя селенія, описываемыя г. Лазаревскимъ, исключая казачьихъ, относятся къ одной изъ этихъ категорій. Многія изъ нихъ часто переходили изъ одного разряда въ другой: свободныя войсковыя обращались въ ранговыя или заслуженныя, ратушныя въ заслуженныя или войсковыя и т. п. У г. Лазаревскаго собрано множество фактовъ для характеристики каждой изъ этихъ группъ, но матеріалъ его не давалъ ему возможности привести такихъ статистическихъ данныхъ, которыя бы относились ко всей территоріи Стародубовскаго полка за извѣстный годъ; по крайней мѣрѣ такихъ данныхъ г. Лазаревскій не приводитъ. Я имѣю возможность пополнить въ этомъ отношеніи книгу г. Лазаревскаго и приведу свѣдѣнія о свободныхъ войсковыхъ маетностяхъ Стародубовскаго полка за 1740 годъ и о ранговыхъ маетностяхъ за 1760—1765 г. Въ виду особеннаго интереса послѣдняго источника, заключающаго въ себѣ кромѣ стат. цифръ и любопытныя свѣдѣнія о формахъ землевладѣнія въ Стародубщинѣ, я его цѣликомъ помѣщаю въ приложеніи ¹⁾. Въ Стародубовскомъ полку въ 1740 году было войсковыхъ городовъ и мѣстечекъ 5, селъ 19, деревень 20, 1 ратушное, итого 45. Въ нихъ посполитскихъ дворовъ и ихъ подсусѣдковъ—1140; съ нихъ оклада годичнаго 417 р. 69½ коп.; провіанта—70 четвертей, 4 четверика, 3 гарнца; доходы шли частью въ скарбъ войсковой, частью на полковыхъ и сотенныхъ служителей и канцелярскіе расходы. Посполитскихъ винокурень было 55, въ нихъ казановъ 92, ратушныхъ мельницъ 2 съ 3 «колами» мучными; хлѣба съ нихъ собиралось въ годъ 37 четвер., который употреблялся на ратушные расходы: посполитскихъ—3 съ 3 «колами» и одна совмѣстная мельница казака и посполитаго; шиннокъ—однѣ (Стародубовской ратуши), который отдается въ аренду по 20 руб., сѣнокоса ратушнаго на 29 возовъ, посполитскаго на 716; копень 9282; для выгона и пастбы скота особыхъ земель не имѣется; обывательскій скотъ пасется на рабочей землѣ, толокъ (паренинѣ) и ржищѣ или «стернѣ» (послѣ снятія хлѣба); поля пахатнаго—на 72 в. 3080 с. (казачьяго, посполитскаго, владѣльческаго, ратушнаго и подсусѣдческаго); да и сверхъ того въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и г. Погарѣ пахатнаго поля въ длину на 7 верстѣ, въ ширину на 4; отдѣльнаго посполитскаго поля (кромѣ владѣльческаго) на 30 четвертокъ (каждая же четвертка имѣетъ въ

¹⁾ См. прилож. № 9.

длину 1 версту 200 саж., въ ширину 10 саж. аршинныхъ во всѣхъ трехъ рукахъ); лѣса строеваго—на 11 в., хворостянаго—на 25 в. и 946 возовъ; чистыхъ рѣчекъ 11, болотяныхъ—5. Въ составъ городовъ и мѣстечекъ входили: Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Погарь, Мглинъ и Баклань; въ составъ селеній села: Высокое Гарцево, Колодянки, Голенскъ, Невзоровъ, Еремкинъ, Росухи, Запольскіе Халевици, Старые Халѣвичи, Даріевичи, Казаричи, Жовнецъ, Чаусы (ратуши Погарской), Городище, Ковалево, Вялки, Овчинецъ, Курчичи, Осколковъ, Шумаровъ, деревни—Далматово, Камень, Вишенки, Сопичи, Жоравлева, Дягово, Рудня, Вязовскъ, Лапинъ, Пукосинъ, Еленскъ Суховерховъ, Хмеліовка, Кропивка, Литничи, Кожемяки, Кобыленка, Косичи, Ветлевка и Велюханы.

Всѣхъ ранговыхъ маетностей въ Стародубовскомъ полку было въ это время 41 (25 селъ и 16 деревень) съ 790 дворовъ, т. е. немного меньше, чѣмъ свободныхъ войсковыхъ. Вотъ онѣ—с. Картушинъ, Курковичи, Озаровка (половина), Андрейковичи, Пятовскъ, Осколковъ, Кустичи, Сергіевскъ, Ущерпье, Удебное, Малая Топаль, Чолховъ, Денисовичи, Замишево, Синій Колодезь, Кулаги, Голубовка, Мефедовка, Очкинъ, Лѣсконоги, Лѣнковъ, Комигъ, Середина Буда, Случовскъ, Дарѣевскъ, Суворово, деревни—Човиня, Рѣшотки Чортовичи, Поипутскіе Халѣвичи, Чернижово, Тростань, Рогово, Щербяничи, Лисій, Добродѣвка, Суботовичи, Дробышовъ, Араповичи, Юхновъ, Муравскъ, Марковскъ. Для того, чтобы дать понятіе о повинностяхъ, которыя несло населеніе въ пользу ранговыхъ владѣльцевъ, я приведу нѣсколько выдержекъ изъ подробнаго описанія ихъ. Въ с. Картушинѣ жило 8 дворовъ посполитыхъ и ихъ подусѣдковъ; съ нихъ собиралось ежегодно по 3 берковца пеньки, 6 четвертей жита, 2 чет. конопель, 1 чет. ячменя, 4 чет. овса; сѣнныхъ покосовъ у подданныхъ было на 10 возовъ; пахатнаго поля на 3 версты. Въ с. Озаровскѣ было 13 дворовъ посполитыхъ; оклада собиралось 40 четвертей; одна винокурня посполитская, сѣнокосовъ—на 50 возовъ; пахатнаго поля въ 3-хъ смѣнахъ—6 верстъ. Въ с. Ущерпѣ 76 дворовъ посполитыхъ; оклада 22 руб. деньгами и 2 п. съ безмѣномъ меду; сѣнокоса на 250 возовъ; пахатнаго поля—на 2½ версты; лѣсу строеваго обывательскаго и владѣльческаго на 10 верстъ, хворостянаго на 2 в. Въ деревнѣ Чернижовѣ—3 двора; оклада обыватели не платили, а отдавали подлежащій «пригонъ»; сѣнокоса у нихъ было на 16 возовъ, пахатнаго поля на 2 в., хворостянаго лѣса на ½ в. Въ с. Чорховѣ—48 дворовъ; денежнаго оклада—25 р., ржи 4 чет., конопли 2 чет., меду 11 пудовъ; винокурня

(полковничья) на 5 казановъ, посполитскихъ 2 и на 2 казана (полковничья мельница съ однимъ коломъ мучнымъ и другимъ ступнымъ); сѣнокоса ранговаго—на 30 возовъ; сѣнокосовъ гѣсныхъ и болотныхъ посполитскихъ — на 100 возовъ; выгона въ длину на 3 версты, въ ширину на столько же; пахатнаго поля—въ длину на 1 вер., а въ ширину на $\frac{1}{2}$ вер.; строеваго гѣсу въ длину на 3 вер., въ ширину на 2; хворостянаго — въ длину на 1 вер., въ ширину на $\frac{1}{2}$ вер. Отсюда видно, что одни владѣльцы получали денежный оброкъ, другіе хлѣбный, третьи смѣшанный. Угодій, принадлежавшихъ собственно «дворцу» (т. е. господскому дому), было немного; гѣса были и общіе.

Въ 1760 и 65 г. дворовъ, принадлежавшихъ на рангъ Стародубовскимъ урядникамъ войсковаго и гражданскаго (магистратскаго) управления, было 397, 418 хатъ и 489 бездворныхъ хатъ. На рангъ полковника Стародубовскаго полагалось въ это время 338 дворовъ съ 338 хатами и 276 бездворныхъ хатъ; на чинъ полковаго судьи 11 дворовъ съ 14 хатами, 2 бездворныхъ хаты, на чинъ 1-го полковаго эсаула—7 дворовъ съ 9 хатами и 11 бездворныхъ хатъ, 2-го полковаго эсаула—8 дворовъ съ 12 хатами и 3 бездворныхъ хаты; 1-го полковаго хорунжаго—6 дворовъ съ 7 хатами. 15 бездворныхъ хатъ, 2-го полковаго хорунжаго — 5 дворовъ съ 5 хатами и 1 бездворная хата, сотника Новгородъ-Сѣверскаго — 3 двора съ 5 хатами, 36 бездворныхъ хатъ, на урядъ войта магистрата Стародубовскаго — 18 дворовъ съ 26 хатами и 30 бездворныхъ хатъ, урядниковъ магистратскихъ—1 дворъ съ 2 хатами и 71 бездворная хата. Чрезвычайно любопытны свѣдѣнія этой вѣдомости о земляхъ и угодьяхъ, которыми пользовались ранговые посполитые. Г. Лазаревскій совершенно обходитъ вопросъ о формахъ землевладѣнія въ Стародубщинѣ и игнорируетъ при этомъ, какъ я уже замѣтилъ выше, даже имѣющіеся въ печати матеріалы (г. Филимонова). Г. Филимоновъ сдѣлалъ то, чего не имѣлъ возможности сдѣлать г. Лазаревскій,— пользовался подлинною подворною Румянцевскою описью Малороссіи (подворнымъ описаніемъ и приложенными къ ней документами). Результаты, къ которымъ онъ пришелъ, можно выразить въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ. У монастырскихъ крестьянъ Суражскаго уѣзда въ XVIII в. господствовала *личная* поземельная собственность, выросшая на почвѣ займки, хотя было вмѣстѣ съ тѣмъ значительное число *общихъ* угодій (гѣсовъ). Частныя займки производились въ гѣсахъ, непосредственно примыкающихъ къ данному поселенію. Займки дѣлались обыкно-

венно концентрически: въ началѣ расчищалась ближайшая къ поселенію мѣстность, затѣмъ болѣе отдаленная и, наконецъ, самая отдаленная. Расчищенная изъ подъ лѣса земля всегда составляла личную, наследственно родовую собственность зайщика, на которой онъ могъ вести хозяйство самостоятельно безъ всякой зависимости отъ другихъ членовъ общины... (безъ дѣленія на 3 смѣны). Такіе расчищенные изъ подъ лѣса куски земли назывались выытеребами, займищами, займками, распрятами, чищами, разработками, разробами, лядцами, шматками и т. д. Впрочемъ во многихъ поселеніяхъ, главнымъ образомъ населенныхъ помѣщичьими крестьянами, мы встрѣчаемъ въ прошломъ столѣтіи лядинное хозяйство, практикующееся на трехпольи... Въ Румянцевской описи встрѣчаются такія поселенія, гдѣ одна часть лядинной земли находится въ смѣнахъ, а другая въ вольныхъ нераздѣльныхъ лѣсахъ... Лѣсныя земли, гдѣ производились займки, представляли изъ себя въ прошломъ столѣтіи вольное общее нераздѣльное владѣніе не только даннаго села, но и цѣлой волости. Слово лѣсъ обозначало тогда всю сумму угодій. Тогдашній лѣсъ заключалъ внутри себя *разроби, стенокосы, бортныя и верхолазныя деревья*... Земля трехполья находилась въ прошломъ столѣтіи не въ общинномъ, а личномъ владѣніи». Эту послѣднюю мысль г. Филимоновъ доказываетъ фактами земельного неравенства ¹⁾. У владѣльческихъ посполитыхъ, по словамъ г. Филимонова, преобладало также личное землевладѣніе, хотя встрѣчалось и общинное ²⁾; у казаковъ господствовало личное (займочное) землевладѣніе, но были и общія, нераздѣльныя земли ³⁾.

Мой документъ относится къ той группѣ населенія Стародубщины прошлаго вѣка, о которой у Филимонова не приведено никакихъ данныхъ—къ *рановымъ посполитымъ*. Но земельные порядки, которые мы тамъ открываемъ, во многомъ напоминаютъ тѣ, которые констатированы были г. Филимоновымъ у монастырскихъ посполитыхъ;—мы находимъ тамъ трехполье, смѣшанное съ лѣсными лядами. Такую форму мы наблюдаемъ въ с. Чолховѣ, д. Роговѣ, сл. Новыхъ Щербиничахъ, д. Старыхъ Щербиничахъ, с. Денисовичахъ, д. Лисьихъ, д. Чертовичахъ; при с. Озаровцѣ была пахатная земля въ 3 смѣнахъ (но неизвѣстно какая).

¹⁾ Матеріалы для оцѣнки земель и угодій Чернигов. губ. Т. IX. Суражскій уѣздъ. Ч. 1883 г.; подворная опись, стр. 13, 15, 20 и др.

²⁾ Ibidem, 37.

³⁾ Ibidem, 41—42.

При каждомъ изъ нихъ имѣлась пахатная и сѣнокосная «*дѣлевая*» земля, а кромѣ того общія нераздѣльные угодья, въ которыхъ отдѣльные дворы имѣли свои частныя «разробы». Въ с. Чолховѣ, напримѣръ, было 72 двора посполитыхъ и 16 подворныхъ хатъ «къ тѣмъ дворамъ принадлежало *дѣлеваю* пахатнаго и сѣнокоснаго грунту со всякими угодьями 20 четвертокъ» и сверхъ того при ономъ же селѣ Чолховѣ не *дѣлеваю* общаго грунту съ лѣсомъ и боромъ приблизительно на 1250 десятинъ, и тутъ же находились и «*недѣлевые разработныя сѣнокосы*»; наконецъ $2\frac{3}{8}$ четвертка дѣлеваго грунта лежало впускѣ и имъ пользовались Чолховскіе обыватели «всѣ обще». Въ деревнѣ Роговѣ было 23 двора и 8 бобыльскихъ бездворныхъ хатъ; принадлежало къ нимъ: дѣлеваго, пахатнаго и сѣнокоснаго грунта 8 четвертокъ; недѣлеваго общаго лѣса на 3 версты, въ которомъ находились «разработныя пахатныя лѣда» — по сѣвомъ на 2 четверика, сѣнокосныя — на 2 воза сѣна и 13 бортныхъ деревьевъ «верховой отчины». Спрашивается, какъ понимать терминъ «дѣлевой»? Съ перваго взгляда получается впечатлѣніе, что здѣсь идетъ рѣчь объ общинѣ съ правильнымъ предѣломъ земель и угодій; но если углубиться внимательнѣе въ эти данныя, то придется сознаться, что въ нихъ нѣтъ основаній для такого вывода. Дѣлевой просто противопоставляется здѣсь термину недѣлевой, т. е. нераздѣльный; лѣсъ былъ общою нераздѣльною собственностью населенія и противопоставался пахатнымъ и сѣнокоснымъ землямъ, которыя были когда-то раздѣлены между жителями даннаго селенія и теперь составляли ихъ *надѣлы*. Количество такихъ распаханыхъ земель было ограничено, потому что все остальное пространство было покрыто лѣсомъ; притомъ эти пахатныя и сѣнокосныя земли были ближайшими, слѣдовательно, и болѣе удобными. Вотъ почему въ нашемъ документѣ постоянно указывается площадь этихъ земель. Размѣръ ихъ опредѣлялся четвертками. Г. Филимоновъ говоритъ, что четвертка, по даннымъ Рум. оп., равнялась 18 десятинамъ, но иногда величина ея доходила до 24 и даже 30 десятинъ. Въ данномъ случаѣ, я полагаю, четвертка имѣла финансовый характеръ и представляла общую пространственную земельную единицу. Въ этомъ убѣждаетъ меня и характеръ того документа, который теперь подвергается анализу, и связь этого термина съ другими. Дѣло идетъ о ранговой маестности; настоящая вѣдомость должна была опредѣлить платежныя средства селеній, а они опредѣлялись количествомъ жителей вообще и числомъ тяглыхъ единицъ въ частности. Четвертка и была, нужно

думать, такую тяглою единицей и служила мѣриломъ для обложенія. Съ такимъ значеніемъ этотъ терминъ являлся и въ разсмотрѣнныхъ раньше вѣдомостяхъ ¹⁾. Владѣлецъ с. Чолхова, напримѣръ, долженъ былъ получить доходъ съ своихъ тяглыхъ 20 четвертокъ, которыя какимъ-то образомъ (какимъ, мы къ сожалѣнію не знаемъ) распредѣлялись между 72 дворами тяглыхъ посполитыхъ, жившихъ въ этой деревнѣ; одинъ могъ брать цѣлую четвертку, другой $\frac{1}{2}$, третій $\frac{1}{3}$, четвертый $\frac{1}{6}$, пятый $\frac{1}{8}$ и т. д. Вотъ откуда, нужно думать, и произошли такія названія, какъ третникъ ($\frac{1}{3}$ четвертки), четвертина ($\frac{1}{4}$ четвертки), шостка и т. д. Но и терминъ четвертка, по этимологическому значенію своему, наводитъ насъ на мысль о существованіи еще болѣе крупной единицы, которой четвертка составляла бы четвертую часть. Такая единица дѣйствительно существовала—это былъ полный *пляць*, равнявшійся иногда, по словамъ г. Филимонова, четыремъ четверткамъ или 72 десятинамъ и соотвѣтствовавшій, какъ мнѣ кажется, древней казацкой *службѣ*; въ первой половинѣ XVII в. въ лѣвобережной Малороссіи казацкая служба равнялась 4-мъ уволокамъ земли, т. е. приблизительно 72 десятинамъ (принимая, что уволока равнялась 18 десятинамъ), слѣдовательно, четвертка соотвѣтствуетъ старой литовско-русской уволокѣ. Уволока представляла *служебную* единицу; ея значеніе наследовала тяглая единица *четвертка*, а полной службѣ, т. е. 4 уволокамъ, сталъ соотвѣтствовать полный казацкій *пляць*, который имѣлъ мѣсто и въ крестьянскихъ селеніяхъ и удержалъ свое знаеніе въ Стародубщинѣ до недавняго времени. «Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Стародубскаго уѣзда, говоритъ г. Ханенко, пляцами назывались участки земли во всѣхъ трехъ смѣнахъ съ принадлежащимъ къ нимъ огородомъ и сѣнокосомъ, составлявшія вмѣстѣ надѣлъ (тягло). Иные крестьянскіе дворы владѣли цѣлыми пляцами, другіе половиною и т. д.; повинности, въ этихъ деревняхъ распредѣлялись по пляцамъ»²⁾. Эта земля поступала посполитымъ въ надѣлъ, который распредѣлялся не по душамъ, а по дворамъ; бездворные бобыли пахатною землею не пользовались, а жили при однихъ огородахъ. Кромѣ надѣловъ у посполитыхъ были еще особые участки пахати и сѣнокоса въ лѣсныхъ угодьяхъ. Возьмемъ, напримѣръ, сл. Новые Щербиничи; здѣсь было 4 двора и 8 бобыльскихъ хатъ; имъ принад-

¹⁾ См. описаніе ранговыхъ маетностей Стародубскаго полка 1740 г. и вѣдомость о сборахъ, наложенныхъ кн. Меньшиковымъ на Почепъ.

²⁾ Истор. очеркъ межевыхъ учрежд. въ Малороссіи. Ч. 1864 г., стр. 55.

лежала одна четвертка пахатнаго и сѣнокоснаго грунта, кромѣ того они по всѣмъ своимъ надобностямъ имѣли «*выходъ*» въ грунта дер. Старыхъ Щербиничъ, въ которыхъ у нихъ были «растеребнія» (т. е. расчищенные изъ подъ лѣсу) поля и сѣнокосы и на нихъ «всякій вышписанный пахатный подданный на свою часть высѣваетъ по 2 четверика ржи и накошуетъ по 2 воза сѣна». Здѣсь посѣвомъ опредѣляется размѣръ «растеребныхъ» участковъ; то же самое и въ с. Денисковичахъ; тамъ въ общемъ лѣсу были «разробки», пахатныя и сѣнокосныя ляда, на которыхъ засѣвалось столько же, какъ и на надѣльныхъ; въ другихъ случаяхъ величина этихъ разработокъ вовсе не указывается. Размѣръ разныхъ видовъ земель и угодій въ надѣльныхъ участкахъ опредѣляется посѣвомъ. Въ томъ же селѣ Денисковичахъ, напримѣръ, было 16 четвертокъ грунта и «на оныхъ всѣхъ тѣхъ дѣловаго грунта четверткахъ въ каждой смѣнѣ высѣвается по 2 четверти ржи, накашивается на всякую четвертку сѣна возовъ по 10, на огородахъ же пенечныхъ высѣвается тожъ на всякую четвертку конопель по четверти; верховой отчины на всякую четвертку имѣется бортовыхъ деревъ по 50». Допустимъ, что четвертка равняется 18 десятинамъ; слѣдовательно, всѣхъ десятинъ будетъ 288. Онѣ распредѣлялись между пахатной, сѣнокосной, огородной землей и бортными ухояями такимъ образомъ: на каждой четверткѣ высѣвалось по 2 четверти ржи (въ каждой смѣнѣ), на 16—64 четверти, все же пахатное поле равнялось приблизительно 96 десятинамъ, если принять десятину равною четверти посѣва. Сѣна накашивалось по 10 возовъ на четверткѣ, а всего 160 возовъ; опредѣлить по нимъ число десятинъ трудно; во всякомъ случаѣ оно колебалось между 80 и 120; конопель высѣвалось по 8 четвериковъ на четверткѣ, а всего 128 четвериковъ, т. е., принимая по 7 четвериковъ на десятину, около 18 десятинъ; наконецъ, бортовыхъ деревьевъ приходилось по 50 на четвертку, т. е. всѣхъ было 800. Въ однихъ селеніяхъ преобладала пахать, въ другихъ сѣнокосъ, въ третьихъ не было вовсе пахати, въ четвертыхъ сѣнокоса и бортей и т. д. Въ д. Старыхъ Щербиничахъ пахатныхъ дворовъ было 60, четвертокъ поля 20; оно распредѣлялось такъ: засѣвалось въ 2 смѣнахъ 160 четвертей ржи, накашивалось 300 возовъ сѣна и засѣвалось на огородахъ 120 четвериковъ конопли. Этихъ общихъ цифръ было совершенно достаточно для тѣхъ финансовыхъ цѣлей, которыя преслѣдовали наши документы; а какъ распредѣлялись четверти посѣва между дворами—это уже представляло финансоваго интереса. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну осо-

бенность ранговаго землевладѣнія посполитыхъ. Земли ихъ отличаются отъ земель, принадлежавшихъ къ «дворцу», т. е. господскому дому; на этихъ послѣднихъ (хотя далеко не всегда) велось самостоятельное хозяйство. Эти земли признавались какъ бы ближайшимъ владѣніемъ державцевъ, хотя собственникомъ ихъ былъ не этотъ державца, а юридическая единица — «Войско Запорожское», являвшееся здѣсь со значеніемъ государственнымъ. Державца былъ только временнымъ владѣльцемъ; еще менѣе правъ имѣлъ онъ на тѣ земли, которыя тянули къ посполитымъ и служили основнымъ фовдомъ для исполненія ими «належитыхъ» повинностей. Верховнымъ собственникомъ ихъ опять таки было «Войско Запорожское», а владѣли ими безпрепятственно посполитые, только подъ условіемъ отбыванія своихъ посполитскихъ обязанностей. Но какое это было владѣніе — личное, общинное или доленое — сябренное? Нашъ документъ не даетъ еще основаній считать общинными тѣ дѣлевыя земли, о которыхъ говорилось выше. Г. Филимоновъ, на основаніи подворныхъ Румянцевскихъ описей, доказываетъ, что монастырскіе крестьяне (владѣніе которыхъ представляло значительную аналогію съ только что разсмотрѣннымъ) распоряжались этими дѣлянками, надѣлами, рѣзовыми пашнями, дѣлевыми шматками, полосами дѣлевыми и отчинными, шнуровыми подѣльными, пахотными шматками (такія названія усвояютъ имъ акты, приложенные къ таблицамъ Румянцевской описи по Суражскому уѣзду) на *личнои правѣ*, а не общинномъ. Есть данныя, что посполитые могли продавать такіе участки даже постороннимъ лицамъ другихъ сословій. Житель Добровлянскій (посполитый) Халимонъ Карзѣенокъ продалъ «власную свою пашню резовую полшотки . . . з плятцами съ огородами, съ полянками, гѣсовыми разробами, съ сѣнными покосами, съ дубровными, съ луговыми и со всякими принадлежностями» ¹⁾. Что же касается разробленныхъ, растеребныхъ нивъ и сѣнокосовъ, то эти послѣдніе, какъ продуктъ личнаго труда, представляли также личную собственность и могли быть отчуждаемы. Жители Овчинскіе, казаки и посполитые Мглинской сотни продали пану А. Есимонтовскому свои гѣсовые забочные пашенные разробы «*властною своею працею набытые*», т. е. собственнымъ своимъ трудомъ приобрѣтенные ²⁾. Жители села Суражичъ Сужиченки

¹⁾ Е. С. Филимонова. Рум. Генер. опись Суражскаго уѣзда. Вятка, 1888 г. стр. 19.

²⁾ Ibidem.

продали тому же А. Есимонтовскому «двѣ нивы пашенныя забочныя и прилегла къ овчинскому грунту, *разробу своєю власнаю льсовато отчецакою*»¹⁾. Казаки Холевичевъ находятъ возможнымъ продать «свои *лаевые разробленные, а не инуровые и не подпольные пахатные шматки*», и оставить себѣ тяглые, съ которыхъ отбывали казачью службу»²⁾. Что касается лѣсовъ, то они были несомнѣнно въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи. Объ этомъ ясно говоритъ и мой документъ; объ этомъ же свидѣтельствуеетъ и масса фактовъ, приведенныхъ у г. Филимонова³⁾; каждый пользовался правомъ въѣзда въ лѣса, иные лѣса принадлежали одновременно и послопнымъ, и казакамъ, и владѣльцамъ. Несомнѣнно существовали и сябренные лѣса⁴⁾, въ которыхъ каждый имѣлъ свою *идеальную* долю. Но иногда эту идеальную долю приходилось реально осуществлять на дѣлѣ. Любопытный примѣръ этого представляетъ актъ о выдѣленіи лѣса «*на пропорцію ею грунтовъ*» казаками Новомѣстской сотни Стародубовскаго полка с. Запольскихъ Холѣвичъ значковому товарищу Василию Овсѣнку⁵⁾. Въ моемъ документѣ также есть указаніе на соотвѣтствіе между надѣломъ и землями въ лѣсныхъ угодьяхъ. Къ сожалѣнію я не могу долѣе останавливаться на любопытныхъ актахъ изданной г. Филимоновымъ Румянцевской описи, характеризующихъ землевладѣніе Суражскаго уѣзда въ XVIII в. Для того, чтобы комментировать ихъ, нужно было бы написать цѣлую статью; такую статью обѣщаетъ намъ пр. И. В. Лучицкій въ своей послѣдней работѣ, посвященной заимкѣ и формамъ заимочнаго землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи (собственно Полтавщинѣ)⁶⁾. Необходимо впрочемъ отмѣтить здѣсь же другую статью И. В. Лучицкаго, въ которой сдѣлана попытка разрѣшить вопросъ чрезвычайной важности—когда населеніе Суражскаго уѣзда было болѣе обеспечено въ экономическомъ отношеніи—въ концѣ пропѣ-

1) Ibidem, 20.

2) Ibidem, 23.

3) Ibidem, 25—27.

4) Смотри любопыт. статью о сябренномъ землевладѣніи и сябрахъ пр. И. В. Лучицкаго (Сѣв. Вѣстн., 1889, № 2).

5) Е. С. Филимоновъ, стр. 23.

6) См. Юрид. Вѣстн. 1890 г., мартъ. Статья эта производитъ очень приятное впечатлѣніе по выдержанности основной мысли, новизнѣ матеріаловъ и спокойному изложенію; нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что чѣмъ дальше, тѣмъ пр. Лучицкій все болѣе и болѣе углубляется во внутренней смыслъ изучаемаго имъ малорос. землевладѣнія.

яго или нынѣшняго вѣка ¹⁾? Этотъ вопросъ впервые поставленъ былъ извѣстнымъ черниговскимъ статистикомъ П. П. Червинскимъ, сравнившимъ данныя подворнаго описанія Кролевецкаго уѣзда, произведеннаго земскими статистиками, съ данными Румянцевской описи Малороссіи 1767 г., относящимися къ тому же уѣзду. У него получился такого рода выводъ: не смотря на обиліе земли и угодій, экономическое благосостояніе населенія XVIII в. было ниже, чѣмъ теперь; земли въ среднемъ приходилось столько же какъ теперь, но скота было меньше; число безземельныхъ было большее, чѣмъ теперь. Пр. И. В. Лучицкій произвелъ такое же сравненіе по Суражскому уѣзду, пользуясь описаніемъ этого уѣзда, составленнымъ земскими статистиками съ одной стороны, и таблицей Румянцевской описи 1767 г. г. Филимонова съ другой. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, противоположны выводамъ г. Червинскаго. Въ Суражскомъ уѣздѣ улучшилось только земельное обезпеченіе бывшихъ монастырскихъ, нынѣ государственныхъ крестьянъ; положеніе прежнихъ (владѣльческихъ) посполитыхъ (помѣщичьихъ крестьянъ) и казаковъ—ухудшилось; процессъ прогрессивнаго земельного уравнианія, замѣченный въ Кролевецкомъ уѣздѣ, не имѣетъ мѣста въ Суражскомъ; количество скота уменьшилось.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію историческихъ описаній отдѣльныхъ селеній. Они въ совокупности своей представляютъ чрезвычайно важный матеріалъ, какъ для исторіи заселенія и землевладѣнія, такъ и для характеристики сословныхъ отношеній. Г. Лазаревскій старается указать время основанія селенія, затѣмъ излагаетъ судьбу его—переходъ отъ одного державца къ другому, опредѣляетъ повинности жителей по отношенію къ владѣльцу и приводитъ, наконецъ, статистическія данныя о немъ по ревизіи 1723 г. и намѣстническому описанію 1781 года. Конечно, всѣ эти рубрики далеко не вездѣ заполнены г. Лазаревскимъ;—многіе очерки состоятъ всего изъ нѣсколькихъ строчекъ; но это зависѣло отъ недостатка матеріаловъ: нельзя было найти одинаковаго количества источниковъ для нѣсколькихъ сотъ очерковъ. Для исторіи колонизаціи представляютъ интересъ разрѣшительные листы на устройство слободъ (осадчіе листы); есть данныя (и очень любопытныя) относительно промышленности и торговли (напримѣръ, о превращеніи гуть и будъ въ хутора и слободы). Большая часть этихъ

¹⁾ Крестьянское землевладѣніе въ Суражскомъ уѣздѣ Черниг. губ. въ 1767 г. и 1882 г. (Юрид. Вѣстн. 1889 года, декабрь).

свѣдѣній относится къ владѣльческимъ селеніямъ, но есть не мало данныхъ, въ особенности статистическихъ, и относительно казацкихъ. Правда, эти послѣднія почти всегда кратки; но, сравнивъ страница за страницей Обзорѣніе Румянц. описи Малороссіи по Стародубовскому полку (послужившее г. Лазаревскому главнымъ источникомъ для исторіи казацкихъ поселеній) съ его книгой, я пришелъ къ заключенію, что скудость свѣдѣній о казацкихъ селеніяхъ объясняется въ *значительной степени* характеромъ самого источника. Дѣло въ томъ, что документы, приложенные къ «Обзорѣнію Румянцевской описи», относятся почти исключительно къ владѣльческой Малороссіи; о казацкихъ же селеніяхъ приводятся только общіе статистическіе итоги. Иное было бы дѣло, если бы г. Лазаревскій пользовался подлинною рукописью Румянцевской описи; но ему было доступно, какъ извѣстно, только «Обзорѣніе». Говоря это, я не снимаю съ г. Лазаревского упрека въ значительномъ игнорированіи казацкаго землевладѣнія; я самъ указалъ на факты подобнаго игнорированія (относительно труда г. Филимонова),—но я не думаю, чтобы книгу г. Лазаревского справедливо было называть описаніемъ *одной владѣльческой Малороссіи*. Для того, чтобы подкрѣпить фактами эти заключенія, приведу нѣсколько примѣровъ. Исторія перехода селеній изъ однихъ рукъ въ другія подробно изложена при описаніи с. Новаго (стр. 148—149), Мефедовки (223) и особенно Рохманова (158—162); при описаніи деревни Меженники мы находимъ свѣдѣнія о своеобразной группѣ населенія—*куренички* (стр. 149); при описаніи села Гарцова—о бобыляхъ, которые должны были служить двумъ господамъ (стр. 154—155), д. Случокъ и Хмѣлевки—о повинностяхъ и притѣсненіяхъ крестьянъ (163—165, 166, 169, 170, 245, 253, 386, 394). На многихъ страницахъ разсѣяны свѣдѣнія о лицахъ, положившихъ основаніе тому или иному поселенію (стр. 157, 250 и др.); объ основаніи селеній на старыхъ селищахъ и городищахъ говорится на стр. 321 и др., при мельницахъ—на стр. 359, объ обращеніи казаковъ въ посполитые—на стр. 178, 219, 347 и, наоборотъ, посполитыхъ въ казаки—на стр. 345 и др.; о жалобахъ ихъ на притѣсненія—на стр. 229, о раздачѣ полковниками ратушныхъ селеній на стр. 316; тексты осадныхъ листовъ помѣщены на стр. 180, 188, 311, 352, 353, 355; даныя о владѣльческой колонизаціи—на стр. 371 (интересно описаніе креста съ колками для обозначенія числа льготныхъ лѣтъ слобожанамъ на стр. 193); есть перечни домашняго имущества (стр. 183—184) и образцы переписки (стр. 342); обстоятельныя свѣдѣнія о поселе-

няхъ при гутахъ, рудняхъ и будахъ и вообще о заводахъ и промышленныхъ слободахъ мы находимъ на стр. 192, 220, 356, 369, 371, 374, 379, 417, 418, 423, 428, 450, 455, 463, о захватахъ искуплѣ грунтовъ — на стр. 260, 261, 354, 356, 363, 365, 374, 375. Любопытны, наконецъ, и нѣкоторыя филологическія объясненія автора (наприм. на 221 стр.), его поправки неточностей пр. Филарета (стр. 228 и др.), предположенія о времени основанія селеній и ихъ мѣстонахожденіи и т. п. Сдѣлаю теперь нѣкоторыя дополненія и исправлю замѣченныя мною неточности и сомнительныя мѣста. На стр. 164 г. Лазаревскій говоритъ, что д. Случокъ была отобрана отъ Хмѣлевскихъ по неизвѣстной причинѣ Тимофѣемъ Алексѣевымъ. Но причина извѣстна; въ Обзорѣніи Румянцевской описи говорится, что деревня эта была поселена Хмѣлевскимъ, затѣмъ ею владѣлъ сынъ его до смерти, а потомъ «осталася она быть по сему въ диспозиціи гетманской и войсковой и надавана была во владѣніе отъ гетмановъ разнымъ владѣльцамъ», а именно Тимофею Алексѣеву (и другимъ) (стр. 527). При описаніи с. Бирина (стр. 194) г. Лазаревскій не воспользовался межевою грамотою 1720 г. (Обозр. Рум. оп. 776—780). О селеніи Горки (Новгородсѣверскаго уѣзда) г. Лазаревскій говоритъ, что они поселены не позже первой половины XVII в., вѣроятно, Спасскими монахами» (стр. 219); къ этому я прибавлю слѣдующее. По заявленію старожиловъ 1688 г. селомъ Горками, при московскомъ владычествѣ, владѣлъ не архимандритъ Спасскаго монастыря, какъ доказывали монахи, а сынъ боярскій Якимъ Стремоуховъ, послѣ же взятія Сигизмундомъ Смоленска въ с. Горкахъ жилъ нѣкій державца Бучковскій до Шейновой войны, послѣ же нея каштелянъ кіевскій Пясочинскій отдалъ его ректору іезуитскаго Новгородсѣверскаго коллегіума Жуховичу въ 1639 г.¹⁾ На стр. 270—271 г. Лазаревскій говоритъ, что при гетманахъ Савостьяны оставались свободными; на самомъ же дѣлѣ они были утверждены царскою грамотою 1675 г. за погарскимъ сотникомъ Авдіемъ Рославцомъ (Фил., VII, 64). На стр. 309 г. Лазаревскій говоритъ, что д. Зѣвани принадлежала братьямъ *Козловскимъ*, а въ Обзор. Румянц. описи они названы Козловыми (стр. 581—582). На стр. 312 г. Лазаревскій заявляетъ, что д. Косичи была отдана Булашевичу въ 1697 г., а по словамъ пр. Филарета это произошло въ 1690 г. (VII, 149). Къ описанію с. Душкина слѣдуетъ прибавить, что послѣ Чернолузскаго имъ владѣлъ Семенъ Галецкій

¹⁾ Харьк. Ист. Архивъ. Дѣла Малорос. кол., № 1987.

(Фил. VII, 85). Относительно Великой Топали (стр. 403, 405) замѣчу, что она въ 1654 г. была казацкимъ селомъ (Акты южн. и запад. Рос. X, 835—836). С. Старымъ Кривцомъ (412) владѣлъ нѣкоторое время Орликъ (Фил. VII, 253). Свѣдѣнія о сл. Горскѣ у г. Лазаревскаго начинаются съ 1 полов. XVII в.; я прибавлю, что уже въ концѣ XV в. тамъ было 30 домовъ и она принадлежала Ходкевичу¹⁾. Къ свѣдѣніямъ о Клинцовой типографіи (стр. 464, 465) прибавлю, что перечень отпечатанныхъ здѣсь книгъ есть у Сопикова, а оттуда извлеченъ г. П. С. Ефименкомъ²⁾. Хронологическія указанія г. Лазаревскаго иногда отличаются неопредѣленностью; но это еще не бѣда; иногда же встрѣчаются и такія догадки, которыя сильно порицалъ почтенный авторъ у пр. Филарета. «С. Бучки при р. Ворѣ, говоритъ г. Лазаревскій, по названію (бучки-ульи) поселены не раньше первой половины XVII в.» (стр. 187); почему же они не могли быть поселены, спрошу я, въ XVI или во второй половинѣ XVII в.? С. *Машевъ* при р. Одрѣ (притокъ Ирванца), судя по мѣстонахожденію (на старинной торговой дорогѣ, соединявшей до конца XVIII в. степную Малороссію съ Бѣлоруссіей и Смоленскомъ) поселеніе Машева можетъ быть отнесено къ XV в. «(стр. 189). Почему же не къ XVI или XVII в.? Село *Лузюновка* при р. Ирванцѣ, по отсутствію казаковъ и по незначительности населенія, можно думать, что поселено не раньше 2-й половины XVII в.» (ibidem); но и старое поселеніе могло имѣть незначительное число жителей; присутствіе козаковъ опять таки не является обязательнымъ. Точно также не вполне убѣдительны соображенія г. Лазаревскаго о глубокой древности с. Бирина (194 стр.) и др. Съ другой стороны мнѣ кажется, что с. Старые Холѣвичи гораздо древнѣе 1 пол. XVII в. Едва-ли не основательно будетъ поставить въ связь ихъ съ тѣмъ данникомъ Холѣвичемъ, который былъ отданъ великимъ кн. литовскимъ Александромъ вмѣстѣ съ 3 другими въ Стародубовскомъ повѣтѣ Глинскому въ 1496 г.³⁾ Врядъ ли также можно придавать такое значеніе мѣстоположенію селеній, какое придаетъ ему г. Лазаревскій. «Излюбленнымъ мѣстомъ для поселенія въ древней Южной Руси», говоритъ онъ — «былъ гористый полуостровъ, образуемый сліяніемъ двухъ рѣчекъ. *Встъ* посе-

1) Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Лвт. метр. $\frac{2A}{8}$ л. 181 на обор.

2) См. ст. его «Замѣтка о книгопечатаніи въ Чернигов. губ. въ прошломъ столѣтіи» (Черн. лист. 1863 г. № 11).

3) Акт. Зап. Рос. I, № 133, стр. 164.

ленія, существующія въ описываемой мѣстности на такихъ природою защищаемыхъ мѣстахъ, *несомненно* должны быть отнесены къ древнѣйшимъ поселеніямъ, хотя лѣтописи о нихъ и не упоминають. Для примѣра указываемъ два села около Погара — Городище и Кистеръ». И что же? Приведенные примѣры не убѣдительны, такъ какъ глубокая древность этихъ двухъ селъ не доказывается никакими фактическими данными; чтобы оправдать свое обобщеніе, г. Лазаревскій долженъ былъ доказать, что извѣстные намъ по лѣтописямъ древнерусскіе города и селенія *постоянно* расположены были именно на такихъ мѣстахъ, но и тогда возможны были бы случаи находенія здѣсь и болѣе новыхъ поселковъ, потому что и болѣе поздніе поселенцы (XVI—XVII вв.) нуждались въ укрѣпленныхъ самою природою пунктахъ.

Біографіи полковой и сотенной старшины.

Уже въ историко-географическихъ описаніяхъ мѣстностей г. Лазаревскому приходилось говорить и о дѣятельности казацкой старшины, главнымъ образомъ въ качествѣ основателей и управителей различнаго рода маетностей. Но независимо отъ этого «людямъ старой Малороссіи» онъ посвящаетъ еще и спеціальныя отдѣлы своей книги. Вслѣдъ за историческимъ очеркомъ территоріи Стародубовскаго полка у него идетъ перечень, въ хронологическомъ порядкѣ, всей полковой старшины (полковниковъ, обозныхъ, судей, писарей, есауловъ, хорунжихъ), а потомъ и сотенной съ біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. Біографіи эти, конечно, не всѣ въ одинаковой степени любопытны; о нѣкоторыхъ лицахъ сообщаются краткія свѣдѣнія, напоминающія собою формулярные списки; но есть и такія біографіи, которыя представляютъ глубокий интересъ въ историко-бытовомъ отношеніи; большая часть этихъ мѣстныхъ дѣятелей выступаетъ передъ нами съ отрицательными нравственными чертами. Стремленіе къ увеличенію своего матеріальнаго благосостоянія на счетъ подчиненнаго населенія, постоянныя насилія и грабежи, полное господство узкихъ эгоистическихъ интересовъ и отсутствіе сознанія объ идеѣ общественнаго блага, слабое развитіе политическаго сознанія — вотъ постоянныя черты въ жизни казацкой старшины XVII и особенно XVIII в., когда политическіе интересы совершенно почти ступевались, военныя бури утихли и все вниманіе обратилось на матеріальные инте-

ресы. Вотъ передъ нами выступаетъ дѣятель XVII в. эпохи Руины, полковникъ Петръ Рославецъ; энергичная натура, безпокойный характеръ увлекають его на борьбу съ сильною гетманскою властью и онъ предлагаетъ Москвѣ проэктъ освобожденія Стародубовскаго полка изъ подъ гетманскаго регимента и непосредственнаго подчиненія его центральной власти; но Самойловичъ въ это время еще пользовался довѣріемъ, и Рославецъ былъ выданъ ему на судъ; вотъ другая совершенно безцвѣтная личность Семена Самойловича, который назначается Стародубовскимъ полковникомъ не по выбору полчанъ и не за заслуги войску, а только потому, что онъ былъ сыномъ гетмана; но интересно, что назначеніе это встрѣчаетъ въ обществѣ нѣкоторый протестъ, въ особенности въ Запорожьѣ; вотъ полковникъ Жоравка, назначенный на этотъ урядъ въ слабое гетманство Скоропадскаго самимъ Петромъ Великимъ и прославившійся своею особенною стяжательностью и притѣсненіями; такими же свойствами отличался и Миклашевскій, нажившій себѣ огромныя богатства; вотъ назначенные центральнымъ правительствомъ полковники изъ великороссіянъ Пашковъ и Дуровъ, которые, не смотря на полученную ими строгую инструкцію, притѣсняли населеніе не хуже малороссіянъ, «а суда нельзя надъ ними учинить для того, что они изъ русскихъ полковниковъ»; или вотъ полков. об. Искра, который безпросьпно пьянствуетъ; другой обозный Скорупа учился въ Кіевской Духовной Академіи, но это не помѣшало ему потомъ производить наѣзды, въ которыхъ помогала ему и жена и даже производила ихъ самостоятельно, когда онъ ушелъ въ походъ. Чрезвычайно интереснымъ представляется исторія наслѣдства полковника Журмана, въ которой рельефно выступаетъ передъ нами запутанность малороссійскаго гражданскаго процесса. Рядомъ со всѣми этими отрицательными чертами мы находимъ только одну положительную, именно стремленіе малороссійской старшины XVIII в. къ образованію. Г. Лазаревскій рассказываетъ подробно впрочемъ біографію только одного изъ такихъ образованныхъ малороссіянъ — извѣстнаго Н. Ханенка, который слушалъ лекціи сначала въ Кіевской, а потомъ во Львовской академіи, а сына своего отправилъ въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ; для этого сына онъ составилъ инструкцію, которая свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ его собственнаго образованія. Къ образованнымъ старшинамъ принадлежали еще Максимъ Бороздна, Семень Галецкій и Дублянскій. За біографіями полковыхъ идутъ біографіи сотенныхъ урядниковъ. Среди дѣятелей сотеннаго управленія вы-

дѣляется личность сотника—священника Лисовскаго, удивительныя похождения котораго могли бы показаться легендарными, если бы не были засвидѣтельствованы документальными данными. Начавъ свою карьеру воровствомъ (похитилъ у своего хозяина, принявшаго его къ себѣ за сына, 50 таларей), Лисовскій женился на одной дѣвицѣ, похитивъ ее изъ дома родительскаго, потомъ оставилъ ее и пошелъ въ украинскіе города, гдѣ занималъ духовныя и свѣтскія должности (діакона и писаря), женился на другой и получилъ санъ священника, а потомъ «за вѣрность царю въ измѣну Мазепину» былъ назначенъ протопопомъ въ Гадячъ. Въ Гадячѣ онъ сталъ дѣлать страшныя насилія священникамъ и обывателямъ, говоря при этомъ: «я съ вами буду поступать какъ захочу, ибо на то поставленъ!» «при семъ же похваляется», писали въ своей жалобѣ священники,—«же не ради протопопства одного тутъ зосланъ, але ради всѣхъ управленій и постерегана и преслѣдованя змѣни, самъ архіерей и гетманъ именуячися». Измѣна Мазепы и смутное состояніе края давали возможность подобнымъ людямъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ отвѣтъ на жалобу Гадяцкаго полковника онъ подалъ доносъ, что тотъ не былъ на царскомъ молебнѣ и не распорядился въ тотъ день стрѣлять изъ пушекъ. Гадяцкій полковникъ тогда возбудилъ вопросъ о двоеженствѣ Лисовскаго, и онъ по указу царя, подарившаго ему при этомъ саблю, на удивленіе всей Малороссіи, былъ назначенъ сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Перемѣнивъ рясу на саблю, онъ не измѣнилъ своего поведенія. Гетманъ Скоропадскій никакъ не могъ укротить его: наряженной для слѣдствія надъ нимъ комиссіи онъ отвѣчалъ, что гетманъ не можетъ его судить. Только тогда, когда явилась его первая жена (которую онъ самъ вызвалъ для сожительства) и снова былъ поднятъ вопросъ о его двоеженствѣ, гетману и всей Малороссіи удалось освободиться отъ этого «искоренителя измѣны». Есть и другіе типы смиренныхъ сотниковъ, таковы, на примѣръ, Еременки (отецъ и сынъ), Владиміръ Соболевскій; есть и герои или по крайней мѣрѣ мученики: сотникъ Антипъ Соколовскій былъ битъ кнутомъ и умеръ, потому что отстаивалъ своихъ казаковъ отъ незаконныхъ притязаній свѣтлѣйшаго кн. Меншикова (266—267 стр.).

Таково въ основныхъ чертахъ содержаніе этого отдѣла книги г. Лазаревскаго. Здѣсь нашъ авторъ выступаетъ настоящимъ мастеромъ; это, очевидно, его излюбленная сфера; здѣсь у него нѣтъ соперниковъ.

И въ настоящей книгѣ, какъ и въ спеціальныхъ очеркахъ, по-

священныхъ людямъ старой Малороссіи, эти послѣдніе являются передъ нами почти исключительно съ отрицательными нравственными свойствами; героевъ здѣсь не оказывается; все это стяжатели, обидчики и т. п.; въ этомъ выводѣ почтеннаго изслѣдователя много горькой истины; онъ не сгущаетъ тенденціозно красокъ (въ чемъ его заподозривали нѣкоторые), но едва-ли правы будутъ, по нашему мнѣнію, также и тѣ, которые увидятъ въ очеркахъ г. Лазаревскаго полное *всестороннее* воспроизведеніе жизни южно-русскаго дворянства XVII и XVIII в.; здѣсь рельефно представлены только отрицательныя черты и это объясняется, какъ намъ кажется, свойствомъ источниковъ, которыми пользуется авторъ, нѣкоторою ихъ односторонностью; это почти исключительно официальные документы (тяжебныя дѣла, жалобы, купчія и т. п.); частныхъ же матеріаловъ (мемуаровъ, писемъ и т. д.) почти вовсе нѣтъ; не удивительно поэтому, что мы не видимъ у г. Лазаревскаго болѣе или менѣе обстоятельнаго воспроизведенія обыденной, будничной жизни старинныхъ малороссійскихъ пановъ съ ея радостями и печалями, темными и свѣтлыми сторонами; вѣдь приходилось и имъ ходить въ отдаленные походы, на линейныя работы, къ Ладожскому каналу, въ Оренбургскія степи и т. п.; нападали и на ихъ маестности татары и уводили въ плѣнъ жителей; были и среди старшинъ такіе, которые показывали большую храбрость въ мелкой, но ожесточенной борьбѣ съ крымцами; были и такіе, которые работали надъ составленіемъ законодательства для своего края или надъ сочиненіемъ «кроничекъ» и цѣлыхъ глѣтописей; правда, что найдти управу тогда на богатаго и сильнаго было мудрено; но самъ г. Лазаревскій приводитъ два примѣра строгаго приговора за причиненныя населенію обиды (надъ полковникомъ Журавкой и Ө. Рубцомъ, стр. 176); мы прибавимъ къ этому, что въ Архивѣ малороссійской коллегіи хранятся штрафныя книги, изъ коихъ видно, что старшина далеко не всегда оставалась безнаказанною, и что ей иногда приходилось переносить суровыя наказанія.

Все это относится главнымъ образомъ къ общественному и домашнему быту коз. старшины, но мало уясняетъ намъ тогдашнее малороссійское управленіе въ его организаціи, въ его идеѣ. Г. Лазаревскій приводитъ свѣдѣнія и объ этомъ, но только случайно. Сюда, напримѣръ, нужно отнести чрезвычайно интересныя эпизоды о полковничьихъ трактатахъ (стр. 39), опредѣлявшихъ предѣлы ихъ власти, инструкцію полковнику Кокошкину (стр. 49),

дѣло о скуплѣхъ грунтовъ, поднятое полковникомъ Дуровымъ (51—55), разграниченіе сотенъ (13 стр.). Было бы очень желательно, чтобы въ послѣдующихъ томахъ своего труда г. Лазаревскій старался выяснять намъ не только *патологію* управленія, но и его обычный ходъ; а то, напримѣръ, для читателя его книги остается неяснымъ, въ чемъ заключались функціи власти полковника, обознаго, судьи, писаря, съ одной стороны, полковыхъ и сотенныхъ канцелярій и т. п. съ другой. Конечно, весьма интересно знать, какую роль играли взятки при назначеніи на уряды (стр. 208); но не менѣе, если не болѣе важно также имѣть понятіе о сферѣ дѣйствія выборнаго начала въ администраціи, начиная съ высшей инстанціи (полковника) и оканчивая казачьимъ атаманомъ и посполитскимъ войтомъ.

Сдѣлаю теперь нѣсколько дополненій къ даннымъ, сообщаемымъ г. Лазаревскимъ въ этихъ отдѣлахъ его книги. Полковникъ Дуровъ прежде всего заявилъ, что ему идетъ мало сборовъ, а на рангъ Стародубовскаго полковника (кромѣ деревень) полагалось тогда 142 руб. денегъ, 44 четверти ржи, 14 четвертей конопли, 38 четвертей овса, 8 четв. ячменя, 46 пуд. и 6 ф. меду, 2 п. коровьяго масла, 3 бочки соли, 6 барановъ, 2 кабана, 2 яловицы, 19 гусей, 38 утокъ, 110 русскихъ куръ. На стр. 54-й г. Лазаревскій говоритъ, что Дуровъ приказалъ для постройки ратуши дерево рубить въ лѣсахъ, которые Стародубскіе богачи *считали уже своими*; въ виду этого жена Андрея Гудовича сказала: «есть де въ мене три бруссы на шыбеныцю и тѣхъ полковнику Стародубовскому на шыбеныцю дать не пожалую. На которой шыбеницѣ, продолжала она далѣе, съ полковникомъ Стародубовскимъ нехай повисять и с... сына писаря Бакланьскаго Захарку Точицкаго». Изъ дѣла не видно, чьи были эти лѣса. Интересно вообще жалобы разныхъ лицъ, въ томъ числѣ Семена Галецкаго, на Дурова и оправданіе этого послѣдняго. Дуровъ, по словамъ Галецкаго, гнѣваясь на него, всячески притѣснялъ его полчанъ. Дуровъ въ свою очередь жаловался на Галецкаго, который громко говорилъ о немъ, что онъ, Дуровъ, «такой обидитель и разоритель, котораго и во всемъ свѣтѣ нѣтъ». Въ своей оправдательной запискѣ Дуровъ представилъ цѣлую теорію полковничьей власти и субординаціи низшихъ чиновъ полковаго управленія; по его мнѣнію, обозный, судья, сотникъ и т. п. не должны были забывать, что полковникъ старшій надъ ними, и обязаны были оказывать всегда ему должное уваженіе. Жаловался на Дурова не одинъ Галецкій, а и всѣ полчане, обвиняя и Дурова,

и его жену въ грабительствахъ, вслѣдствіе которыхъ народъ оставлялъ свои жилища и убѣгалъ за границу. Это обвиненіе по-видимому и послужило причиною его отрѣшенія отъ уряда ¹⁾. Была жалоба и на Радищева, что онъ еще въ бытность свою 1-мъ великороссійскимъ членомъ генеральнаго суда отнялъ грунтъ у одного Новгородъ-Сѣверскаго мѣщанина ²⁾.

Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ сохранилось значительное количество такъ называемыхъ «сказокъ о службахъ», которыя могли-бы значительно пополнить данныя объ этомъ г. Лазаревскаго. Возьмемъ для примѣра 2 такихъ сказки (составленныя въ 1734 г.). Полковой обозный Афанасій Есимонтовскій писалъ о себѣ: «Начатокъ моей службы, говоритъ онъ, по отцеви моему въ 1689 г. по Перекопскомъ ходу, подъ мѣстечкомъ Переволочною Полтавскаго полку при новоучрежденномъ Стародубовскомъ полковникѣ, покойномъ Михаилѣ Миклашевскомъ, и тогожь года лѣтніе и зимніе походы въ разныхъ украинныхъ мѣстахъ въ тревожные времена отъ нападеній татарскихъ до 1695 года отправовалъ службу въ полку Стародубовскомъ при гетманѣ Мазепѣ. Съ 1695 году какъ взято Казикерменъ и протчіе города Турецкой области за приводомъ великаго боярина Шереметьева и гетмана Мазепы и я на оной службѣ въ полку Стародубовскомъ былъ же; въ 1696 г., какъ стояли великороссійскія и малороссійскія войска надъ Берестовой, при томъ же великомъ бояринѣ Шереметьеву и гетманѣ Мазепѣ и я въ ономъ походѣ былъ; въ 1697 году подъ Исламъ городкомъ при великомъ бояринѣ князѣ Яковѣ Долгоруковѣ и гетманѣ Мазепѣ на оной службѣ при полку Стародубовскомъ былъ же; въ 1702 году, какъ взято городъ Быховъ области Короны Польской, въ полку Стародубовскомъ при полковникѣ Миклашевскомъ и я на оной службѣ былъ; въ 1705 и 1706 годахъ былъ я на службѣ въ Польцѣ и въ Несвѣжской пораждѣ на полкѣ Стародубовскій отъ непріятеля Шведа ставшойся, въ чемъ изъясняетъ и о тамошней моей службѣ данный мнѣ отъ гетмана Мазепы универсалъ; въ 1707 году, какъ при Кіевѣ великороссійскіе и малороссійскіе состояли войска и крѣпость Кіево-Печерская новозаводилась и я на оной государевой службѣ былъ; въ 1708 году по приказу гетмана Мазепы и по опредѣленію покойнаго Скоропадскаго въ ту пору будучаго полковника Стародубовскаго посланъ

¹⁾ Харьк. Ист. Арх. Дѣла Малор. коллегіи, № 2272.

²⁾ Ibidem, № 2311.

я былъ до князя Меньшикова въ Польшу и при ономъ будучи такожь и за приходомъ Его Императорскаго Величества изъ Смоленска, къ своимъ великороссійскимъ и къ кавалеріи стоячимъ полкамъ неподалека города Могилева, во всю мою тамъ бытность вѣрно и рачительно отправлялъ государеву службу, о какой и самъ Е. И. В. извѣстенъ былъ; того же 1708 года по отправленію моему отъ его князя Меньшикова изъ мѣстечка Горокъ въ домъ, а по вступленію короля Шведскаго съ его войсками въ Малую Россію, будучи я въ обложеніи въ г. Мглинѣ, съ тамошними обывателями оборонялись отъ того непріятеля, на приступѣ многое число шведовъ убито за моимъ приводомъ изъ города; и о такой моей показанной Е. И. В. достоинству рабской вѣрности данный мнѣ отъ покойнаго гетмана Скоропадскаго универсалъ обстоятельно явствуетъ. Да того-жъ 708 года былъ же на службѣ государевой во Лебединѣ при покойномъ гетманѣ Скоропадскомъ; въ 1709 году по опредѣленію мнѣ чина сотничева Мглинскаго отправленъ былъ я съ пяти сотнымъ Стародубовскаго полку товариствомъ въ Быховъ, но за партизантами Сапѣжанскими, которые намъ препятствовали и нападки чинили, не допуская насъ въ Быховъ, и оттолѣ возвратясь, поѣхалъ я до покойнаго гетмана Скоропадскаго, будучаго подъ Полтавою, пріѣхалъ туда въ самый тотъ день рано, какъ Богомъ дарованная, а счастьемъ и неусыпными Е. И. В. трудами полученная Полтавская викторія отправовалася и по викторіи покойный гетманъ Е. И. В. того-жъ дня о мнѣ доносилъ, черезъ сіятельнѣйшаго господина графа Головкина, повелѣно мнѣ быть въ ономъ походѣ при ономъ гетманѣ Скоропадскомъ; въ 1710 году при покойномъ полковникѣ Л. Жоравкѣ съ полкомъ Стародубовскимъ подъ Сосницею чрезъ цѣлое лѣто стояли; въ 1711 году зимою противъ орды выходили и стояли въ полку Лубенскомъ въ м. Сенчѣ съ полкомъ Стародубовскимъ; въ томъ же 1711 году лѣтомъ были на службѣ государевой подъ Каменнымъ Затонемъ при покойномъ гетманѣ Скоропадскомъ; въ 1713 году при Кіевѣ, какъ надъ Лыбедью стояли великороссійскія и малороссійскія войска, при покойномъ гетманѣ Скоропадскомъ и я тамъ же на службѣ былъ; по опредѣленію-жъ мнѣ обозначаго рангу сими годами въ походахъ войсковыхъ по сей годъ не бывалъ, но по указамъ покойнаго гетмана Апостола опредѣленъ былъ для вспомошествованія въ отправленіи полковыхъ и судебныхъ дѣлъ; и въ полковой Стародубовской канцеляріи мало что безъ исходства найдовался». Или вотъ, напримѣръ, сказка гораздо менѣе виднаго дѣятеля, Новомѣстскаго

сотника Тимофея Силевича, о которомъ у г. Лазаревскаго нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. «Въ 1705 г. былъ въ Несвѣжѣ, гдѣ шведы насъ разбили и полковника нашего Маклашевскаго убито и оттудова я пѣшій вышелъ; да въ томъ же году былъ якъ Печерскъ въ початку дѣлали; за полковничества покойнаго отца моего Прокопа Силевича 1707 г. былъ, когда Синицкаго въ Быховѣ съ енеромомъ Бовуромъ доставали; въ томъ же годѣ возвратясь отъ Быхова въ Печерску зимовали; въ 1708 г. былъ съ покойнымъ полковникомъ Стародубовскимъ Скоропадскимъ на Ратовомъ болотѣ, а послѣ пошли противъ шведа и стояли подъ Пропойскомъ, откудова пошелъ зъвыборомъ покойный Скоропадскій подъ Казинъ, а намъ остальнымъ велѣно стоять въ Бобовичахъ, и когда шведъ настигалъ въ Малую Россію, въ то время я посланъ былъ съ командою казаками Стародубовскаго и Черниговскаго полковъ трисотнымъ числомъ на границу для увѣдомленія куда и якимъ путемъ мѣють маршировать оніе шведы: зде внезапно зъ ними ночью въ Поповой горѣ на рѣцѣ Бесѣдѣ споткался и тогда зъ ними бой тамъ учинили, зъ енеромомъ шведскимъ Лядерброномъ, а оттудова возвратясь къ полкамъ своимъ. Повторе послано мене въ сту коней противъ Шведа жъ и тамъ чрезъ рѣку бой учинилижъ; а оттудова прибувши я зъ отцемъ своимъ въ г. Стародубъ и приказалъ отецъ мой городъ Стародубъ противъ непріятелей заперти; а прибувшій полковникъ Скоропадскій съ подъ Кадина комендировалъ мене до генерала Инфлента для конвойства, чтобы я ему генералу показывалъ добрыя мѣста и переправы, гдѣ бы можно съ Шведомъ баталію учинить и пошелъ я съ онымъ генераломъ Инфлентомъ, при которомъ волохи и компанія была, противъ генерала Шведскаго Лядерброна подъ село Найпотовичи, и тамъ найшовши найзнатную учинили баталію и шведовъ не мало положили, а послѣ отпущенъ былъ я отъ генерала Инфлента на время въ Стародубъ, когда и генералъ Левенгофъ ишелъ мимо Стародуба, отколь выѣхавши я съ Стародуба съ Василемъ Журманомъ и Яковомъ Пѣсоцкимъ зловили подъ селомъ Литовскомъ четырехъ швединовъ и препроводили въ Стародубъ полковнику Скоропадскому, а Скоропадскій отослалъ оныхъ швединовъ до фельдмаршала Бориса Петровича, а на другій день генералъ Инфель прислалъ по мене къ полковнику Скоропадскому, когда мене къ нему и отправлено и пошли въ тропы за шведскимъ генераломъ Ливенгофомъ, а настигши его подъ селомъ Найтоповичами по вторне знатную баталію учинили и шведовъ больше 300 положили; а послѣ съ онымъ же генераломъ

Инфлентомъ ни мало черезъ сколько дней и недѣль ходячи денно и ночью подѣздами шведовъ били, и въ ту пору генералъ Левенгофъ съ генераломъ Лядерброномъ зашедши въ купу маршировали мимо Стародубъ на Галицевъ, въ которомъ времени командировалъ мене генералъ Инфлентъ съ драгунами, компанъею и волохами противъ шведа, гдѣ з оними бой учинили, въ якомъ бою взято было мене въ неволю, куда настигши полковники воложскій Апостолъ, казачій и компанъйскій Ковбаса з волохами и компанъею жъ взято мене отъ шведовъ. Въ 1713 году былъ въ походѣ съ покойнымъ полковникомъ Жоравкою въ Кіевѣ, когда хворостяныхъ дорогъ робили; въ томъ же году командированъ былъ я наказнымъ полковникомъ до Триполья съ покойнымъ фельдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ граничить з ляхами; въ 1715 году былъ комиссаромъ при генералѣ Риню; въ 1716 году съ нимъ же полковникомъ Жоравкою ходили зимнимъ временемъ и были въ Гадячу; въ 1717 году съ полковникомъ же Жоравкою якъ былъ онъ наказнымъ гетманомъ въ то время былъ я наказнымъ полковникомъ на работѣ земляной въ Печерску; въ 1722 году былъ комиссаромъ для собранія денегъ на Кіево-Печерскую церковь; въ 1723 г. послыано мене въ полкъ Нѣжинскій по указу Малороссійской коллегіи и войсковой еeneralной канцеляріи для ревизіи бѣжавшихъ з низового похода казаковъ и тамъ прожилъ мѣсяцевъ семь; въ 1724 г. сталъ наказнымъ Новомѣтскимъ сотникомъ и былъ до 1729 году и правилъ порядочно всякіе приключающія дѣла со всею вѣрностью своею; въ 1729 году посыланъ былъ по указу яснowelможнаго пана гетмана Данила Апостола въ полкъ Переясловскій для собранія полковой и сотенной старшины и для прочихъ розысковъ, гдѣ прожилъ мѣсяцевъ пять; опредѣленнаго на урядъ сотництва Новомѣткаго Стародубовскаго въ 1730 году августа 29 дня повыбору сотни Новомѣтской атаманѣ куринной и всего товариства съ двухъ кандидатовъ насъ, о чемъ въ Глуховѣ, усмотря между нами къ тому чину достойнѣйшаго, приказано мнѣ на вѣрность Е. И. В. присягу выканать и тогда отъ покойнаго гетмана и кавалера Данила Павловича Апостола универсалъ одержалемъ; а въ прошломъ 1733 году выступилъ я въ походъ въ якомъ и нынѣ зостоя, такожь и впредь готовъ Е. И. В. по присяжной вѣрности моей и должности служить» ¹⁾.

¹⁾ Харьк. Ист. Арх. Дѣла Малорос. Коллегіи, № 2888, 2988.

Я нарочно привелъ цѣликомъ двѣ сказки о службахъ, чтобы дать понятіе о той сторонѣ дѣятельности «людей старой Малороссіи», которая, какъ мнѣ кажется, не достаточно отгѣнена у г. Лазаревскаго. Военной службы ихъ г. Лазаревскій касается въ очень незначительной степени. Конечно, рѣдко ктонибудь изъ нихъ выдвигался военными подвигами; большая часть были заурядными, незамѣтными дѣятелями на погѣ брани. Но для насъ интересны не походы ихъ, сами по себѣ, а то, насколько они были часты и во что они обходились Малороссійской старшинѣ. Общее впечатлѣніе, которой вынесетъ читатель изъ книги г. Лазаревскаго о жизни казацкой старшины, по моему, будетъ не совсѣмъ вѣрное, между прочимъ и потому, что онъ даетъ мало фактовъ о ихъ военной жизни. Малороссія XVII в. была очагомъ гражданскихъ междоусобныхъ войнъ; въ XVIII в. (послѣ Мазепиной измѣны) «шатости» прекратились, но долго еще край представлялъ изъ себя какъ бы вооруженный лагерь; въ немъ постоянно была въ ходу мелкая партизанская война (съ татарами); Малороссія долго представляла изъ себя Украину и это отражалось на всемъ ея социальномъ строѣ. Г. Лазаревскій говоритъ, что въ ней военное управленіе смѣшано было съ гражданскимъ; но это смѣшеніе объясняется господствомъ военныхъ интересовъ. Мало того — война со всѣми ея тогдашними послѣдствіями отражалась и на экономическомъ положеніи населенія. Г. Лазаревскій обо всемъ этомъ молчитъ.

Тѣмъ не менѣе данныя его о казацкой старшинѣ въ общемъ можно назвать полными и обстоятельными. Но нельзя не пожалѣть, что онъ останавливается почти исключительно *только* на дѣтеляхъ управленія. Неужели все малороссійское общество исчерпывается старшиною да горожанами? Почему онъ мимоходомъ только, при случаѣ, говоритъ о казакахъ и посполитыхъ? Правда, говоря о старшинскомъ землевладѣніи, онъ дѣлаетъ не мало указаній и на положеніе этихъ послѣднихъ; но все-таки въ этихъ замѣчаніяхъ имѣется главнымъ образомъ въ виду старшина, а, во вторыхъ, о казакахъ нѣтъ почти и такихъ данныхъ. Невольно припоминаются мнѣ прекрасныя строки г. Лазаревскаго о *сельской* исторіи въ его «Селахъ Конотоцскаго уѣзда» (я ихъ приводилъ выше); приходитъ на мысль и то заявленіе, которое авторъ далъ въ предисловіи къ своей теперешней книгѣ—*дать матеріалъ для будущей народной исторіи Малороссіи*. Если г. Лазаревскій захочетъ дѣйствительно выполнить свое обѣщаніе, то онъ долженъ будетъ отвести въ по-

слѣдующихъ томахъ своего сочиненія больше мѣста народу въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т. е. казакамъ и посполитымъ.

Общее заключеніе.

Теперь мнѣ остается свести отдѣльныя замѣчанія о достоинствахъ и недостаткахъ книги и высказать общее заключеніе. Вопросъ, поднятый авторомъ, занимаетъ видное мѣсто въ русской историографіи. Въ настоящее время всѣ уже согласны, кажется, въ томъ, что областной способъ разработки долженъ получить самое широкое примѣненіе въ русской исторіи. И дѣйствительно въ примѣненіи къ древнему періоду онъ уже принесъ блистательные результаты. Теперь очередь за среднимъ періодомъ нашей исторіи. И здѣсь можно насчитать цѣлый рядъ почтенныхъ изслѣдованій, относящихся къ отдѣльнымъ областямъ нашего обширнаго отечества. Исторія южной или малой Россіи занимаетъ въ русской областной исторіи одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Исторія лѣвобережной Малороссіи, какъ я старался показать, разработана менѣе всѣхъ другихъ отдѣловъ южнорусской исторіи. Книга, заключающая въ себѣ данныя по внутренней исторіи лѣвобережной Малороссіи, заполняетъ несомнѣнно чувствительный пробѣлъ въ нашей историографіи.

А. М. Лазаревскій цѣлымъ рядомъ предшествующихъ работъ расчистилъ себѣ путь для настоящаго труда. Онъ приступилъ къ сочиненію своей книги, приобрѣвъ уже репутацію лучшаго знатока внутренняго быта гетманщины и собравъ цѣлый архивъ относящихся сюда матеріаловъ. Авторъ поставилъ своею цѣлью дать систематическое описаніе всей лѣвобережной Малороссіи, и, конечно, онъ правъ, думая, что такое описаніе послужитъ *матеріаломъ для будущей исторіи малорусскаго народа*. Вышедшій теперь въ свѣтъ 1-й томъ этого описанія заключаетъ въ себѣ множество такихъ данныхъ. Но это не есть простой сборникъ сырыхъ матеріаловъ. Самъ авторъ вѣрно опредѣляетъ характеръ своего сочиненія, называя его «Описаніемъ старой (правильнѣе лѣвобережной) Малороссіи». Трудъ автора состоялъ здѣсь не только въ разыскиваніи источниковъ (какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ), но и въ ихъ группировкѣ, сводкѣ, систематизаціи; характеръ этой послѣдней я, какъ мнѣ кажется, достаточно подробно выяснилъ во 2-й главѣ своей рецензіи. Это не изслѣдованіе, потому что авторъ въ большинствѣ случаевъ уклоняется отъ выводовъ; это—первоначальная

сводка матеріала, но онъ подобранъ, сгруппированъ такъ искусно, что у читателя сами собою складываются многія обобщенія. Впрочемъ авторъ даетъ намъ иногда отдѣльные экскурсы, носящіе и внѣшніе и внутренніе признаки изслѣдованія (таковы, напримѣръ, общія соображенія его о заселеніи Стародубовскаго полка въ связи съ географическими условіями мѣстности и этюды о раскольничьихъ слободахъ и владѣніяхъ Кіево-Печерской лавры). Помимо того въ книгѣ разсѣяно много отдѣльныхъ замѣчаній критическаго характера. Конечно, описаніе, какъ таковое, всегда должно быть поставлено ниже изслѣдованія; но эта форма изложенія иногда (какъ и въ данномъ случаѣ) оказывается въ практическомъ отношеніи необходимой. Можно только пожелать, чтобы г. Лазаревскій старался присоединять къ описанію, гдѣ это возможно, и элементъ изслѣдованія; это онъ дѣлаетъ и теперь, но только въ очень незначительной степени; а достигнуть этого можно путемъ расширенія историко-географическихъ очерковъ общаго характера и отдѣловъ, посвященныхъ населенію; это послѣднее необходимо сдѣлать автору еще и для того, чтобы исполнить свое обѣщаніе о народной исторіи. Но не слѣдуетъ забывать, что г. Лазаревскій и не могъ теперь дѣлать широкихъ обобщеній, потому что онъ описалъ пока еще небольшую часть территоріи лѣвобережной Малороссіи: ко многимъ вопросамъ ему еще придется возвращаться и даже не одинъ разъ. Во всякомъ случаѣ книга г. Лазаревскаго должна быть оцѣниваема главнымъ образомъ съ точки зрѣнія новизны и важности матеріала, который она привноситъ въ научный обиходъ. Въ виду этого и я обратилъ особенное вниманіе на источники и пособія, которыми пользуется нашъ авторъ. Такъ какъ мнѣ приходилось имѣть дѣло съ старымъ, опытнымъ библіографомъ, то я считалъ для себя возможнымъ быть очень требовательнымъ и даже быть можетъ нѣсколько придирчивымъ. Мнѣ пришлось отмѣтить не мало пробѣловъ по части печатныхъ источниковъ и пособій. Но всѣ они, даже вмѣстѣ взятые, не особенно существенны; основной матеріалъ автору былъ извѣстенъ и онъ въ большей или меньшей степени воспользовался имъ; ошибка г. Лазаревскаго, по моему мнѣнію, состояла въ томъ, что онъ не поставилъ себѣ задачи дать сводки *всѣхъ* печатныхъ данныхъ. Но главная заслуга г. Лазаревскаго заключается въ подборѣ рукописныхъ, а не печатныхъ матеріаловъ. Я показалъ, какую массу весьма цѣнныхъ архивныхъ источниковъ привлекъ къ своей работѣ г. Лазаревскій. Онъ самъ разыскалъ этотъ матеріалъ, спасъ

его отъ гибели, изучилъ и систематизировалъ. Конечно, и тутъ есть пробѣлы; я ихъ очень рачительно отмѣтилъ; сдѣлалъ то, чего обыкновенно не дѣлаютъ: отправился въ архивы, недоступныя, по личнымъ условіямъ, г. Лазаревскому, порылся въ нихъ и нашелъ для себя не малую добычу. И опять таки дѣлалъ я это не для того, чтобы «уличить» въ пропускахъ, а чтобы принести и свою лепту въ ту сокровищницу, на пользу которой мы всѣ работаемъ (разумѣю—отечественную исторію) и для которой г. Лазаревскій собралъ такую цѣнную коллекцію. И такъ, и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи матеріалъ, собранный г. Лазаревскимъ, соотвѣтствуетъ задачѣ сочиненія; пробѣлы въ немъ есть, но основныя рубрики онъ заполняетъ. Выборъ его сдѣланъ умѣлою рукою; авторъ понимаетъ относительное значеніе своихъ источниковъ; можно было бы пожелать только большей критики въ предварительномъ изученіи нѣкоторыхъ архивныхъ документовъ, въ особенности такъ называемаго генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, заключающаго въ себѣ противорѣчивыя данныя. Благодаря массѣ новаго матеріала (въ особенности для археолога), г. Лазаревскій могъ дать достаточно полное историко-географическое описаніе Стародубовскаго полка, другими словами, съ достаточной полнотой разрѣшить свою основную задачу. Я убѣдился въ этомъ, разобравъ подробно содержаніе всей книги. Если первый отдѣлъ (общій историческій очеркъ) очень кратокъ, за то послѣдующіе (о городахъ, селеніяхъ и старшинахъ) очень обширны и обстоятельны; въ особенности это нужно сказать о 3-мъ и 4-мъ. Каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ, кромя массы фактическаго интереснаго матеріала, иногда еще цѣлыя отдѣльныя монографіи и эпизоды. Такова, напримѣръ, исторія Стародубовскаго магистрата (въ отдѣлѣ о городахъ), пожалованіе кн. Меньшикову Почеповской сотни (въ отдѣлѣ о селеніяхъ), біографія Лисовскаго (въ отдѣлѣ біографій) и т. п. Вся книга даетъ намъ исторію территоріи и отчасти мѣстнаго общества въ лицѣ казацкихъ старшинъ. Въ особенности обстоятельны данныя о территоріи; здѣсь мы находимъ не только много данныхъ для исторіи заселенія края, но и исторію цѣлыхъ территоріальныхъ округовъ (сотенъ и волостей), а также отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ. Не всѣ очерки одинаково подробны: есть и краткіе, но много и очень обширныхъ. Въ нихъ кромя того сообщается множество любопытныхъ свѣдѣній о жизни малорусскаго общества—его землевладѣніи, социальномъ положеніи, экономическихъ интересахъ (промыслахъ, ремеслахъ и торговлѣ) и част-

номъ семейномъ бытѣ. Правда, эти данныя не сгруппированы, разбросаны; но авторъ и не ставилъ себѣ цѣлью дать систематическій очеркъ внутренняго быта малороссійскаго общества. Наконецъ, мы находимъ здѣсь и цѣльную картину общественной дѣятельности и частной жизни всѣхъ представителей мѣстнаго полковаго и сотеннаго управленія; это исторія (въ біографіяхъ) высшаго слоя малорусскаго народа; въ ней есть данныя и для исторіи мѣстнаго управленія и для характеристики социальнаго—экономическаго положенія общества и его домашняго быта.

И такъ, книга А. М. Лазаревскаго отличается чрезвычайнымъ богатствомъ содержанія. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія разъясняютъ намъ многіе важные вопросы внутренней жизни лѣвобережной Малороссіи XVII и XVIII в. Но тема сочиненія настолько широка, что не могла во всей ея полнотѣ быть исчерпана авторомъ. Я старался расширить изложеніе г. Лазаревскаго и своими прибавленіями наполнилъ добрую половину настоящей рецензіи. Но на нихъ никоимъ образомъ нельзя смотрѣть, какъ на доказательство скудости содержанія книги г. Лазаревскаго; они свидѣтельствуютъ только о широтѣ задачи, поставленной себѣ почтеннымъ авторомъ, и о моемъ усердномъ желаніи способствовать достиженію возможной полноты въ этомъ вопросѣ. Г. Лазаревскому можно поставить въ вину только то, что онъ не обратилъ *должнаго* вниманія на нѣкоторые вопросы, имѣющіе *прямое* отношеніе къ его темѣ (въ особенности на вопросъ о формахъ землевладѣнія), и недостаточно останавливался на нѣкоторыхъ другихъ, которые, на мой взглядъ, должны были бы быть введены въ содержаніе его «описанія», если онъ хотѣлъ дать матеріалы *для народной исторіи*. Крупныхъ опібокъ въ изложеніи г. Лазаревскаго я не нашелъ. Правда, я расхожусь съ почтеннымъ авторомъ по нѣкоторымъ капитальнымъ вопросамъ,—напримѣръ, о началѣ и судьбѣ магистратскаго самоуправленія въ Стародубѣ, и мнѣ кажется, что г. Лазаревскій долженъ будетъ отказаться отъ своего мнѣнія; но окончательное рѣшеніе возникшаго между нами спора нужно всетаки предоставить читателямъ. Отмѣтилъ я также цѣлый рядъ неточностей и мелкихъ промаховъ; то же самое сдѣлалъ раньше и другой критикъ соч. г. Лазаревскаго. Но въ концѣ концовъ я всетаки долженъ сказать, что книга г. Лазаревскаго представляетъ отрадное явленіе въ областной историко-географической литературѣ. Имп. Академія Наукъ поступить, по моему мнѣнію, вполне справедливо, если поощритъ необычайно трудолюбиваго автора —

увѣнчиваетъ книгу его *малой Уваровской преміей* и тѣмъ побудить его поскорѣе выпустить въ свѣтъ на свои средства и слѣдующій 2-й томъ столь широко задуманнаго и полезнаго труда.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. 1628 года.

Нѣдkiemu w StarodubsczŹynie na pewne dobra.

жыкгмонт третій.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ комбъ бы то ведати належало, ижъ што сынъ боярски Грыгорей Калениковичъ Гладкій по застановеню примера з Москвою нехотечы на сторону Московскую переходитъ на славу и ласку нашу господарскую при панстве нашемъ в уезде albo въ повете Стародубьскомъ доброволне остал, и подчас ордынацыи комисаров нашихъ с тых добр которые за Москвы держалъ и тепер держит рушонъ не былъ, тогда тепер бил намъ чоломъ тотъ сынъ боярски Грегорый Калениновичъ Гладкій, абы есмо тые добра особливымъ листомъ привилеем нашимъ утвердили. Мы господаръ маючы взгляд на таковое статочное додержане веры его намъ и королевичу Его Милости Владиславу сыну нашему, и хотечы его до службъ нашихъ и Речи посполитое охотнейшимъ и жычъливъшимъ учынит ему самому жене детемъ и потомкомъ ихъ мужьского рожаю правомъ леннымъ вечыстымъ с пляцомъ въ замку Стародубьскомъ изогородомъ на посаде с тым поместем перед тымъ в держеню его будучымъ названымъ яко *влекигами* (?) до того за отменою подданого и кгрунтов певных, которые тежъ с продковъ своихъ над рекою Ипутью в селе Ущерпю, а особливе в уезде Почаповскомъ поместе спадьковое названое Западе держалъ, а ижъ му за то дано через комисаров нашихъ в замену иншыя певныя кгрунты названые Мясытынъскъ, над речкою Сечъною и пустошъ въ Котелеве селища большого и к тому в Горыславлю деревни четверти десеть всех тых кгрунтов вышей описаныхъ съ певного вымереня и через мерничого нашего присеглого за ведомостью преложенного замьку Стародубьского мает быти волокпетдесять ограничоных, которые мает поменонный Грегорей Кгладкий со всеми пожытками и належъностями якожъ козвекъ назваными доходами вынявшы салетры и товары лесные,

которые без позволения нашего роблены быти не мають, тыхъ всихъ добръ правомъ леннымъ вечыстымъ самъ жона его дети потомки ихъ мужьского рожаю покол одно их ставати будетъ, спокойне держать и ужывать под правом и волностью шляхетскою волни будучы кому хочечы тые добра вси огуломъ, албо по частяхъ дат, дароват, продат, заменит не без особливого однакъ нашего на то позволения, а для беспеченства и обороны замьку Стародубьского, повинен будетъ на плацу своимъ домъ в замьку для себе збудоват и в ним завше челядника албо подворника народу полского албо литовского ховат з мушкетомъ и инымъ оружомъ пешому належакомъ, а под час явное войны и самъ въ замьку яко иншые обыватели такъ и он под послушенствомъ старосты албо капитана тамошнего зостават повинен, а если бы самъ быти не могъ ин такъ доброго яко самъ в особе своей зоставит мает къволи чому живности завъжды на пулрока в замку на обыход свой мети будет, а над то жодное иншое повинности полнит ани жадныхъ податковъ давать и личьбы чьлнит намъ и потомкомъ нашимъ онъ самъ жона дети, и потомкомъ его мужьского рожаю не будутъ повинни, што ствержаючи дали есмо тот листъ привилей нашъ помененому Грегорому Гладкому жоне детемъ и потомкомъ ихъ мужьского рожаю с подписомъ руки нашею и с печатю великого князства Литовского. Писанъ у Варшаве лета Божого нароженя тисеча шест сот двадцат осмого мѣсяца юля двадцат осмого дня, панованя королевствъ нашихъ полского чотырдесятъ первого а шведского тридцат пятого. Sigismundus rex.

(Моск. Архивъ Мин. Юст. Литовская Метрика. Записи Вел. Княж. Лпт. № 102. 1627—1631, л. 46, д. 54).

№ 2. 1625 г.

Przywilej Kozakom Starodębskim.

ZYGMUNT III.

Oznaymujemy tym listem naszymъ wszemъ wobecъ y kaźdemuъ z osobna teraznieyszego y na potymizbędącego wieku ludziomъ Iz za osobliwą łaską y opatrnością Bożą pod szczęśliwymъ panowaniem naszymъ za expeditią y odwagą naszą sumptemъ niemałymъ, Rzptey zamekъ Smolenski a potymъ za expeditią y odwagą Naiasnieyszego Křca Jego Mřci Władislawa сына нашего podъ stolice Moskiewską insze zamki rozne ktore przedъ tymъ za przodkowъ naszychъ dziedziczny nieprzyiaciel

Moskwicin pod czas pokoju poprzysięzonego fortelnie posiadł y oderwał był znowu do panstw naszych przywroczone między którymi y zamek Starodub recuperowany iest, a na czas przyszły zabiegając fortelom nieprzyacielskim aby zamek nasz Starodub w woiewodztwie Smolenskim leżący na którym nam y Rrptey siła należy tym pewnieszą y doskonalszą od Incursiey nieprzyacielskiey obrone miec mógł. Zsyłalismy commisarzow naszych urodzonych Alexandra Corwina Gosiewskiego referendarza y pisarza W° X° Litt° Wielizkiego Punskiego Kupiskiego staroste xdza Andrzeia Szoldrskiego proboszcza Gnieznienskigo y Kruswickiego kanonika Krakowskiego Baltazara Strawinskigo Mozyrskiego y Rohaczewskiego staroste ciwuna Trockiego y collegowich aby przyinnym obmyślaniu obespiechenstwie tamtych mieysc ludzmi służalymi y ten zamek Starodub iako naywięcey byc moze opatrzyli y osadzili. Ponieważ naymując żołnierza apoborow ktore pewnosci niemaią gdyż aż za zgodą wszystkich stanow seymowych bywaią pozwalane azduierz bez zapłaty zoldu do zatrzymania trudny iest zaczym wątpliwosc w bespiechenstwie mieysca tamtego zawsze byc muszała, co upatruiąc z gruntow y z osiadłosci tameyszych pewne presidza zamkowi tameiszemu postanowie roskazalismy. Jakoz czyniąc dosyc roskazaniu naszemu niemałą częsc dobr tamtych między ludzie zasłużone spewnymi conditiami do obrony naznaczywszy zosobna na osiadłosci przy zamku Starodubi w grunciech tameyszych włok czterysta na koni sto rycerskiey kozackiey służby po cztery włoki na koń ieden naznaczaiąc ukazali których urodzony Hieronim Ciechanowicz podsędek y woyt Smolenski reworizor nacz z mierniczym tameyszym przysięgłym po miare verificowac y kozdemu zosobna wymierzyc y listem swym specificowac powinni będą. Jakoż niektorzy przyiawszy iuz tam na tych grunciech oszadłosci, donosili prosbę swą do nas abysmy im pozwoliwszy chorągiew osobną miec te grunty osiadłosci ich przywileiëm naszym na wieczne czasy utwierdzili za którymi y niaisniejszy Krolevic Jego Msc Władysław syn nasz iako administrator tamtych prowincy przyczyną swą donas wnosil. Co my bacząc byc za rzecz słuszną y bespiechenstwo zamkowi tameiszemu tym więcey pomnazaiąc y funduiąc a czyniąc to na przyczyne Krolewica Jego Mści naprzod pozwalamy im miec chorągiew osobną czyrwoną z krzyżem błękitnym ktora ma byc w dozorie, y we władzy przełożonego zamku tameyszego te grunty osiadłosci ich według pomiary przywileiem naszym na wieczne czasy utwierdzamy także place w zamku na pobudowanie domow y ogrod y za tymże zamkiem Starodubem przerzeczonemu rycerstwu naszemu

na służbie rycerskiej zamkowej kozackiej do obrony zamku tamejszego im samym zonom dzieciom y potomkom ich na wieczne czasy dawamy, y tym listem przywileiem naszym utwierdzamy. Ma kozdy ktory te włoki na kon ieden abo na koni dwa obiał lubo na potym przymie sam zona dzieci y potomkowie iego z lasy sianozęciami rzekami zwrębem do puszczy na pobudowanie y ze wszystkimi ynszymi przynależnosciami y pozytkami ktore wynalezione byc mogą trzymac y uzywac, ktore te dobra wolno będzie kazdemu z nich za wiadomoscia naszą albo przełożonego naszego na zamku Starodębskim będącego dac darowac przedac frymarczyc zapisac takiemu iednak ktoryby mógł powinosc na dobra te włożone statecznie y sposobnie odprawowac a zeby tym przedzey na placach sobie ukazanych domy budowac folwarki sporzadzic y gospodarstwa swoje tam zawiesc mogli, tedy dawamy im na szesc lat wolności w ktorych zadney powinności pełnic niemają. A po expirowaniu tych szesc lat służbą rycerską kozacką y teraz w zamku kolejną y gdzie im ukazana będzie według czasu y potrzeby od przełożonego zamkowego odprawowac y obecnie tam residowac mają. A gdy ktoremu potrzeba ukaze yndzie na czas odiachac tedy powinien będzie przełożonemu zamkowemu opowiedziec y od niego pozwolenie na to wziąc ktore on uwazywszy iednak czas bespеченstwa zamkowego bronie niema. Sprawy y sądy tymze prawem y statutem ktorym sie kozacy Smolenscy sędzą przez staroste a w niebytnosci przez capitana odprawowane byc mają y sprawy ich do xiąg zamkowych Starodębskich a niegdzie indziej wpisowane będą, krzywdy y ublizenia ni od kogo ponosic nie będą, sami tez przystoinie y spokojnie zachowuiąc mają oddawuiąc we wszystkim posluszenstwo przełożonemu na tamtym zamku Starodębskim będącemu y przestrzegaiąc, we wszystkim iako naylepiej bespеченstwa zamku tamejszego dosedity y buntow namnieyszym podobienstwem nie skłaniaiąc się. A popis na kozdą czwiere roku przed przełożonym zamku Starodębskiego odprawowac powinni będą a to waruiąc aby na przyszłe czasy ta służba nasza zamku tamejszego nieginęła, obiecuiemy przy tym pomienionym ludziom imieniem naszym y potomkow naszych ze ich na ynsze posługi ktore kolwiek listow odprawowac zwykli to iest donoszenia listow naszych y przełożonych naszych przymuczac nie będziemy zachowuiąc ich przy wolnosciach w cale w tym liscie naszym opisanych. Nad to dla tym większego y doskonalszego ugruntowania y bespеченstwa zamku tamejszego ymze samym y potomkom ich z łaski naszej krolewskiej pozwalamy, iz gdzie by z dopuszczenia Bozego czogo nie zyczimy y za pomocą Bożą my y potomkowie nasz zabie-

gac w czas temu będziemy do oblezenia od nieprzyaciela zamku Starodębskiego przyszło y przez czas długi oni broniąc mieysca tamtego persewerowac by musieli tedy zołdu po złotych polskich osmiu na kon z skarbu naszego W X Litt° na kozdą czwierz w długim oblężeniu wysłużoną zaplacono im byc ma, którą wyszey opisaną daninę naszą im samym y potomkom ich na wieczne czasy utwierdzaiąc daiemy ten nasz list s podpisem ręki naszej do ktorego y pieczęc naszą W° X° Litt° zawiesic roskazalismy. Pisan w Warszawie dnia III, msca kwietnia roku panskiego MDCXXV panowania krolestw naszych polskiego XXXVIII, a szwedzkiego XXXII roku.

Sigismundus rex.

Alexander Corwin Gosiewski.

Refferendarz y Pisarz.

(Ibidem. I. A./101. s. 219—220. № 76).

№ 3. 1625 r.

Na prawo maideborskie Starodubowi.

ZYGMUNT III ETC.

Oznaymujemy tym listem naszym na wieczne potomne czasy, iz za osoblivą łaską y opatrznoscią Bożą pod szczęśliwym panowaniem naszym wprzod za odwagą nas samych pod Smolensk a potym za expeditią najasniejszego Křca Je° mosci Władysława syna naszego pod stolice Moskiewską iako insze zamki miasta y własci panstwa naszego, ktore był za przodkow naszych dziedziczny nieprzyaciel Moskwicin, pacta złamawszy fortelnie roznemi czasy oderwał y posiadł, tak y miasto nasze Starodęb szczęśliwie z ręk nieprzyziacielskich iest ręcuperowane y do panstwa naszego przywroczone; my upatruiąc, ze to miasto Starodęb będąc na mieysciu obronnym nie tylko samo impety nieprzyziacieskie strzymywac, ale y granicom panstwa naszego W° X° Litt° zasłoną byc moze zyczymy tego ze, wszech miar aby sie iako naybarziej krzepiło y pomnazało y do ozdob przychodziło, a zatym potężniejsze przeciwko nieprzyziacielowi y nagłym niebespieczenstwom ostawał azebysmy do niego ludzie zwłaszcza kupce y rzemiesniki wszelakie przychęcili prawo magdeborskie przykładem innych miast naszych uprzywilowanych tym wszystkim ktorey teraz w miescie naszym Starodębie mieszkaia, albo potym mieszkac będą nadaiemy przywłaszczamy y terazniejszym przywileiem naszym na wiecznosc utwierdzamy y wszystkich mieszczan Starodębskich kupcow rzemiesnikow wszelakich szynkarzow przekupniow y wszelkie mieskiei condi-

tiei ludzie tak względem osob samych iako y względem domow ogrodow y gruntow, ktore miastu naszemu Starodębowi przez rewizora naszego zawiedziona y podane będą, takze względem towarow szynkow y rzemiosł wszelakich od wszelakich praw sądow y iurisdictiony innyhc iako kolwiek nazwanych wymuiemy wyłączamy y oddalamy a samemu tylko prawu Magdeborskiemu, y iurisdictiony urzędu mieyskiego Starodębskiego poddaiemy y wcielamy tak iz od tego czasu wszyscy mieszcianie Starodębscy kupcy rzemieśnicy szynkarze przekupniowie y iakiey kolwiek zabawy mieiskiei ludzie nie mają y nie będą powinni zadney inszey iurisdictiony okrom woity y magistratu mieyskiego Starodębskiego podlegac y odpowiadac, a nadto kupcy przyezdzy rzemieśnicy przekupniowie y inni mieiskiei zabawy ludzie ktorzy by z ynnych miast naszych do miasta naszego Starodębu przyiechali, temuz urzędowi mieyskiemu Starodębskiemu względem towarow y rzemiosł swoich podlegac y o przybyciu swoim do miasta oznaymowac y towary swoje w domu mieysckim goscinnym ktory na to zbudowany będzie składac powinni będą, a iesliby szlacheic ktory albo człowiek służyły domu ogroda albo gruntu miesckiego Starodębskiego nabył albo sie handlem szynkiem y rzemiosłem iakim kolwiek w miescie naszym Starodębie bawyl tedy kozdy takowy temuz prawu Magdeborskiemu y urzędowi mieyskiemu Starodębskiemu podlegac y odpowiadac y ciężary mieysckie ponosic będzie, a dla lepszych porządkow mieysckieh tudziesz dla większey obrony miasta Starodębskiego waruiemy to na wieczne potomne czasy, yz my y successorowie naszymy krolowie Polscy y wielcy xzęta Litewscy nikomu inszemu woitowstwa tego dawac niemamy ieno temu kto na tym zamku naszym starostą albo capitaniem będzie catholicom rzymskiej wiary gdyz zaroznoscją iurisdictiony nie mogła by sie, sposobnie obro- na zamku tameiszego odprawowac, a inszych urzędnikow mieysckieh burmistrzow radziec ławnikow teraz na początku woit spopolstwem a potym zawsze woit z urzędem mieysckim y spopolstwem w wilią nowego lata catholiciego sposzrodka siebie ludzi dobrych cnotliwych y prawa magdeborskiego umiejętných catholiciego rzymskiego i ruskiego z rzymskim ziednoczonego nabozenstwa przykładem miasta naszego Smolenska wedle zwyczaiu orawa magdeborskiego obierac mają, a kiedy ci urzędnicy mieyscy obrani będą y przysięgą zwyczajną urzędową iako y woit wykonaia, tedy zaraz wszystkie sprawy mieysckie wedle biegu prawa magdeborskiego accomoduiac sie zwyczajom miasta naszego Smolenska sądzic y odprawowac winnych karac y sprawiedliwosc skuteczną y nie odwołczną, tak

mieszczanom Starodębskim iako y obcym ludziom czynic powinni będą, a woyta y urzednikow mieyskich Starodębskich iesliby kto krzywdę sobie odnich praetendował, my samy y successorowie naszymy krolowie Polscy y wielcy xiązeta Litewscy za wyniesieniem pozwow mandatow naszych sądzie mamy, a decreta mieyskie Starodębskie y wszelkie sprawy na daley do lat dwudziesta polskim a potym łacinskim ięzykiem a nie ynakszym poniewaz prawo magdeborskie tego potrzebuie pisane byc mają pod utraceniem tego prawa, a iesliby w sądzie ktorym woytowskim burmistrzowskim, albo ławniczym strona ktora kolwiek dekretem rozumiała sie byc ukrzywdzona, tedy kozdemu ukrzywdzonemu od iakich kolwiek dekrétow do nas y successorow naszych krolow polskich y wielkich xiązət litewskich appellatiewy pozwalamy, iednak od takich spraw, ktore by pięciudziesiąt złotych nie przechodziły od sądu woytowskiego burmistrzowskiego y ławniczego appellatie isc niemaią, a do pieczętowania spraw mieyskich Starodębskich urzędu burmistrzowskiego y ławniczego za herb meyski naznaczamy Świętego Ierzego a zeby to miasto nasze Starodęb tym przedęż roślo y zapomagac sie mogło iako im targow y handlew wszelakich przystoynich pozwalamy, tak y to waruiemy isz wolno będzie kozdemu mieszczaninowi Starodębskiemu wiecznymi czasy miody piwa warzyc słody robyc gorzalki kurzyc y wszelkie takowe trunki domowe y przywozne, takze wina małmazye alekanty garcem sprawedliwym albo kwartą wilenską szynkowac bez zadney przeszkody wiecznymi czasy a względem takowey wieczystey w szynkach wolności, powinien będzie kozdy mieszczanin Starodębski na kozdy rok o świętym Marcinie wiesenni zaplacic kapszczyzny po kopie Littew: od kazdego napitku osobliwie ktory sam na sprzedaż robic albo szynkowac będzie a tey kapszczyznie wszyscy iakiego kolwiek stanu ktorzyby gorzałkę robic, albo napitek iaki kolwiek w miescie naszym Starodębskim szynkowac chcieli podlegac będą. Nad to powinni będą wszyscy mieszczanie Starodębscy za takim pozwoleniem szynkow y karczem wszelkie słody y zboza swoje mlec we młyniech naszych y płacic zamliwo wedle ustawy rewizorskiey nakrupy. Jednak wolno im będzie miec iedne zarna na dziesięć domow a dla przygod wszelakich y zepsowania młyna mogą tez sobie zarna chowac; iesliby tez kiedy młyn nasz miasta naiblizszy z iakich kolwiek przyczyn miał sie zepsowac albo grobla naprawy potrzebowała, tedy wszyscy mieszczanie starodębscy iako na gwałt biezec albo czeladz swoje posyłac y groblą u iednego tylko młyna naszego miasta nayblizszego wedle potrzeby zasypowac y słomy na wozie powinni będą, a drzewo chrost kamienie włose do młyna wozic y młyna poprawowac będzie. Nadto powinni będą wszyscy

mieszczanie Starodębscy kozdy od siebie z domu w miescie a z ogroda za miastem dawac do skarbu naszego po piętnastu groszy lit. na rok a z kozdego morgu lub zasianego lub na ugor zostawionego kozdego takze roku po trzy groszi lit. wiecznymiczagy. Poborom tez ktore by Rzecz-Pospolita uchwaila podlegac, płacic powinni będą, a zeby urzędnicy mieyscy ochotniey w urzędach swoich pracowali y dobro pospolite mieyskie obmyslali, nadaimey y funduimey wiecznymi czasy na woytostwo Starodębskie włok czterdziescie na trzech burmistrzow włok piętnascie na pisarza mieyskiego włok dwie od wszelkney powinności okrom poborow Rzecz-pospolitey wolne takze dom woytowski ieden y dom kozdego burmistrza y dom pisarza mieyskiego z ogrodami mają byc od czynszu wyszey opisanego wolne poki kto na urządzie woytowskim burmistrzowskim albo pisarzskim będzie, kozdy s tych tylko urzędnikow mają miec po iednemu domu od czynszu wolnym, takze y włoki urzędnikom nadane nie przy osobach ale przy urzędach wiecznymi czasy ostawac mają, osobliwie na folwark ratuszny do skrzynki mieysckiey nadaimey y funduimey wiecznymi czasy włok sto od wszelkney powinności okrom poborow Rzptej wolnych. Nad to do teyze skrzynki mieysckiey na pospolite mieyskie ozdoby targowe słuszne y zwyczajne od wszelkich rzeczy przywoznych, takze od koni bydła wozow czołnow ryb sledzi, pomiercze tez od zboz przedaynych y wazcze od wag wszelakich towarnych ktore porządne y sprawiedliwe byc mają, zosobna iarmark na dzien S° Jerzego Święta rzymskiego składamy y s tego wszytkiego takze pozytki do skrzynki mieysckiey wiecznymi czasy nadaimey. Dom tez goscinny ieden w miescie dla kupcow z ynnych miast naszych przyjezdzaiących a drugi na przedmiesciu dla kupcow Moskiewskich takze łaznic pospolite, jatki rzeznicze urzędowi mieyskiemu Starodębskiemu zbudowac y ciegielni cztery na mieysciu sposobnym dla robienia cegły y wapna postawic y s tego wszytkiego dochod słuszny, takze od kupcow względem kupiecstwa od rzeznikow piekarzow y wszelkich rzemieśnikow Starodębskich wsgłędem rzemiosła po kilka groszy na rok wedle proportiey pozytku ich do skrzynki mieysckiey wiecznymi czasy brac pozwalamy y od skrzynki mieysckiey my y successorowie naszymy tych pomienionych dochodow miasta nadanych odłączac y oddalac niemamy. To iednak waruimey, aby te dochody nie na prywatne czyie pozytki, ale na mieyskie pospolite porządki y ozdoby przez szafarze mieyskie za wiadomoscią urzędu mieysckiego odbierane y wydawane były, y zeby liczba z nich co rok przed woytem y przed pospolstwem o nowym lecze czyniona była. A mianowicie to na urząd mieyscki Starodębski względem tych dochodow od nas nadanych wkła-

damy aby na ozdobę mieyscką ratusz na mieyscu sposobnym iako nayprzedzey zbudowali y zegar sprawili, y potym zawsze wedle potrzeby naprawowali, y wszelkie porządki y potrzeby mieysckie obmyszlali cechi wszelakie urzędowi mieyskiemu Starodębskiemu stanowic y zakładowac y na potwierdzenie do nas odsyłać pozwalamy. A z to miasto obrony y warunku ustawicznego potrzebuie, to na nich wiecznymi czasy wkładamy, aby kozdy mieszczanin starodębski na naprawe zamku tameyszego powinien był, kozdey zimy wywiesic po dwie drzewie, a po iedney desce ciosaney z placu czego urząd zamkowy pospołu z urzędem mieysckim doglądac będą aby obrona około miasta zawsze naprawna była, a nad te powinność y podatki wyszey opisane zadnych inszych mieszczanie naszymy starodębscy pełnic, strazey zadney okrom tylko sami sobie około miasta odprawowac, listow nosic włowy chodziec y robotom zadnym podlegac nie będą powinni wiecznymi czasy posłuszenstwo iednak względem obrony przełożonym zamkowym oddawac, rynsztunki do obrony miec gotowe y na kozdą czwierc roku przed urzędem zamkowym lantwoytowskim y mieysckim popisowac sie powinni będą. Podwoy pod posłance nasze y to za własnymi tylko listy naszymy wedle zwyczaju innych miast naszymy po wysciu wolności nadaney dawac mają, a inszy zaden brac ich u nich nie powinien. Iesli by tez kupiec z ynszego miasta towar iaki do Staroduba przywozł ma go ogulem a nie łokciem ani kwartą przedawac. Co wszystko na wieczność utwierdzając podpisalismy ten list przywilej nasz ręką naszą, do ktorego y pieczęć naszą W^o X^a Litt^o zawiesic roskazalismy. Pisan w Warszawie dnia XXVII msca Maia roku Panskiego MDCXXV panowania krolestw naszymy Polskiego XXXVIII a Szwedzkiego XXXII roku.

Sigismundus Rex.

(Ibidem. I. A./101. т. 312—315. док. 137).

№ 4. 1625 г.

O naprawienie mostow na drogach Czernihowskiej Poczepowskiej y Trubeckiej. List do PP Commisarzow.

ZYGMONT III.

Commisarzom naszym od nas do sprawy nizey mianowaney naznaczonym urodzonemu Hrehoremu Sienkiewiczowi Starodubskiemu Hieronimowi Judyckiemu Rzeczyckiemu podkomorzym a Jakubowi Proszyckiemu sędziemu ziemskiemu Starodubskiemu. Dana nam iest wiadomość od obywatelow woiewodztwa Smolenskigo z zamkow pogra-

nicznych Starodubu Poczapowa y Trubecka, takze z xięstwa Czerni-howskiego ze z W^o Xtwa Litewskiego z kraioy ruskich iako z Smolenska z Orszy z Mohilowa y z inszych zamkow podnieprzkich gosciniac zwykły starodawny na Czczersk do Staroduba y do inszych pomienionych zamkow naszych nie wypowiedzianym sposobem dla trudnych y złych przeiazdow na rzekach na błotach nie tylko wozem ale y pieszemu z wielkim uciążeniem y szkodą drogi są nie przebyte. Zaczym do tam tych zamkow gosc kupiecki człowiek iachac, ani towarow iakich prowadzić nie moze lądem, y skarb nasz za tym umnieyszenie w pozytkach swych odnosic musi. Dla czego z sýłamy ktorzy tam ziachawszy naprzod wszystkich Czczerska y włosci do tego starostwa przynależący wszytkich dzierzących przez listy swoje odwiesc macie zeby sie spolnie z W. W. tam na to mieysce gdzie zwykły gosciniac od Czczerska do Starodubu y do inszych tam zamkow y włosci lezy, tamze starodawnego zarobienia potey drodze mostow, kto był powinien poddanym dzierzawy swey zarabiac opatrzyli, y pilną o tym wiadomosc wzięli. Stare mosty naprawowac a nowe mosty budowac tymze poddanym z dzierzących kozdego z nich, a osobliwie na rzekach więkzych promy dla przewozow bezpiecznieyszch dostatecznie y pozządnie pobudowac miec aby sie W. W. przykazali y postanowili. Tak iakoby wszędzie po tych goscincach tak w powiecie Rzeczyckim na gruntach starostwa Czczerskiego a tam daley za granicą Czczerską y Rzeczycką włosciami Starodubskimi y innemi do tego przynależącemi zeby stare naprawione y nowe mosty pobudowane byli, tamze zaraz W. W. od ludzi kupieckich y wszelkiego stanu temi drogami do zamkow miast y miasteczek wysz opisanych przeiezdzających (oprocz stanu szlacheckiego) według uwazenia y słusznosci samey cło mostowie postanowicie y do skarbu naszego przy zamkach do ktorych drogi przynalezec będą oddawac nakazecie, a nieprzybycie jednego ktorego z W. W. nie tey sprawie przeszkodzac niema, i owszem dway przybytych konczyc to będą mogli zawieraiąc ten act na nieposłusznych tak w budowaniu na prawowaniu mostow y promow iako y w powinności na wydawanie cła postanowionego. Winami w prawie pospolitem opisanemi z nagrodzeniem szkod podiętych kozdemu ukrzywdzonemu, uczynie to W. W. dla łaski naszej a z powinności na W. W. włożoney. Pisan w Warszawie dnia XII miesiąca Marca roku panskiego MDCXXV^o panowania krolestw naszych polskiego XXXVIII a szwedzkiego XXXII roku.

Sigismundus rex.

(I. A./101. з. 165).

№ 5. 1652 г.

Prorogatio robienia towarow lesnych w Starodębszczyźnie wielmożney woiewodziney Trockiey względem robienia po te czasy dla buntow chłopskich.

JAN KAZIMIERZ.

Oznaymujemy tym listem naszym komu to wiedziec należy iako smy w roku przeszłym tysiąc szesc set piędziesiątym msca stycznia piętnastego dnia dalismy byli consens wielmożnemu niegdy Mikołaiowi Abramowiczowi woiewodzie Trockiemu y małżonce iego wielmożney Elżbiecie z Tulin Hornostaiownie na robienie wszelakich towarow lesnych w lasach starostwa Starodubowskiego gdzie przed tym urodzony Hewel factor nasz rabiał, także respectuiąc na stratę y splądrowanie przez rebellisantow majątnosci iey ukrainnych do lat szesciu tak y za terazniejszą wniesioną do nas przez niektorych panow rad y urzędnikow naszych dwornych imieniem posostałej małżonki iego wielmożney Elżbiety z Tulin Hornostaiowny prozbą prorogowawszy to robienie towarow względem nierobienia dla buntow poddanych naszych w tam tych miejscach mieszkających także w dobrach iey prawem lennym służących Mhlinkich y we wszystkich iey przynależnościach do lat osmiu pozwolilismy y tym listem naszym pozwalamy wielmożney woiewodziney Trockiey wszelakie towary lesne iako to potasz szmalcugę klepkę wanczos y inne wzwysz mianowanych lasach bez placenia pniewszczyzny y czynienia liczby do skarbu naszego z wolnym zawarciem z kim kolwiek o to robienie towarow contractu od zawarcia contractu vigore tego consensu naszego rachuiąc wyrabiac y one na swoy własny pożytek obracac co do wiadomosci wielmożnego podskarbiego wielkiego xięztwa Litewskiego terazniejszego y napotym będących także urzędnikow skarbownych y innym wszystkim komu to wiedziec należy przywodząc chcemy miec y roskazujemy aby scie pomienioney wielmożney Elżbiecie z Tulin Hornostaiownie woiewodziney Trockiey abo temu z kim kontrakt zawarty będzie towary lesne na każdym miescu gdzie kolwiek będą ładem lub wodą spuseżane y sprowadzane pod wolnością szlachecką krom wszelakiego zatrudnienia przepuszczone były y żadney im w robieniu pomienionych towarow do wyscia lat wzwysz namienionych przeszkody nie czynili dla łaski naszej naco dla lepszey wiary ręką się naszą podpisawszy pieczęć wielkiego Xięztwa litewskiego przycisnąć roskazalismy.

Dan w Warszawie dnia XXIII m̄sca łutego roku panskiego MDCLII°
panowania naszego Polskiego IV° Szwedzkiego V° roku.

Jan Kazimierz Krol.

(Ibidem. Записи Бел. Княж. Лит. № 127. 1651—1653 г. л. 258).

№ 6. 1642 г.

Consens urodzoney Kotowskiej na ustąpienie dobr w powiecie Starodubowskim Źrodzonemu Janowi Ciundziewickiemu.

Jan Kazimierz z Bożej łaski Król Polski, wielkie Xiążę Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Mazowieckie Inflantskie, Smolenskie, Czernihowskie, a Szwedzki, Gottski, Wandalski dziedziczny Krol.

Oznaymuiemy tym listem naszym komu to wiedziec należy. Iż maiąc wzgląd y miłosciwe baczenie, na zasługi urodzonego Jana Stańkowicza Ciundziewickiego, skarbnika Starodębskiego, ktore on niasniejszy krolom ich mosciom antecessorom naszym, y nam samym w roznych expeditiach, Wołoskich, Moskiewskich, y Inflantskich, z młodych lat służąc rozne officia woyskowe z pochwałą panow hetmanow y wszytkiego rycerstwa odprawował, do żadnych się buntow nigdy nie wiązał y w świeżo przeszley Imprezie kozackiey nam y Rzeczy Pospolitey wiernie cnotliwie z niemalym uszczerbkiem zdrowia y substantiey swoey służył y na wielu publicznych ziazdach zyczliwe usługi swe przeciwko nam oswiadczał, pozwolili my y ninieyszym listem naszym pozwalamy urodzoney Helenie Theodorze Vmarewiczównie Mikołaiowey Kotowskiej aby się mogła pewnych dobr w powiecie Starodubowskim w trakcie Poczapowskim leżących od S. pamięci krolow ich msc antecessorow naszych urodzonemu niegdy Mikołaiowi Kotowskiemu małżonkowi iey zeszlęmu prawem lennym wiecznością, a iey Kotowskiej do zywota conferowanych, a po zeszlęmu małżonku, krom potomstwa męzkiego rodzaju, w dzierżeniu oney będących mianowicie derewien y dobr nazwanych, iedne Mataszewo a drugich Demianowo na rzece Kosciicy z przynależnościami nazwanemi, Czarne oko y z lasem Radobinskim y ze wszytkimi zdawna do tych dobr attinentiami na osobę urodzonego Jana Ciundziewickiego nam y Rzeczy Pospolitey dobrze zasłużonego prawa dożywotnego na te dobra służącego zrzec y na osobą onego mocą ktorego w lewku prawnego na którym kolwiek urządzie należnym legitime uczynionego, a powagą ninieyszego consensu naszego, ma urodzony Jan Ciundziewicki z małżonką swą wyzey mianowane dobra Demianowo y Mataszewo

ze wszystkimi zdawna do nich przynależnościami, z poddanemi y ich powinnościami, z gruntami oromemi, y nieoromemi, borami dąbrowami, lasami gaiami sianożęciami rzekami jeziorami stawami młynami y ich wymiatkami, z drzewem bartuym z łowy zwierzynnymi y rybami, gony bobrowemi, y wszelakimi zdawna do tych dobr przynależnościami z placami y ogrodami na posadzie w miescie Poczapowskim, y wszystkimi innemi przyległościami podług opisanja commissarzow od S. pamięci krola iego mosci pana oycy naszego do księstwa Siewierskiego zesłanych na się objawszy z małżonką y potomstwem swym męzkiego rodzaju, poki ich z liniey stawac będzie, prawem lennym wieczystym pod wolnością szlachecką trzymac y wszelakich pożytkow (krom robienia towarow lesnych) spokojnie zażywac y onych sobie przymnażac wiecznemi czasy, conditiom iednak o obronie zamkow Siewierskich w constitutiach opisanym pod ważnością tego prawa dosyc czyniąc. Na co dla lepszey wiary ręką się naszą podpisawszy pieczęć W^o X^a Lt^o przycisnąć roskazalismy. Dan w Warszawie dnia II° miesiaca marca roku panskiego MDCLII^o panowania krolewstw naszych Polskiego y Szwedzkiego IV° roku.

Jan Kazimierz Krol.

(Ibidem. Зап. Бел. Кн. Лит. № 127. 1651—1653. з. 274).

№ 7. 1652 г.

**Consens wielmożney Abramowiczowey woiewodziney Trockiey ad cedendum dzierzawy Mhlina lenney w Starodębszczyźnie komu
-chiać. JAN KAZIMIERZ ETC.**

Oznaymuiemy tym listem naszym komu to wiedziec należy na zaślugi wielmożnego Mikołaja na Wornianach Abramowicza woiewody Trockiego nam y Rzptey w wielu occasiach woiennych oddawane respectując pozwolilismy y tym listem naszym pozwalamy pozostałej małżonce iego wielmożney Helzbiecie z Tulin Hornostaiownie Abramowiczowey woiewodziney Trockiey, aby mogła z prawa się swego lennego na dzierzawę Mhlinską z miastem y włością do niego należącą w woiewodstwie Smolenskim w starostwie Starodubowskim leżący sobie służącego zrzec ustąpić y wlewek onego na osobę iaką s kolwiek narodu szlacheckiego uczynic. Mocą ktorego wlewku prawnego w urzędzie ktorym kolwiek należnym legitime uczynionego, a powagą tego consensu naszego, ma y wolna będzie osoba ta na którą wlewek prawa od wielmożney woiewodziney Trockiey na pomienioną dzierzawę

Mhlinską uczyniony będzie tę dzierzawę z miastem Mhlinem włością do niego należącą, z Drokowem, wsiami, slobodami, pustoszami, gruntami, poddanemi ich powinnościami, z puszciami, lasami, borami, drzewem bartnym, danią miodową, złąkami, gajami, sianozęciami, jeziorami, rzekami, stawami, młynami, rudniami, łowy rybnemi y zwierzynemi, gony bobrowemi y innemi wszystkimi in genere et specie przynależnościami nic z niey niewymuiąc ani wyłuczając ze wszystkim tym, iako oney wielmożna Abramowiczowa woiewodzina Trocka dzierzącą była, na się obiawszy spokojnie sam małżonka dzieci y potomkowie ich męskiego rodzaju poki onych z liniey ich stawać będzie prawem lennym wieczystym trzymać używać y wszelakich tam sobie pożytkow przymnażać zadney nam y do skarbu naszego niepełniąc powinności tylko conditiom o obronie zamkow siewierskich w constitutiach seymowych opisanym dość czyniąc. Naco dla lepszey wiary ręką się naszą podpisawszy pieczęć W° X° L° przyciśnąc roskazalismy. Dan w Warszawie dnia VI° msca marca roku panskiego MDCLII° panowania naszego polskiego y szwedzkiego IV° roku.

Jan Kazimierz Krol.

Jan Dowgiało Zawisza.

Referendarz y Pisarz W° X° L°.

(Ibidem. Записи Бел. Княж. Лит. № 127. 1651—1653 г. л. 280 об.—281).

№ 8. 1652 г.

Consens urodzoney Sokołowskiej łowczyney Starodubowskiej ad cedendum derewien Tawlukowszyczna, Kudraiowszczyzna nazwanych lennych w powiecie Starodubowskim leżących komu chcąc.

JAN KAZIMIERZ ETC.

Oznaymuiemy tym listem naszym komu to wiedzieć należy. Pozwolilismy y tym listem naszym pozwalamy urodzoney Helenie z Borowa Sokołowskiej łowczyney Starodubowskiej, aby mogła z prawa się swego na pewne dobra nasze derewnie Tawlukowszczyzna y Kudraiowszczyzna nazwane w wdztwie Smolenskim w powiecie Starodubowskim leżące prawu lennemu wieczystemu podległe służącego rzec ustąpić, y wlewek tegoz prawa lennego na osobę iaką kolwiek narodu iednak szlacheckiego uczynić, mocą ktorego wlewku prawnego na którym kolwiek urządzie należnym legitime uczynionego a powagą

tego consensu naszego, ma y wolna będzie osoba tam ta na którą wlewek prawny od urodzoney Sokołowskiej uczyniony będzie wyżej mianowane dobra nasze derewnie Tawlukowszczyzna y Kudraiów-szczyzna nazwane na się obiąwszy spokojnie z poddanemi ich powin-nosciami gruntami, lasami, borami, gajami sianozęciami, ieziorami, rzekami, drzewem bortnym, danią miodową, gony bobrowemi y innemi wszelakiemi in genere et specie do tych dobr przynależnosciami przy-ległosciami y pozytkami sam małzonka dzieci y potomkowie ich mę-skiego rodzaju poki ich z liniey iego stawac będzie prawem lennym wieczystym trzymać używać y wszelakich tam sobie pozytkow przymna-żać zadney nam y do skarbu naszego niepełniac powinności tylko conditionom o obronie zamkow Siewierskich w constitutiach seymowych opisanym dośyc czyniac. Naco dla lepszey wiary ręką się naszą pod-pisawszy pieczęc W° X° L° przycisnac roskazalismy. Dan w Warsza-wie dnia XII° msca marca roku panskiego MDCLII° panowania Krolstw naszych Polskiego y Szwedzkiego IV° roku.

Jan Kazimierz Krol.

Jan Dowgiąło Zawisza.

Referendarz y Pisarz W° X° L°.

(Ibidem. Записи Вел. Княж. Лит. № 127. 1651—1653 г. л. 298).

№ 9. 1765 года.

Вѣдомость коликое число въ нижеписанныхъ полкахъ состоитъ ранговыхъ маетностей принадлежащихъ на господъ полковни-ковъ, полковую старшину, сотниковъ и другихъ чиновъ такожь урядниковъ магистратскихъ, учиненная зъимѣющихся въ канце-лярїи скарбовой вѣдомостей отъ полковыхъ канцелярїй при-сланныхъ.

Въ полку стародубовскомъ по вѣдомости полковой староду-бовской канцелярїи 1760 году показано на рангъ полковника ста-родубовскаго въ сотнѣ первой полковой въ селѣ Картушинѣ:

Подданныхъ — 19; у нихъ: поля четвертокъ на 20, огородовъ ко-нопляныхъ на 11 четвертокъ и три четверика, сѣнокоса возовъ на 95; бобилей при самихъ огородахъ — 16. Къ оному жъ селу болѣе никакихъ угодїй неимѣется. А по ревизїи 1764 году показано во-номъ селѣ Картушинѣ во владѣнїи полковника стародубовскаго господина Хованскаго 52 двора, 52 хаты, 21 бездворныхъ хатъ.

По вѣдомости съ полковой же стародубовской канцеляріи 1760 году показано сотнѣ топалской волости чолховской въ селѣ Чолховѣ:

Дворъ волостній зъ строеніемъ изсадомъ; къ тому двору принадлежноти: винокурній заводъ о трохъ котлахъ, огородъ пенечній, на которомъ засѣвается конопель шесть четвериковъ, шинкъ въ подданическихъ хатахъ, сѣнокосу чистаго возовъ на 50 да притомъ запущеннаго и зарослаго возъ на 100; мельница зъ рыбною ловлею на рекѣ Трубеши объ одномъ мучномъ и объ одномъ же валюшномъ и просяномъ колахъ, въ которой мельницѣ со всѣхъ приходоу на мельника третья часть; другихъ же никакихъ угодій ктому двору принадлежащихъ вономъ селѣ Чолховѣ неимѣется. Подданическихъ дворовъ — 72. Къ темъ дворомъ дѣлевого пахотнаго и сѣнокоснаго грунту со всякими угодіи имѣется двадцать четвертокъ да впусгѣ оноу дѣлевого пахотнаго и сѣнокоснаго грунту находится двѣ четвертки да четвертая и осмая часть четвертки, которимъ всѣмъ владѣютъ онежъ чолховскіе обиватели всѣ обще. При оноу же селѣ Чолховѣ недѣлевого общаго грунту злѣсомъ и боромъ долиною верстѣ шесть, а вширь верстѣ на двѣ, въ которомъ грунтѣ и вышепоканіе недѣлевіе разработніе сѣнокоси положеніемъ находятся. Бобильскихъ безогороднихъ двориковъ 16. А по ревизіи 1764 году показано на рангъ полковника стародубовскаго вономъ селѣ Чолховѣ дворовъ 82, въ тѣхъ дворахъ хатъ 82, бездворнихъ хатъ 33.

Въ деревнѣ Роговѣ: дворъ владѣльческій, шинкъ въ подданическихъ хатахъ, подданическихъ пашеннихъ жилихъ дворовъ 23 къ ониу дворау дѣлевого пахотнаго и сѣнокоснаго грунту со всякими угодіи имѣется восьмъ четвертокъ; да особливо недѣлевого разработнаго яда пахотнаго, посѣвомъ ржи два четверика, а сѣнокоснаго возовъ на два сѣна, и оной же третей части четвертки, имѣется верховой отчини бортнихъ деревъ 13; бобильскихъ безогороднихъ двориковъ 8; да при той же деревнѣ Роговѣ недѣлевого общаго грунту лѣсоваго и борового между которымъ имѣется, боръ згодній и на строеніе, долиною верстѣ на три въ коеу грунтѣ и вышеписаніе разробленіе пашенніе яда и сѣнокоси имѣются. А по ревизіи 1764 году показано воной деревнѣ Роговѣ ранговихъ полковника стародубовскаго дворовъ 37, въ тѣхъ дворахъ хатъ 37, бездворнихъ хатъ 26.

Въ слободѣ Новихъ Щербиничахъ: кдвору волостному чолховскому принадлежащее, а именно: гумно здвома овинами, едно при

которомъ и двѣ жилие хати; шинкѣ поочередно въ подданическихъ дворахъ находящійся еденъ; огородовъ пенечныхъ посѣвомъ четвертей на три конопель; лановъ пахатныхъ ведной змѣнѣ два, на оныхъ висѣвается 26 четвертей; вѣднужой змѣнѣ еденъ ланъ на ономъ висѣвается 29 четвертей; въ третей змѣнѣ ланъ еденже на ономъ висѣвается 25 четвертей ржи; подданическихъ пашенныхъ жилищъ дворовъ чѣтири, кѣмъ дворахъ принадлежащаго подѣлковаго пахотнаго и сѣнокоснаго грунту со всѣми угодіи одна четвертка, бобыльскихъ безогородныхъ двориковъ кромѣ тѣхъ двоухъ хатъ при гумнѣ къ двору чолковскому принадлежащемъ стоячихъ 8. А болше вышписаннаго коной слободкѣ ныкакихъ другихъ угодій нимаю нетъ; живушіе жъ въ вышписанныхъ дворахъ подданіе по всѣмъ своимъ надобностямъ имѣють входъ той же волости чолковской вгрунта деревнѣ Старихъ Щербиничъ, въ конѣхъ грунтахъ оніе пахотніе подданіе какъ поля сверхъ вышписаннаго дѣлевого ихъ поля, такъ и сѣножати ростеребніе имѣють, и на оныхъ ростеребныхъ поляхъ всякой вышписанной пахотной подданной на свою часть висѣваетъ ржи по два четверика, а сѣна накошуется возовъ по два. А по ревизіи 1764 году показано всегѣ Щербиничахъ на рангъ полковника стародубовскаго дворовъ 7, въ тѣхъ дворахъ хатъ 7, бездворныхъ хатъ 11; въ деревнѣ Старихъ Щербиничахъ принадлежащихъ къ двору волостному чолковскому шинкѣ по очередно въ подданическихъ дворахъ находящійся еденъ. Мелница на реке Вагѣ о двоухъ колахъ мучныхъ, да ободномъ коле сукновальномъ и просяномъ зрбною ловлею една, въ которой мельници здоходовъ третяя часть на мелника.

Подданическихъ жилищъ дворовъ пашенныхъ 60; кѣмъ дворахъ принадлежащаго пахотнаго и сѣнокоснаго дѣлевого грунту со всѣми угодіи двадцать четвертокъ, и на оныхъ всѣхъ тѣхъ дѣлевого грунту четверткахъ (кромѣ разробленныхъ недѣлевыхъ пахотныхъ лядъ) вкаждой змѣнѣ висѣвается ржи по чѣтири четверти, а на сѣножатехъ дѣлевыхъ (кромѣ разробленныхъ недѣлевыхъ сѣнокосовъ) накошуется на всякую четвертку сѣна по пятнадцать возъ; на огородахъ же пенечныхъ висѣвается тожъ на всякую четвертку конопель по шести четвериковъ; верховой отчини на всякую четвертку бортныхъ деревъ по тридцать; таможъ въ деревнѣ Старихъ Щербиничахъ бобыльскихъ безгородныхъ двориковъ тридцать; да три той же деревнѣ Старихъ Щербиничахъ недѣлевого общаго грунту борового, между чимъ имѣется згодно и настроніе долиною верстъ на чѣтире, а вширь на одну версту,

между котрымъ лѣсомъ и вишеписанніе сверхъ дѣлевого ихъ щербинцовъ пахотной землѣ и сѣнокосовъ разробленіе пахотніе ляда и сѣнокоси имѣются. А по ревизіи 1764 году показано въ деревнѣ Щербиничахъ на рангъ полковника стародубовскаго дворовъ 39, въ тѣхъ дворахъ хатъ 39, бездворныхъ хатъ 44.

Въ селѣ Денисовичахъ принадлежностей къ двору волостному чолковскому шинкѣ въ подданическихъ дворахъ находячійся единъ, мельница на реке Ректе о одномъ мучномъ колѣ зрибною ловлею една, воной въ приходахъ третья часть мельницкая; пахотного поля въ одной толко змѣнѣ ланъ еденъ на котромъ висѣвается ржи двадцать четвертей, огородъ пенечній прозиваемій шаріевичевскій еденъ на котромъ висѣвается конопель четверть, сѣножатей возовъ на 60 сѣна, подданическихъ пашенныхъ жилищъ дворовъ 30 ктемъ дворамаъ принадлежащаго пахотного и сѣнокосного дѣлевого грунту со всѣми угодіи (кромѣ козачей) 16 чвертокъ и на онихъ всѣхъ тѣхъ дѣлевого грунта чверткахъ (кромѣ разробленныхъ недѣливыхъ пахотныхъ лядъ) въ каждой змене висѣвается ржи по двѣ четверти, а на сѣножатахъ дѣлевыхъ (кромѣ разробленныхъ недѣлевыхъ сѣнокосовъ) накошуетя на всякую чвертку сѣна возовъ по 10; на огородахъ же пенечныхъ висѣвается тожъ на всякую чвертку конопель по четверти; верховой отчини (кромѣ козачей) на всякую чвертку имѣется бортныхъ деревъ по 50, бобилскихъ двориковъ 14 смалими варивними огородчиками; да при ономъ же селѣ Денисовичахъ недѣлевого общаго казачаго и посполитаго лесу и бору, вдолжъ на десять а вширь на шесть верстъ между котрымъ общимъ лесомъ и боромъ имѣются ихъ денисовскихъ обивателей посполитыхъ (кромѣ козачаго) вышшеупомянаеміе недѣловіе разробленіе пахотніе и сѣнокосніе ляда посѣвомъ на толикое жъ число сколько въ нихъ же и на дѣловомъ денисовскихъ подданныхъ вышшепоказанномъ полѣ висѣвается и на сѣнокосахъ дѣловыхъ же сѣна накошуетя. А по ревизіи 1764 году показано вономъ селѣ Денисовичахъ на рангъ полковника стародубовскаго дворовъ 34, въ тѣхъ дворахъ хатъ 34, бездворныхъ хатъ 29.

Въ деревнѣ Лисихъ принадлежностей къ двору волостному чолковскому шинкѣ поочередно въ подданическихъ дворахъ единъ; мельница на речке Грезивце объ одномъ мучномъ колѣ да валушня объ одномъ же колѣ зрибною ловлею една, въ которой съ приходовъ третья часть мельницкая; въ оной же деревнѣ подданическихъ жилищъ дворовъ 25, къ тѣмъ дворамаъ принадлежащаго па-

хотного и сѣнокосного дѣлевого грунту со всѣми угодіи восѣмъ четвертокъ и на онихъ всѣхъ тѣхъ дѣлевого грунту четверткахъ (кромя розробленныхъ пахотныхъ недѣлевыхъ лядъ) висѣвается ржи на каждой четвертки въ одной змѣнѣ по три четверти а въ двухъ змѣнахъ по двѣ четверти по четыре четверика; а на сѣножатыхъ дѣлевыхъ (кромя розробленныхъ недѣлевыхъ сѣнокосовъ) накошуеться на всякую четвертку сѣна возовъ по четыре, на огородахъ же пенечныхъ висѣвается тожь на всякую четвертку конопель по четыре четверика, верховой отчины на всякую четвертку имѣется бортиныхъ деревъ по двадцать; бобыльскихъ безогородныхъ дворовъ 10, да при той деревнѣ Лисихъ недѣлевого общаго лѣсу и бору вдоль на две а въ ширь на одну версти, между котормъ лесомъ и боромъ состоятъ ихъ лисовскихъ обивателей и вышеупомянае недѣлевіе разробленіе пахотніе и сѣнокосніе ляда; а по ревизіи 1764 году показано въ деревнѣ Лисихъ на рангъ полковника стародубовскаго дворовъ 17, въ тѣхъ дворахъ хатъ 17, бездворихъ хатъ 20.

Въ селѣ Замишевѣ принадлежностей двору волосному чолковскому шинкѣ по очередно въ подданическихъ дворахъ еденъ; подданическихъ пашенныхъ жилищъ дворовъ 42; къ темъ дворамъ принадлежащаго пахотного и сѣнокосного дѣлевого грунту со всѣми угодіи 20 четвертокъ; на онихъ всѣхъ техъ дѣлевого грунта четверткахъ висѣвается ржи на каждой четвертки во всякой змѣнѣ по четыре четвертки и по четыре четверика.

На огородахъ пенечныхъ висѣвается тожь на всякую четвертку конопель по шести четвериковъ; а сѣножатей по всему тому грунту такожь верховой отчины и розробленныхъ недѣлевыхъ лядъ не имѣется; болотожь прозиваемое Ратово при томъ селѣ Замишевѣ хотя и есть толко оное въ нинѣшнихъ годахъ не косится; бобыльскихъ дворовъ безогородныхъ 22, да при варивномъ огородчику—1 и того 23. А по ревизіи 1764 году въ селѣ Замишевѣ показано ранговихъ полковничества стародубовскаго дворовъ 48, въ тѣхъ дворахъ хатъ 48, бездворнихъ хатъ 44.

Въ селѣ Синемъ Колодезѣ принадлежности къ двору чолковскому волостному шинкѣ по очередно въ подданическихъ дворахъ еденъ, огородъ пенечній на котормъ висѣвается конопель четверть една, лановъ пахатныхъ во всѣхъ трохъ змѣнахъ девять, на онихъ висѣвается ржи 19 четвертей 4 четверика, сѣножать на Ратовомъ болотѣ една на 10 возъ, подданическихъ пашенныхъ жилищъ дворовъ—24, къ онимъ дворамъ принадлежащаго дѣле-

вого пахотного и сѣнокосного грунту со всѣми угодіи имѣется пять четвертокъ и на оныхъ всѣхъ тѣхъ дѣлевого грунта четверткахъ въ каждой змѣнѣ высѣвается на четвертки по шесть четвертей, а на сѣножатахъ накошуеться на всякую четвертку по двадцать возовъ сѣна, на огородахъ пенечныхъ высѣвается тожъ на всякую четвертку конопель по четверти, верховой же отчины и розробленныхъ недѣлевыхъ пахотныхъ лядъ и сѣножателей ни мало нетъ, бобыльскихъ двориковъ при варивныхъ огородчикахъ — 12, а по ревизіи 1764 году въ селѣ Синемъ Колодезѣ показано въ ранговомъ полковника владѣній дворовъ — 18, въ тѣхъ дворахъ хатъ 18, бездворныхъ хатъ 21, по репорту полковой стародубовской канцеляріи на рангъ полковника стародубовского показана рудня унецкая на откупу, а по ревизіи 1764 году показано въ руднѣ унецкой онажъ и шрубовка во владѣніи ранговомъ полковника стародубовского дворовъ — 1, въ тѣхъ дворахъ хатъ 1, бездворныхъ хатъ 27, и того ранговыхъ полковника стародубовского — дворовъ — 338, въ тѣхъ дворахъ хатъ 338, бездворныхъ хатъ 276.

По вѣдомости полковой же канцеляріи показано: на чинъ судіи полкового стародубовского сотнѣ первой полковой въ деревнѣ Митничихъ еденъ дворъ, при ономъ огородахъ конопляныхъ два на четверть, поля пахотного шостка, на оной высѣвается ржи четвертей три, сѣнокосу на пять возовъ да на ономъ же дворѣ особливо бабильскихъ хатъ двѣ, а по ревизіи 1764 году показано воной деревнѣ на рангъ судейства полкового — бездворныхъ хатъ — 2.

Въ деревнѣ Долматовѣ: еденъ дворъ, коному огородахъ конопляныхъ три на полтори четвертки поля пахотного шостка, сѣнокосу возовъ на 20, да особливо того при той деревнѣ на владѣльца принадлежацій сѣнокосъ здубровою сѣна возовъ на 20, а по ревизіи 1764 году показано дворовъ — 1, въ тѣхъ дворахъ хатъ 1.

Въ селѣ Высокомъ подданныческихъ дворовъ четыре, въ томъ числѣ къ одному двору огородахъ конопляныхъ два на четвертку поля пахотного шостка, а къ другому двору огородъ конопляній на четвертку, и поля пахотного шостка состоящіе въ разности, а два двора впустѣ, а сверхъ вышесказаннаго къ оному селу Высокому другихъ никакихъ угодій яко сѣнокосовъ, пахотныхъ лановъ, рибныхъ озеръ, мельницъ и ничего неимѣется, а по ревизіи 1764 году показано ранговой дворъ — 1, въ тѣхъ дворахъ хатъ 1.

Въ деревнѣ Еленску: еденъ дворъ пустой, къ оному огородъ

конопляній одинъ, поля пахотного полчвертки сѣнокосу вѣзъ на 20; и онимъ сѣнокосомъ началъ владѣть самовольно в недавнѣхъ годѣхъ Антонъ Жоравка а почему неизвѣстно; сверхъ того коной деревнѣ другихъ никакихъ угодій неимѣется. А по ревизіи во владѣніи за судією полковимъ владѣнія двора не показано.

Въ селѣ Росусѣ: дворъ бобилскій еденъ впусти при ономъ поля пахотного неимѣется, а сѣнокосу вѣзъ на десять, по ревизіи 1764 году владѣнія вономъ селѣ судіи полкового не показано.

Въ селѣ Галенску: еденъ дворъ оду хатахъ, при обоихъ хатахъ огорода конопляного полъ чвертки, сѣнокосу вѣзъ по шести, поля пахотного въ обоихъ полъ чвертки, а сверхъ того никакихъ угодій не имѣется, а по ревизіи 1764 году показано въ ранговомъ судіи полкового владѣній: дворовъ — 2, въ тѣхъ дворахъ хатъ — 2.

Сотнѣ второй полковой въ деревнѣ Хмелювкѣ: дворъ одинъ, къ оному поля пахотного чвертка въ трехъ змѣнахъ, сѣнокосу вѣзъ на 10, огорода конопляного на чвертку, а по ревизіи 1764 году въ той деревнѣ Хмелювки показано въ ранговомъ судіи полковаго владѣній — дворовъ — 1, въ тѣхъ дворахъ хатъ 3.

Въ селѣ Яреминѣ: два двора къ онимъ поля пахотного двѣ чвертки, огородовъ конопляныхъ два, на коихъ сѣется по чвертки, сѣнокосу вѣзъ по десяти, а по ревизіи 1764 году показано въ ранговомъ владѣніи судіи полковаго — дворовъ 2, а въ тѣхъ дворахъ хатъ 2.

Сотнѣ новомѣской въ селѣ Даріевичахъ — двѣ хаты пустихъ, при обовхъ на огородчикахъ засѣву конопляного на четверуху, поля пахотного во всѣхъ трехъ змѣнахъ полтори осмачки, сѣнокосу вѣзъ на два, а по ревизіи 764 году въ ономъ селѣ Даріевичахъ во владѣніи дворовъ не показано.

Сотнѣ Новомѣской, въ деревнѣ Вышенкахъ: дворовъ — 4, къ онимъ поля засѣву на 22 чвертки, конопляного засѣву на 2 чвертки споловиною, сѣнокосу вѣзъ на 10, изкоихъ однимъ грунтомъ поля на 6 чвертокъ, конопляного засѣву на полъ чвертки завладѣлъ значковій товаришъ Кирило Данченко якобы по куплѣ; а по ревизіи 1764 году показано вранговомъ владѣніи судіи полковаго стародубовского — дворовъ — 3, въ тѣхъ дворахъ хатъ — 4.

Бъ селѣ Запозскихъ Халѣевичахъ — дворовъ два къ онимъ поля засѣву на 7 чвертокъ, конопляного засѣву на 1 чвертку на одинъ третникъ и одну четверуху, сѣнокосу вѣзъ на одиннадцать, а по ревизіи показано въ ранговомъ судіи полковаго владѣній дво-

ровъ — 1, въ тѣхъ дворахъ хатъ 1. И того въ ранговомъ владѣніи судіи полкового стародубовскаго — дворовъ 11, въ тѣхъ дворахъ хатъ 14, бездворныхъ хатъ 2.

На чинъ первого асаула полкового стародубовскаго по вѣдомости исполковой стародубовской канцеляріи 760 году показано: въ сотнѣ первой полковой въ селѣ Осколковѣ — дворовъ — 15, при оныхъ дворахъ огородовъ конопляныхъ посѣвомъ чвертокъ на $7\frac{1}{2}$, поля пахотнаго чвертокъ $7\frac{1}{2}$, сѣнокосу возовъ на 44, бобылей — 3. Да на оную первую часть имѣется пустовскихъ пахотныхъ земель четири чвертки зъ шосткою, сѣнокосу возовъ на 15, болѣе жъ никакихъ угодій неимѣется, а по ревизіи 1764 году показано въ ранговомъ владѣніи асаула полковаго стародубовскаго Лишня — дворовъ 7, въ тѣхъ дворахъ хатъ 9, бездворныхъ хатъ 11.

На чинъ второго асаула полковаго стародубовскаго въ томъ же селѣ Осколковѣ по вѣдомости полковой стародубовской канцеляріи 1760 году показано — дворовъ — 5, огородовъ конопляныхъ посѣвомъ чвертокъ на $2\frac{1}{2}$, поля чвертокъ на $2\frac{1}{2}$, сѣнокосу возовъ на — 15, бобылей — 3, на оную вторую часть пустовскихъ пахотныхъ земель пять чвертокъ сѣнокосу на 10 возъ, болѣе жъ никакихъ угодій не имѣется, а по ревизіи 1764 году показано въ ранговомъ асаула полковаго Панковскаго владѣніи дворовъ — 8, въ тѣхъ дворахъ хатъ 12, бездворныхъ хатъ 3.

На чинъ хоружаго полковаго стародубовскаго первого по вѣдомости изъ полковой стародубовской канцеляріи 1761 году апрѣля 30 дня присланной показано въ сотнѣ Новомѣской, въ деревнѣ Чертовичахъ — дворовъ 26, къ онымъ дворамъ поля засѣвомъ жыта на 49 чвертокъ и на 30 четверукахъ, коноплянаго засѣву на чвертку 1 и 16 четверукахъ и трети четверуки, сѣнокосу возовъ на 153, деревъ бортиныхъ 228, безгрунтовныхъ хатъ — 5, подъ чертовлянами жъ лѣсу недѣлеваго въ которомъ и западная пчелная отчина ихъ вдоль версты на 15, а вширь на полтори, да втомъ же грунтѣ одно озеро зъ Ипути заходное прозванное Медведикъ. А 1760 году февраля 25 по ордеру его сіятельства графа Кирила Григорьевича Разумовскаго оной деревнѣ Чертовичахъ велено быть (которая находится) въ числѣ свободныхъ войсковыхъ маестностей, а оному первому хоружему полковому опредѣлено денежное жалованье противъ прочихъ хоружихъ полковныхъ по 40 въ годъ. А по ревизіи 1764 году показано въ свободной деревнѣ Чертовичахъ — дворовъ 6, въ тѣхъ дворахъ хатъ — 7, бездворныхъ хатъ 15.

На чинъ второго хоружого полкового стародубовского по вѣдомости полковой стародубовской канцеляріи 1761 году апрѣля 30 дня присланной показано: въ сотиѣ новомиѣской въ деревнѣ Чернижовѣ, дворовъ 4, хата бездворная 1, къ онымъ поля засѣвомъ жита четвертокъ 14 конопляного засѣву четвертокъ 2, и двѣ четверуки, сѣнокосу возовъ 28, дворъ для приѣзду владѣльци, въ немъ двѣ хаты, подъ онымъ грунту пахотного во всѣхъ трехъ змѣнахъ имѣется житного засѣву на 15 четвертей, конопляного на четверть, сѣнокосу возовъ на 50. Въ оной же деревнѣ Чернижовѣ пахотными и сѣнокосными грунтами владѣютъ якобы по куплѣ, а именно: черниці м-ря Печеницкаго полемъ пахатнымъ четверкою споловиною, значковый товаришъ Кирило Данченко пятма четвертками, а по ревизіи 1764 году показано въ оной деревнѣ въ ранговомъ владѣніи полкового хоружого Даевского дворовъ — 5, въ тѣхъ дворахъ хатъ — 5, бездворныхъ хатъ 1.

На чинъ сотника новгородскаго по вѣдомости сотника новгородскаго жъ Суденкова и значковаго товариша Базилевича 760 году показано въ селѣ Голубовки: дворовъ — 10, оніе посполитіе имѣютъ жителство при еднихъ толко огородахъ а пашенная земля что лѣсовая одного пѣску крайне неурожайная затѣмъ оной вепашуть, ктому жъ селу имѣется пуца разная фоевая, березовая дубовая и осиновая, да сѣнокосовъ оніе посполитіе имѣютъ по малому числу въ грунтахъ до села Голубовки принадлежащихъ въ томъ же селѣ Голубовки на реки Знобѣ мельница вешнякъ одву колахъ мучныхъ, на сотника принадлежащая, да на сѣнокосахъ къ тому жъ селу принадлежащихъ въ дубровѣ жъ накошуется на сотника сѣна возовъ до тридцати а болѣе никакихъ угодій неимѣется, а по ревизіи 1764 году показано въ ранговомъ владѣніи сотника новгородскаго Рачинскаго дворовъ 3, въ тѣхъ дворахъ хатъ 5 бездворныхъ хатъ 36.

На урядъ войта магистрата стародубовского по вѣдомости полковой стародубовской канцеляріи 1760 году показано сотиѣ второй полковой въ селѣ Азаровцѣ: дворовъ подданическихкихъ — 29, бездворныхъ и безгрунтовыхъ хатъ 7, къ онымъ дворамъ принадлежащаго пахотного поля во всѣхъ трехъ змѣнахъ четвертокъ 17, и три четвертинки четвертки, огородовъ конопель на 17 четвертокъ и три четверика, сѣнокосовъ возовъ на 180. Отчини пчелной, бортныхъ деревъ 40 дубовъ да подъ оными жъ подданными имѣется по занятіи всякаго пуца лѣсная нераздѣльная скозаками озаровскими вгрунтѣ озаровскомъ да особливо пахотного пустовскаго грунту

полтори четвертки, огороду конопель на полтори четвертки сѣнокосу возовъ на 15, а по ревизіи 1764 году показано въ томъ селѣ Озаровкѣ во владѣніи войта Грозинскаго — дворовъ 18, въ тѣхъ дворахъ хатъ 26, бездворихъ хатъ 30.

На урядниковъ магистрата стародубовскаго по вѣдомости изъ полковой стародубовской канцеляріи 1760 году показано въ сотнѣ первой полковой въ селѣ Кустичахъ: посполитыхъ — 45, у оныхъ огородовъ конопляныхъ на 41 четвертку три четверика, поля пахатного шостоковъ 66, сѣнокосу возовъ на 650, бобылей 19, болѣежъ къ оному селу Кустичамъ никакихъ угодій неимѣется, а по ревизіи 1764 году во владѣніи урядниковъ магистрата стародубовскаго — дворовъ 1, въ тѣхъ дворахъ хатъ 2, бездворихъ хатъ 68.

Той же сотнѣ первой полковой въ селѣ Сергѣевску по вѣдомости изъ полковой стародубовской канцеляріи 1760 году октября 17 посполитыхъ — 35; у оныхъ огородовъ конопляныхъ засѣвомъ на 29 четвертокъ, поля пахотного посѣвомъ хлѣба четвертокъ $32\frac{1}{2}$, пустовскаго поля пахатного четыре шостки разделени натамошныхъ сергиевскихъ обывателей, бобылей 12, болѣе жъ къ оному селу Сергѣевску никакихъ угодій неимѣется; а по ревизіи 1764 году показано во владѣніи магистрата стародубовскаго бездворнихъ хатъ 77, и того в ранговомъ владѣніи урядниковъ стародубовскаго магистрата дворовъ — 1, въ тѣхъ дворахъ хатъ — 2, бездворихъ хатъ 115. И того въ полку стародубовскомъ — дворовъ — 397, въ тѣхъ дворахъ хатъ 418, бездворихъ хатъ 489.

III.

РАЗБОРЪ ИСЛѢДОВАНІЯ Н. П. ЛИХАЧЕВА: „РАЗРЯДНЫЕ ДЬЯКИ XVI ВѢКА“,

сдѣланный, по порученію Императорской Академіи Наукъ, орд. профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета Н. П. Загоскинымъ. Казань. 1889.

Несомнѣнно, что XV-й вѣкъ и первая половина XVI-го вѣка представляютъ эпоху, весьма любопытную въ исторической жизни русскаго народа.

Складывающееся на развалинахъ основъ удѣльно-вѣчеваго періода русской жизни, Московское государство вполнѣ ясно намѣчаетъ свои централизаціонныя задачи уже въ концѣ XIV-го вѣка, а къ половинѣ XVI-го вѣка собранныя, но пока еще механически связанныя, области — уже готовы завершить долгій процессъ объединенія, образованіемъ самодержавнаго и единодержавнаго Московскаго царства.

Основные устои жизни удѣльно-вѣчевой Руси, распатанные татарскимъ погромомъ, не въ состояніи оказываются поддерживать созидающееся громадное зданіе русской государственности; жизнь слагающагося Московскаго государства отказывается укладываться въ формы и рамки государственнаго и общественнаго строя удѣльной Руси. Вотъ почему первая половина XVI-го вѣка застаётъ уже сложившееся Московское государство въ состояніи броженія, не успѣвшимъ еще привести въ надлежащую устойчивость свои государственные и общественные элементы, благодаря чему всѣ эти области, всѣ эти мѣстныя земщины, при первомъ сильномъ ударѣ, нанесенномъ имъ смутнымъ временемъ, готовы были распасться на тѣ первоначальные элементы, изъ которыхъ онѣ въ теченіи предшествовавшихъ двухъ вѣковъ слагались путемъ чисто механическимъ. Это состояніе броженія, неустойчивости государ-

ственного и общественного строя — сказывается во всѣхъ проявленіяхъ жизни XVI-го столѣтія. Оно сказывается въ законодательствѣ, въ сферѣ котораго уже къ половинѣ этого столѣтія возникаетъ потребность исправить лишь за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ изданный Судебникъ в. к. Іоанна III, съ тѣмъ, чтобы «былъ судъ праведенъ всякіе дѣла непоколебимо во вѣки», чтобы для всѣхъ жителей государства судъ былъ «праведенъ и безусловно во всякихъ дѣлахъ», чтобы сгладить ту пестроту въ области суда, съ ея иммунитетами и судебными привилегіями, которая осталась наслѣдіемъ предшествовавшихъ вѣковъ. Въ неустойчивомъ положеніи находилась церковь и нравственно-религіозная жизнь общества, проникнутая областнымъ партикуляризмомъ; результатомъ попеченій Іоанна IV-го «не токмо о устроеніи земномъ, но и многоразличныхъ церковныхъ исправленіяхъ» — является въ этой сферѣ Стоглавый соборъ и сборникъ «Стоглавъ», выразившій въ себѣ идею духовно-религіозной централизаціи, какъ необходимаго послѣдствія централизаціи территориальной и послѣдовавшими за нею централизаціями законодательною (судебники) и земскою (первый земскій соборъ). Государственное и общественное броженіе сказывалось и въ отношеніяхъ государства къ высшимъ служилымъ людямъ (отъѣзды за рубежъ и борьба Іоанна IV съ боярствомъ), и въ отношеніяхъ общественныхъ группъ какъ къ государству, такъ и между собою (вспомнимъ характерную въ этомъ отношеніи рѣчь Іоанна IV на первомъ земскомъ соборѣ).

Не успѣла отлиться въ опредѣленно-установившіяся формы и система управленія вновь сложившагося государства. Въ сферѣ мѣстнаго управленія наблюдается, — и еще долго будетъ наблюдаться, вплоть до эпохи Петровскихъ реформъ, — колебаніе правительства въ выборѣ между приказнымъ и земскимъ началами въ организаціи областного управленія. Прежняя патріархальная система управленія черезъ намѣстниковъ и волостелей, съ ея кормами, поборами и отсутствіемъ контроля — къ половинѣ XVI-го перестала отвѣчать требованіямъ государственности, что въ особенности рельефно сказалось въ эпоху боярскаго правленія въ малолѣтство Іоанна IV-го; полъ ряда попытокъ къ улучшенію областного управленія, — въ родѣ уставныхъ грамотъ, предоставленія земщинамъ губнаго права и, наконецъ, неудавшейся попытки Грознаго Царя совершенно отмѣнить на протяженіи всего государства приказное управленіе, широко поставивъ на его мѣсто земское самоуправленіе (приговоръ 1556 года), — государство переходитъ къ

системѣ воеводскаго управленія и къ широкому развитію областныхъ приказовъ, съ бѣльшими или меньшими колебаніями поддерживая эту организацію мѣстнаго управленія въ теченіи всего XVII-го вѣка.

Всякому, хотя бы элементарно знакомому съ исторіею русскихъ государственныхъ учрежденій, хорошо извѣстно, что удѣльно-вѣчевая Русь не выработала различія между управленіемъ центральнымъ и управленіемъ мѣстнымъ, въ которомъ, впрочемъ, при незначительности протяженія территоріи отдѣльныхъ волостей и при господствовавшей въ ту пору системѣ «добыванія» столовъ — не представлялось ни государственной необходимости, ни фактической возможности; дружинники-посадники, съ преобладающими, почти исключительными, функциями судебною и фискальною — совершенно удовлетворяли несложнымъ задачамъ управленія, предоставляя всю внутреннюю организаціонную и попечительную дѣятельность на пользу земщинъ — вѣданію этихъ послѣднихъ. Даже самъ князь не былъ исключительнымъ представителемъ центральной власти; будучи носителемъ идеи (именно только *идеи*) этой послѣдней, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ органомъ мѣстной власти для того округа (центрального, столярнаго), который онъ оставлялъ въ своемъ собственномъ вѣданіи и въ которомъ онъ являлся съ функциями обыкновеннаго посадника. Было бы ошибочнымъ видѣть органъ центрального управленія въ вѣчѣ, которое предшествовало образованію государства, никогда государствомъ учреждено не было и было лишь выраженіемъ исконной автономіи земщины, которая продолжала уживаться на ряду съ княжескою властью. Было бы не меньшею ошибкою признать за органъ центрального управленія и княжескую думу удѣльно-вѣчеваго періода, которая, коренясь въ договорныхъ отношеніяхъ, связывавшихъ князя и его дружинниковъ, не была учрежденіемъ, созданнымъ во имя цѣлей государственныхъ, но была лишь выраженіемъ права свободныхъ дружинниковъ участвовать мыслью и совѣтомъ въ тѣхъ княжескихъ начинаніяхъ, которыя могли повлечь за собою выгодныя или невыгодныя послѣдствія для тѣсно связанныхъ между собою интересовъ князя и его дружинниковъ; самый личный составъ думы не былъ органически опредѣленъ и слагался подъ условіями чисто фактическими. Было бы натяжкой искать слѣдовъ центрального управленія и въ немногочисленныхъ дворцовыхъ должностяхъ удѣльно-вѣчеваго періода, существовавшихъ на началахъ чисто частныхъ, но не государственныхъ;

только въ эпоху сложенія Московскаго государства должности эти становятся исходною точкою для образованія центрального управленія, подготавливая собою будущую систему дворцовыхъ и финансовыхъ приказовъ.

Мы позволили себѣ только что сдѣланное отступленіе съ цѣлью выяснитъ, въ основныхъ и самыхъ общихъ чертахъ, тѣ условія государственнаго строя Московскаго государства въ эпоху завершенія имъ своей централизационной дѣятельности, которыя вызвали историческую необходимость въ возникновеніи новыхъ началъ, новыхъ учреждений, новыхъ институтовъ, новыхъ фазисовъ общественной организаціи какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни объединенной русской земли.

И замѣчательное явленіе представляется глазамъ историка: жизнь сама создаетъ цѣлый рядъ новыхъ учреждений, институтовъ и отношеній, создаетъ ихъ помимо законодательства, не успѣвающаго слѣдить за требованіями времени, создаетъ ихъ изъ частныхъ случаевъ и случайныхъ мѣропріятій, постепенно возводя ихъ отъ частнаго и случайнаго — къ общему, нерѣдко развивая ихъ даже въ цѣлыя системы, живущія и функционирующія созидательною силою обычнаго права. Цѣлый рядъ явленій государственной и общественной жизни Московскаго государства, воплотившіяся и развившіяся во второй половинѣ XVI-го и въ теченіи XVII-го вѣка — глубоко хранягь начальныя корни свои въ двухвѣковомъ періодѣ сложенія Московскаго государства и упорно молчатъ на вопросы историка объ ихъ происхожденіи, объ ихъ эмбриологическомъ развитіи. Какъ постепенно, медленно, шагъ за шагомъ, незамѣтно для глазъ историка слагалось самое Московское государство, разомъ возставшее къ половинѣ XVI-го вѣка въ видѣ Московскаго царства, такъ же медленно, незамѣтно, безъ коренной ломки существующаго, безъ реформаціонныхъ кризисовъ, незамѣтно для глазъ изслѣдователя — развивалась большая часть будущихъ учреждений и отношеній этого царства. Боярская дума, система приказовъ, земскіе соборы, помѣстная система, закрѣпленіе служилаго класса, мѣстничество, система воеводскаго управленія, расширеніе губнаго права — все это такія явленія жизни Московскаго государства, происхожденіе или первоначальное развитіе которыхъ таинственною завѣсою скрыто отъ глазъ историка, давая лишь обильную арену для ряда предположеній, догадокъ, гипотезъ.

Въ числѣ цѣлага ряда явленій жизни Московскаго государства,

находящихся въ такомъ именно положеніи съ точки зрѣнія ихъ историческаго изученія—стоятъ *Московская Боярская Дума* и система *Московскихъ Приказовъ*. Къ концу XVI-го вѣка и Боярская Дума и Приказы являются передъ нами уже съ опредѣленнымъ личнымъ составомъ, съ опредѣленною организаціею и предметами вѣдомства, но предшествующая исторія этихъ установленій представляется до сихъ поръ лишь гадательною.

Богѣ посчастливилось въ дѣлѣ исторической разработки Боярской Думѣ, имѣющей обстоятельнаго изслѣдователя въ лицѣ профессора В. О. Ключевского. Менѣ посчастливилось въ этомъ отношеніи Приказамъ. Мы имѣемъ лишь изслѣдованія болѣе или менѣе общаго характера, затрогивающія вопросъ объ исторіи приказовъ, но не имѣемъ сколько-нибудь полной исторіи не только приказовъ во всей ихъ совокупности, но не имѣемъ даже исторіи отдѣльныхъ, хотя бы только наиболѣе важныхъ, приказовъ. До сихъ поръ историческая наука не могла разобраться даже въ классификаціи и распредѣленіи по вѣдомствамъ обширной системы отдѣльныхъ приказовъ XVII-го вѣка, не говоря уже объ исторіи ихъ и ихъ возникновеніи въ эпоху формаціи Московскаго государства. А это пробѣлъ весьма существенный, такъ какъ приказамъ и лицамъ, ими управлявшимъ, суждено было играть громадную роль въ историческихъ судьбахъ русскаго государства. Между тѣмъ, пробѣлъ этотъ имѣетъ свое объясненіе. Приказы не имѣли, подобно позднѣйшимъ Петровскимъ коллегіямъ, какихъ либо «регламентовъ», «инструкцій» или «наказовъ». Вся ихъ организація, равно какъ и ихъ дѣятельность—почти всецѣло зиждились на государственномъ обычномъ правѣ, вслѣдствіе чего почти единственнымъ источникомъ для исторіи приказовъ, за исключеніемъ скудныхъ указаній законодательныхъ памятниковъ, извѣстнаго сочиненія Котошихина и записокъ иностранцевъ—являются дошедшія до насъ записныя указыныя книги, грамоты, указы, памяти и отписи, оставшіеся памятниками дѣятельности этихъ учреждений. Правда, что масса памятниковъ этого рода помѣщена въ изданіяхъ Археографической Комиссіи,—но эти памятники, большею частью случайно собранные здѣсь, не даютъ даже слабаго понятія о томъ неисчерпаемомъ богатствѣ аналогичнаго матеріала, который хранится въ нашихъ двухъ драгоценныхъ московскихъ древнехранилищахъ—Архивѣ Министерства Юстиціи и Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При настоящемъ положеніи русской исторической науки (включая въ ея кругъ и науку исторіи русскаго права)—врядъ ли

возможно подвинуть впередъ разработку исторіи московскихъ приказовъ безъ разработки матеріаловъ, сохраняемыхъ въ этихъ архивахъ; мнѣ пришлось лично убѣдиться въ этомъ, когда, собирая матеріалъ по исторіи именно приказовъ, я остано­вился, подавлен­ный и пораженный,—передъ громадностью и богатствомъ интерес­наго архивнаго матеріала этихъ двухъ замѣчательныхъ древне­хранилищъ. Трудъ единичнаго лица—безсиленъ передъ этимъ подавляющимъ матеріаломъ: здѣсь требуются усилія многихъ де­сятковъ труженниковъ, мало того,—здѣсь требуются усилія цѣ­лыхъ поколѣній ихъ...

Къ числу такихъ труженниковъ долженъ быть, несомнѣнно, при­численъ и Н. П. Лихачевъ, авторъ изслѣдованія «*Разрядные дяки XVI вѣка*» (СПБ., 1888 г.), основаннаго на богатомъ архив­номъ матеріалѣ «разрядныхъ книгъ».

Уже самое заглавіе труда г. Лихачева даетъ видѣть, что трудъ этотъ—не только не исчерпываетъ исторіи одного изъ важ­нѣйшихъ московскихъ приказовъ, Разряднаго, но не исчерпываетъ даже и исторіи этого приказа во взятомъ авторомъ XVI-мъ вѣкѣ, такъ какъ изслѣдованіе г. Лихачева, въ сущности своей, есть лишь *исторія разрядныхъ дяковъ* до вступленія на престолъ Цар­ствующаго Дома Романовыхъ.

Я едва-ли ошибусь, если буду утверждать, что изслѣдованіе г. Лихачева въ томъ видѣ, въ какомъ появилось оно въ свѣтъ—носить слѣды чисто случайнаго происхожденія; если буду настаи­вать на томъ, что г. Лихачевъ, приступивъ къ работамъ въ мо­сковскихъ архивахъ—самъ не предвидѣлъ, что результатъ ихъ ото­лется въ той формѣ, въ какой сведенъ онъ въ его трудѣ. Изъ третьей главы книги г. Лихачева становится яснымъ, что основ­ною цѣлью его архивныхъ работъ—было изслѣдованіе въ области «разрядныхъ книгъ». Для этой цѣли г. Лихачеву необходимо было разобраться въ богатомъ архивномъ матеріалѣ, оставшемся наслѣдіемъ бывшаго Разряднаго приказа. И вотъ здѣсь нашъ изслѣдователь сталкивается съ недоумѣніемъ, съ которымъ сталки­вается всякій изслѣдователь, приступающій къ изученію архивнаго матеріала старыхъ московскихъ приказовъ, недоумѣніе, съ кото­рымъ сталкивался и пишущій эти строки: часто въ извѣстномъ актѣ не указано категорически приказа, по вѣдомству котораго онъ изданъ, а между тѣмъ, въ виду тѣхъ или другихъ научныхъ цѣлей или соображеній—знать это является необходимымъ для того, чтобы актъ этотъ получилъ необходимое освѣщеніе и научную

цѣнность ¹⁾). Исслѣдователь прибѣгаетъ къ обыкновенному въ этомъ случаѣ приему: онъ ищетъ ключъ къ разрѣшенію недоумѣнія въ подписи и скрѣпѣ акта, такъ какъ пня дьяка и подъячаго, подписавшихъ и скрѣпившихъ актъ—можетъ пролить свѣтъ на приказъ, по вѣдомству котораго этотъ актъ состоялся. Но и этотъ приемъ далеко не всегда ведетъ къ цѣли: часто оказывается неизвѣстнымъ, въ какомъ именно приказѣ сидѣлъ въ данномъ году этотъ дьякъ или подъячій. Недоразумѣніе все-таки не разрѣшается. Приведенный въ отчаяніе исслѣдователь, — особенно въ томъ случаѣ, если актъ представляетъ для него интересъ, — глубоко сокрушается о томъ, что въ числѣ пособій русской историко-юридической науки не имѣется сколько-нибудь полного и удобнаго къ пользованію алфавитнаго и систематическаго (по приказамъ) списка дьяковъ ²⁾. Говорю все это на основаніи собственнаго опыта; я самъ постоянно наталкивался на только что указанныя затрудненія при моихъ неоднократныхъ занятіяхъ въ московскихъ архивахъ, съ цѣлью собиранія матеріала для исторіи московскихъ приказовъ. Эти затрудненія побудили меня составить лично для себя, главнымъ образомъ на основаніи всѣхъ изданныхъ актовъ и, отчасти, на основаніи архивныхъ данныхъ, списки лицъ, засѣдавшихъ въ приказахъ въ XVI и XVII вѣкахъ; эти списки, принесшіе уже мнѣ громадную практическую пользу, я, по надлежащей обработкѣ ихъ, не теряю надежды издать въ свѣтъ. Рѣшаюсь утверждать, что г. Лихачевъ столкнулся съ указанными затрудненіями и, подъ вліяніемъ ихъ, отвлеченный, со свойственнымъ молодымъ ученымъ увлеченіемъ, съ первоначальнаго пути своихъ архивныхъ занятій—сосредоточился на возстановленіи приказныхъ дьяковъ. Но здѣсь г. Лихачевъ столкнулся съ такимъ безпредѣльнымъ богатствомъ архивнаго матеріала, которое, въ силу необходимости, заставило его ограничить предѣлы своихъ работъ: онъ ограничиваетъ ихъ Разряднымъ приказомъ. Но и эти предѣлы оказываются непосильными для молодаго ученаго, стѣсненнаго недостаткомъ времени: онъ еще болѣе урѣзываетъ предѣлы своихъ работъ—и заключаетъ ихъ въ

¹⁾ Извѣстно, что распредѣленіе предметовъ вѣдомства между отдѣльными приказами—было весьма запутаннымъ, и разобраться въ этой запутанности — дѣло крайне нелегкое даже и для опытнаго исслѣдователя.

²⁾ Если не считать устарѣвшихъ для современнаго состоянія науки перечисленій лицъ, управлявшихъ приказами, помѣщенныхъ въ статьѣ «Московскіе и другіе старинные приказы», напечатанной въ XX-й части «Древней Россійской Вивліюики».

кругъ изслѣдованія дьяковъ Разряднаго приказа въ XVI-мъ вѣкѣ, или, вѣрнѣе — до конца смутнаго времени.

Таково несомнѣнное для меня происхожденіе изслѣдованія г. Лихачева. Этимъ происхожденіемъ его объясняются многія особенности книги, большая часть которыхъ вполне ясно сознается самимъ авторомъ. Г. Лихачевъ самъ сознается, что книга его «должна вызвать упреки въ *мозаичности, неравномѣрной обработкѣ частей, въ сужности изложенія и импорированіи иногда весьма важныхъ сторонъ вопроса*»; онъ, далѣе, вполне чистосердечно признаетъ, что виною только что указаннаго является «*мелочность и отрывочность тѣхъ, почерпнутыхъ въ разнообразныхъ источникахъ, фактовъ и указаній, изъ которыхъ приходилось составлять связанное цѣлое*». Всѣ эти нареканія, предъявляемые авторомъ по своему собственному адресу — вполне справедливы и доказываютъ безпристрастность автора къ самому себѣ. Съ другой стороны, эти особенности изслѣдованія вполне объяснимы. Подавленный богатствомъ архивнаго матеріала — авторъ разбросался: напавши на извѣстный вопросъ — онъ усердно принимается за его разработку, — но при этомъ со всѣхъ сторонъ передъ нимъ возстаютъ изъ архивной пыли новые факты, новыя соображенія, новыя мысли; изслѣдователь хватается за новый вопросъ — а, между тѣмъ, передъ нимъ роковымъ образомъ поднимаются все новые и новые вопросы, подвертываются мелочи, детали основнаго вопроса, на которыхъ молодой ученый останавливается съ большимъ усердіемъ, чѣмъ бы слѣдовало, и, самъ того не замѣчая, неволью выкладываетъ *мозаику*, стоющую ему немаловажнаго труда и много времени ¹⁾.

Единственно только-что высказаннымъ нами — объясняемъ мы какъ «мозаичность» работы, съ которою соглашается самъ авторъ, такъ и другія особенности изслѣдованія г. Лихачева: разбросан-

¹⁾ Эта особенность, — эта, такъ сказать, детальная *завлекательность* архивной работы, — хорошо знакома всякому, работавшему въ архивахъ. Съ другой стороны — это явленіе весьма опасное для молодого ученаго, подвергающее его риску запутаться въ мелочахъ, упустивъ изъ вида важное и существенное. Вотъ почему мы думаемъ, что факультетамъ, командирующимъ своихъ молодыхъ кандидатовъ для занятій въ архивахъ, не слѣдуетъ предоставлять ихъ самимъ себѣ, но слѣдуетъ ясно начертать имъ опредѣленные задачи работъ, поручивъ наблюденіе надъ этими работами администраціи архивовъ. Для молодого, начинающаго ученаго — архивныя изслѣдованія неопытны по своей пользѣ, но, въ силу сказаннаго выше — не лишены и извѣстной опасности, грозя раздѣлять трудъ его на мелочи, грозя увлечь его въ безконечную путину детальныхъ изслѣдованій.

ность содержанія, въ послѣдовательности котораго не всегда даже легко ориентироваться; масса черезъ чуръ уже мелочныхъ деталей, въ родѣ родословіи и біографіи цѣлаго ряда дьяковъ; громадное количество выписокъ, часто имѣющихъ весьма мало значенія для цѣлей изслѣдованія (напримѣръ цѣлыя мѣстныя дѣла); благодаря этому, изслѣдованіе г. Лихачева мѣстами принимаетъ характеръ конгломерата болѣе или менѣе мелочныхъ фактовъ и объемистыхъ выписокъ, ничего не доказывающихъ и не выясняющихъ, или же такихъ, вся доказательная сила которыхъ могла бы быть сведена къ нѣсколькимъ словамъ и даже къ простой цитатѣ. Масса такихъ эпизодическихъ вставокъ, въ особенности родословныхъ, только утомляетъ читателя и вредитъ цѣлостности изложенія, испещряя его кучею лишняго и часто микроскопически-ничтожнаго матеріала. Ужъ если г. Лихачевъ непремѣнно хотѣлъ сохранить въ книгѣ весь этотъ матеріалъ, всего удобнѣе было бы отвести ему мѣсто въ приложеніи къ книгѣ, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ незабвенномъ трудѣ Н. М. Карамзина.

Здѣсь считаемъ мы умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу самой темы, избранной г. Лихачевымъ для своего изслѣдованія.

Тема эта должна быть признана въ высшей степени неблагоприятною какъ съ точки зрѣнія чисто литературной, такъ и съ точки зрѣнія матеріала, представляющагося въ распоряженіе автора. Въ первомъ отношеніи книга является обреченною на преждевременное забвеніе. Научные результаты ея (разумѣя подъ наукою не сводъ отрывочныхъ архивныхъ и генеалогическихъ выписокъ, но извѣстныя обобщенія матеріала, дающія тѣ или другіе выводы, положенія и новыя данныя) — должны быть признаны весьма незначительными: нѣсколько именъ разрядныхъ дьяковъ, съ указаніемъ времени «сидѣнія» ихъ въ Разрядномъ приказѣ, нѣсколько соображеній относительно времени и порядка составленія «Государева родословца» — вотъ, въ сущности, всѣ научные результаты, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе г. Лихачева. Значительное большинство положеній, приведенныхъ г. Лихачевымъ въ концѣ своего изслѣдованія — представляютъ собою положенія и истины, въ наукѣ исторіи русскаго права вполне уже установившіяся и не требующія дальнѣйшаго своего доказательства. Съ точки зрѣнія источниковъ, тема г. Лихачева является неблагоприятною въ томъ отношеніи, что самый матеріалъ, который можетъ привести въ предѣлахъ этой темы къ какимъ либо инте-

реснымъ научнымъ выводамъ—крайне скуденъ, въ чемъ я имѣлъ случай лично убѣдиться во время моихъ архивныхъ занятій; еще скуднѣе имѣющійся въ распоряженіи изслѣдователя печатный, изданный матеріалъ, сводящійся, главнымъ образомъ, къ изданіямъ Археографической Комиссіи. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, признать за научные выводы свѣдѣнія о томъ, что такой-то дьякъ былъ такого-то происхожденія, что другой дьякъ былъ женатъ на дочери такого то служилаго человѣка, тогда-то сидѣлъ въ такомъ-то приказѣ, а затѣмъ въ такомъ-то году переведенъ въ другой приказъ, какъ нельзя признать за научныя положенія родословныя росписи и выписки изъ архивныхъ матеріаловъ. Все это обнимается лишь понятіемъ *историческаго матеріала*, но отнюдь не составляетъ *научныхъ выводовъ и положеній*.

Даетъ ли книга г. Лихачева «очеркъ внѣшней исторіи Разряда въ XVI-мъ вѣкѣ», какъ характеризуетъ задачу своего изслѣдованія самъ авторъ, на страницѣ VIII введенія? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно. Подъ «внѣшнею исторію» извѣстнаго учрежденія мы привыкли разумѣть его происхожденіе, его постепенное развитіе и, вообще, его судьбу, въ связи съ исторіею государства и соприкасающихся съ нимъ другихъ учреждений, его организацію, общую фізіономію, функціи, вѣдомство, личный составъ и т. п. Между тѣмъ г. Лихачевъ, излагая «внѣшнюю исторію» Разряда въ XVI-мъ вѣкѣ, далъ намъ лишь исторію его дьяковъ, да и то съ значительными пробѣлами (зависящими, впрочемъ, не отъ автора, но отъ скудости источниковъ, которыми онъ могъ располагать).

Нельзя не пожалѣть, что почтенный, въ высшей степени трудолюбивый и несомнѣнно даровитый молодой авторъ, имѣвшій возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ заниматься въ архивахъ при условіяхъ, вполне ему благопріятствовавшихъ — такъ разбросался и, въ силу этого, такъ сѣзигъ рамки своего изслѣдованія. Для науки было бы интереснѣе имѣть *исторію Разряднаго приказа*, хотя бы только и до конца смутнаго времени, нежели *исторію* (и неизбѣжно отрывочную) *его дьяковъ* за этотъ періодъ времени, которая невольно и свелась къ ихъ родословцамъ и послужнымъ спискамъ. Г. Лихачевъ можетъ сослаться на недостаточность матеріаловъ для такой, болѣе широкой, задачи. Но съ этимъ мы не могли бы согласиться. Не говоря уже объ архивныхъ источникахъ, въ существующихъ изданіяхъ актовъ имѣется не мало матеріаловъ для исторіи приказовъ до воцаренія Дома Романовыхъ; наконецъ,

многіе пробѣлы могли бы быть восполнены по источникамъ собственно XVII-го вѣка, которые раскрыли бы много интереснаго и для исторіи Разряда до 1613-го года, — а такой приемъ сужденія о предъидущемъ на основаніи послѣдующаго, въ силу закона исторической причинности и, въ особенности, въ виду чисто органическаго развитія государственныхъ учреждений Московскаго періода, былъ бы вполне цѣлесообразенъ и наученъ.

Мы, наконецъ, въ самомъ принципѣ не можемъ согласиться съ постановкою задачи, принятой на себя г. Лихачевымъ, — конечно только въ томъ случаѣ, если мы будемъ смотрѣть на его трудъ съ точки зрѣнія *научнаго изслѣдованія*, а не простаго конгломерата *историческаго матеріала*. Въ самомъ дѣлѣ: возможно ли при современныхъ состояніи и требованіяхъ исторической науки — изучать данное учрежденіе, поставивъ его внѣ связи съ другими, однородными ему, учрежденіями и проявленіями исторической жизни, и, мало того — совершенно обособивъ лишь извѣстный періодъ его существованія? Можно ли изучать Разрядный приказъ, вырвавъ его изъ органической связи съ другими вопросами исторіи русскаго государственнаго права и, въ частности, съ исторіею боярскаго думы и остальныхъ, хотя бы важнѣйшихъ приказовъ? При такой узкой постановкѣ задачи, выполненіе послѣдней невольно свелось къ ряду родословіи дьяковъ и излишнихъ деталей, часто заставляющихъ лишь жагѣть о массѣ затраченнаго авторомъ времени и труда. Въ этомъ отчасти сознается и самъ авторъ, заявляя на страницѣ 229-ой своей книги, что его попытка походить «болѣе на сводъ матеріаловъ, чѣмъ на законченное изслѣдованіе».

Покончивъ съ замѣчаніями относительно самой темы г. Лихачева, относительно ея постановки и выполненія, — переходимъ къ систематическому разсмотрѣнію самаго содержанія его книги.

Изслѣдованіе г. Лихачева, кромѣ предисловія, распадается на четыре главы: I. Приказы и ихъ образованіе; II. Разрядный приказъ и первыя объ немъ свѣдѣнія; III. Разрядный приказъ въ половинѣ XVI вѣка и IV. Разрядные дьяки второй половины XVI и начала XVII столѣтія.

Познакомимся съ сущностью каждой главы книги г. Лихачева въ отдѣльности.

I.

Первая глава книги г. Лихачева, посвященная *общимъ вопросамъ о приказахъ и времени ихъ происхожденія*, начинается повторе-

ніемъ, получившихъ значеніе аксіомы, положеній о томъ, что приказы происхожденіемъ своимъ уходятъ въ глубь XV-го вѣка и что они составляли продуктъ историческаго хода государственной жизни. Замѣтимъ только, что это послѣднее положеніе, изложенное въ нѣсколькихъ строкахъ, могло бы быть развито въ трудѣ г. Лихачева болѣе обстоятельнымъ образомъ; можно было бы сказать поподробнѣе о связи происхожденія и постепеннаго роста приказовъ съ совершающимся дѣломъ централизаціи и расширенія Московскаго государства; слѣдовало бы остановиться на вопросѣ о «третьихъ» и «четяхъ», бывшихъ исходнымъ пунктомъ развитія важнѣйшихъ приказовъ, и выяснить историческое значеніе и взаимное соотношеніе сперва трехъ (Разрядный, Посольскій и Помѣстный), а затѣмъ четырехъ (тѣ же и Казанскій Дворецъ) основныхъ приказовъ, бывшихъ въ XVI вѣкѣ какъ бы приказами *par excellence*; здѣсь можно было бы многое уяснить въ вопросѣ о думномъ дьячествѣ и въ томъ извѣстномъ свидѣтельствѣ, что до половины XVII-го вѣка количество думныхъ дьяковъ никогда не было болѣе четырехъ. Но объ этомъ ниже скажемъ мы подробнѣе.

Отмѣтимъ здѣсь, кстати, одно весьма странное положеніе, выдвигаемое г. Лихачевымъ въ вопросѣ о происхожденіи приказовъ и идущее совершенно въ разрѣзъ съ установившимися научными взглядами. Для этого мы должны возвратиться къ предисловію книги. Здѣсь, на стран. X—XI, мы читаемъ слѣдующее: «Московскіе приказы учрежденія такого типа, котораго мы не найдемъ въ древней Руси: онъ сложился подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ совокупности новыхъ потребностей». Все сказанное въ этой фразѣ—совершенная аксіома, противъ которой никто не станетъ спорить; но, вслѣдъ за этимъ, г. Лихачевъ считаетъ нужнымъ дополнить эту общеизвѣстную аксіому слѣдующимъ, уже своимъ собственнымъ, соображеніемъ: «*Кантора вотчинника* замѣнилась рядомъ учреждений съ государственнымъ оттѣнкомъ». Если подъ названіемъ *древней Руси* авторъ разумѣетъ Русь удѣльно-вѣчевую (что несомнѣнно, такъ какъ по отношенію къ XVI-му вѣку эпоха централизаціи *древнею* назваться не можетъ), въ такомъ случаѣ онъ впадаетъ въ грубое заблужденіе; послѣ ряда изслѣдованій К. С. Аксакова, И. Д. Бѣляева, В. Н. Лешкова и, въ особенности, послѣ классическаго труда В. И. Сергѣевича («Вѣче и Князь») врядъ ли можетъ раздаться отошедшее въ область исторіи науки мнѣніе о господствѣ вотчиннаго начала въ Руси удѣльно-вѣчевой, съ ея вѣчевой организаціею, съ ея договорнымъ началомъ, съ ея системою

«добыванія» князьями столовъ, съ ея своеобразными отношеніями между князьями, дружиною и земщиною. Желательно думать, что въ цитированномъ мѣстѣ книги г. Лихачева мы имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ, обмолвкой, но отнюдь не съ научнымъ воззрѣніемъ автора.

Высказавъ общеизвѣстное положеніе о происхожденіи приказовъ вообще, г. Лихачевъ переходитъ къ пресловутому и избитому вопросу о *бюрократическомъ или коллегіальномъ началѣ въ организаціи приказовъ*. Этому вопросу отведено цѣлыхъ 18 страницъ, на пространствѣ которыхъ авторъ не рѣшаетъ, тѣмъ не менѣе, поставленнаго имъ вопроса, высказавшись, однако, за коллегіальность приказовъ и далеко не доказательно отвергая противныя мнѣнія К. Д. Кавелина, Ѳ. М. Дмитриева, Ѳ. И. Леонтовича и другихъ ученыхъ. Мы, собственно, не понимаемъ, изъ за чего полемизируетъ г. Лихачевъ на этихъ 18-ти страницахъ своего труда, такъ какъ изъ общаго духа его разсужденій въ области этого вопроса становится,—и притомъ, совершенно неожиданно,—яснымъ, что авторъ и самъ не является сторонникомъ чистой коллегіальности приказовъ, но скорѣе склоняется къ господствующему въ настоящее время въ наукѣ среднему мнѣнію проф. И. Е. Андреевскаго, называемому г. Лихачевымъ *совершенно справедливымъ*; это среднее мнѣніе утверждаетъ, что «трудно приложить понятія бюрократіи или коллегіи къ древнему патріархальному учрежденію нашихъ приказовъ». Если это мнѣніе «совершенно справедливо»,—то о чемъ же полемизируетъ авторъ? Любопытно, что самъ же авторъ, ломающій копья за коллегіальность приказовъ, вслѣдъ за цитатою изъ И. Е. Андреевскаго, высказывается еще категоричнѣе: «никто не думалъ о систематическомъ проведеніи извѣстнаго юридическаго начала; дѣлали дѣло, какъ повелось, не заботясь, что *принципъ единоличнаго управленія смѣшивается съ принципомъ коллегіальности*» (стр. 13). Еще выше (стр. XI предисловія) авторъ также замѣчаетъ, что «въ Московской Руси не заботились о строгомъ проведеніи въ государственномъ управленіи бюрократической или коллегіальной системы». Ратуя за коллегіальное устройство приказовъ, г. Лихачевъ ссылается на «товарищество» московскихъ приказныхъ людей. Это доказательство совсѣмъ не убѣдительно: вѣдь и современные намъ прокуроры имѣютъ своихъ «товарищей», но врядъ ли дать это будущему историку нашей прокуратуры право видѣть здѣсь признакъ коллегіальности въ организаціи этого института. Такъ же мало убѣдительны ссылки на увѣщанія (по отно-

шенію, впрочемъ, къ воеводамъ) дѣлать дѣла «вопче», «за одинъ», «безъ розни», «чтобы государеву и земскому дѣлу въ томъ поруки не было»; послѣдняя аргументація ясно показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о розни только съ точки зрѣнія споръ, пререканій (наприм. изъ за личныхъ или мѣстныхъ счетовъ), но отнюдь не съ точки зрѣнія требованія коллегіальности рѣшеній. Напротивъ, возможность появленія такихъ приказовъ, какъ: «Четь дьяка Дружины Петелина», «Четь дьяка Андрея Щелкалова», «Четь дьяка Варломея Иванова» — даютъ сильный доводъ въ пользу бюрократическаго начала въ организаціи этихъ учрежденій. Впрочемъ, дальнѣйшій разборъ доводовъ г. Лихачева въ области этого вопроса — излишенъ, такъ какъ для насъ становится яснымъ уже изъ приведенныхъ выше его же собственныхъ словъ, что, не признавая господства въ организаціи приказовъ чистаго бюрократическаго начала, нашъ авторъ не признаетъ въ ней и чистаго коллегіальнаго начала, придерживаясь господствующаго средняго мнѣнія, формулированнаго въ цитированныхъ выше словахъ И. Е. Андреевскаго. Такимъ образомъ, вся аргументація г. Лихачева въ вопросѣ о бюрократическомъ или коллегіальномъ устройствѣ приказовъ, изложенная на цѣлыхъ 18-ти страницахъ — теряетъ свое значеніе и свою *raison d'être*.

Остальная часть первой главы труда г. Лихачева (стр. 23—70) посвящена вопросу о времени возникновенія приказовъ. Вслѣдъ за большинствомъ нашихъ историковъ, г. Лихачевъ высказываетъ общепризнанное положеніе, что начало важнѣйшихъ приказовъ должно быть отнесено къ концу княженія великаго князя Іоанна III-го. При этомъ авторъ излагаетъ указанія на приказныхъ дьяковъ и указы, сохранившіеся отъ первой половины XVI-го вѣка, стараясь при этомъ провѣрить свидѣтельство Г. Успенскаго (въ его «Опытѣ повѣствованія о древностяхъ русскихъ») относительно древнѣйшихъ указаній на существованіе приказовъ: Разряднаго — въ 1535 г., Большаго Дворца — въ 1501 г., Ямскаго — въ 1516 г. и Конюшеннаго — въ 1553 году. По отношенію къ Конюшенному приказу г. Лихачевъ отодвигаетъ свидѣтельство Г. Успенскаго даже слишкомъ на 50 лѣтъ назадъ, приводя указаніе на «конюшенныхъ дьяковъ» отъ 1496-го года. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что указанія въ источникахъ на «дьяковъ» того или другаго вѣдомства, если и не даютъ еще прямаго свидѣтельства о существованіи въ данную эпоху приказа, то, во всякомъ случаѣ, уже указываютъ на ту или другую организацію, подготовившую возник-

повеніе будущаго приказа. Для другихъ приказовъ г. Лихачевъ указываетъ свидѣтельство объ ихъ существованіи: для Казеннаго Двора — 1493 г., для Ямскаго приказа — 1492 г. (указаніе на «ямскаго дьяка») и 1555 г. (указаніе на «ямскую избу»), для Разбойнаго приказа — 1552 г.; для приказовъ Холопьяго, Земскихъ, Челобитнаго и Посольскаго — г. Лихачевъ указываетъ время ихъ древнѣйшаго существованія лишь предположительно. Странно, что, говоря о древнѣйшихъ указаніяхъ на существованіе приказовъ, г. Лихачевъ упускаетъ изъ вида весьма важный Помѣстный приказъ, о существованіи котораго въ 1555—1556 гг. мы имѣемъ несомнѣнныя указанія въ свидѣтельствѣ о дьякахъ, «у которыхъ помѣстныя дѣла въ приказѣ»; въ этихъ годахъ дьяками этими были именно: Василій Степановъ и Путила Нечаевъ (А. А. Э. I, № 246; Д. къ А. И. I, стр. 87 и 93). Укажемъ затѣмъ, что свидѣтельство о существованіи Разбойнаго приказа, взамѣнъ 1552-го г., даваемого г. Лихачевымъ, можетъ быть отодвинуто до 1539-го года (Д. къ А. И. I, № 31); укажемъ и на то, что г. Лихачевъ могъ бы найти указаніе на существованіе въ 1545-мъ году Новгородской Чети, съ дьякомъ Истокою Новгородовымъ (А. А. Э. III, № 194).

Оговорившись относительно того обстоятельства, что многіе факты, имъ приведенные, могутъ показаться «недостаточными или произвольно истолкованными», и справедливо оправдывая себя тѣмъ, что «безъ гипотезъ и вѣроятныхъ объясненій нельзя обойтись въ изслѣдованіи», — г. Лихачевъ заканчиваетъ первую главу своего труда вполне вѣрнымъ положеніемъ, что «многое въ исторіи приказовъ, сравнительно съ существующими мнѣніями — должно быть отодвинуто на значительное число лѣтъ назадъ». Въ этомъ отношеніи авторъ приводитъ весьма любопытный примѣръ. Извѣстно, что начало Аптекарскаго приказа принято приурочивать къ первой четверти XVII-го вѣка; между тѣмъ, г. Лихачевъ отыскалъ въ первомъ томѣ «Писцовыхъ книгъ», изданныхъ въ 1877 г. И. Р. Географическимъ Обществомъ, вполне ясное и опредѣлительное свидѣтельство о существованіи этого приказа до 1594-го года.

II.

Во второй главѣ своего труда г. Лихачевъ вводитъ насъ въ область вопроса о времени образованія *Разряднаго приказа*, восстанавливаетъ древнѣйшее свидѣтельство о личномъ составѣ этого учрежденія и характеризуетъ государственное и общественное значеніе приказнаго дьячества.

Глава открывается общимъ абрисомъ широкой компетенціи Разряда, причемъ на первой же страницѣ насъ неприятно поражаетъ крайне неудачная терминологія автора. Г. Лихачевъ указываетъ, что «основнымъ предметомъ вѣдѣнія Разряда было воинское дѣло во всѣхъ его подробностяхъ и все служилое *дворянство*». Историкъ непростительно не знаетъ, что терминъ «дворянство», въ смыслѣ собирательнаго наименованія бывшаго служилого класса, появляется у насъ уже послѣ Петра I, что даже при Петрѣ I-мъ пользовались для выраженія понятія будущаго дворянства заимствованнымъ терминомъ «шляхетство», и что въ Руси Московской слова «дворяне», «дворянинъ» — имѣли узко-опредѣленное значеніе: это было наименованіе лишь одного изъ разрядовъ, и притомъ низшаго, служилыхъ людей; городовые дворяне и дѣти боярскіе — олицетворяли въ себѣ низшій контингентъ служилого класса, для котораго скромнымъ идеаломъ выслуги являлось быть записаннымъ «по московскому списку», получивъ чинъ «московскаго дворянина» или «жильца». Такъ же неудачна терминологія г. Лихачева и на стран. 135-й, гдѣ авторъ заявляетъ, что, говоря о «неродословности дьяковъ», онъ отнюдь не отрицаетъ «дворянства» ихъ. Подобнаго рода неологизмы не могутъ быть терпимы въ историческомъ изслѣдованіи, какъ вносящіе лишь путаницу понятій; здѣсь необходима ясная, общепринятая наукою терминологія.

Сдѣлавъ это небольшое отступление, переходимъ къ взглядамъ г. Лихачева на происхожденіе Разряднаго приказа. Ссылаясь на мнѣніе В. О. Ключевского, г. Лихачевъ высказываетъ предположеніе, что первоначальные и основные четыре приказа, — Посольскій, Помѣстный, Разрядный и Казанскій Дворецъ, — образовались въ качествѣ четырехъ отдѣленій думской канцеляріи; въ подтвержденіе этого предположенія авторъ ссылается на наименованіе «четвертей», которое носили эти приказы въ концѣ XVI-го в., и на извѣстное свидѣтельство о нихъ Флетчера.

Первоначальная исторія приказовъ покрыта непроницаемымъ туманомъ и даетъ, конечно, поводъ къ всевозможнымъ предположеніямъ и домысламъ въ области этого вопроса, тѣмъ болѣе, что приказы не были создаваемы государствомъ, какъ создавались впослѣдствіе коллегіи и министерства, но выработывались самою жизнью, созидались и развивались также постепенно, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, выросло и само государство. Вотъ здѣсь то и слѣдуетъ искать исходную точку образованія приказовъ, а не въ накопленіи дѣлъ въ думской канцеляріи, тѣмъ болѣе, что ни

о какой думской «канцеляріи» мы свѣдѣній не имѣемъ даже и отъ XVII-го вѣка, и что самая организація государевой думы, прошедшая — то стадію фактическаго совпаденія ея личнаго состава съ личнымъ составомъ старшей дружины княжеской, то стадію думы «самъ-третей у постели», — окончательную организацію свою, съ которою она и продолжаетъ существовать въ теченіе всего XVII-го вѣка, получаетъ лишь при Іоаннѣ IV-мъ. При этомъ окажется, что не думные дѣятели, въ смыслѣ начальниковъ приказовъ, выдѣлились изъ Государевой думы, но, наоборотъ, дѣятели, какъ начальники приказовъ, были введены въ личный составъ думы, получивъ наименованіе «думныхъ». Это мнѣніе подкрѣпляется нижеслѣдующими соображеніями.

Съ быстрымъ ростомъ Московскаго государства, прежніе органы центральнаго управленія оказываются безсильными поддерживать строй жизни государства. Возникаютъ *порученія*, въ силу которыхъ опредѣленному лицу, пользующемуся довѣріемъ государя, поручается, «приказывается» вѣдать тотъ или другой родъ дѣлъ; этому лицу придается помощникъ — «товарищъ», нѣсколько подъячій для писмоводства — и вотъ вамъ эмбрионъ будущаго приказа. Изъ круга приказовъ подобнаго рода, среди которыхъ уже зарождаются (и, вѣроятно, очень рано, даже ранѣе эпохи, принимаемой г. Лихачевымъ) приказы дворцовые и фискальные, — особенное значеніе приобретаютъ три приказа: *Разрядный*, какъ вѣдающій служилый классъ и воинское дѣло, игравшее такую видную роль въ жизни слагающагося Московскаго государства, *Посольскій*, какъ вѣдающій расширяющіяся и требующія большаго такта сношенія съ чужими государствами, и *Помѣстный*, какъ вѣдающій раздачу помѣстій, бывшую основною организаціи службы. Вотъ — три основные приказа, являющіеся какъ бы приказами по преимуществу и рельефно выдѣляющіеся изъ сѣраго круга другихъ приказовъ, или еще не успѣвшихъ выяснитъ свою будущую физиономію, или еще не вышедшихъ изъ рамокъ личныхъ и случайныхъ порученій. Эти же три приказа служили и цѣлямъ областнаго управленія, которое также, въ силу быстраго распространенія территоріи и неудовлетворительности системы своей, неминуемо потребовало центральныхъ органовъ. Независимо отъ непосредственныхъ предметовъ своего вѣдомства, эти же три приказа вѣдаютъ и части государства, представляющія тѣсную связь съ этимъ основнымъ вѣдомствомъ ихъ. Разрядный приказъ вѣдаетъ ратное дѣло и, въ особенности, обереженіе государства отъ вторженія крымцевъ, ногайцевъ

и другихъ безпокойныхъ сосѣдей, грозившихъ южной границѣ его территоріи; а потому Разряду ввѣряется вѣданіе южно-русской украины, что продолжается, какъ извѣстно, и въ XVII-мъ вѣкѣ. Посольскій приказъ вѣдаетъ иноземныя сношенія, — и вотъ ему же ввѣряется вѣданіе западныхъ порубежныхъ областей, причѣмъ онъ со временемъ выдѣляетъ изъ себя цѣлый рядъ территориальныхъ приказовъ (Новгородскій, Смоленскій, Малороссійскій и др.) Помѣстный приказъ вѣдаетъ раздачу помѣстій, а помѣстья раздавались, главнымъ образомъ, въ средней, центральной, части государства, — и вотъ онъ вѣдаетъ эти средніе уѣзды. Въ связи съ этимъ распределеніемъ государства на три района, и сами приказы эти носятъ наименованіе *третьей*. Во второй половинѣ XVI-го вѣка совершается присоединеніе царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, и вслѣдъ за этимъ возникаетъ четвертый основной приказъ — *Казанскій Дворецъ* или Приказъ Казанскаго Дворца. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и наименованіе этихъ основныхъ приказовъ: наименованіе *третья* уступаетъ мѣсто наименованію *четверть*. Теперь разъясняется для насъ и вопросъ о появленіи въ личномъ составѣ Государевой думы, съ конца XVI-го вѣка, новаго чина «думныхъ дьяковъ». Высокое значеніе, которое заняли въ государственномъ механизмѣ указанные выше четыре основные приказа — не могло оставлять ихъ внѣ самой тѣсной связи съ Государевою думою. Эта связь, эти соотношенія между названными приказами и думою — требовали постоянныхъ сношеній, взаимодѣйствія, единства въ дѣйствіяхъ. Ничѣмъ нельзя было проще и легче удовлетворить этому требованію, какъ привлеченіемъ въ личный составъ думы дьяковъ, стоявшихъ во главѣ указанныхъ четырехъ приказовъ. Іоаннъ IV и вводитъ ихъ въ личный составъ своей думы, подобно тому, какъ, за нѣсколько времени до этого, ввелъ въ нее новый чинъ «думныхъ дворянъ», служившій олицетвореніемъ принципа личной заслуги, пожалованія, и призванный смягчить господствовавшій въ думѣ принципъ рода. Конечно, и раньше дьяки, въ отдѣльныхъ случаяхъ, могли быть призываемы въ Государеву думу; но раньше участіе ихъ въ думѣ было чисто фактическаго характера, какъ чисто фактическаго характера былъ и самъ составъ Государевой думы, — теперь же участіе ихъ здѣсь получаетъ уже юридическую подкладку: дьякъ, сядущій въ одномъ изъ главныхъ приказовъ — *eo ipso* получаетъ право и обязанность числиться въ составѣ думы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаетъ наименованіе дьяка «думнаго». По приведеннымъ сообра-

женіямъ, намъ представляется искусственно-дѣланнымъ, натянутымъ, положеніе, высказанное г. Лихачевымъ на стр. 79-й его изслѣдованія: «Когда служебныя военныя, гражданскія и дипломатическія назначенія сдѣлались на столько многочисленны, что для веденія имъ списковъ потребовалась при Думѣ особая канцелярія — тогда основанъ былъ Разрядъ».

Богѣ интереснѣе представляется возстановленіе г. Лихачевымъ древнѣйшаго, дошедшаго до насъ, личнаго состава Разряда относящагося, именно, къ 1535—1537 годамъ. Очевидно, что этотъ составъ Разряда 1535 г. былъ уже извѣстенъ Г. Успенскому, который въ своемъ «Опытѣ повѣствованія о древностяхъ русскихъ» ссылается на разрядныя книги 1535 г., въ которыхъ упоминаются разрядные дьяки этого года. Это указаніе Успенскаго циркулировало въ литературѣ и принималось на вѣру, хотя Успенскій не далъ ни точной ссылки на источникъ, ни перечисленія этихъ разрядныхъ дьяковъ. Честь возстановленія въ подлинникѣ указанія Успенскаго всецѣло принадлежитъ г. Лихачеву, который отыскалъ это подлинное извѣстіе въ двухъ рукописныхъ разрядныхъ книгахъ, принадлежащихъ, первая—Императорской Публичной Библіотекѣ, вторая — Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Оказывается, что въ 1535, 1536 и 1537 годахъ въ Разрядѣ сидѣли дьяки: *Емзаръ Цыплетегъ, Авонасій Курцининъ и Григорій Запрязжской*, при которыхъ состояли двое подьячихъ — Леонтій и Иванъ Вырубовы. Вотъ точное и несомнѣнное указаніе на древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ составовъ Разряднаго приказа, за которое будущій историкъ послѣдняго будетъ г. Лихачеву весьма признателенъ. Возстановивъ личный составъ Разряда въ 1535—1537 г.г., г. Лихачевъ не довольствуется полною доказательностью цитируемыхъ имъ двухъ разрядныхъ книгъ и на цѣлыхъ 12-ти послѣдующихъ страницахъ (81—91) ищетъ подтвержденія ихъ сообщенію свидѣтельствомъ другихъ источниковъ и справками о дѣятельности исчисленныхъ выше лицъ. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ эту область нерѣдко совершенно излишнихъ и эпизодическихъ выписокъ, ссылокъ, біографическихъ и генеалогическихъ данныхъ, которыя, при наличности и несомнѣнности возстановленнаго г. Лихачевымъ извѣстія о составѣ Разряда 1535—1537 г.г., ничего существенно-важнаго въ вопросъ не вносятъ, свидѣтельствуя лишь о колоссальномъ трудолюбіи, терпѣніи и, доходящемъ до педантизма, кропотливомъ стремленіи автора твердо обосновать и безъ того уже несомнѣнное свидѣтельство цитируемыхъ имъ разрядныхъ книгъ.

Дагѣ авторъ дѣлаетъ попытку возстановить нѣкоторыхъ разрядныхъ дьяковъ до 1535 года, пользуясь для этой цѣли подписями дьяковъ на правыхъ мѣстническихъ грамотахъ — но послѣ ряда бесплодныхъ скитаній, на протяженіи цѣлыхъ 30-ти страницъ 92—123) своего труда, въ области мѣстническихъ дѣлъ, правыхъ грамотъ и указаній на «старые разряды» — слагаетъ на 123-й страницѣ оружіе, признавъ всѣ эти извѣстія на столько «скудными» и «смутными», что онъ вынужденъ оставить этотъ «подборъ разрядныхъ дьяковъ» за время до 1535 года. Очевидно, что вся эта часть труда г. Лихачева — результатъ его неувѣнчавшихся успѣхомъ изысканій въ области эпохи, предшествовавшей 1535 году, въ силу чего всѣ эти 30 страницъ могли бы быть, безъ ущерба для книги, или сведены въ нѣсколько десятковъ строкъ или даже и быть вовсе выпущенными. Педантичность автора и здѣсь сказывается во всей своей силѣ: онъ силится обставить полную доказательностью не только положительные результаты своихъ работъ, но даже и отрицательные результаты ихъ; на цѣломъ почти печатномъ листѣ излагаетъ онъ постепенный ходъ своихъ изысканій, и все это лишь для того, чтобы, въ концѣ концовъ, заявить, что онъ — не пришелъ къ желаемому результату. Не ставя этого приѣма въ укоръ автору, мы объясняемъ его — какъ неопытностью, не дающею ему возможности обставить свою работу опредѣленными и вполне положительнаго характера рамками, такъ, въ особенности, и чисто субъективнымъ побужденіемъ автора: ему жаль безсгѣдно бросить массу потраченнаго труда, массу добытыхъ свѣдѣній — и онъ цѣликомъ вноситъ ихъ въ свою книгу, не заботясь о томъ, что эти свѣдѣнія ничего не внесутъ въ нее новаго.

Объемистая вторая половина второй главы книги г. Лихачева (стр. 124—226) всецѣло посвящена *вопросу о дьякахъ вообще*, объ ихъ значеніи и о той роли, которую они играли въ современномъ обществѣ.

Въ этой части своего труда г. Лихачевъ примыкаетъ къ установившемуся уже въ наукѣ воззрѣнію на важное значеніе дьяковъ-правителей приказовъ, являвшихся главными двигателями всего государственнаго механизма. Это положеніе, — замѣтимъ отъ себя, — является особенно вѣрнымъ для эпохъ, предшествующихъ половинѣ XVII-го вѣка, когда въ четыре оснoвные приказа, а въ томъ числѣ и въ Разрядный, начинаютъ назначаться, въ качествѣ начальниковъ, и другіе высшіе представители думныхъ чиновъ — бояре, окольничіе и думные дворяне, которые и заслоняютъ теперь

собою значеніе думныхъ дьяковъ, низведенныхъ, если не фактически, то юридически — на степень ихъ товарищей.

Проводя взглядъ на неродословность дьячества, спасавшую его отъ соперничества съ боярствомъ, г. Лихачевъ весьма послѣдовательно распространяетъ извѣстное свидѣтельство Котошихина о томъ, что «дьяки во дьяцы бывають пожалованы изъ дворянъ московскихъ и изъ городовыхъ» — и на предшествующій XVI-й вѣкъ. Г. Лихачевъ выставляетъ и вполне доказываетъ положеніе, что въ XVI-мъ вѣкѣ «большинство дьяковъ происходило изъ служилого класса». Авторъ весьма удачно прослѣживаетъ даже происхожденіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дьяческихъ фамилій. Такъ, напримеръ, дьякъ Алексѣй Полуехтовичъ — оказывается по происхожденію второстепеннымъ бояриномъ Ярославскаго княжества; дьяки Мамыревы — ведутъ свой родъ отъ ярославскихъ и ростовскихъ вотчинниковъ; дьяки Карачаровы — ведутъ свой родъ отъ верейскихъ вотчинниковъ и т. д. Мало этого: г. Лихачевъ приводитъ даже данныя въ подтвержденіе того, что во многихъ родахъ дьяческая и «дворянская» служба — шли параллельно. Эта весьма любопытная, часть труда г. Лихачева иллюстрируется цѣлою массою доводовъ, нерѣдко принимающихъ форму объемистыхъ выписокъ и цитатъ, какъ изъ печатныхъ, такъ и изъ рукописныхъ и архивныхъ источниковъ. Г. Лихачевъ отгѣняетъ значеніе дьячества въ XVI-мъ и въ XVII-мъ вѣкахъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ, когда дьяки имѣли несравненно большее значеніе — они мало добивались выхода въ высшіе чины, совершенно довольствуясь своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что самый выходъ ихъ въ эти чины былъ затруднителенъ. Напротивъ, въ XVII-мъ вѣкѣ, когда значеніе дьячества затемняется въ силу условій, указанныхъ выше, дьяки стремятся выдвинуть свои роды въ контингентъ служилыхъ придворныхъ чиновъ; были примѣры, — говоритъ г. Лихачевъ, — что въ XVII столѣтіи дьяки, достигшіе выдающагося значенія, выдвигали сыновей своихъ въ ряды придворныхъ служилыхъ людей, иногда проводя ихъ прямо въ стольники. Хотя г. Лихачевъ и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи оговорки, но мы, тѣмъ не менѣе, не сомнѣваемся, что онъ имѣетъ здѣсь въ виду *рядовое* дьячество, но не *думное* дьячество; думные дьяки уже сами по себѣ занимали четвертую ступень въ московской чиновной іерархіи, были чиномъ «думнымъ» и, во всякомъ случаѣ, ставили себя выше стольниковъ, обыкновенно выдвигавшихся изъ массы городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Всгѣдъ за тѣмъ г. Лихачевъ переходитъ къ выясненію отношеній дьячества къ Думѣ. Соглашаясь съ общепризнаннымъ положеніемъ, что терминъ «думный дьякъ» — появляется лишь въ послѣдней четверти XVI-го в., г. Лихачевъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что участіе дьяковъ въ Думѣ несомнѣнно даже и въ XV-мъ вѣкѣ и что позднѣйшее понятіе «думнаго дьяка», для предшествующихъ эпохъ — могло скрываться подъ другими наименованіями, какъ то: «дьякъ введенной», «дьякъ великій», «дьякъ Государевъ». Такого же воззрѣнія держится г. Лихачевъ и въ вопросѣ о происхожденіи думныхъ дворянъ, утверждая, что и они могли скрываться, до своего появленія подъ этимъ именно названіемъ (въ первый разъ являющимся въ 1572 г.), подъ другими наименованіями, — напримѣръ: «дѣтей боярскихъ, которые въ думѣ живутъ», «дѣтей боярскихъ ближняго чина» и т. п. При современномъ состояніи источниковъ трудно сказать что либо категорическое какъ за, такъ и противъ предположенія г. Лихачева, хотя, какъ мы видѣли выше, до Іоанна IV-го, т. е. до эпохи, когда составъ Государевой Думы получаетъ опредѣленную фізіономію, участіе въ ней и другихъ служилыхъ чиновъ, кромѣ бояръ и окольничихъ, могло быть весьма вѣроятнымъ уже въ силу чисто фактическаго, случайнаго состава ея. Несомнѣнно только то, что до 1572 г. мы не встрѣчаемся съ терминомъ «думный дворянинъ», а до конца XVI-го вѣка — съ терминомъ «думный дьякъ». Только съ этого времени появляются эти два новыхъ думныхъ чина, которые отнынѣ, на ряду съ боярами и окольничими, засѣдаютъ въ Думѣ уже не въ силу *факта*, но въ силу *права*, засѣдаютъ здѣсь не случайно, но *ex officio*. Правда, на стран. 170—171 своего труда г. Лихачевъ ссылается на двѣ надгробныя надписи, находящіяся въ московскомъ Спасо-Андроньевѣ монастырѣ и будто бы гласящія о погребеніи здѣсь въ 1515-мъ году — «думнаго дворянина» Василя Ѳеодорова сына Замятина», а въ 1516-мъ году — «думнаго дворянина вдовы Мавры Парфентьевой дочери Замятиной», но самъ же г. Лихачевъ утверждаетъ, что «съ увѣренностью можно сказать, что эти надгробныя надписи или сдѣланы въ позднѣйшее время, или искажены тѣмъ, кто ихъ списывалъ». Послѣднее всего вѣроятнѣе.

Вторая глава книги г. Лихачева заканчивается интересными соображеніями объ общественномъ значеніи приказныхъ дьяковъ. Авторъ, на основаніи цѣлаго ряда историческихъ данныхъ, приходитъ къ выводу, что общественное значеніе приказныхъ дьяковъ

и, въ частности, дьяковъ разрядныхъ — было весьма значительно. Это значеніе доказывается какъ родственными связями ихъ съ выдающимися московскими служилыми родами, такъ, въ особенности, ихъ громаднымъ вліяніемъ на теченіе государственныхъ дѣлъ. Последнее особенно ярко иллюстрируется авторомъ на дѣятельности извѣстныхъ воротилъ конца XVI-го вѣка — думныхъ дьяковъ Щелкаловыхъ.

III.

Мы видѣли, что въ предъидущей главѣ г. Лихачевъ весьма удачно возстановилъ личный составъ Разряда для 1535—37 годовъ. Въ третьей главѣ своего труда, носящей заглавіе «Разрядный приказъ въ половинѣ XVI-го вѣка», — г. Лихачевъ прежде всего дѣлаетъ попытку возстановить личный составъ Разряда въ послѣдующее тридцатилѣтіе, до 1566 года, когда свѣдѣнія о личномъ составѣ его становятся уже относительно опредѣленнѣе.

Здѣсь авторъ на первомъ же шагу наталкивается на почти непреодолимое препятствіе, заключающееся въ отсутствіи въ источникахъ прямыхъ указаній на личный составъ Разряда въ половинѣ XVI-го вѣка. Это препятствіе не можетъ быть преодолено и архивными изысканіями, такъ какъ приказныя дѣла отъ этой эпохи сохранились въ архивахъ въ весьма скудномъ числѣ. И вотъ авторъ нашъ, съ свойственными ему трудолюбіемъ, терпѣніемъ и кропотливостью, избираетъ косвенный путь къ возстановленію, хотя бы и въ отрывочномъ видѣ, личнаго состава Разряда въ половинѣ XVI вѣка.

При этомъ г. Лихачевъ отправляется отъ вполне справедливаго положенія о томъ, что изъ соображенія вѣдомствъ, по которымъ состоялись тѣ или другіе акты, и изъ именъ дьяковъ, скрѣпившихъ эти акты, — не трудно вывести заключеніе, что эти-то именно дьяки и сидѣли въ приказѣ, предметъ компетенціи котораго обнимается этимъ вѣдомствомъ. Употребленный авторомъ приѣмъ — вполне рационаленъ; утверждаю это по собственному опыту, такъ какъ мнѣ не рѣдко лично, и не безъ успѣха, приходилось пользоваться имъ. Въ числѣ источниковъ, изъ которыхъ могутъ быть почерпнуты указанія на разрядныхъ дьяковъ, авторъ указываетъ: разрядныя книги и разряды, мѣстническія дѣла, десятные списки, писцовыя книги и разнаго рода, дошедшіе до насъ, акты.

Опустивъ сомнительное (какъ сознается въ этомъ и самъ г. Лихачевъ) предположеніе о дьячествѣ въ Разрядѣ въ 1540-мъ году

Ивана Курицына, переходимъ къ восстанавливаемому г. Лихачевымъ *составу Разряда 1549-го юда*. Онъ восстанавливаетъ этотъ составъ на основаніи «Указа о разрядствѣ воеводъ» 1550 года. Дѣйствительно, изъ этого акта является исполнѣ несомнѣннымъ составъ Разряда 1549—50 гг., выведенный г. Лихачевымъ, а именно: Иванъ Елизаровъ (Цыплетевъ), Андрей Васильевъ и Угринъ Львовъ.

Таковъ второй, по времени, изъ дошедшихъ до насъ составовъ Разряда, выясненный г. Лихачевымъ.

Мы снова опускаемъ предположеніе г. Лихачева о дьячествѣ въ Разрядѣ въ 1553—1555 г.г. Ивана Юрѣва, какъ не имѣющее за собою несомнѣнныхъ данныхъ, и переходимъ къ попыткамъ автора выяснитъ дьяковъ, сидѣвшихъ въ Разрядѣ въ 1555—1556 годахъ.

Здѣсь авторъ беретъ исходною точкою отправленія «Сборникъ Новгородскихъ грамотъ» 1554—1556 г.г., принадлежащій Археологической Комиссіи, изъ котораго только немного болѣе половины актовъ напечатано въ изданіяхъ комиссіи. Грамоты эти посылались въ Новгородъ изъ Москвы, изъ различныхъ приказовъ. Г. Лихачевъ и дѣлаетъ весьма остроумную попытку выяснитъ принадлежность къ тѣмъ или другимъ приказамъ 14-ти дьяковъ, скрѣпившихъ эти грамоты, на основаніи предметовъ вѣдомствъ, которыхъ касаются эти послѣднія. Въ этомъ отношеніи авторъ приходитъ къ выводу, что изъ фигурирующихъ въ этихъ грамотахъ 14-ти дьяковъ, относятся: трое — къ Разрядному приказу (Андрей Васильевъ, Иванъ Елизаровъ и Иванъ Выродковъ), двое — къ Новгородской Четверти (Третьякъ Митрофановъ и Постыкъ Губинъ), одинъ — къ Посольскому приказу (Иванъ Михайловъ), двое — къ Большой казны (Юрій Сидоровъ и Петръ Даниловъ), двое — къ Помѣстному приказу (Василій Степановъ и Путило Михайловъ), двое — къ Ямскому приказу (Петръ Копьевъ и Иванъ Матцневъ), и одинъ — къ приказу Большаго Дворца (Угринъ Львовъ); вѣдомство одного дьяка (Ивана Безсонова) авторъ оставляетъ вопросомъ открытымъ.

И такъ, для 1555—1556 г.г. г. Лихачевъ выводитъ и *третій* по времени *личной составъ Разряднаго приказа*: Иванъ Елизаровъ (Цыплетевъ), Иванъ Григорьевъ Выродковъ и Андрей Васильевъ. Возстановивъ этотъ составъ Разряда, г. Лихачевъ не настаиваетъ на его безусловности, заявляя (стр. 284-я), что онъ придаетъ ему лишь значеніе «большой вѣроятности», но отнюдь не «достоверности». Мы тщательно прослѣдили весь процессъ анализа автора и,

съ своей стороны, можемъ подтвердить, что въ данномъ случаѣ «вѣроятность» выводовъ г. Лихачева, на нашъ взглядъ, почти совпадаетъ съ полною «достоувѣрностью».

Остальная и значительнѣйшая часть третьей главы книги г. Лихачева (стр. 284—452) заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе нѣкоторыхъ письменныхъ памятниковъ, въ которыхъ выражалась дѣятельность Разряда. Авторъ не задается трудно выполнимою, при настоящемъ положеніи источниковъ и ихъ разработки, задачею изслѣдованія *всѣхъ* остатковъ дѣлопроизводства Разряднаго приказа и останавливается лишь на *разрядныхъ книгахъ, юсударевомъ родословцѣ* и, отчасти, *книгахъ боярскихъ и десятиахъ*.

Этотъ отдѣлъ сочиненія г. Лихачева мы признаемъ наиболѣе выдающеюся частью его книги. Составляя почти половину всего ея текста — онъ носитъ характеръ совершенно самостоятельнаго изслѣдованія и не потерялъ бы ни своей цѣны, ни своего значенія, если бы и совершенно былъ выдѣленъ изъ книги въ видѣ отдѣльной монографіи. Мало того: въ общія рамки сочиненія г. Лихачева этотъ отдѣлъ какъ бы искусственно втиснуть, вслѣдствіе чего и выдѣляется яркими красками на общемъ фонѣ труда автора. Дѣйствительно: задача книги г. Лихачева — изслѣдованіе «разрядныхъ дѣяковъ XVI-го столѣтія»; къ возстановленію ихъ и ведетъ вся, проходящая черезъ книгу, нить кропотливыхъ изслѣдованій автора. И вдругъ на 284-ой страницѣ нить эта порывается вплоть до страницы 452-ой съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто монографическому изслѣдованію о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ, не ведущему даже къ достиженію основныхъ результатовъ, преслѣдованіемъ которыхъ задаяся авторъ въ своей книгѣ. А что изслѣдованіе о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ, дѣйствительно, *искусственно* втиснуто въ третью главу книги г. Лихачева, на это ясно указываетъ и мотивъ, которымъ авторъ оправдываетъ появленіе здѣсь этой вставной монографіи. Г. Лихачевъ этимъ путемъ хочетъ подтвердить «существованіе Разряднаго приказа въ первой половинѣ XVI-го вѣка» (стр. 284); хочетъ имѣть основаніе утверждать, что «существованіе Разряднаго приказа въ половинѣ XVI-го столѣтія несомнѣнно свидѣтельствуется и пр.» (стр. 452). Этотъ мотивъ — весь искусственъ, такъ какъ существованіе Разряда въ половинѣ и даже въ первой половинѣ XVI-го вѣка — никѣмъ не оспаривается и, притомъ, въ предъидущемъ изложеніи своемъ, авторъ самъ же вывелъ личный составъ Разряда не только для половины XVI-го вѣка, но даже для 1535-го года. Ясно, такимъ об-

разомъ, что этотъ мотивъ искусственно подогнанъ лишь для оправданія эпизодическаго появленія въ изслѣдованіи «о разрядныхъ дьякахъ» — цѣлаго трактата о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ. Появленіе здѣсь этого трактата мы объясняемъ иначе: еще со студенческой скамьи г. Лихачевъ (какъ это намъ лично извѣстно) занялся изысканіями въ области вопроса о разрядныхъ книгахъ, будучи натолкнутъ на этотъ вопросъ рукописною разрядною книгою, оказавшеюся въ библіотекѣ П. Ф. Лихачева (отца автора). Первое время архивныхъ занятій г. Лихачева — было также посвящено вопросу о разрядныхъ книгахъ, что усматривается изъ его отчета командированному его для этихъ занятій историко-филологическому факультету Казанскаго университета. Такимъ образомъ, изслѣдованіе разрядныхъ книгъ предшествовало у г. Лихачева изслѣдованію вопроса о разрядныхъ дьякахъ. Мы поддерживаемъ предположеніе, уже высказанное нами въ началѣ настоящаго отчета, что г. Лихачевъ лишь *натолкнулся* на необходимость изслѣдованія о разрядныхъ дьякахъ при изслѣдованіи разрядныхъ книгъ. Весьма естественно, что автору тяжело поступиться своею основною работою — и вотъ онъ цѣликомъ вдвигаетъ ее, не безъ натяжки, въ изслѣдованіе о разрядныхъ дьякахъ XVI-го вѣка. Мы далеки отъ мысли укорять этимъ автора; напротивъ, трактатъ о разрядныхъ книгахъ и родословцахъ — составляетъ истинное украшеніе книги г. Лихачева.

Открываясь реферированіемъ и, отчасти, критическою оцѣнкою монографіи г. Милюкова: «Официальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги» («Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.» за 1887 г.), изслѣдованія г. Лихачевымъ разрядныхъ книгъ приводятъ его къ слѣдующимъ основнымъ выводамъ. Разрядныя росписи началомъ своимъ уходятъ въ XV-й вѣкъ; несомнѣнно, что такія росписи уже велись при в. к. Іоаннѣ III. Что касается веденія разрядныхъ подлинниковъ въ книгахъ — то начало его должно быть приурочено къ первымъ годамъ XVI-го столѣтія. Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о составленіи первой разрядной книги, присоединяясь къ предположенію г. Милюкова, что первая разрядная книга была разомъ составлена за много лѣтъ назадъ, была составлена, такъ сказать — «заднимъ числомъ», изъ подлинныхъ разрядныхъ записей, въ виду возникшей, ради цѣлей практическаго примѣненія и, главнымъ образомъ, въ мѣстническихъ спорахъ, — потребности въ справочномъ указателѣ по разряднымъ дѣламъ; сюда вошли лишь росписи, составленныя послѣ новгородскаго по-

хода Иоанна III. Первую «Государеву перечневую разрядную книгу» г. Лихачевъ относитъ, по времени ея редакціи, къ 1553-му году. Что касается частныхъ разрядныхъ книгъ, то это, въ большинствѣ случаевъ, компіляціи, составленныя какъ изъ официальныхъ разрядныхъ росписей, такъ и изъ частныхъ разрядныхъ записей, а также и изъ сводовъ лѣтописныхъ. Такія частныя разрядныя книги характеризуются ихъ разнообразіемъ, съ точки зрѣнія полноты и внутренняго содержанія, въ силу чего лишь съ большимъ трудомъ могутъ быть приведены къ основнымъ типамъ или редакціямъ; авторъ утверждаетъ это на основаніи изученія имъ 12-ти разрядныхъ книгъ этого рода.

Въ области изслѣдованія о «Государевомъ родословцѣ», существовавшемъ въ Разрядѣ на ряду съ разрядными книгами и служившемъ, вмѣстѣ съ послѣдними, основою для мѣстническихъ споровъ и рѣшеній, — г. Лихачевъ, какъ мы увидимъ это ниже, приходитъ къ выводу, что памятникъ этотъ составленъ въ 1555-мъ году, въ бытность начальникомъ Разряднаго приказа дьяка Ивана Елизарова (Цыплетева). Объемъ этого первоначальнаго «Государева родословца» г. Лихачевъ опредѣляетъ на основаніи хранящейся въ Московскомъ Архива Министерства Юстиціи «описи дѣлъ, вынесенныхъ изъ Разряда въ великій пожаръ 1626-го года». Здѣсь, въ числѣ вынесенныхъ документовъ, значится «книга родословная, въ кожѣ, 43 главы». И такъ, опредѣливъ объемъ «родословца» — 43 главы — г. Лихачевъ весьма удачно восстанавливаетъ и самое содержаніе этихъ главъ. Онъ пользуется для этой цѣли такъ называемою «Бархатною книгою», составленною на основаніи утраченнаго нынѣ первоначальнаго «родословца», спасеннаго въ пожаръ 1626 года. Росписаніе 44 главъ Бархатной книги авторъ сопоставляетъ съ содержаніемъ главъ пяти частныхъ рукописныхъ родословныхъ книгъ, хранящихся въ различныхъ учрежденіяхъ. Путемъ этого сопоставленія г. Лихачевъ приходитъ въ выводу, что въ Бархатной книгѣ получилось 44 главы, взамѣнъ 43-хъ главъ ея прототипа, благодаря тому, что въ ней 2-ая глава (генеалогическая роспись дома Рюрика) выпущена, но за то двѣ главы разбиты каждая на двѣ части, вслѣдствіе чего, вмѣсто 43-хъ главъ, образовалось ихъ уже 44. Вслѣдъ за этимъ г. Лихачевъ восстанавливаетъ полное росписаніе главъ стараго Государева родословца.

Г. Лихачевъ останавливается, затѣмъ, на вопросѣ о частныхъ родословныхъ сборникахъ и, прежде всего, устанавливаетъ важнѣйшее ихъ отличіе отъ Государева родословца. Государевъ родосло-

вещь открывался известною легендою о происхождении Рюрика съ братьями отъ Пруса, брата римскаго кесаря Августа, которую авторъ, въ противность мнѣніямъ, относящимъ ее къ царствованію Іоанна IV-го, приурочиваетъ къ эпохѣ византійскихъ вѣнній въ княженіе Іоанна III; но за то здѣсь нѣтъ легенды о происхожденіи «изъ нѣмецъ» родоначальниковъ московскихъ служилыхъ родовъ (единственное исключеніе — известный Радша, родоначальникъ Застолбскихъ, Свибловыхъ, Товарковыхъ и др.). Напротивъ, частные родословцы — переполнены легендарными сказаніями о выѣздѣ родоначальниковъ фигурирующихъ здѣсь семей изъ «прусь», «изъ нѣмецъ» и т. п. Г. Лихачевъ объясняетъ это, присоединяясь къ мнѣнію г. Кобеко, тѣмъ, что, послѣ занесенія въ 1555-мъ году въ Государевъ родословецъ фантастическаго сказанія о происхожденіи отъ Пруса царствовавшего дома Рюрика, выдающимся московскимъ служилымъ родамъ стало уже «обиднымъ» ихъ русское происхожденіе, — и вотъ въ ихъ частныхъ родословцахъ появляются такія же легендарныя сказанія о происхожденіи ихъ изъ «прусь», «нѣмецъ» и т. п. По мнѣнію г. Лихачева, фактъ отсутствія въ Государевомъ родословцѣ боярскихъ выѣздовъ «изъ Прусь» — говоритъ въ пользу относительно ранней эпохи составленія этого памятника. Мы видѣли, что авторъ нашъ приурочиваетъ его къ 1555-му году; онъ вполне логично приходитъ къ этому выводу изъ анализа текста Бархатной книги и, въ частности, главы этой книги, содержащей въ себѣ росписи царей Казанскихъ, Астраханскихъ и Крымскихъ.

Въ заключеніе авторъ останавливается на вопросѣ о «Книгѣ выѣзжихъ родовъ», существованіе которой онъ не безъ основанія предполагаетъ въ Разрядѣ наряду съ Государевымъ родословцемъ, и на вопросѣ о родословныхъ росписяхъ, подававшихся служилыми родами въ Разрядъ въ концѣ XVII-го вѣка. Эти росписи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, совершенно недостоверны, наполнены измышленіями и основаны на подложныхъ грамотахъ; образецъ одной изъ нихъ авторъ приводитъ цѣликомъ, обѣщая со временемъ посвятить этому вопросу отдѣльную работу.

Замѣчаній г. Лихачева относительно боярскихъ книгъ и боярскихъ и десятныхъ списковъ — мы касаться не будемъ, такъ какъ вопросъ о нихъ затронутъ г. Лихачевымъ весьма поверхностно и имѣетъ въ конечной своей цѣли опять-таки совершенно излишнее стремленіе доказать, и безъ того безспорный, фактъ существованія Разряда въ половинѣ XVI-го вѣка (см. стр. 452).

Заканчивая обзоръ третьей главы книги г. Лихачева, считаю долгомъ еще разъ указать на прекрасно выполненную авторомъ монографическую работу въ области вопроса о разрядныхъ и родословныхъ книгахъ. Этотъ отдѣлъ я признаю лучшею и наиболѣе существенною частью изслѣдованій автора. Отдѣлъ этотъ получаетъ еще большую научную цѣнность въ виду массы выпскокъ изъ архивнаго, болѣею частью еще неизданнаго, матеріала, освѣщеннаго надлежащимъ свѣтомъ критики и къ которому авторъ относится вполне научно и честно, избѣгая натяжекъ и подогнанія отдѣльных фактовъ подъ предвзятыя положенія, — печальный пріемъ, нерѣдко практикуемый въ историческихъ изслѣдованіяхъ.

IV.

Покончивъ съ Разряднымъ приказомъ въ первой половинѣ и въ половинѣ XVI-го вѣка, въ четвертой главѣ своего труда г. Лихачевъ переходитъ къ разряднымъ дьякамъ второй половины XVI-го и начала XVII-го вѣковъ (до воцаренія Михаила Феодоровича).

«Намъ могутъ поставить въ упрекъ, — такъ заявляетъ самъ авторъ въ началѣ этой главы, — что мы намѣрены касаться не приказа, а исключительно его дьяковъ, между тѣмъ какъ при полномъ сводѣ и строгомъ изслѣдованіи наличныхъ матеріаловъ и при помощи аналогіи съ фактами изъ слѣдующаго столѣтія, *повидимому*, возможно изложеніе исторіи Разряда, какъ учрежденія». Мы уже касались этого вопроса и, отчасти, сдѣлали автору упрекъ въ этомъ направленіи въ началѣ нашего отчета, почему распространяться болѣе въ этомъ отношеніи не будемъ, замѣтивъ лишь, что задача, указываемая самимъ г. Лихачевымъ, могла бы быть достигнута при указанныхъ условіяхъ не только *повидимому*, но, до извѣстной степени, *безусловно*.

Вся задача четвертой главы книги г. Лихачева сводится къ возстановленію преемственности разрядныхъ дьяковъ, сидѣвшихъ въ Разрядѣ съ 1566 года по 1612 годъ. Авторъ самъ оговаривается при этомъ, что его сводъ дьяковъ за указанный періодъ времени «конечно будетъ отличаться неполнотою, а весьма вѣроятно и ошибками».

Обратимся прежде всего къ тѣмъ источникамъ, помощью которыхъ г. Лихачевъ пытается возстановить разрядныхъ дьяковъ второй половины XVI-го вѣка. Съ этою цѣлью онъ пользуется ука-

заніями посольскихъ книгъ, записныхъ книгъ Разряда, царскими грамотами и указами, разрядными книгами, десятинами, памятями, отписями и, какъ главнымъ источникомъ—безсудными и правыми грамотами по мѣстническимъ дѣламъ. Авторъ смотритъ — какими дьяками скрѣплены тѣ или другіе акты, или какіе дьяки упоминаются въ нихъ, и затѣмъ, по соображенію вѣдомства, изъ котораго исходитъ актъ или которому онъ адресованъ—приурочиваетъ и упоминаемыхъ въ немъ дьяковъ къ тѣмъ или другимъ приказамъ, т. е. пользуется тѣмъ же методомъ изслѣдованія, къ которому съ успѣхомъ прибѣгалъ въ предшествовавшихъ главахъ своего труда. Методъ этотъ,—весьма, какъ мы видѣли, надежный,—сослужилъ бы и теперь вѣрную службу автору, если бы г. Лихачевъ не примѣнилъ его слишкомъ безусловно къ мѣстническимъ грамотамъ.

Слѣдовало имѣть въ виду, что, хотя исполнительныя дѣйствія по мѣстническимъ дѣламъ и составляли предметъ вѣдомства Разряда, но самый судъ по дѣламъ этого рода принадлежалъ Государевой думѣ или, еще чаще, думскимъ комиссіямъ. Мало того—нерѣдко мѣстническіе споры разбирались даже однимъ бояриномъ или окольнымъ, съ придачею ему въ помощь думнаго дьяка и подъячаго для писмоводства; мы имѣемъ, на примѣръ, челобитье боярина, который ходатайствовалъ передъ государемъ о томъ, чтобы его мѣстническое дѣло слушалось *только однимъ* бояриномъ,—«для многіе ссоры съ своею братьею»,—что и было уважено (Дворц. Разр., I, 410). Легко могло стать, что въ такую думскую комиссію попадалъ дьякъ и не Разряднаго приказа, хотя и изъ приказныхъ дьяковъ, допущенныхъ въ думу¹⁾,—и тогда скрѣпа имъ правой грамоты уже не будетъ служить доказательствомъ принадлежности его къ Разряду.

Самъ же г. Лихачевъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, въ которыхъ правая мѣстническая грамота—скрѣпляется *не разряднымъ дьякомъ*, но дьяками другихъ приказовъ.

Такъ, въ 1573-мъ г. дьякъ Андрей Щелкаловъ, будучи въ При-

¹⁾ Каюсъ чистосердечно, что въ 1879-мъ году, въ своей монографіи о Думѣ Боярской («Исторія права Московскаго Государства», т. II, вып. 1), я впалъ въ такое же заблужденіе, заявляя, что нерѣдко «государь указывалъ судить мѣстническій споръ одному боярину или окольному, придавъ ему въ помощь *разряднаго* дьяка». Дѣло въ томъ, что этимъ вторымъ судьей могъ быть и *не разрядный*, хотя, во всякомъ случаѣ, *думный* дьякъ.

казѣ Казанскаго Дворца ¹⁾, выдалъ правую грамоту по мѣстническому дѣлу князя Ѳедора Троекурова съ княземъ Юрьемъ Курлятевымъ («Разр. дьяки», стр. 465). Въ 1575-мъ г. тѣмъ же Андреемъ Щелкаловымъ скрѣплена невѣстная грамота, — между тѣмъ Андрей Щелкаловъ въ Разрядѣ въ этомъ году не былъ, будучи дьякомъ Казанскаго Дворца, въ Разрядѣ же сидѣлъ Василій Щелкаловъ (ib., стр. 468). Точно также и въ послѣдующіе годы г. Лихачевъ констатируетъ «вмѣшательство Андрея Щелкалова въ разрядныя дѣла» путемъ скрѣпы имъ невѣстныхъ грамотъ (ib. стр. 476), хотя онъ въ эти годы уже завѣдомо не былъ разряднымъ дьякомъ; въ данныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ «вмѣшательствомъ», но со скрѣпою имъ невѣстныхъ грамотъ въ качествѣ дьяка, присутствующаго въ думѣ, которою мѣстническое дѣло и разбиралось. Затѣмъ г. Лихачевъ констатируетъ фактъ скрѣпы печатникомъ и посольскимъ дьякомъ Василиемъ Щелкаловымъ мѣстническаго дѣла (ib., стр. 480 — 481). Въ 1578-мъ г. судъ по мѣстническому дѣлу происходилъ при участіи дьяка Андрея Мяснаго, бывшаго въ этомъ году дьякомъ Помѣстнаго приказа (ib., стр. 486—487). Дьякъ Афонасій Демьяновъ, будучи дьякомъ Разбойнаго приказа, также принимаетъ въ 1593 и 1590 гг. участіе въ производствѣ мѣстническихъ дѣлъ: «Если бы не свидѣтельство Флетчера,—замѣчаетъ по этому поводу г. Лихачевъ,—мы должны были бы на основаніи этихъ указаній считать Демьянова старшимъ разряднымъ дьякомъ въ 1590-мъ году»; такимъ образомъ, если бы не Флетчеръ, г. Лихачевъ не преминулъ бы, на основаніи мѣстническаго дѣла, примкнуть въ своемъ списокѣ Аф. Демьянова къ разряднымъ дьякамъ 1590-года, какъ онъ это и дѣлаетъ во многихъ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (ib., стр. 492). Въ 1589-мъ г. дьякъ Казанскаго Дворца Дружина Петелинъ объявляетъ приговоръ по мѣстническому дѣлу, тогда какъ разряднымъ дьякомъ былъ въ этомъ году Сапунъ Абрамовъ (ib., стр. 494 — 495). Въ 1589 г. тотъ же дьякъ Казанскаго Дворца Дружина Петелинъ скрѣпляетъ мѣстническую правую грамоту (ib., стр. 502). Въ 1599 г. дьякъ приказа Казанскаго Дворца Василій Нелюбовъ—точно также скрѣпляетъ мѣстническое дѣло.

¹⁾ Г. Лихачевъ, какъ кажется, ошибочно приурочиваетъ Андрея Щелкалова въ 1573 году къ Посольскому приказу. Въ 1572-мъ году и затѣмъ въ 1581 и 1582-мъ гг. мы его видимъ въ Приказѣ Казанскаго Дворца (см. Д. къ Д. И. I, №№ 120, 127 и 128).

Что же вытекаетъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ? А просто на просто то, что, вопреки мнѣнію г. Лихачева, приписъ дьяковъ на актахъ мѣстнаго производства — отнюдь не даетъ еще права причислять ихъ къ личному составу Разряда. Они дѣйствуютъ въ данныхъ случаяхъ — какъ члены Государевой думы и олицетворяютъ въ себѣ не компетенцію того или другаго приказа, но авторитетъ Государевой думы, какъ ближайшаго органа представителя верховной государственной власти. Мы, напримѣръ, видимъ случай, что въ 1579 г. дьякъ Андрей Щелкаловъ, будучи въ Посольскомъ приказѣ, сказываетъ отпускъ воеводамъ, т. е. исполняетъ функцію дьяка разряднаго («Разр. дьяки», стр. 476); даетъ ли это право причислить его къ составу Разряднаго приказа? Въ 1603 г. разрядный дьякъ Сапунъ Абрамовъ участвуетъ въ встрѣчѣ датскаго королевича (ib., стр. 520); служитъ ли это поводомъ видѣть въ немъ дьяка Посольскаго приказа? Въ 1579 г. дѣяки разрядный и *посольскій*, вмѣстѣ съ княземъ И. Ѳ. Мстиславскимъ «съ товарищи» — участвуютъ въ боярскомъ приговорѣ о дачѣ дѣтямъ боярскимъ жалованья и т. д.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше примѣровъ съ несомнѣнною ясностью вытекаетъ, что дѣятельность приказныхъ дьяковъ, въ качествѣ присутствующихъ въ приказахъ, слѣдуетъ строго отграничивать отъ государственной дѣятельности ихъ, въ качествѣ членовъ Государевой думы. Къ функціямъ послѣдняго рода относится и участіе ихъ въ мѣстномъ судѣ, — и г. Лихачевъ дѣлаетъ большую ошибку, возстановляя, яко бы разрядное, вѣдомство тѣхъ или другихъ дьяковъ — на основаніи ихъ участія въ мѣстныхъ дѣлахъ и скрѣпы ими мѣстныхъ грамотъ. Здѣсь уже лежитъ ключъ къ презумпціи о многочисленныхъ ошибкахъ г. Лихачева въ его списокѣ разрядныхъ дьяковъ второй половины XVI-го вѣка, о вѣроятности которыхъ авторъ, впрочемъ, и самъ оговаривается въ началѣ четвертой главы своей книги.

Что же дѣлаетъ г. Лихачевъ въ виду такихъ, повидимому противорѣчивыхъ, фактовъ, какъ участіе дьяковъ другихъ приказовъ въ исключительныхъ, по его мнѣнію, функціяхъ Разряднаго приказа, къ которымъ онъ относитъ и участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ? Г. Лихачевъ прибѣгаетъ въ подобныхъ случаяхъ къ натяжкамъ. Констатируя скрѣпу дьякомъ *не Разряднаго* приказа мѣстнаго акта, онъ силится объяснить это — то злоупотребленіемъ своимъ вліяніемъ со стороны этого дьяка (стр. 466), то «вмѣшательствомъ» его въ чужое вѣдомство (стр. 476), то «отстране-

ніемъ» въ данномъ случаѣ легальнаго разряднаго дьяка (стр. 487), то «опытностью» этого сторонняго дьяка (стр. 490), то «случайнымъ царскимъ приказомъ» (стр. 495). Всѣ эти натяжки и дѣланныя объясненія исчезнутъ, если мы будемъ, какъ сказано выше, различать дѣятельность приказныхъ дьяковъ, какъ участниковъ Государевой думы, отъ ихъ дѣятельности, въ качествѣ начальниковъ приказовъ.

Результатъ изслѣдованій, послужившихъ г. Лихачеву основой для четвертой главы его книги, изложенъ имъ въ особомъ приложеніи, заключающемъ въ себѣ хронологическую таблицу дьяковъ Разряднаго приказа, со включеніемъ въ него и возстановленныхъ авторомъ первыхъ трехъ составовъ этого приказа, такъ что эта роспись дьяковъ обнимаетъ собою промежутокъ времени съ 1535 г. по 1612 годъ. Въ этой росписи оказываются, однако же, слѣдующіе дефекты годовъ, для которыхъ автору не удалось возстановить разрядныхъ дьяковъ, хотя бы только предположительно: 1538—1548, 1551—1552, 1557—1565, 1567—1569, 1573—1574, 1578. Но и для годовъ, имѣющихся въ росписи г. Лихачева, далеко не всѣ разрядные дьяки возстановлены съ несомнѣнною достоверностью, такъ какъ изъ 126-ти значущихся здѣсь дьяковъ—только 83 дьяка являются для г. Лихачева съ признаками несомнѣнности ихъ принадлежности къ Разряду; остальные 46 дьяковъ, т. е. болѣе одной трети общаго числа ихъ, указаны авторомъ болѣе или менѣе предположительно.

Все сказанное выше приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что роспись разрядныхъ дьяковъ, составленная г. Лихачевымъ, во многихъ частяхъ своихъ требуетъ большой провѣрки, и что, въ настоящемъ видѣ своемъ, она весьма далека отъ характера окончательнаго научнаго вывода, являясь лишь подготовительнымъ матеріаломъ для будущаго историка Разряднаго приказа. Вотъ почему пользование таблицей г. Лихачева требуетъ строгой критики и большой осторожности, которую намъ и остается рекомендовать лицамъ, которыя пожелали бы пользоваться ею для научныхъ цѣлей.

Мы шагъ за шагомъ прослѣдили весь трудъ Н. П. Лихачева, слѣдя по нити его кропотливыхъ изслѣдованій, указывая достоинства этихъ послѣднихъ, отмѣчая и ихъ слабыя стороны.

Мы въ своемъ мѣстѣ уже высказались относительно узкости и односторонности темы, избранной г. Лихачевымъ — и болѣе къ этому вопросу возвращаться не будемъ. И такъ, не останавливаясь на томъ, что *можно бы быть сдѣлано* авторомъ, остановимся лишь на томъ, что *дѣйствительно сдѣлано* имъ.

Мы знаемъ, что первоначальная исторія приказовъ, бывшихъ главными движущими рычагами русскаго государственнаго механизма XVI—XVII вѣковъ—скрыта отъ глазъ историка и что, при настоящемъ положеніи источниковъ, только усиленные архивныя изысканія могутъ еще дать надежду на то, что этотъ темный вопросъ русской историко-юридической науки будетъ хотя отчасти освѣщенъ. Но для того, чтобы разобратся въ массѣ подавляющаго архивнаго матеріала и воспользоваться имъ для указанной выше цѣли, необходимо имѣть возможность смѣло относить данный архивный актъ къ тому или другому приказному вѣдомству, а для этого, въ свою очередь, приходится пользоваться указаніями дьячьиыхъ скрѣпъ. И такъ—прежде всего надо имѣть списки, каталоги, приказныхъ дьяковъ, расположенные какъ по отдѣльнымъ приказамъ, такъ и въ алфавитномъ порядкѣ. Никто изъ лицъ, знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ источниковъ XV—XVI-го вѣковъ и съ положеніемъ нашихъ государственныхъ архивовъ, не станетъ спорить противъ того, что болѣе или менѣе полное выполненіе этой задачи есть вопросъ весьма далекаго будущаго, что выполненіе этой задачи требуетъ массы предварительныхъ архивныхъ изысканій.

На почвѣ этихъ-то послѣднихъ, на научное поприще впервые и выступилъ г. Лихачевъ, еще молодой, но несомнѣнно талантливый и трудолюбивый ученый, съ своимъ крупнымъ печатнымъ трудомъ «Разрядные дьяки XVI-го вѣка». Мы должны чистосердечно признать, что, въ предѣлахъ возможнаго и въ границахъ поставленной имъ задачи—г. Лихачевъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для выясненія выдвинутаго имъ вопроса. Не вина г. Лихачева, если результаты его изысканій дали менѣе того, на что онъ, по всей вѣроятности, самъ рассчитывалъ. Тѣмъ не менѣе г. Лихачеву удалось возстановить три состава Разряднаго приказа (1535—1537 г.г., 1549-й и 1555—1556 г.г.) и предложить хронологическую таблицу разрядныхъ дьяковъ за промежутокъ времени съ 1535-го по 1612-й годъ, которая, если и не совершенно достоверна, то, во всякомъ случаѣ, значительно облегчитъ трудъ будущаго историка Разряда. Далѣе авторъ прекрасно освѣтилъ современное положеніе вопроса о разрядныхъ и родословныхъ книгахъ, являющихся въ

числѣ важнѣйшихъ результатовъ дѣятельности Разряда. Наконецъ, авторъ собралъ въ своей книгѣ богатый и цѣнный матеріалъ, надлежащимъ образомъ освѣщенный и комментированный.

Къ положительнымъ сторонамъ книги г. Лихачева слѣдуетъ отнести также рѣдкое по добросовѣстности отношеніе къ источникамъ и къ задачамъ своего труда; умѣлое примѣненіе аналитическаго метода, освѣщеннаго надлежащими критическими приемами; необычайную, доходящую до педантичности, аккуратность въ цитатахъ, наконецъ — громадное трудолюбіе и поражающее упорство труда. Читая книгу г. Лихачева, невольно вспоминаешь научные приемы покойныхъ М. П. Погодина, К. А. Неволіна, И. Д. Бѣляева, В. И. Лешкова и современныхъ имъ славныхъ представителей историческаго знанія, давшихъ могучій толчокъ развитію русской исторической и историко-юридической науки. Мы убѣждены, что въ томъ случаѣ, если г. Лихачевъ не будетъ вовлеченъ въ слишкомъ узкія рамки будущихъ работъ своихъ, если онъ будетъ шире ставить задачи ихъ и не обратится въ исключительно-архивнаго труженика, подготовляющаго камни для зодчаго-созидателя (чего мы сильно опасаемся),—русская историческая наука вправѣ многого ожидать впереди отъ молодаго ученаго. Вотъ почему мы не безъ искренняго сожалѣнія останавливаемся передъ многократными обѣщаніями г. Лихачева въ его книгѣ—посвятить ближайшіе труды свои одностороннимъ генеалогическимъ изысканіямъ; мы опасаемся, что молодой авторъ, увлекшись подобными детальными работами,—въ значительной степени сказавшимися уже въ разбираемой нами книгѣ его,—не пріучится къ историческимъ обобщеніямъ, не приобрететъ надлежащей широты историческаго взгляда, что онъ,—употребимъ нѣсколько банальное, но мѣткое выраженіе,—размѣняетъ трудъ свой на мелочь.

А это было бы очень жаль, ибо, если изслѣдованіе «Разрядные дьяки XVI-го вѣка» и не представляетъ собою труда, который составилъ бы эпоху въ русской исторической наукѣ, то, тѣмъ не менѣе, является трудомъ вполне почтеннымъ.

IV.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Г. ЖИТЕЦКАГО: «ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ».

Замѣтки о малорусскомъ нарѣчїи въ памятникахъ нашей литературной старины.

А. Кочубинскаго.

Новый филологическій трудъ г. Житецкаго, уже раньше удостоеннаго вниманія Академіи за свой обстоятельный опытъ по аналитическому изученію южной особи русскаго языка, посвященъ интересамъ той же области, но болѣе частнаго характера—изслѣдованію нетронутаго и поучительнаго вопроса, опредѣленію *матеріальнаго* состава литературнаго языка южнорусскихъ писателей XVII вѣка, особенно его второй половины, насколько этотъ составъ подъ перомъ ихъ не выходилъ изъ унаслѣдованныхъ отъ *вѣковой старины* литературныхъ условій—церковнославянскаго языка и русской, родной рѣчи, насколько не вступалъ въ чуждую лингвистическую среду.

Обыкновенно говорятъ: «это—*польско-русскій* языкъ». Но этимъ мало сказано.

Эпоха государственной реформы великаго Царя, успѣшно проводившаго свои преобразования главнымъ образомъ благодаря литературнымъ силамъ Юга, въ сильнѣйшей степени содѣйствовала тому, что русскій литературный языкъ XVII вѣка, какъ онъ выработался въ кїевскомъ культурномъ центрѣ, сталъ обще-

распространеннымъ; она подняла его и сдѣлала орудіемъ общерусскихъ интересовъ. И въ людяхъ, и въ языкѣ Юга Петръ Великій нашелъ уже готовое орудіе для новыхъ культурныхъ задачъ Московскаго Государства. Мало-по-малу Югъ завоевалъ Сѣверъ, сталъ литературнымъ пѣстуномъ его. Въ письмахъ самого Петра можно встрѣтить малорусизмы. «Съ пріобрѣтеніемъ Кіева, справедливо замѣтилъ еще Венелинъ, Россія завоевала не богатый арсеналъ, не непреодолимую крѣпость; нѣтъ, она сдѣлала болѣе, она пріобрѣла *Могило-Заборовскую Академію*. Язначаю это курсивомъ потому, что эти три слова составляютъ въ Русской Исторіи весьма великую главу»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же своихъ наблюдений Венелинъ прибавляетъ: «есть еще и теперь духовныя лица, которыя помнятъ, какъ ихъ въ дѣтствѣ школили малороссіявцы *за дурное правописаніе*».

Но литература второй половины XVIII вѣка, особенно первая четверть послѣдующаго, сбросила съ себя традиціонныя пріемы и открыла къ себѣ на-стежъ двери специальному этнографическому элементу. Какъ нельзя болѣе этому отрицательному отношенію къ недавнему преданію послужила неуклюжая поэтическая дѣятельность Тредьяковскаго и его сателитовъ: она обезславила преданіе. Тщетны были усилія Шишкова остановить теченіе по новому руслу литературной жизни отчаяннымъ отстаиваньемъ славинизма, теченіе, которое совпадало съ общимъ повсюду проявленіемъ первыхъ требованій націонализма: Карамзинъ, нашъ Караджичъ, побѣдилъ.

Разнесенное на Сѣверѣ литературное преданіе Юга продолжало жить внѣ Россіи, среди православныхъ Сербовъ Австро-Венгріи и юнаго княжества, пока не явился у нихъ свой Карамзинъ, Вукъ Караджичъ, сметшій и тамъ старину, но уже совсѣмъ

¹⁾ Изъ неоконченнаго, оставшагося въ рукописи, труда Венелина: «Объ украинскомъ правописаніи». Румянцовскій Музей, Рукописи, № 1021. Пользуемся первымъ случаемъ и напередъ приносимъ теплую благодарность нынѣшнему хранителю рукописей знаменитаго Собранія, г. Лебедеву, за его радушіе, во время нашихъ занятій въ Музеѣ, въ январѣ наст. года.

радикально, безъ жалости и пощады. У насъ филетическій радикализмъ не прошелъ такъ далеко, какъ у Сербовъ.

Этому помѣшали и общія условія жизни, условія старой государственной жизни, а не угнетеннаго, разъединеннаго, небольшого племени, и регулятивъ церкви, школы въ направленіи консервативномъ. Даже въ той сферѣ, откуда и черпалась новая этническая струя въ литературный языкъ, было особенно живуче славянское преданіе: извѣстно, какъ старовѣры чтутъ славянскій языкъ, любя облекать въ его ветхую ризу свои всяческія писанія. За призракомъ Караджича мы не погнались. Въ результатѣ, какъ извѣстно, было то, что простонародный языкъ Сѣвера не сталъ языкомъ государственнымъ, языкомъ науки и литературы русской; старый языкъ стилиста Ломоносова, а онъ такъ дорожилъ преданіемъ Юга,—не выродился въ литературную рѣчь съ спеціальнымъ колоритомъ, какъ это именно случилось у Сербовъ, объявившихъ по всей линіи вражду литературному преданію, развившихъ аналитичность своей книжной рѣчи до послѣднихъ предписаній вульгаризма.

Въ самомъ дѣлѣ, нашъ литературный языкъ и стилемъ своимъ, формами, и самыми механическими приѣмами правописанія, и сегодня въ не немногихъ пунктахъ живо связанъ съ преданіемъ старины—съ грамматикой великаго нашего филолога начала XVII вѣка, Мелетія Смотрицкаго, и съ примѣненіями ея стилистическихъ требованій на практикѣ, въ литературныхъ произведеніяхъ Юга XVII столѣтія.

Такъ, на литературномъ канонѣ законодателя Мелетія зиждется образованіе и синтаксисъ нашего причастія. На его ученіи основано наше правописаніе и самая морфологія прилагательнаго имени, мѣстоименія (*-аю, ея*). Наши многіе орфографическіе приѣмы: удвоенное *н*, употребленіе *і*, особенно же помѣщеніе *ь*—все это единитъ насъ съ XVII вѣкомъ, съ первою попыткою стилистизаціи нашего литературнаго языка, во всемъ этомъ продолжаетъ жить среди насъ Мелетій. Какъ часто на *ь* воздвигались гоненія; но мы всегда повторяемъ Мелетія: «блюсти подо-

баеть»—не писать *e* вм. *ъ* и наоборотъ, *и* вм. *ъ* и наоборотъ. Да, намъ не должно забывать, что это *ъ* всегда бывало плотиною противъ порывистыхъ попытокъ овладѣть литературнымъ тереномъ со стороны элементовъ центробѣжныхъ, что это *ъ* блюло въ нашемъ литературномъ языкѣ единство. Безъ Мелетія и его строгаго канона для помѣщенія *ъ*, нашъ литературный языкъ давно бы разбился по приходу Сѣвера и Юга. Караджичъ ввелъ въ письменный обиходъ латинскую йоту; но только славянскій историкъ далекаго будущаго, вскрывши истину, дастъ надлежащую цѣну этому невинному эксперименту, измѣрить его мѣрою испытаній народа, ибо нельзя служить Господу и мамонѣ.

Вотъ почему русскій литературный языкъ, съ его условными формами и правилами, такъ безстрастенъ, такъ свободенъ отъ бьющей въ глаза филетнической окраски, такъ объединителенъ и величественъ: за нимъ лежитъ рядъ вѣковъ, въ немъ почиютъ работы поколѣній и поколѣній. Онъ—достойный сосудъ и достойное орудіе историческаго народа. Въ его характерѣ живеть денационализированный націонализмъ: въ его правописаніи яркая картина его судьбъ, его эмбриона и его формациі, какъ въ правописаніи каждаго историческаго народа. Пѣстуномъ же этихъ судьбъ былъ геній Юга.

Думаемъ, что не ошибаемся въ убѣжденіи, что изученіе литературнаго языка южныхъ писателей XVII столѣтія, этого историческаго моста, переброшеннаго отъ насъ къ болѣе ранней, еще нестилизованной старинѣ — предметъ, полный интереса, и что каждый тщательный опытъ въ этомъ направленіи, приготовляющій матеріалы для исторіи литературнаго языка, заслуживаетъ признанія и ободренія. «Представляя, говоритъ авторъ, опытъ научнаго анализа книжной малорусской рѣчи (,) въ цѣломъ ея составѣ, а не въ отдѣльныхъ произведеніяхъ..., мы имѣемъ въ виду не столько грамматику..., сколько ея стилистическія особенности» (54—55).

Эта интересная, какъ старались мы указать выше, задача представляетъ совѣмъ забытое поле.

Вспомнимъ, что культурная исторія эпохи только что начата разработкой, напр., въ трудахъ проф. Голубова. Литературные очерки проф. Сумцова не уничтожили настоятельной потребности въ новой обработкѣ тѣхъ же вопросовъ, уже потому, что необходимо предварительное глубокое изученіе внутренней исторіи Польши XVI—XVII вѣка, для чего лишь собираются матеріалы, напр. въ хранилищахъ Ватикана. Этою малою обработанностью неполитической исторіи того времени мы объясняемъ, почему и авторъ «Очерка» могъ создать оригинальное освѣщеніе литературному теченію эпохи, въ общемъ введеніи создать «думу», но съ историческою дѣйствительностью мало общаго имѣющую. Для писателей XVII вѣка онъ создаетъ роль сознательныхъ инициаторовъ введенія народной рѣчи въ книгу, новаторовъ-виновниковъ «литературной исторіи малорусскаго нарѣчія» (ср. стр. 145), умаляя тѣмъ ихъ историческое значеніе, такъ какъ они только вели старое наслѣдіе впередъ, чтобы приобрѣсти новый «талантъ». Вскользь указываемъ на эту неправильную ноту, чтобы ярче засвидѣтельствовать, какое широкое поле историческихъ вопросовъ лежитъ впереди.

Въ порядкѣ вещей, если тѣмъ меньшее вниманіе могли привлечь къ себѣ стилистическіе интересы кроваваго XVII вѣка, невольно отиѣчаемые монотонностію.

Г. Житецкій, избравъ скучную тему, умѣетъ оживить интересъ своего стилистическаго анализа постоянными вылазками изъ XVII столѣтія внизъ и вверхъ—въ исторію и этнографію. Центръ тяжести—литературный языкъ XVII столѣтія; но авторъ пользуется срединной позиціей, чтобы то опускаться въ глубь исторіи южнорусскаго языка и слѣдить за моментами формациі этой лингвистической особи, то подыматься въ область живыхъ говоровъ и чрезъ очную ставку съ данными старины дать отдѣльнымъ явленіямъ ихъ историческое обоснованіе.

Вотъ почему книга г. Житецкаго предлагаетъ не однообразный и сухой стилистическій обзоръ слоевъ въ литературномъ языкѣ Юга XVII вѣка, а живую анатомію его матеріальнаго

состава, разчлененіе его въ три органическіе ингредіента: 1) элементы общіе съ церковно-славянскимъ языкомъ, 2) элементы общерусскіе и 3) элементы частичные, обусловливающіе самое право южнорусской рѣчи на значеніе крупной особи въ русской семьѣ. Тщательно произведенная эта операція, рукою свѣдущей и привычною, составляетъ прямое пополненіе къ первому труду автора по статикѣ малорусскаго нарѣчія, что и неоднократно является авторомъ, напримѣръ, въ отреченіяхъ отъ своихъ прежнихъ увлеченій, дѣлаемыхъ, къ сожалѣнію, не безъ лишняго авторскаго эмфаза.

Такимъ образомъ, въ общемъ новый трудъ г. Житецкаго, вполне отвѣчая интересамъ исторіи нашего литературнаго языка, анализомъ состоянія послѣдняго въ переходную эпоху XVII вѣка приготовляя матеріалъ для этой исторіи, производитъ впечатлѣніе благопріятное.

Но есть точки у автора, съ которыми мы лично согласиться не могли бы никогда. Вскользь мы намекнули объ этомъ только что выше. Наше несогласіе касается, какъ *scredo* автора—гдѣ начинается «литературная исторія малорусскаго нарѣчія», такъ и отдѣльныхъ пунктовъ лингвистическаго характера. Не отдѣльно, а тутъ же при случаѣ мы коснемся и попадающихся время отъ времени обмолвокъ, неточностей, какъ бы готовыхъ сказать о нѣкоторой спѣшности или разсѣянности вообще внимательнаго къ своему предмету автора, кое-гдѣ методологическихъ недочетовъ, проскользнувшихъ неотмѣченными.

2.

Съ какого времени пошло литературное употребленіе южнорусской рѣчи, съ какого времени потому идетъ исторія ея?

«Безсознательно», но не «случайно», а *необходимо*, какъ все, что въ природѣ спокойно и органически развивается, и южнорусская рѣчь стала заявлять о себѣ, проявлять себя уже съ первыхъ литературныхъ памятниковъ Юга. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ письменнаго дѣла она чувствуется сильнѣе и сильнѣе,

выходить и за предѣлы своей территоріи (въ Молдавіи), пока не выливается въ пестрый, но всетаки болѣе или менѣе опредѣлительный, комплексъ звуковыхъ, морфологическихъ и лексическихъ особенностей — въ печатанныхъ и рукописныхъ произведеніяхъ конца XVI и начала XVII вѣка.

Это прогрессивное проявленіе въ книгѣ мѣстной этнической струи Юга не было дѣломъ сознательнаго уговора на сторонѣ. Здѣсь не было какого-либо личнаго почина, не было какихъ-либо реформаторовъ соціально-политическихъ условій жизни: тутъ работала вѣка сама жизнь. Христіанская культура, явившаяся къ предкамъ нашимъ на территоріи Днѣстра — Днѣпра въ благодатно-прогрессивной формѣ національной церкви, съ народнымъ языкомъ въ ней, положила начало. Формація славянской церкви въ исторіи Европы IX—X вѣковъ имѣетъ то же значеніе, что, шесть-семь столѣтій спустя, проповѣдь нѣмецкаго протестантизма: она вызывала къ жизни національную стихію, вводила языкъ простаго человѣка въ книгу. Такъ старѣйшими памятниками чешскаго языка будутъ извѣстные церковно-славянскіе тексты; тѣ же тексты — древнѣйшіе свидѣтели и южнорусской рѣчи.

Но иная картина, если народъ попадалъ въ культурныя условія, которыя только отрицательно дѣйствовали на проявленіе національной стихіи.

Вотъ Литва, съ своимъ «благороднѣйшимъ» племенемъ. Она была *misera contribuens plebs* латинской церкви, пока не явилась среди нея проповѣдь Лютера. Начинаемъ съ Литвы и потому, что ея лютеранизацией открываетъ свою книгу г. Житецкій. Правда, проповѣдь была своекорыстная, въ интересъ алчныхъ феодаловъ; но она въ силу необходимости, чтобы достигнуть цѣли, должна была обратиться къ народному языку. Является Лютеръ, являются первыя литовскія произведенія и, конечно, не для того, чтобы оставаться въ неизвѣстности и ждать черезъ три столѣтія любителя-филолога къ себѣ въ гости, но чтобы глубже проповѣдь расходилась въ забытый народъ. И «librogum inopia»,

и «*misera illius gentis conditio*» поражали первыхъ дѣятелей лютеранизма въ Литвѣ. Да, наконецъ, безъ церковной пѣсни, безъ всякихъ «*giesmes duchaupas*», не возможна была самая служба, почему сейчасъ же надо было переводить стихами и «*Christus Jordanop ateiha*» и другія продукціи лиры Лютера. Если еще въ 60—70-ые годы IX столѣтія литература Европы была обогащена художественнымъ славянскимъ переводомъ Священнаго Писанія, то литовскій собратъ его явился только теперь, послѣ семи вѣковъ, но съ тою особенностію, что онъ такъ и остался въ рукописи, въ безвѣстности, не вызвалъ литературнаго восхода¹⁾.

Вполнѣ понятно, что «литературная исторія» литовскаго языка можетъ быть ведена только съ 1547 года, со времени появленія «*Catechismus prasty szadei*», т. е. Катехизиса въ рѣчи простаго человѣка, какъ она и ведется г. Беценбергеромъ, въ его «*Beiträge zur Geschichte der Litauischen Sprache*»²⁾.

Чтò было на Литвѣ, то повторялось, и одновременно, всюду, куда шло съ своею воинствующею проповѣдью лютеранство. Такъ Сербы Лужицкіе ведутъ «литературную исторію» своего языка съ новозавѣтнаго перевода Якубицы, Хорутане съ тюбингенскихъ изданій Унгнада. Наоборотъ, Чехи не знаютъ этой литературной эры: ибо уже раньше Лютера прошли вѣка ихъ литературной исторіи.

¹⁾ Si ederetur, magnum fructum sit allatura» надѣялись друзья переводчика «*Wissas Schwentas Raschtas*», Бреткена; но надежда не исполнилась. На перепись, какъ въ старину, мастеровъ уже не было, особенно осьми большихъ фоліантовъ, а на печать нужны были большія средства. Не объясняется ли подобною же трудностью списыванія и то обстоятельство въ исторіи славянской письменности, что полный славянскій текстъ Библии сохранился только отъ конца XV столѣтія, и то обязанный особеннымъ условіямъ, тогда какъ кодексовъ съ новозавѣтнымъ текстомъ отъ XI столѣтія можно насчитать съ десятокъ? Послѣ появленія Библии «исполнь» редакціи св. Меоодія списывались отдѣльныя лишь, нужныя части, а за перепись новыхъ экземпляровъ не принимались. Извѣстны дефекты Геннадіева труда.

²⁾ Göttingen, 1877. Отсюда взяты и процитованныя мѣста изъ Бреткена, р. XIX, XX и о Бреткенѣ, р. X.

Такимъ образомъ, протестантство открыло путь въ міръ языкамъ малыхъ, забытыхъ народцевъ, когда посредствомъ книги заботилось о своемъ утвержденіи.

Но—кто же серьезно поставитъ въ параллель съ указанными литературными плодами пропаганды протестантства, преслѣдовавшей строго опредѣленныя, конфессіональныя цѣли, одиочное появленіе какого-нибудь Пересопницкаго малорусскаго евангелія (точнѣе «перелицованнаго» на малорусское нарѣчіе, ибо переводомъ назвать нельзя), какой-нибудь Псалтыри, такъ и пролежавшихъ въ безвѣстности вѣка, чтобы отъ ихъ времени (Пересопницкое евангеліе второй половины XVI стол.) вести литературную исторію малорусскаго нарѣчія? Литературные факты одного и другаго порядка несоизмѣрины. Малорусскія переложенія, какъ лишнія, ненужныя, прошли незамѣченными у современниковъ, ибо жизнь ихъ не требовала. Наконецъ, въ нихъ не было никакой *новинки*, ни въ смыслѣ содержанія входящей въ оборотъ жизни новой идеи—ни въ смыслѣ формы, языка. Вѣка уже мѣстная русская рѣчь Юга давала знать о себѣ, вѣка прошли съ тѣхъ поръ, когда она стала прокладывать для себя выходъ въ книгу, въ литературный оборотъ, а къ «эрѣ» Пересопницкаго евангелія успѣла объединиться съ своимъ руководителемъ, языкомъ Церкви, въ письменный, болѣе или менѣе опредѣленнаго характера, языкъ, и сдѣлаться органомъ умственныхъ интересовъ культурныхъ слоевъ южнорусской земли. Литературное употребленіе малорусскаго нарѣчія формировалось постепенно, само собою, отъ внутренняго импульса, и никакой XVII-й вѣкъ не создавалъ «книжной малорусской рѣчи» (стр. 55) и даже съ ускореннымъ темпомъ (стр. 3): ибо она была уже до.

Переходимъ къ фактической, лингвистической сторонѣ вопроса.

Вотъ днѣпровскій Изборникъ 1076 года. Остановимся на фразеологической сторонѣ, предложимъ выборъ словъ—формъ, причемъ пользуемся своими вымѣтками, сдѣланными десять лѣтъ назадъ.

оузда коневн правитель ксть 3.
 грѣха вѣжи яко ратьника 18.
 триже норобы... мьрзнтъ 168.
 соромажнвоу быти 203.
 законъ хоронити 205.
 сыноу мои лювыи 223.
 тоуже пороха нападъшж 81.
 по истверезении стенаник и каказъ выеактъ 150.
 чюже сѣма половела горчѣк 152.
 прахоу и попелу 180.
 верема мож льгко 190.
 не оукориуъ никогоже ни вереднуъ 217.
 посрамить тѣ ворошнѣмъ 300.
 дл огорожаютъ ю 489.

При оборотѣ сыноу кто не вспомнить восклицанія Тараса Бульбы! *Порохъ* въ смыслѣ пыли, *борошно*¹⁾ въ значеніи муки, *тесерый* изъ *трезый*, *попелъ*, *полова*, *беремя*, все это говорящіе малоруссизмы. При формѣ *беремя* болѣе употребительно производное *оберемокъ* связка, пукъ; но въ малорусскомъ литературномъ памятникѣ начала XIV вѣка, Пандектахъ Антіоха (о немъ сейчасъ ниже), читаемъ: *вѣзимъ вѣрѣмъ дровъ* 253 б. Что здѣсь надо читать какъ *е*, *ѣ* какъ *е*, ясно изъ правописанія того же слова на слѣдующей страницѣ: *верема во истазактъ* 254 б. Мы иногда подсмѣиваемся надъ стилемъ русскаго литературнаго языка въ Галиціи, надъ формами словъ въ немъ *хоронити*, *наюрода*, *огорода*, *норовъ*, *вередити*, и забываемъ, что за ними право давности и право этнической законности. Иное дѣло исторіей выработанный обычай нашего литературнаго языка.

Если же принять во вниманіе относительную давность извѣстности письма на Югѣ, такъ какъ новгородскую школу, докумен-

1) Въ языкѣ Сѣвера это слово изрѣдка въ книжной церковной формѣ — *бранно*, и, какъ чужое, съ значеніемъ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, пища, кушанья.

туемую цѣлыми кодексами попа Упыря (1047) и дьякона Григорія (1055), должно разсматривать, какъ раннюю филию Кіева, слѣдовательно, и задерживающую силу давно образовавшейся школьной традиціи, практику успѣвшихъ установиться стилистическихъ пріемовъ, при всегда чувствовавшейся близости языка Церкви и народнаго: то мы можемъ удивляться нѣкоторой свѣжести этнографическаго элемента въ Изборникѣ 1076 года, дающаго чужому изложенію колоритъ мѣстный.

Не менѣе ученой традиціи должно было тормозить выходъ народной стихіи въ книгу духовное званіе литератора: но и онъ съ своею стилистическою обязанностью справиться не могъ. Лучшій примѣръ — Несторъ, въ его біографіи преп. Θεодосія ¹⁾).

У Нестора замѣтна борьба съ родною стихіей; онъ тѣснитъ ее, настраиваетъ себя на важный церковно-славянскій стиль, старательно подлаживается подъ него, — но тѣмъ не менѣе, борьба не въ моготу, стиль не выдерживается, и то тамъ, то здѣсь проскользаетъ изъ-подъ пера свое, родное. Особенно упорно защищаетъ свои права полногласіе. Вотъ срачица 58, но черезъ строку, не далѣе, сорочицу; нѣкогда зълодѣи 3 б, но на слѣдующей страницѣ злодѣи врагъ.

Въ обильномъ употребленіи ѣ Несторъ какъ бы полагалъ нѣкій признакъ старины, лучшаго тона, и онъ пишетъ невозможно, уснащаетъ *еромъ* слова, гдѣ знакъ этотъ мѣста имѣть не могъ, но тѣмъ самымъ выдаетъ себя, какъ русскаго, указываетъ, какъ русскій писатель понималъ школьный знакъ ѣ: мѣсть то 6 а. оучникомъ совръшакмъмъ 12 б. яко рѣкъхъ 15 а. и др.

Мы видѣли, чужое срачица не вышибло роднаго рефлекса изъ языка Нестора; другія же слова спокойно вошли въ изложеніе, нося на себѣ довольно яркій колоритъ Юга:

скита 9 б. 176. 18 а.

жито 10 а.

праздъникъ всликъ днь 20 а.

¹⁾ Въ «Чтеніяхъ» Моск. Общ., 1879, № 1. Рукопись XII в.

соусѣка 29 б.

пригърца 29 б. Ср. нынче *пригорина*.

3.

Оставимъ Днѣпръ и перейдемъ въ Карпаты, гдѣ русская рѣчь, какъ рѣчь горцевъ, и сегодня отмѣчена извѣстною архаичностью: и *e* мягкое еще слышится, и *л* въ концѣ не вокализуется («я іхал по сіно»), и рѣдкія слова живутъ («я маю тілько *серт* косити», т. е. садъ). Можно прибавить и фонему *дж* вм. общерусскаго *ж*, намъ не совсѣмъ ясную. Здѣсь не было такого культурнаго гнѣзда, какъ Кіевъ. Львовъ — новый городъ; города постарше обыкновенно сторожевые посты противъ поляковъ: Переворескъ и др. ¹⁾ Писатели здѣсь были свободнѣе отъ регулирующей традиции; но знаніе славянскоі граммоты здѣсь должно быть очень давно и не кіевскаго корня.

Прежде всего сошлемся на сообщенные уже въ нашемъ первомъ «Отчетѣ» пергаменные отрывки изъ XII — XIII вѣковъ. Пользуемся случаемъ, чтобы дополнить тамъ замѣтки.

Листки недѣльнаго Евангелія. Въ суффиксѣ *ен* уже южное правописаніе: *сучѣнны*; таже локальность: *лицѣ*, даже мѣстно-галицкое: *нѣвилѣнна*, *нѣзриши* ²⁾.

Листки Пролога, съ тѣми же чертами: *смѣрѣнны*, *сѣгрѣшѣнны*; *милекати вчиши*. («Отчетъ», I, стр. 8). Любопытна форма мѣстн. ед. мѣст.: *теонмь страскѣ прилѣпннѣсѣ*, если не описка.

Листокъ другаго Пролога, крайне пострадавшій, чернила вылиняли — «Отчетъ», I, 6, № 2. И здѣсь: *сѣ дерзновѣнникмь крестыинннѣ*.

Отрывокъ недѣльнаго Апостола, 8 листовъ или $\bar{\epsilon}$ тетрадь.

¹⁾ Объ этнографической границѣ русскаго народа на Западѣ, о ея мѣнѣ— см. нашъ «Отчетъ изъ-за границы», I, стр. 52 — 68. — Примѣры изъ нашихъ путевыхъ замѣтокъ.

²⁾ Текстъ въ нашемъ «Отчетѣ», I, стр. 9 — 10, гдѣ надо исправить опечатки: *читати*—*каши*, *мѣн(л)н*, *створиша*, *ко на*, *чин* вмѣсто напечатаннаго: *каши*, *мѣн*, *створица*, *кона*, *чин*.

Правописаніе выдержанное; мѣстныхъ чертъ меньше. Въ «Отчетѣ» всего нѣсколько строкъ, почему приводимъ двѣ первыя страницы «Дѣянiя», IX, 28—31; IX, 32—42:

1. и дързоуѣ о имени г҃а іс҃а. г҃ла
ше же и сътазашеса съ елинѣи. они
же начинахоу оубити ¹⁾ и . разоумѣ
къше же братиѣи . съведоша и въ ке
сарню . и спосустиша и въ тарсъ .
цркви же оубо по всен иуден и гали
лен и самарни имѣахоу миръ съ
зидаемѣи ходаща страхѣмъ гнѣ
мъ . и оутѣшеньемъ ст҃го дх҃а мно
жахоуся . конь съв. Бысть же петроу прохода
щю сквозѣ всѣхъ сн҃ити и къ ст҃ы
мъ живущимъ въ луддѣ . обрѣ
те же тоу чавка нѣкогю именемъ
еннею . ѿ осми лѣтъ сълежаща на
одрѣ . иже вѣ ослабленъ . и рече к
моу петръ . еннею ицѣлають та
іс҃ х҃съ . къстани и постели совѣ си .
и авикъ вѣста и видѣша и вси жи
воущи въ луддѣ и въ асаронѣ . иже
и обратишася къ г҃ви... Въ ноппѣ
же вѣ и нѣкош оученица именемъ
тавида . иже съказакмо г҃леться
сырна . та вѣ пѣла вл҃гыхъ дѣлаъ
2. и мастынѣ иже твораше . вѣи же въ
днѣи ты волѣвъши ки оумрети . омы
въше же ю положиша къ нагорни
ци . близъ соуща луддѣ ноппиѣ .
оученици же слышавъше . яко петръ

¹⁾ Такъ и въ Шинатовадкомъ Апостолѣ, стр. 19. Въ Острожской Библии и теперь — искахоу оубити.

ксть въ нѣхъ. послаша два моужа къ
 немуу молаше и неѣнитиса приті
 до нѣхъ. Въстаетъ же петръ иде съ
 нима. кго же пришедъша възведе
 ша нагорницю и сташа предъ ни
 мъ. вса въдовница. плачющася и по
 казюща одежа и ризы. калко тво
 раше съ нѣми соущиши сьрна. изгъ
 наетъ же вѣнъ вса петръ. и поклонѣ
 колѣнѣ помолиса и обрщиса къ
 тѣлоу рече. таенда въстани. она
 же ѡверзе очи свои. и видѣвъши пе
 тра сѣде. имъ же ю за роукоу възведе
 же ю. призвавъ же стѣнъ въдовница
 показа ю живоу. оуѣдѣно же бѣи се
 по всен ноппни. и мнози вѣроваша гѣи. кѡць а д ѣ
 вѣи же дни многы въ ноппни
 оу нѣкокого симона оусмара...

Отмѣтимъ нѣкоторыя формы мѣстнаго колорита: предлогъ
 оу въ формѣ въ: въ нѣхъ=къ себе сътазашеся, 2 б.; мягкость ц:
 горницю, два раза; ѡ вм. к: ѡрщенью, ѡрщении 4 а; зват. кор-
 нилоу; дат. м. ед. прич. вѣроующомоу 4 б.

Какъ ни малъ этотъ матеріалъ изъ литературной старины
 Галиціи, но и въ немъ имѣются мѣстные элементы. Обращаемся
 теперь къ большому памятнику, съ датой, чтобы собрать изъ
 него не однѣ крохи, но и зерна. Мы разумѣемъ львовскіе Пан-
 декты Антіоха 1307 года.

Въ «Отчетѣ», I, 11—18, напечатаны двѣ первыя страницы,
 заключительная глава и послѣсловіе ¹⁾. Для точности прибавимъ,

¹⁾ Исправляемъ опечатки въ «Отчетѣ»:

12,	2 ст.	5 стр.	вм. вѣтѣхъ	читай: вѣтѣль
»	1 »	2 стр.	» ю	» е
»	2 »	5 »	» окрл	» окрл

что рукопись мы прошли всю въ два приѣма: по 148 листь въ августѣ 1874 года, до конца въ 1880-мъ году, къ сожалѣнію, слѣша, такъ какъ любезнымъ хозяиномъ ея, маститымъ каноникомъ А. С. Петрушевичемъ, она была выдаваема намъ въгостинницу на самое короткое время. Въ интересѣ исторіи южнорусскаго нарѣчія рукопись заслуживала бы полнаго изданія.

Если мѣна в и оу дается уже Изборникомъ 1073 года, частично указанными выше отрывками, то въ Пандектахъ 1307 года это характерное явленіе имѣетъ на-столько общій характеръ, что только единицами насчитываются примѣры нормальнаго, школьнаго правописанія. Не знаемъ, можно ли въ самыхъ памятникѣхъ XVII столѣтія, бывшихъ въ пользованіи у автора, не говоря о какомъ нибудь «Діаріушѣ» Филипповича, сталь котораго производитъ на насъ одно впечатлѣніе — польскій языкъ да русскими буквами — найти черту такого яркаго мѣстнаго колорита, съ такою систематическою выдержкою? Тамъ спеціальныя этнографическія черты такъ, въ перемежку. Но, конечно, это ома-лорусенье Пандектъ 1307 года совершилось не намѣренно.

Уже въ напечатанныхъ отрывкахъ мы имѣемъ примѣры мѣны в и оу въ предлогахъ вѣз, въ, и абсолютно: милованѣк оуздѣи; оу странахъ, оуселѣса, оу вѣкы; при формѣ квѣстафѣк (зв. ед.), въ концѣ, на первой страницѣ: коустафѣк, дат. ед. коустафѣю. Ср. еще: навченъ 118 а.; ко вчнкомъ 82 б.; оудо-вица 57 а.

Пользуясь выписками, сдѣланными въ 1874 году при чтеніи

13,	6 строка	вм. пандекта	читай: пандекта
»	9 »	» -вѣкѣ	» -тѣмѣ
»	9 »	» Ѡ	» съ
»	10 »	» лко	» нко
»	12 »	» Шрѣса	» Шрѣса
»	14 »	въ: «примѣщени»	уничтожить кавыку
»	14 »	вм. Ѡца	читай: Ѡца
»	16 »	» прѣкѣ	» прѣкѣ

первой половины рукописи, мѣсть съ формами *оуъ* и *оу* вмѣсто *ѣъ* и *ѣ*, мы получаемъ слѣдующій расчетъ, но приблизительно, такъ какъ нельзя ручаться, чтобы при торопливой работѣ не было у насъ пропусковъ въ отмѣткахъ: предлогъ *оу*, отдѣльно и въ соединеніи, 115 разъ; предлогъ *оуъ* 133 раза. Прибавимъ еще, для иллюстраціи силы колорита, что отъ стр. 22 б. мы перестали отмѣчать предлогъ *оу* въ выраженіи *оу кѣкы*, такъ какъ это постоянная форма.

Мелькомъ отмѣтимъ другія, болѣе или менѣе колоритныя черты малорусизма: систематическое *ѣ* въ суф. *ен* (поношѣнья) при вѣроятной звуковой стоимости *ѣ*, какъ *ѣ*: вси*ѣ*хъ 14 а, не хвалѣте са и не ажѣте 107 б; русскую вокализацию плавныхъ сочетаній, при мѣстномъ чередованіи *ѣ* и *ь* въ корнѣ скръѣ: на первой страницѣ многоу скръѣ, во второй половинѣ рукописи эта вокализация преобладаетъ; фонему жч вм. жд (вѣжчизакъ 45 б.). Въ морфологіи замѣтимъ уже прочно установившуюся форму дат. ед. прил. -омоу, -ѣмоу, но особенно малорусскую флексію 1 л. мн. повел. и настоящего: для перваго писецъ имѣетъ симпатію къ *мо*, для втораго, но въ меньшей степени, къ *мо* и *мы* (поревноуимо 36 а; ксѣмы, дамы 117 а. 114 а). Эта форма *мо*, съ подновленной вокализацией конца, совсѣмъ переноситъ рукопись 1307 года въ среду современнаго малорусскаго нарѣчія. Прибавимъ еще, что писецъ Пандектъ изрѣдка, надо полагать, литературнаго вкуса ради, собственноручно флексію *мо* мѣнялъ на *мы*, напр. на стр. 90 б. въ *оузвонмосл*. Родной языкъ его зналъ флексію *мо*.

Но скажутъ: львовскіе Пандекты 1307 года все же памятникъ церковно-славянскаго языка... Да, но эта рукопись и прекрасный памятникъ малорусскаго литературнаго дѣла и языка и столь же національна, какъ тѣ церковно-славянскіе же памятники, на основаніи которыхъ Даничичъ составилъ свой знаменитый историческій словарь *сербскаго*, слѣдов. роднаго, языка. Надо только доброй воли, чтобы «оцѣнить, колико благо за познаванье језика лежи у овакијем споменицима», говоря сло-

вами акад. Ягича въ предисловіи къ только что изданному имъ хрисууду краля Милутина ¹⁾).

4.

Въ виду такого колоритнаго памятника малорусской рѣчи въ книжномъ дѣлѣ, какъ Пандекты 1307 года, мы можемъ совсѣмъ хладнокровно смотрѣть на недавно открытый церковно-славянскій памятникъ изъ самаго конца XV-го столѣтія, подобнаго же малорусскаго характера, изъ Подолья. Интереса поражающей новизны, свѣжести онъ имѣть не можетъ, такъ какъ онъ въ главномъ повторяетъ то, что константируется, какъ живой элементъ мѣстной рѣчи, безъ малаго за два столѣтія до него.

Мы говоримъ объ обширномъ малорусскомъ Прологѣ, съ апокрифическими статьями, писанномъ «въ градѣ оу каманци при великомъ королѣ Андрѣи въ лѣто 6996-е», а «псалъ сію книгу нѣкто ѣ (?) Березка з Новаго городка с литовского поповичь».

6996-й годъ, это 1488; Каманецъ, это Каменецъ Подольскій, Новъ-Городокъ Литовскій, это нынѣшній Новогрудокъ въ Гродненской губерніи ²⁾).

Стиль писанія поповича Березки одинъ съ стилемъ его отдаленнаго предшественника, именно, въ промежутомъ употребленіи формъ ученаго, церковно-славянскаго, языка и своего, народнаго: на фонѣ церковно-славянскаго языка пестрѣютъ мѣстные элементы. Но, подобно юнѣйшей сербулѣ, если стиль Березки

¹⁾ «Светостефански хрисуудъ краля Стефана Уроша II Милутина. Изъ сарага Сараја изнесла на свиѣтъ земалска влада за Босну и Херцеговину», у Бечу, 1890, предговор., IV.

²⁾ «Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ», т. II, приложение № 1 къ статьѣ проф. А. И. Кирпичникова: «Успение Богородицы» — нѣсколько листовъ изъ кодекса. Вполнѣ согласны съ мнѣніемъ ученаго издателя, что этотъ Прологъ заслуживаетъ обстоятельнаго разбора по составу и языку, но не можемъ согласиться, что Новъ-Городокъ Литовскій, это — Новгородъ *Сверскій* (см. стр. 214, прим. 71).

болѣ пестръ, болѣ модернизованъ въ сторону народной стихіи, то въ пунктахъ вторыхъ. Но обратимся къ самымъ даннымъ.

Форма повелит. накл. 1 л. мн., какъ въ Пандектахъ 1307 года: «подьмо возмѣмо мрѣю ис постѣле ю и оуверзмо оу вогнь. а инынъ рекли. з домоу сожъжѣмъ», «празноуимо... гнѣвъ ѿверзмо. братью свою милоуимо ...ба просімъ.... не осожужамо... призываимо... даймо... не вѣрѣймо... слышмо... ѿбѣгаймо... на-дѣвимоса». Въ современномъ малорусскомъ нарѣчїи флексія *мо* чередуется съ флексіей *м*; но въ первомъ случаѣ знакъ накло-ненія уменьшается до *ј* (или до смягченія предшествующаго со-гласнаго); во второмъ остается нетронутымъ: *ходьмо*, но *ходим*. Это чередованіе мы имѣемъ и у Березки: *подьмо*, *оуверзмо*, *даймо*, *слышмо*; но — *сожъжѣмъ*, *просімъ*¹⁾.

Смѣло выступаетъ новообразование въ склоненіи прилгательныхъ: *живого*, *роженого*. Ср.: «сне ба̄ живого помилоуи всакого призывающаго».

Смѣло на чуждомъ фонѣ выступаетъ дѣепричастіе (изъ имен. мнж. м. и дат. ед. м.), съ слѣдами и стараго причастія, но въ народномъ нарядѣ:

«весь вифлиомъ и ерлімъ *оуотриши* возрадовалса пѣсьными *поучо* и дѣовно *веселачиса*.... и *оурадншо*...»

«оуслышахъ голѣ *юворачи* ко мнѣ». Здѣсь «говорачи» нѣсколько сокращенный винит. ед. м.; въ церковно-славянскомъ было бы: «говорачи».

Дательный самостоятельный обояхъ языковъ идетъ параллельно: «мнѣ боудоучи... дѣхъ стын рекъ ми», но: «се же имъ взрекшимъ сама почала молитиса».

Второстепенныя черты въ языкѣ Пролога 1488 года, и новыя, это мѣна ѣ не только съ і, но и съ је, мѣна љ на є. Это — явленія, по теорїи автора разбираемаго нами труда, бѣлорусскаго характера (стр. 140), т. е. относятся насъ нѣсколько на Западъ. Можетъ быть, въ нихъ и дѣйствительно сказались

¹⁾ Что желалъ сказать издатель знакомъ вопроса при «подьмо»?

особенности роднаго языка Березки, попovichа изъ Новогрудка, хотя оба эти явленія небезъизвѣстны и современной рѣчи русской въ Карпатахъ. Но уже несомнѣнно на Литву указываютъ полонизмы, тѣ полонизмы, которые въ слѣдующемъ, XVI-мъ, столѣтіи составили колоритную принадлежность письменаго русскаго языка Юга, лучшимъ представителемъ котораго является Литовскій Статутъ въ печати 1588 года, русское *Nabeas cognus*, и на-столько, что они цѣликомъ, *en masse*, перешли и въ обиходъ, и въ литературный языкъ писателей XVII вѣка.

Полонизмы лексическіе: оуборзды, завьжды, немоцонз, обещаць.

*Полонизмы морфологическіе: новообразование формы условнаго наклоненія: «оустали естѣ, што бы есте почили» — механическая комбинація условной частицы съ лишнимъ вспомогательнымъ глаголомъ, подъ вліяніемъ своеобразно понятаго образования того же наклоненія въ польскомъ языкѣ, въ которомъ условная форма *byście*, въ своей второй части, звучитъ одинаково съ вспомогательнымъ глаголомъ въ образовании прошедшаго изъявительнаго — *szliście*, т. е. *шли есте*.*

Мы только что сказали, что для всѣхъ подобныхъ полонизмовъ Литва XVI вѣка была попутнымъ этапомъ въ ихъ движеніи на юговостокъ, и тутъ прочно они усѣлись. На нихъ стали смотрѣть какъ на элементъ народный; въ сознаніи писателя всѣ эти *бардзо, обещаць, моцонз* не только уже не были варваризмами, но иначе, по своему, онъ и не сумѣлъ бы выразиться. Самъ законодатель стиля, Смотрицкій, опредѣляя, что грамматика «есть извѣстное художество — *благо* и глаголати и писати учащее», якобы славянскіе предлоги *ко* и *по* протолковалъ совсѣмъ *неблаго*: «росски *ведмугъ*». Ясно, что онъ и не предчувствовалъ, что это не «росскій» предлогъ. Справедливо г. Жытецкій характеризуетъ стилистическіе приемы однополчанина Смотрицкаго, Памвы Берынды, что онъ «не считалъ искаженіемъ русской мовы употребленіе въ ней польскихъ словъ, лишь бы они написаны были славянскими буквами» (стр. 43): Берында, напр.,

слав. -де *сила* толкуеть: *моцъ, цнота*. Но почему? Потому, что подобныя слова вѣками утвердились въ обиходѣ, какъ ясно изъ труда Березки. Скажутъ: какая нечисть! Но мы богѣ снисходительны и не видимъ принципиальной разницы между Березкою, Берындою, говорившими: *обещалъ, моцъ*, и кавалерійскимъ офицеромъ, трактующимъ о своей *тужуртѣ*. Каждая эпоха имѣла свое вліяніе.

Какъ мирно подъ одною кровлею—подъ перомъ Березки—укладывались рядомъ и уживались оба элемента: ученый, церковно-славянскій, и простой, народный, даже тамъ, гдѣ они своимъ внутреннимъ диссонансомъ помѣщаются другъ около друга не могли бы, видно напр. изъ такого примѣра: при обветшаломъ аористѣ 1 лица ед. ч. стоитъ мѣстоименіе этого лица въ русской формѣ, а при народномъ замѣстителѣ аориста тоже мѣстоименіе въ церковно-славянской формѣ, и это рядомъ. Такъ: «и рекохъ ѿ иванъ: азъ вшолъ былъ оу...». Эта оригинальная пестрота стили, широкая вѣротерпимость, напоминаетъ намъ языкъ Слова о полку Игоревѣ, замѣтимъ мимоходомъ.

Всѣ эти, вкратцѣ отмѣченныя, черты языка Пролога 1488 года переходять въ литературный языкъ слѣдующаго столѣтія, но еще съ бѣльшимъ уклономъ въ сторону мѣстной русской рѣчи, такъ что если прежде церковно-славянскій языкъ представлялъ фонъ, на которомъ пестрымъ букетомъ разбросаны были въ безпорядкѣ мѣстные элементы, то теперь роли мѣняются, и уже народный языкъ является фономъ, испещреннымъ то здѣсь, то тамъ славизмами. Виднымъ представителемъ такого порядка южнорусскаго литературнаго языка является *Литовскій Статутъ*¹⁾.

¹⁾ Прекраснымъ экземпляромъ этой рѣдкой книги мы пользовались въ библиотекѣ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, въ отдѣлѣ «Старопечатныя книги» № 18. Свободнымъ пользованіемъ какъ этой книгой, такъ и другими, мы обязаны радушному библиотечарю этого новаго книгохранилища, А. В. Станкевичу, за что и приносимъ ему нашу живѣйшую признательность.

Считая языкъ Статута достойнымъ спеціального изученія, мы отмѣтимъ здѣсь немногія морфологическія и инныя черты: но и изъ нихъ ясно будетъ состояніе языка.

Самый пестрый букетъ представляетъ мѣстный падежъ именъ мужескихъ и среднихъ; тутъ все смѣшалось въ кучу, иногда въ одной фразѣ: «ани на перевозехъ, ани въ торгохъ, ани на мѣстечкахъ и стодолахъ,.... въ именахъ своихъ» (37).

Неопредѣленное — то *ти*, то *ть*, какъ въ Галиціи, какъ у Швченки: «не маеть *быти* мыто давано... мостовое брано *быть* не маеть» (39).

При простой формациі прошед. времени: «на тебе брехалъ тако песь» (91), и морфологическій полонизмъ: «*естесмо* учинили» — важности слога ради.

Какъ у Березки, такъ и въ Статутѣ дѣепричастіе выступаетъ свободно, и условно: «ремесло робечи на варстате» (88), «дорогою тягнуци... бралъ» (64), «кождю речь знашодъшы нести» (63), и абсолютно: «а старостове, державцы, або мытники наши если бы такъже *беручи* мыто дорогъ на имениахъ нашихъ не направовали, тогды шкодъ и накладъ томъ хто *ицъчи* што наложитъ, виньни бѣдътъ платити» (37).

Одно и то же слово и въ оригинальной малорусской формѣ, и тутъ же въ польскомъ нарядѣ: «гдѣ бы шло о речь *квиваѣю*, т. е. о горъло» (51), но — *кревного* (52). Вездѣ, конечно, *мочь*, рѣдко-рѣдко *мочъ*, *продки* изъ пол. *przodki*. Но въ то же самое время церковно-славянская старина живетъ въ самыхъ приемахъ правописанія, особенно же въ изображеніи словъ плавной вокализациі: *горъло*, но «горло торъгнулъ» (87), *долзи*, но «ку долгомъ пришолъ» (47); *держжати*, *потвержженью*, словно предъ нами классическое остромирово: *отъвѣръзеться* (286 а 1).

Правда, г. Житецкій проводитъ рѣзкую демаркаціонную линію между языкомъ Статута и языкомъ южныхъ писателей; но — тутъ дѣло личнаго вкуса, нѣкоторыхъ субъективныхъ построеній. А главное, самъ авторъ уничтожаетъ въ концѣ концовъ эту линію признаніемъ, что языкъ малорусскихъ произведеній пер-

вой половины XVII столѣтія двигался въ стилистическихъ приемахъ Статута (стр. 140—141). Слѣдовательно, уже по этому самому литературному историкъ малорусскаго нарѣчія игнорировать Статутъ нельзя. Мы же прибавимъ, что и во второй половинѣ XVII вѣка, когда литературнымъ центромъ сталъ Кіевъ (141), слѣды XVI вѣка не стерлись до конца. Самъ Смотрицкій, законодатель нашего литературнаго правописанія, свои параграфы формулировалъ одинаково для писателей и Литвы, и Юга, обоюго стана, когда утверждалъ требованіе для нихъ — не путаться съ ѣ, не смѣшивать его ни съ *je*, ни съ *ī*. Наконецъ, встрѣчая такіе колоритные звуковые малорусизмы, какъ «*ѡфалмъ* тому слѣзѣ», «*з лифы жилъ*», кто поколеблется въ отношеніи Статута къ яркимъ свидѣтелямъ литературнаго употребленія южно-русскаго нарѣчія въ старину?

Но если Статутъ Литовскій являетъ своимъ *e* = ѣ нѣкоторую тенденцію къ западу, то иные его сверстники, родомъ по южнѣе, имѣютъ свои тенденціи, къ своему: но всѣ эти мелкія, нерѣдко взаимно скрещивающіяся особенности языка памятниковъ одного и другаго рода слишкомъ ничтожны для того, чтобы имѣть въ нихъ основаніе для теоріи цѣлыхъ двухъ литературныхъ теченій, двухъ литературныхъ стилей — языковъ, какъ это, кажется, исповѣдывается авторомъ.

Для характеристики тѣхъ сверстниковъ — два слова о малорусской рукописи XVI вѣка въ Чешскомъ Музеѣ въ Прагѣ, изъ собранія пок. Шафарика.

Частично она давно извѣстна. Это — «Поученія избранныя Ѡ стго еѡліа», или *Postille*, какъ назвалъ ее Добровскій, приведши отрывокъ въ предисловіи къ Пухмейеровой «*Lehrgebäude der russ. Sprache*» и невѣрно замѣтивши о языкѣ, что рукопись писана «*von einem polonisirenden Kleinrussen*» (р. XIII).

Поученія — памятникъ XVI столѣтія, какъ это слѣдуетъ изъ соображенія даты покупки рукописи: «в лѣто 1604 (т. е. 1604) купи сию книгу еѡліе учителное... Лука Василевич изъ села Братковѣи подданныи пана Лисувскѡи... и приписѣ до села Братковѣи».

Покупщикъ — крестьянинъ, «подданный», какъ титулуется сельское сословіе въ Статутѣ. Село Братковичи и сегодня въ Галиціи, повѣта Городокъ (близъ Львова), и сегодня съ тою же церковью, которую знаетъ рукопись — «рождества прѣтой влѣчи нашѣ бца и прѣно двы мріи»¹⁾. Если не въ Братковичахъ, то гдѣ нибудь вблизи, вѣроятно, и писана самая рукопись.

Для характеристики литературнаго стиля этого простаго памятника XVI столѣтія отмѣтимъ прежде всего извѣстную моду въ воскрешеніи ветхаго славянства въ приемахъ письма: мѣстами словно Супрасльская рукопись передъ нами, чтобы въ другихъ мѣстахъ и ее превзойти. Здѣсь ясный знакъ, что предъ нами работа истинно «писменнаго» человѣка (кстати замѣтимъ, что г. Житецкій напрасно этотъ народный малорусскій терминъ производитъ отъ *писати*: онъ отъ ц. слав. суц. *писма* буква, слѣдов. = грамотѣй), начетчика, вчитывавшагося въ писанія старины.

Вотъ слова плавныхъ сочетаній: *выплѣнмь, прѣси, зрѣцѣль, крѣть*. Изрѣдка эта старина дисгармонируется народнымъ «гордѣ», хотя кавыка все же удержана. Даже слова съ польской вокализацией не забываютъ кавыки: *покар'момѣ*.

Заботливо соблюдая загадочное исконное литературное преданіе при передачѣ словъ плавныхъ сочетаній, писецъ, въ ладъ съ иными современниками, идетъ въ напускной архаичности своего стиля до смѣшнаго и важно пишетъ: «юж поиди с покоемъ. а *бльше* грѣхъ нечїни». Но онъ, повторяемъ, не одинокъ въ этихъ своихъ архаистическихъ домыслахъ. Вотъ нѣсколько справокъ.

«Книга бытіа небеса и земли», рус. рукоп. XVI в. въ Моск. Синод. библиотекѣ. Писецъ пишетъ: «въ дни цѣства троїмана *идлстти* жрѣтвѣ»²⁾.

Другой русскій памятникъ XVI вѣка, Кормчая; описана

¹⁾ См. «Schematismus universi venerabilis cleri archidioeceseos metropolitane Graeco-Catholicae Leopoliensis pro a. D. 1872», стр. 48.

²⁾ Изд. А. Поповымъ въ «Чтеніяхъ», 1881, I. Предисловіе VIII.

Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Румянцовскаго Музея» № 233. «Правописаніе (напр. *нашымъ*) и нарѣчіе, говоритъ Востоковъ, южнорусское, съ примѣсью болгарскаго и польскаго» (стр. 308). Но приемы письма! одинъ архаизмъ... Писецъ пишетъ: «малыми болѣзными *блѣшихъ* избыти»; *блѣзтвореніе*, «*плѣзу* слышащимъ»¹⁾).

Далѣе, въ кievскомъ Патерикѣ: *вльми*, т. е. вельми²⁾; въ южнорусскомъ четвероевангеліи 1604 года: *плѣзевалса*³⁾. Кто, въ виду правописанія послѣдняго слова, не вспомнить «*plezne dla*» извѣстнаго западнославянскаго памятника?

Но изъ этой странной обстановки, искусственно, но не искусно, подновленной старины, мы сразу попадаемъ въ кругъ явлений самой простой малорусской рѣчи, даже съ ѣ = je Статута. Мы читаемъ: «видишь малѣю *запороху* в' оцѣ его. а оу *своѣ* *бервена* не видишь» (За), или: «и лѣчь под тым древомъ *смѣрекомъ*». *Смерекъ* чисто галицкое слово, родъ сосны, въ чешскомъ *smrk*. Параллельно съ морфологической стариной: «въ голодѣ и... в' постѣхъ» (126), авторъ знаетъ свою флексію для мѣстнаго пад. мн. — *охъ*: «*о тѣ двѣ члкъ*», знакомую намъ изъ Ипатьевской лѣтописи, Пандектъ 1307 года, особенно симпатичную редакторамъ Статута Литовскаго, гдѣ: *на замкохъ*, *рокохъ* и пр. (см. ниже), и столь излюбленную и сегодня въ Галичинѣ, гдѣ эта флексія узурпаторски прошла въ склоненіе темы і: *мислѣх*⁴⁾).

Для наглядности въ опредѣленіи чертъ галицко-малорусскаго письма XVI вѣка приведемъ изъ нашего памятника его начальныя страницы: мы ясно увидимъ, что къ XVII столѣтію мѣстная рѣчь съ привносами новой даты уже стала на костяхъ церковно-славянскаго языка, овладѣла его вѣковымъ терреномъ, вступала въ его мѣсто.

¹⁾ Это изъ Посланія Якова мниха къ князю Изяславу; цитруемъ изъ «Исторіи русской Церкви» преосв. Макарія, II, 341—349.

²⁾ Барсовъ, «Чтенія», 1884, II, 257.

³⁾ Тамъ же, стр. 19.

⁴⁾ Нашъ «Отчетъ» I, 44: *людѣх*, *хулѣдѣх*. Сближеніе языка Ипатьевской лѣтописи и говоромъ Галичины — тамъ же, 30.

«Рчѣ гѣ прѣчоу сію. члѣка два прѣшли до цркви млѣтиса боу: единъ былъ фарисѣи, а дрѣуги мѣтаръ. фарисѣи стоѣчи мовилъ тыи слѣва: бѣ тебѣ хвалу въдаю. ꙗко неестъ тамъ таковыи, ꙗко иныши члѣци хѣщници неправедници прелѣбодѣици и не естъ емъ такѣи, ꙗкъ тои мѣтар. котѣрыи стоѣтъ за мноу. або вѣмъ пощѣ вѣ тыжденъ два дни и даю десатинѣ зо всѣхъ рѣчи котѣрии маю. а тот мѣтар стоѣчи за ним, не смѣл ани ѡчѣи своихъ поднѣсти до нба. едно биѣчиса вѣ прѣси свои, и мовилъ тыи слѣва. бѣ мѣло-стив боуди мнѣ грѣшномуу. за правды повѣдаю вам. ачьже мѣтаръ бы грѣшныи члѣкъ. але юж покорѣвши срдце своѣ и дшоу и оумыслъ свой. тѣгда съ плѣчемъ молилса до бѣ ѡца. и былъ выслѣханъ ѡ бѣ. або вѣмъ кождыи котѣрыи подносѣтса або чѣнитса вѣшшѣи. тот боудѣт наинѣжшѣи. а котѣрыи покѣрѣтса и чѣнитса наинѣзшѣи. тот боудѣт поднесѣныи на вѣшшѣе мѣсце. *Конецъ еѣ ли стои.*

А такъ вѣпѣстѣи едностѣйне помолѣмоса до всемѣлостиваго бга ѡца. абы рѣчи зослати лѣску и дар стго дха въ срдца нѣша. абы слово бжѣе вселѣлоса и мешкало в нас. абы есмо ходѣли стѣжками тыми котѣрыи бѣисмо мѣли дойти мѣсца ѡного. котѣрое бгъ наготѣвилъ тымъ котѣрыи рѣсказанѣе его чѣнат. то есте слышѣли еѣлѣе стоѣе вѣшшѣе котѣрое чѣталоса при хвалѣ бжѣи и тепер са прочѣтало. а имѣйте собѣ мѣсца къ сѣданѣю. и слоухайте слѣва бжѣи и с пѣлностѣю и скрѣхоу срдчноу. абы есмо тѣе выслѣхѣвши и заховали при собѣ тыи слѣва бжѣи...»

5.

Мы почти у конца съ нашими историческими припоминаніями. Но мы бы провинились предъ малорусскимъ языкомъ, съзусили бы размѣры литературныхъ судебъ его въ далекомъ прошломъ, умалили бы его значеніе, если бы обошли молчаніемъ одинъ серьезный фактъ въ его вѣшней исторіи: значеніе его, какъ языка *государственнаго*, въ странѣ, которая раньше, правда, входила въ кругъ земель русскихъ, но затѣмъ стала достояніемъ чуждаго по происхожденію народа. Читатель догадывается,

что мы говоримъ о бассейнѣ средняго Днѣстра и Прута, о литературномъ южно-русскомъ языкѣ здѣсь, о языкѣ дипломатическомъ, дѣловомъ, среди нараждавшихся и формировавшихся въ молдавское господарство Румынъ. Фактъ любопытный, что сѣверо-румынскій элементъ, возвысившись до государственной жизни, для своихъ духовныхъ нуждъ пользуется языкомъ чужимъ — именно литературнымъ языкомъ своихъ культурныхъ сосѣдей, южнорусовъ. Нелегко было молдавскимъ дьякамъ какой-нибудь Сучавы, Бѣлгорода справляться съ чужимъ литературнымъ языкомъ: если въ XIV столѣтіи онъ еще выливается у нихъ довольно плавно, почти не различаясь отъ дѣловаго языка актовъ Галичины, то чѣмъ дальше, тѣмъ борьба была труднѣе, родной языкъ темнилъ сознание чужихъ грамматическихъ формъ, самыхъ пріемовъ письма, пока не получился какой-то виннигреть, но все-же съ памятью о *малорусской* рѣчи.

Фактъ этотъ не новъ, давно отмѣченъ, какъ извѣстны и самыя литературныя памятники этого рода: надписи, лапидарныя и простыя, договоры, грамоты, записи. Вспомнимъ сборникъ Венелина, «Записки Одесскаго Общества исторіи», «Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи», изданія Кіевской Коммиссіи; изъ послѣдняго времени — богатое собраніе документовъ въ изданіи Яскаго епископа Мелхиседека (въ 70-хъ годахъ).

Прибавимъ еще къ слову: какимъ свѣжимъ русскимъ запахомъ бьетъ иногда отъ самаго румынскаго языка, наприимѣръ, отъ его суффикса прилагательныхъ относительныхъ — *esk*, съ нѣскольکو мягкимъ *e*: *rusesk*, *rumunesk*. Это румынское образованіе именъ прилагательныхъ невольно вызываетъ въ памяти аналогическія формы, напр. Пандектъ 1307 года, ихъ *женескъ* 45 б, *дыволескъ* 102 а, 132 б, *вѣсовескъ* 129 а, и другихъ скромныхъ глашатаевъ письменнаго употребленія народнаго языка Юга.

Извѣстно, наконецъ, на-сколько средневѣковыя письменныя памятники Молдавіи богаты «вонею» южнорусской, на-столько памятники Валахіи обдають насъ своимъ болгаризмомъ: тутъ

всѣ особенности среднеболгарской орфографической школы: юсы, безъ конца юсы, и все не на мѣстѣ.

Пользуемся случаемъ и помѣщаемъ здѣсь, если не особенно яркаго представителя румыно-русскаго дипломатическаго языка второй половины XV-го столѣтія, то, во всякомъ случаѣ, новаго — новую грамоту, которая осенью прошлаго года была передана намъ для прочтенія о. ректоромъ Одесской Духовной Семинаріи, М. Ѳ. Чеменю. Она почти одного времени съ трудомъ Березки; писалъ ее въ 1471 году дьякъ изъ Сучавы, слѣдовательно, со-сѣдъ; но большая разница между языкомъ Пролога 1488 года и этою грамотою. Только мѣстами мелькаетъ малорусская народная стихія, напр. въ упрямо державшемся малорусскомъ приѣмѣ вокализациі плавныхъ сочетаній — *er* (*червономъ, вѣрхъ*), въ употребленіи *ь* какъ *і*; далѣе здѣсь: *и* вм. *е* (*ь*) (*каминь*); иностранное *ө* передается чрезъ *фѣт*; предлогъ *оу* (*та*) въ удвоенной формѣ; оконч. 3 л. мн. — *тъа*; прош. время изъ причастія на *лъ* и вспом. глагола (*стѣли смѣ*) и др.

Грамота изъ того времени, когда Турки еще не успѣли отхватить юга Бессарабіи съ Бѣлгородомъ (что нынѣ Аккерманъ) и ликвидировать въ эту сторону государственное развитіе Молдавіи: румынская стихія спокойно развивалась и на нижнемъ, и на среднемъ Днѣстрѣ. Къ мѣстности средняго Днѣстра и относится наша грамота своими топографическими названіями, которыя, замѣтимъ, сохранились и по сегодняшній день. — Пергаментъ прочный, буквы поверхъ нарѣзовъ. Всего 40 строкъ. Въ концѣ привешена печать изъ черной смолы (разбитая) на шелковомъ шуркѣ изъ красныхъ и зеленыхъ нитокъ. Письмо грязное, нечеткое, почему мѣстами неясенъ смыслъ.

1471 г., изъ Сучавы, воеводы Стефана Великаго.

† Милѡ божыи мѣ Стифа́ ѡва гѡлѡ вѣи зѣмили мѡдавской
знаменито чинѣмъ всѣмъ лѣтѡ нашѣмъ кто | нан узьрит или почи-
тѣчи гаслишѣт ѡт жѣ то и^твн^то ѣт слѣги нашѣ вѣрьномъ афѣта-

наѣа сынъ | нѣмъ глигорако храпкъмъ да ииоанъ мѣ сѣнѣмъ
 дворяди шѣлѣмъ изъ сѣло бакъсань что | ѣт ѣа сороцкаго цѣнѣто
 слѣжѣли нѣ право и вѣрѣно тѣ мѣ видѣвъшь право и вѣрѣ и^т
 слѣжѣбѣ до нѣ жа | ловали смо мѣ и^т особѣ ѡт нашѣга мило^т
 дали и потвѣрьдѣлно мѣ и^т ѡтнина изъ цѣлоѣ вѣтчинѣ | сѣло
 поѣное что ѣт на рѣка нѣтро ѣа въ сороцкѣ цѣнѣтѣ гдѣ бѣли и
 домѣ и^т дѣдка и^т садовѣ | и лесѣ которѣ да ѣт и^т ѡт нѣ ѣрѣкъ
 со вѣсѣмъ доходѣ по ѣркѣгѣ на въ и дѣтѣ и^т. вѣвѣка и^т. и |
 праѣнѣка то и праѣцѣратѣ и прапраѣцѣратѣ и вѣсѣмъ плименѣствѣ
 и кто наближѣ | бѣдѣт ѡт и^т родѣ. ѣа хотѣрѣ сѣнѣжѣ вѣтчинѣ и
 сѣло поѣно начинаѣтца перѣвои ѡт рѣка нѣстра изъ | камѣнѣ
 что ѣт ѣа рѣт дѣ краино что разѣдѣлаѣтца изъ вѣтчинѣ рашѣково.
 и ѡтцада на горѣ ест | полѣнои пока ѣкѣпана. ест и тамо е
 камѣ хотѣрѣ розѣдѣ вѣо изъ вѣтчинѣ рашѣковѣ. и ѡтѣда вѣо |
 ѣа въ горѣ пока ѣа близѣнѣти могили тамѣ. ест розѣдѣ ѣа кѣда ѡт
 вѣтчинѣ шѣпѣко что назѣ | ваѣт и главѣнѣща. и розѣдѣ и вѣт-
 чинѣ рашѣково ест ѣа моги. старѣ хотѣрѣ вѣтчинѣ поѣнои. гдѣ
 ест и | камѣ хотѣрѣ. жѣ ѡттамо е возѣврат ѣа въ нѣзѣ вѣтчинѣо
 поѣно да вѣо напѣдѣ отѣоли вѣтчи | но е шѣпѣко которѣа
 вѣзѣваѣт и главѣнѣщи пока задѣт ѣа бѣлои скалѣ. тамо ест жѣ
 розѣдѣ и^т | изъ вѣтчинѣ шѣпѣко что назѣваѣа и главѣнѣщи. ест
 камѣ хотѣрѣ ѣа вѣдно вѣтчинѣ поѣное. | и ѡтѣда жѣ ѣа въ до
 вѣшь. ѣа всхѣдѣ сѣца коло вѣтчинѣ оръчидара да идѣт прѣ ѣа та-
 бѣро | гдѣ тамо ѣт камѣнѣ хотѣрѣ розѣдѣлѣ изъ вѣтчинѣ оръчи-
 дарѣа и ѡттамо е от табѣро и идѣт | по вѣрѣхѣ овѣчѣга ѣпро
 оръчидара и на прѣдо е ѣа всхѣдѣ сѣца по градѣ и по вѣшоѣ ѡ
 и | спѣта кѣратѣра ест камѣ хотѣрѣ вѣтчинѣ поѣно. и на тѣ ѣа
 въ нѣсѣтра коло вѣтчинѣ тарасѣво^т | да со вѣсо ѣа прѣдѣ пока ѣа
 рѣкѣ нѣстра гдѣ ест ѣа бѣрѣгѣ рѣкѣ нѣстра камѣ хотѣрѣ
 розѣдѣ | вѣтчинѣо поѣно ѡт вѣтчинѣ тарасѣвои. которѣ хотѣрѣ
 ест ѣа противѣ черѣвонои камѣнѣ | что ест. за рѣка нѣстра. ижѣ
 ест тамо ѣа въ горѣ вѣо по рѣка нѣстра пока задѣт ѣа хотѣрѣ |
 ѡтѣда начѣса. ѡтжѣ вѣнѣно на то ест с вѣра гѣа мѣ вѣшьи
 пѣно гѣнѣ сѣтифанѣ мѣ вѣо и с вѣра боѣрѣ нашѣ. вѣра пана

стаѣчѣла и сынѣ его пана моеръзѣ перькалабовѣ бѣ | граѣцкаго. вѣра пана влаикѣлѣ и сынѣ его. пана дѣмое старѣта хотѣцкаго. вѣра пана | гоана перькалабовѣ килѣик(а)го. вѣра пана исана дворнѣка. вѣра пана збѣарое перькала | бови бѣилоградцѣ. вѣра пана альпѣла перькалаба немецкаго. вѣра пана бѣхѣтиновѣ | вѣра пана петр.....¹⁾ данѣмовича. вѣра пана пашѣка перькалабови килѣикаго. вѣра | пана фетень новограѣцкаго. вѣра пана гангѣра орьхийкаго. вѣра пана стифанѣ чарьнат | вѣра пана чокоа рьлинѣ. вѣра пана гѣцка хѣдича. вѣра пана ивашѣко сре.ьковича ²⁾ | вѣра пана Бодѣ спѣтарѣи. вѣра пана г.. оинѣ вѣтерьника. вѣра пана гасоинѣ постѣника. | вѣра пана нипрѣла чашиѣка. вѣра пана лѣки стѣника. вѣра пана нанѣига комиса. | и вѣра всѣхѣ боарѣхѣ нашѣ^х мѣдавски^х вѣлики^х и мали^х. а по нашѣ жѣвѣт ктѣ бѣдѣт гѣпѣ | прѣ наше^х земли мѣдавской ѣт дѣти^х нашѣ^х и го плимѣ бѣдѣ ктѣ бѣдѣто кого Богѣ. | избѣрот про то що бѣ нѣпорѣшѣно и некѣто а некѣ не въ чѣ. да ещо дати и потвѣрьдит | и какѣ имѣ дѣ и подвѣрьдѣи но мѣ и^х по право и вѣрнѣи и^х слѣжѣбѣ. и па бѣшѣ крѣпѣт | мѣ вѣшѣ пѣное. вѣлелѣмѣ нашѣмѣ вѣрнѣмѣ болѣрьянѣ вѣликиѣмѣ панѣ мѣновлѣ | аковѣило ѣепкѣ^х ѣтписат и нашѣ пѣчат прѣвѣикѣсит к сѣмѣ нашѣмѣ лѣтѣ. писалѣ | власиѣ харѣньковѣ диакѣ. ѣ сочавѣ. вовѣ лѣтѣ ѣчѣд гали мѣца з дна.

6.

Мы у конца нашей задачи, у конца нашего пониманія литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. Наши замѣчанія, это — статистическая отмѣтка постепенной русификаціи на Югѣ церковно-славянскаго языка. Мы слѣдили, какѣ мало-по-малу, но шагѣ за шагомѣ, все болѣе и болѣе народная стихія прокладывала себѣ путь, выходѣ въ книгу, въ письменность. Кѣ концу XVI столѣтія старѣй литературнѣй языкѣ, церковно-славянскѣй,

¹⁾ Нѣсколько буквѣ стерто.

²⁾ Вѣроятно, вытерта буква ч.

выродился, преобразился въ новый, національнаго характера, готовый на всяческую службу русскимъ культурнымъ людямъ. Вспомнимъ §§ государственнаго права въ Статутѣ. Но, представленный одному навыку, преданію, безъ какой либо школы, которая въ состояніи была бы регулировать приемы письменнаго выраженія, потому непослѣдовательный, шереховатый, а главное — беззащитный, совсѣмъ открытый для дѣйствія на него центробѣжной силы мѣстныхъ говоровъ, языкъ этотъ, но не проба робкаго пера, былъ въ опасности расплыться. Это тяжелое положеніе его еще болѣе усиливалось отъ появленія подъ бокомъ у него языка польскаго, съ польскою государственною идеей, намѣтившею, какъ свою первую жертву, русскую церковь съ ея вѣковымъ языкомъ. Высшіе слои уже полячились, за ними всѣ, считавшіе себя образованными; все привыкало говорить, писать и мыслить по польски, отбрасывая родное преданіе, какъ вещь, пришедшую въ негодность. Вспомнимъ параллельное явленіе въ Чехіи въ XVII—XVIII вѣкахъ. И, тѣмъ не менѣе, преданіе—старый литературный языкъ, не погибло: явилось у него подкрѣпленіе, и старый языкъ, обновленный, приведенный въ порядокъ, пройдя затѣмъ рядъ поправокъ, новыхъ приспособленій, сталъ единымъ литературнымъ языкомъ всей Русской Земли.

Это подкрѣпленіе явилось въ лицѣ школъ, а за ними руководство для регуляціи письменнаго языка, составившихся по указанію грамматикъ классическихъ языковъ. Эпоха возрожденія, въ своей восточной периферіи, зацѣпила и насъ, пасынковъ европейскаго образованія.

Въ привилегіи короля Сигизмунда отъ 1592 года Берестейскимъ мѣщанамъ (выражаемся такъ вмѣсто nepзволительнаго «Брестскимъ»), слѣдов., спустя четыре года послѣ Статута, именно на *первомъ* мѣстѣ поставлены оба классическіе языка, а *послѣ* нихъ — польскій и русскій: «а для науки дѣтей народу христіанскаго всякаго стану ку оздобѣ и пожитку Рѣчи Посполитое, позволяемъ имъ мѣсти школу греческаго, латинскаго, полскаго

и руского языка и людей ученыхъ въ тыхъ школахъ волно ховати духовного и свѣцкаго стану» ¹⁾).

Думаемъ поэтому, что г. Житецкій не правъ, когда вниціаторамъ общаго школьнаго образованія приписываетъ узкія конфеціональныя цѣли (стр. 9), тогда какъ школа для нихъ на первомъ мѣстѣ была вопросомъ *политическимъ*. Надо было спастись своихъ людей отъ искушеній. Наивно, но вѣрно, характеризуетъ школьное значеніе іезуитовъ фантастъ Филипповичъ. «Езуиты, жалуется онъ, внутрности людскіе въ дѣткахъ малыхъ отливными словы на науки блудныя... побравши, въ школахъ комедіи строячи, въ костелахъ катедры маючи и книжки перенипованные, измышленные ошуканемъ патанскимъ выдаючи, незбожне до людей простнихъ, потаковниковъ своихъ, въ огиду подаютъ» ²⁾). Надо было бороться противъ только что водворявшихся «значнихъ предтечъ антихристовыхъ» (какъ титуловалъ іезуитовъ авторъ «Діаріуша») и «барзо мудрыхъ», вооружиться ихъ собственнымъ оружіемъ, стать сначала сколько-нибудь латинумудрыми, чтобы позже быть и «барзо». Латинское знаніе было безусловнымъ оружіемъ для борьбы. Прятать латынь имъ не для чего было, и они не прятали, помѣщая се сейчасъ за греческимъ языкомъ. А въ какое удобное стадо входили іезуиты, видно изъ признанія, сдѣланнаго самымъ торжественнымъ образомъ на Кіевскомъ помѣстномъ соборѣ 1640 года, т. е. представителями Церкви, и тогда уже, когда и Могиланская Коллегія уже давно дѣйствовала. «Въ нашей русской Церкви, говорилъ архимандритъ Исаія, открывая соборъ, есть славянскія книги, которыя не многіе священники русскіе понимали» ³⁾).

Но въ заслугу людей того времени вмѣнить надо то, что они не утрапились тяжелой преспективы: школа шла за школой, какъ типографія за типографіей, а вѣнцомъ этихъ благородныхъ

¹⁾ «Русская историческая Библіотека», кн. IV, изъ «Діаріуша» Филипповича, стр. 70.

²⁾ Тамъ же, 92.

³⁾ Тамъ же, 27.

стремлений и была центральная школа Могилы. Тогда-то могли появиться и свои «мудрые». Они и появились и взяли въ свои руки дѣло просвѣщенія, литературу и ея языкъ. Справедливо, хотя и вычурно, писалъ еще Венелинъ: «Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось это неприятное направленіе (т. е. Унія), если бы Провидѣніе не наслало ангела-хранителя возжечь въ богоспасаемомъ градѣ, на горѣ печерской, свѣтило божіе, новый лучъ просвѣщенія. Этотъ ангелъ былъ — юный молдавскій принцъ, Петръ Могилы»¹⁾.

Вмѣстѣ съ организаторами классическихъ школъ явились и регуляторы литературнаго языка съ грамматическими, учебными трудами. Языкъ этотъ они называли славенскимъ или славено-росскимъ. Во главѣ ихъ сталъ Мелетій Смотрицкій и въ такую благовременную пору, какъ начало XVII столѣтія, при самой организаціи школьнаго дѣла.

Авторъ «Очерка литературной исторіи малорусскаго нарѣчія» посвящаетъ Мелетію, его знаменитой Сянтагмѣ²⁾, цѣлую главу (16 — 27) и справедливо: ибо, какъ замѣчено выше, мы и сегодня, учась грамотѣ, живемъ знаменитымъ нашимъ филологомъ десятихъ годовъ XVII столѣтія. Г. Житецкій детально разсматриваетъ грамматическія положенія Мелетія; но авторъ, какъ намъ кажется, не достаточно точно выяснилъ общее значеніе его труда.

Откровенно сказать, Мелетій съ своею Сянтагмою представляется намъ Добровскимъ XVII столѣтія. Правда, и г. Житецкій сближаетъ обоихъ — но въ одномъ — что оба искали «чистый славянскій языкъ» (18) и, конечно, не нашли, и — только. А между тѣмъ оба они работали по однимъ источникамъ — памятникамъ средняго времени, при болѣе или менѣе общемъ критеріи — тек-

¹⁾ Изъ выше указ. рукописи въ Румянц. Музеѣ.

²⁾ Г. Житецкій, въ концѣ Предисловія, обвиняетъ кого-то въ неточной транскрипціи текстовъ, а самъ именно грѣшнѣе въ этомъ: въ сообщаемомъ имъ титулѣ грамматикки Смотрицкаго онъ дѣлаетъ 8 ошибокъ. Титулъ читается: Грамматикки славянска прѣкианос Сынтагма... мнѣха Мелетіа Смотрицкаго... «Самъ. (Пользовались мы экземпляромъ бібліотеки Имп. Росс. Ист. Музея).

ство въ русской рецензіи; оба одинаково примѣняли къ славянскому языку современную имъ грамматическую науку, оба и одинаково любили свое дѣло, своего избранника; оба одинаково и ошибались. Авторъ «Обзора» отличаетъ Мелетія отъ Добровскаго тѣмъ, что Мелетій русифицированныя формы приписывалъ «чистому славянскому языку» (19). Но мы бы затруднились сдѣлать такое различіе: и тутъ оба были братья родные.

Мелетій самъ, хотя и не прямо, указываетъ своихъ руководителей — классическія грамматики. «Вѣдаёте, обращается Мелетій къ своимъ читателямъ, учителямъ школъ, або вѣмъ которыи стеса грецкои любѣ латинской грамматики хѣдѣзствѣ учили, што она есть кѣ понатѣю якъ языка чистѣости» и пр. Эти же руководители мелькаютъ и въ попыткѣ автора во всемъ уравнивать славянскій языкъ классическимъ, не исключая даже причастія *на-dum*, для чего онъ придумываетъ особое отглагольное прилагательное. Этимъ стремленіемъ и объясняется путанное изложеніе наклоненій и временъ, фиктивный схематизмъ славянскаго глагола, во всемъ воспроизводящій схему греческую, словомъ, то «копированіе», которое смущаетъ автора «Очерка» (19). И Мелетій былъ сынъ своего времени, какъ и его знаменитый грамматическій преемникъ, два столѣтія спустя. Но если «Правильное Синтагма», имѣя до себя лишь ученическіе опыты львовскихъ спудеевъ и Зизанія, въ теченіе двухъ столѣтій было единственнымъ руководствомъ въ школахъ православныхъ славянъ, алфой и омегой грамматическаго знанія, а громадныя и ученые «*Institutiones*» не пережили даже своего автора, какъ ни малъ былъ промежутокъ между выходомъ ихъ и смертью послѣдняго, — то одно это обстоятельство достаточно ясно указываетъ, какъ своевременна и какъ велика была для своей эпохи грамматика скромнаго архимандрита, это дѣтище раннихъ славянскихъ студій у насъ. Кажется, мы нѣсколько всегда забываемъ Мелетія, его заслуги, въ виду его послѣдующей политической карьеры, не достаточно оцѣниваемъ то, что будущій уніатскій епископъ, и врагъ нашъ, оказалъ величайшую услугу намъ, православнымъ,

когда церковно-славянскій, забывавшійся было, языкъ поднялъ онъ на высоту систематизированнаго школьнаго предмета и сталъ законодателемъ нашего правописанія до-днесь, а тѣмъ и нашего литературнаго языка.

Главная задача Мелетія была педагогическая. Его трудъ имѣлъ дать нормы «правого и сочиннаго... и мовен'я и писан'я», научить «в'реченихъ разознан'я различности — языка чисте славенского», указать «зле положеное слово», быть съ совѣтомъ при переводахъ. Въ виду Уніи, общаго преслѣдованія Церкви, не удивительно, если «славенскій» языкъ былъ «занедбалый», по признанію самого Мелетія; культурные люди уже тянулись къ польскому языку. Надобно поднять его изъ «занедбалости», и, какъ показало будущее, Мелетій достигъ цѣли и далеко за предѣлы политическихъ границъ своей земли, и это поднятiе было тѣмъ необходимѣе, что не рѣдко врагъ хорошо зналъ и хорошо пользовался «занедбалымъ» языкомъ.

За два года до Мелетія, архимандритъ униатскій Левъ Кривза издалъ «*Obronę jedności cerkiewnej*». Ловкій защитникъ Уніи, Кривза необыкновенно мастерски пользуется массою памятниковъ славянской литературной старины: прологами, минеями, соборниками, кормчими, лѣтописями, обнаруживая тѣмъ свою громадную начитанность въ церковно-славянской письменности, и въ то-же время заявляетъ, подобно Мелетію, свое горячее чувство къ самому славянскому языку. Онъ собирается издать свою «Оборону Уніи» и на русскомъ языкѣ и обѣщаетъ тамъ славянскіе тексты приводить по славянски, затѣмъ, «*żeby prawdę miłującą czytelnik uważał nie tylko wykład, ale i poważność y rzetelność słowieńskich słow*», т. е. проникся бы уваженіемъ предъ величіемъ и ясностью славянскаго языка¹⁾.

Но отъ Мелетія обращаемся къ Мелетію у автора «Очерка».

Г. Житецкій, хотя и ставитъ въ началѣ труда прекрасное правило: «при оцѣнкѣ всякаго умственнаго движенія не нужно

¹⁾ «Историч. Библиотека», IV, стр. 163.

забывать хронологию» (стр. 11), но первый и погрѣшаетъ противъ этой заповѣди, когда, спустя немного времени, ему пришлось говорить о Мелетіи: для характеристики научныхъ сторонъ труда его онъ сталъ на невозможную для изслѣдователя точку — прямо антиисторическую.

Болѣе чѣмъ естественно, что авторъ первой церковно-славянской грамматики училъ, на основаніи своихъ источниковъ, что «о или ж, и или ѡ», что «ъ оубо дебелое, ѣ же тонкое окончаніе творять». Упомянуть ли, что именно тѣмъ же грамматическимъ положеніямъ училъ и два вѣка спустя Добровскій?... Но г. Житецкій крайне недоволенъ за это на Мелетіа: «не имѣя надлежащаго понятія объ истинной природѣ глухихъ, онъ называетъ ихъ припряногласными... Точно такъ же ему неизвѣстно было и носовое произношеніе юсовъ» (19). Затѣмъ слѣдуетъ списокъ другихъ обвиненій, вертящихся все около одного пункта: въ неумѣнны отличить «русскаго» искаженія отъ настоящихъ чертъ церковно-славянскаго языка. Но — мы позволимъ себѣ стать на точку зрѣнія слависта начала XVII вѣка и защитить собрата противъ его аристарха.

Развѣ и въ современной наукѣ чуждо ученіе о приоритетѣ формъ *омз*, *емз*? Вспомнимъ хоть труды пок. Гейтлера.

Развѣ и старѣйшіе и чистѣйшіе памятники не знаютъ смѣшенія родительнаго и винительнаго, именно, въ именахъ одушевленныхъ?

Развѣ тѣ-же памятники не знаютъ смѣшенія флексій склоненій темъ *а* и *и* (оу)?

Но — главное: гдѣ же славистъ начала XVII столѣтія могъ найти средство, чтобы вѣрно ориентироваться въ распознаваніи — что искажено русскимъ языкомъ, и что нѣтъ? Не говоря о томъ, что всѣ прегрѣшенія Мелетія повторены чрезъ двѣсти лѣтъ великимъ Добровскимъ, мы признаемся откровенно, что пришли въ полное недоумѣніе предъ приѣмомъ автора — опредѣлять научное значеніе труда XVII вѣка недочетами въ немъ тѣхъ выводовъ науки, къ которымъ она пришла лишь въ наши дни. . . . Только

однимъ тяжелымъ недосмотромъ объясняемъ мы и заключительную тираду автора о стоимости Синтагмы: «очевидно, Смотрицкій далеко былъ отъ *современныхъ* (еще бы!!!) намъ научныхъ стремленій (требованій?) поставить изученіе церковно-славянскаго языка на *историческую почву*» (стр. 19). Конечно, человекъ начала XVII столѣтія далеко отъ своего судьи — только на три столѣтія. Ну, въ этотъ срокъ мы научились и разузнавать «искаженія». Тотъ же недосмотръ готовы мы видѣть и въ обвиненіи Мелетія, дважды предъявленномъ, стр. 20 и 22, что онъ «даже не *предчувствовалъ* значенія глагольныхъ темъ»...

Въ интересѣ точности, еще два-три слова относительно детального разсмотрѣнія знаменитой Синтагмы.

Если бы авторъ сличилъ изложеніе глагола въ Синтагмѣ и въ Грамматикѣ Еллино-Словенской спудеевъ ($\frac{1}{4}$ вѣка назадъ), то увидѣлъ бы, что Мелетій не игнорировалъ и спудеевъ, слѣдов. дѣйствовалъ съ ученымъ тактомъ. Онъ только упрощалъ ихъ терминологию. Такъ, тѣ-же шесть наклоненій и у спудеевъ, съ малою отибною въ названіяхъ: у Мелетія — *молителное, подчинителное, неопредѣленное*; у спудеевъ — *молитвенное, подчинное, необавное*. Тѣ-же шесть временъ и почти та-же терминологія¹⁾. — Вообще, какъ ни сложна глагольная партія Синтагмы — предъ авторомъ носились грамматики классическихъ языковъ, отсюда такая масса временъ на *лз*; но Мелетій, какъ умный писатель-стилистъ, самъ указывалъ на обветшалость подобныхъ глагольныхъ формъ и препоручалъ формы «руска языка» — на *лз*, для обихода.

Если Мелетій создавалъ «фиктивные» формы, то поступалъ какъ педагогъ. Вотъ въ латинской грамматикѣ «*verbum participiale in dunt*» (его слова, очевидно, взятые изъ какого-то учебника): какъ литераторы имѣютъ ее передавать? И онъ указываетъ средство — приспособиться: *legendum* — *читателно*. Такъ мы и сегодня приспособляемся въ терминологіи.

¹⁾ Экземпляръ, неполный, Львовской грамматики 1591 г. имѣется и въ нашей библиотекѣ.

Наконецъ, мы бы поколебались признать какое либо нормирующее значеніе въ языкѣ писателей XVII вѣка за сложной системой удареній, которая у автора имѣетъ титулъ: «фонетическая» (24), что-де подъ защитой ея не искажались народныя слова (26). Удареніе диктовала просто живая рѣчь; правильное помѣщеніе его мы видимъ и раньше. Самъ же стилистъ Мелетій часто ударялъ по польски (вѣдаёте): языкъ его мысли былъ, скорѣе всего, польскій.

7.

Какъ необходимое восполненіе школы и литературныхъ потребностей эпохи, вслѣдъ за славянской грамматикой явился и славянскій учебный словарь — Памвы Берынды, въ 1627 году.

Мы видѣли выше, какъ рано полонизмы входили, и должны были входить, въ письменный языкъ Юга: тутъ было вліяніе и высшей культуры, и государственнаго сожителства. Съ движеніемъ жизни они вторгались больше и больше и наконецъ усвоились на-столько, что затмили въ сознаніи различіе своего отъ не-своего. Такой противникъ польской Уніи, какъ Филипповичъ, выражался собственно по польски, только употреблялъ русскія буквы. Съ другой стороны, самъ славянскій языкъ, заключая въ себѣ массу терминовъ спеціальныхъ, всегда требовалъ извѣстнаго школьнаго изученія: понятно, если въ эпоху его «заветбалости» онъ былъ что темный лѣсъ. «Читать, а не розуметь — глупая речъ есть», говоритъ второй издатель словаря Берынды, Іоиль Труцевичъ. Но въ такомъ положеніи и находился «славянскій» читатель: ибо славянскій языкъ «трудность словъ и назвискъ, отъ иныхъ языковъ съ потребы взятыхъ, до вырозуменія темныхъ, не мало въ собѣ маеть», говоря языкомъ того-же издателя.

Устранить сколько нибудь эту трудность, выяснить иностранныя слова, «съ потребы взятая», не исключая и полонизмы (массѣ народа они оставались чуждыми), задача эта разрѣшалась Словаремъ Берынды.

Старый типографщикъ-корректоръ, Берында не былъ ученымъ, и его тридцатилѣтній трудъ, употребленный имъ на Словарь, былъ ничто иное, какъ случайная, время отъ времени, отмѣтка для себя всякихъ неясныхъ словъ при печати, съ усиленнымъ ихъ протолкованіемъ. Таковъ былъ основной фондъ. Позже присоединенъ былъ обширный отдѣлъ полонизмовъ, которые онъ иногда объяснялъ полонизмами же, но, очевидно, популярными, чѣмъ и объясняется та «широкая терпимость», о которой говоритъ г. Житецкій, стр. 43.

Простой, нехитрый трудъ Берынды, не написанный *ad hoc*, какъ Синтагма Мелетія, былъ вполне своевремененъ, былъ «барзо ужитечный», какъ выразился о немъ его второй издатель, упомянутый Труцевичъ: свидѣтельство этого — быстрый расходъ перваго изданія. «Который лексиконъ якъ есть потребный и пожитечный многимъ, с того зрозуметь латво, ижъ презъ той небарзо долгій часъ такъ оскудѣлъ, же о малъ где его видеть барзо», говоритъ тотъ-же.

Самая система носить на себѣ слѣды случайнаго происхожденія. Слова по алфавиту, но это не исключаетъ простыхъ глосъ, въ любой формѣ (*достойт'*, *ма*). Богословскіе термины объясняются общедоступными синонимами, своими или польскими (*оздоба*, *цнотливый*), иногда этимологія, иногда и цѣлая статья, какъ въ энциклопедіи, напр. при *дохъ*, *мысль*, иногда и невозможныя слова — досужаго вымысла (*брю*, *бриши*). Въ подкрѣпленіе себя Берында приводитъ цитаты то изъ Свящ. Писанія, то изъ отцевъ Церкви, то просто изъ старой славянской письменности. Такъ онъ цитуетъ даже Іоанна ексарха Болгарскаго (подъ «глипаніе»).

Такимъ образомъ, Словарь Берынды своимъ практическимъ характеромъ какъ нельзя болѣе отвѣчалъ тѣмъ задачамъ, которыя преслѣдовалъ знаменитый авторъ Синтагмы — поднять «за небалый» славянскій языкъ въ школѣ, освѣжить, оживить его и въ литературномъ употребленіи эпохи, и вообще помогать ориентироваться въ языкѣ всѣмъ.

8.

Понятно теперь, если люди новаго поколѣнія, пройдя школу, усвоивши грамматическія и стилистическія предписанія Смолтрицкаго, съ освѣженнымъ знаніемъ церковно-славянскаго языка, въ своихъ писаніяхъ могли свободнѣе располагать матеріаломъ языка, выбирать одинъ языкъ, когда приходилось серьезно говорить о серьезномъ предметѣ, другой, когда обращаться къ «простакови». Авторъ иронизируетъ надъ важною записью самого Могилы, на важномъ, славянскомъ языкѣ, о неудачной операціи какой-то повивальной бабки (стр. 38); но тотъ же образованный митрополитъ могъ говорить и по «простацки», когда бесѣдовалъ съ простякомъ Филипповичемъ: «добре быты гроши на церковь тамтую обернути» и пр. ¹⁾, совѣтовалъ онъ архимандриту. При этихъ новыхъ литературныхъ условіяхъ можно было уже писать не какъ попало, а съ наблюденіемъ *стиля*, давать отпоръ народной стихіи, когда это казалось нужнымъ, а не мѣшать всѣ элементы въ одинъ котелъ. Исторія *стиля* нашего литературнаго языка, какъ замѣчено было раньше, идетъ именно отъ Мелетія и его продолжателей. Безъ этихъ литературныхъ дѣятелей Юга, на Сѣверѣ въ литературный языкъ развились бы своя мѣстная рѣчь, на Югѣ своя, образовались бы двѣ конкурирующія письменности, можетъ быть, и интересныя для филолога и его соображеній, но не для сложныхъ отношеній, политикою именуемыхъ. Мы знаемъ, что такое отдѣльныя славянскія литературы... Авторъ утверждаетъ, что «большую частью ученость писателя обратно пропорціональна народности его рѣчи», хотя и оговаривается, что многое зависѣло отъ предмета рѣчи (53). Мы же полагали бы, что въ оговоркѣ — правило: предметъ или цѣль опредѣляла языкъ, а потому стиль, у умнаго писателя. Педанты въ расчетъ идти не могутъ.

Такимъ образомъ, *материально* ничего новаго не вносили въ дѣло развитія письменнаго языка южно-русскіе писатели XVII столѣтія: этническіе элементы языка ихъ были тѣ-же, что и рань-

¹⁾ «Діаріушъ», «Русская Истор. Библиотека», IV, 52.

ше — славянскій и русскій. Но они привели оба эти элемента въ известное литературное соглашеніе. Перенявъ литературное наслѣдство старины, они провели его своимъ писательствомъ далѣе, чтобы передать его своимъ преемникамъ. Вирши трубогласнаго Барановича только продолжали вирши Статута Литовскаго, Зизанія, или справщиковъ Острожской Библіи, почему-то авторомъ произведенныхъ неосмотрительно, и дважды, въ рангъ «переводчиковъ». Съ другой стороны, тѣ-же вирши продолжаютъ въ XVIII-ое столѣтіе, особенно урожайное на нихъ, Кантемиромъ, Тредьяковскимъ и другими. Даже у Пушкина, въ его политической официальной музѣ, есть цѣлыя строфы, живо переносящія насъ въ вѣкъ Черниговскаго витія. То-же относится и къ прозѣ.

Такъ мы понимаемъ литературную исторію малорусскаго нарѣчія, употребленіе его въ письменныхъ памятникахъ нашей старины. Но иначе понимаетъ тотъ-же вопросъ авторъ «литературной исторіи малорусскаго нарѣчія».

9.

Для г. Житецкаго, письменное употребленіе малорусскаго нарѣчія начинается не то съ XVI-го (вторая половина), не то съ XVII столѣтія: съ XVI-го, если принять за эру т. наз. Пересопницкое евангеліе саноцкаго любителя, съ XVII-го, если принять за исходную точку языкъ изученныхъ авторомъ писателей, продолжателей-де новообъявившагося направленія въ XVI столѣтіи, учинившихъ предварительно негласный компромиссъ между ветхимъ обычаемъ — «славянскимъ языкомъ» и народною «мовою». Первопричина же введенія народнаго языка въ книгу — дѣйствіе протестантства на Литвѣ, открывшаго всюду литературное броженіе. Новыя идеи «коснулись и Южной Руси и вызвали здѣсь вниманіе книжныхъ людей къ народному языку, которое выразилось въ цѣломъ рядѣ (!) переводовъ (!) Евангелія и другихъ священныхъ книгъ» на — «мову рускую» (1—2).

Изъ этого «ряда» автору близко известны Пересопницкое

евангеліе, евангеліе Хорошевскаго 1681 года (слѣд. на разстояніи $1\frac{1}{2}$ столѣтія отъ времени реформаціи), да двѣ рукописи, по ученымъ отзывамаъ (Горскаго и Викторова), Пѣсня пѣсней и Псалтырь — проблемматически конца XVI вѣка. Сверхъ того, учительныя евангелія, образчикъ которыхъ мы имѣли въ рукописи Пражскаго Музея, авторомъ понимаются также, какъ произведенія, вызванныя тѣмъ-же реформаціоннымъ духомъ.

Но «новое» направленіе не выдержало себя, и при счетахъ съ условіями дѣйствительности, которая давно знала книжную, славянскую рѣчь, вынуждено было пойти на уступку. «Новые» писатели «спѣшили организовать литературную рѣчь», путемъ компромиса «создать нѣчто среднее между рѣчью славянскою и народною» (стр. 6), и этимъ «среднимъ» и былъ языкъ писателей XVII вѣка, воспитавшихся на Мелетіи, на его славянскомъ языкѣ «сближенномъ съ русскимъ» (26), «старавшихся усвоить этотъ языкъ» (26). Конечно, нѣсколько странно, что это «среднее» оказалось такъ сродно Синтагмѣ, не имѣвшей никакого дѣла съ протестантствомъ. Но еще страннѣе, что то-же «среднее» нашло даже своего лексикографа и уже въ эпоху Мелетіи. Этотъ лексикографъ — нашъ скромный Берында, старый львовскій типографщикъ, къ тому же румынъ родомъ, словарь котораго, въ глазахъ автора «Очерка», есть «сводъ матеріаловъ этой рѣчи» — т. е. результатъ языка соглашенія между «новыми» и старыми. Берындою и открывается собственно изслѣдованіе.

Безспорно, освѣщеніе эпохи и ея литературныхъ произведеній новое, оригинальное. Но теорія компромиса, хотя и обнаруживаетъ въ ея авторѣ большую долю искусства въ субъективныхъ построеніяхъ, нуждается въ болѣе солидныхъ устояхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ она зиждется.

На чемъ же покоится все зданіе старательно выведенной системы?

Вся смѣлая система новой «литературной исторіи малорусскаго нарѣчія» построена на чисто случайномъ совпаденіи труда досужаго саночкаго любителя народнаго языка, т. е. Пересоп-

ницкаго евангелія, и вѣка реформаціи, хвостомъ своимъ дѣйстви- тельно немного задѣвшею и географическую Литву (пропаганда Радзивиловъ). Между обоими совѣмъ разнородными явленіями авторъ усматриваетъ непосредственную, причинную связь.

Въ началѣ настоящихъ замѣтокъ мы говорили о литератур- номъ значеніи реформаціи въ этнографической Литвѣ. Здѣсь, въ той средѣ, гдѣ дотолѣ ни одинъ звукъ пароднаго языка не возвы- шался до книги, реформація произвела дѣйствительно реформу, ли- тературную революцію: явилась новал, небывалая литовская пись- менность, пожалуй, литература, но всегда съ сохраненіемъ харак- тера своего происхожденія и для цѣлей пропаганды «новыхъ идей».

Какой же протестантскій прозелитизмъ имѣется въ немно- гихъ памятникахъ «мовы»?.. Ровно никакого. Ни слѣда какихъ либо катехизисовъ на Югѣ, и увертюра мнимой исторіи «мовы» открывається совѣмъ православнымъ памятникомъ и на такомъ книжномъ языкѣ, который давно сформировался на мѣстѣ — напр. онъ въ пражской рукописи Шафарика — и изъ той же мѣстности. А между тѣмъ извѣстно каждому, кто занимался исторіей эпохи, XVI вѣкомъ, какой фанатизмъ и прозелитизмъ отличалъ испо- вѣдниковъ реформаціи, своими пуританскими дрязгами сгубив- шихъ свое дѣло — напр. въ Чехіи...

Но отъ характера содержанія памятниковъ «мовы» перей- демъ къ самой «мовѣ»: можетъ быть, въ ней найдется что-либо «реформаціонное»?

Изъ указанныхъ на первомъ мѣстѣ двухъ памятниковъ одинъ, Пересопницкое евангеліе, оказывается, имѣетъ право на значе- ніе памятника малорусскаго нарѣчія на-столько, на-сколько его языкъ, старая литературная славянская рѣчь, отвѣчаетъ «духу народной фонетики и фразеологіи», не болѣе; другой же, Хоро- шевское евангеліе, самъ авторъ извергаетъ изъ сонма вѣрныхъ, такъ какъ «въ немъ польскій текстъ почти дословно переданъ русскими буквами» (2). Очевидно, это произведеніе жалкая проба пера убогаго любителя писанія, не стоящая даже упоминанія на страницахъ серьезной исторіи.

Но съ точки опредѣленія языка Пересопницкаго евангелія самимъ авторомъ что же *новое* представляетъ оно? Развѣ это такъ-таки первый памятникъ Юга «въ духѣ народной фонетики и фразеологии»? Развѣ не того-же «духа» не только рукопись Пражскаго Музея, но и Каменецкій Прологъ Березки Поповича 1488 года? Трудно потому отъ Пересопницкаго евангелія вести начало того явленія, которое авторъ формулируетъ такъ: «народная рѣчь была допущена въ священныя книги» (2). Мы видѣли выше, что народная рѣчь давно-давно, но изпод-доволь, проторила себѣ дорогу и въ священныя, и въ несвященныя книги, а къ началу XVII столѣтія является въ позиціи господина литературнаго террена.

Но авторъ, въ утвержденіе своей теоріи о вызовѣ реформаціей народной рѣчи въ книгу, ссылается еще на малообсѣдованные памятники, на Пѣснь Пѣсней и Псалтырь въ «малорусскомъ переводѣ»: одинъ-де XVI вѣка, другой «конца XVI или начала XVII вѣка», по опредѣленію автора.

Самыхъ рукописей авторъ не изслѣдовалъ, поэтому мы лично можемъ нѣсколько помочь ему. Мы познакомились съ малорусскимъ «переводомъ» Псалтыри, въ послѣднюю нашу бытность въ Москвѣ, познакомились, чтобы еще разъ утвердиться въ мнѣніи о субъективности теоріи автора, теоріи «сознательнаго» якобы литературнаго употребленія малорусскаго нарѣчія въ цѣляхъ какихъ-то особенныхъ. Предъ нами былъ просто оригинальный трудъ, любопытное литературное произведеніе, но стилемъ своимъ прямо продолжающее языкъ Статута Литовскаго и аналогичскихъ памятниковъ, даже съ «русскимъ» предлогомъ «поддугъ», возбуждающимъ справедливую улыбку автора, и, можетъ быть, не отъ того времени, къ какому относить его авторъ, видоизмѣнивъ здѣсь мнѣніе своего руководителя, пок. Викторова. Близость къ Статуту! А между тѣмъ г. Житецкій такъ тщательно оберегаетъ себя отъ прикосновенія къ языку его, отъ его «бѣлорусскихъ» *ъ* = *е* мягкому, и *е* вм. *я* (♣), какъ нѣкогда іудей отъ самарянина и — съ тѣмъ же правомъ.

10.

Рукопись, полученная музеемъ въ 1868 году въ даръ отъ А. В. Богдановича, вкратцѣ описана покойнымъ Викторoвымъ въ «Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1867—69 годы», стр. 47. Изъ этого отзыва и черпаетъ авторъ «Очерка» своя свѣдѣнія.

Викторовъ говорилъ: «...Рукопись, писанная малороссійскою скорописью *половина* XVII в., въ 8. Помѣщенный въ ней переводъ Псалтыри отъ извѣстнаго польско-русскаго перевода той же книги (Рум. рук. № 335) совершенно отличенъ, и въ нашей ученой литературѣ, равно какъ и въ библиографіи, вовсе неизвѣстенъ. По изслѣдованіи, названная рукопись, безъ сомнѣнія, займетъ видное мѣсто въ кругу немногихъ (!) сохранившихся памятниковъ малороссійскаго нарѣчія XVI—XVII в.»¹⁾

Скорѣй въ 16, чѣмъ въ 8, на толстой сѣрой бумагѣ вѣка XVII, въ позднѣйшемъ переплетѣ, 165 листовъ, безъ начала и конца, скорописью половины или второй половины XVII столѣтія, разныхъ рукъ. На внутреннемъ листкѣ переплета изъ синей бумаги имѣется запись конца XVIII вѣка: «Древняя рукописная псалтырь. Принадлежащая къ библиотекѣ Андреяна Чепы. Приобщенная къ оной въ 1785-мъ году».

За принадлежность ко второй половинѣ XVII столѣтія могутъ говорить слѣдующія обстоятельства:

1) Въ согласіе съ требованіями Мелетія буква *ω* въ предлогѣ *о, обь* («*ω* направо»), знакъ ' равенъ *й* или вообще смягченіе; слово *Богъ* всегда съ прописной буквы.

2) Оригинальныя фигуры буквъ: *ь, ѣ, у*, какъ въ московской канцелярской скорописи XVII—XVIII вѣковъ. Укажемъ на реляціи Неплюева, отпуски, проекты гр. Остерманна въ

¹⁾ Послѣ точнаго опредѣленія времени — половина XVII в. — указаніе «XVI—XVII вѣка» относится не къ данной рукописи, а къ цѣлой коллекціи однородныхъ памятниковъ. Г. Житецкій продвинулъ рукопись нѣсколько назадъ не въ виду ли этого указанія?

Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Помимо этого, къ XVI или началу XVII вѣка переводъ не можетъ быть отнесенъ по своему составу. Какъ указано было Викторовымъ, впереди даннаго псалма идетъ его изложевіе, переведенное съ латинскаго (вульгаты). Въ концѣ же XVI столѣтія только возникали школы съ латинскимъ языкомъ. Слѣдовательно по составу время перевода, — половина XVII вѣка или позже. Въ самыхъ буквахъ есть латинскіе слѣды, именно прописныя латинскія буквы N, Z. Появленіе же Псалтыри въ положеніи на болѣе или менѣе народный языкъ *юзапада* (не юга, о чемъ ниже) можетъ быть объяснено и подражаніемъ недавнему польскому переводу Кохановскаго, который, какъ извѣстно, имѣлъ соблазняющее дѣйствіе даже въ самой Москвѣ XVII столѣтія.

Такъ какъ нашъ памятникъ малоизвѣстенъ, то не будетъ излишнимъ привести предварительно нѣсколько листовъ изъ него, изъ его главнаго почерка.

Листъ 32 а.

Щлабъ дѣдѣ н.

Молитвоу дѣдѣ чиниі за не
зачонныя грѣхи свои ѿ ко
торихъ вѣдѣ сповѣдѣется
Бгу. Z великою надѣєю
проси ѿставленія грѣхѣ.
Потѣ проси авы ему мѣ
дрѣти неѿнималъ пре^з ко
торю люде́ дорогъ вжи^х
зчилъ. Проси авы его зчи
ни волни ѿ запалчивѣти
для выслушанкя мѣтвы его
в сецѣ скрдшоннѣ и дхѣ по
кономъ. ѿ напраке цѣ
кви правдивого ерама

которіи естъ цѣковѣю кото
 рне шфѣри ему сѹ вѣдѣчны.
 б. Змилиу́си надѣбною Бже по
 длугъ великою милосѣдіа
 твоею, а подлугъ многиѣ
 щедрѣ твоихъ шчисти
 неправѣти мои. шмы же
 ма што на болше ѿ злѣти.
 моен, и ѿ грѣха моего шчи
 сти мене. Бо я знаю не
 правѣти мои и грѣхъ мо
 передѣбною еѣтъ завсегды.
 тогѣ еслии шдному согрѣ
 шѣи и допустѣи си есми
 злѣти перѣ товою. Ты
 во естѣ справѣливы к по
 вестѣ твоиѣ, и перепрешѣ
 еслии вы есь судити хотѣѣ.
 што есми зачѣ в злѣти
 и в грѣхѣ

(На слѣд. листѣ, 33 а, идетъ продолженіе псалма 55: «воюючиѣ». На то' часъ коли....». Продолженіе же псалма 50 слѣдуетъ на листѣ 40 а, б, и окончаніе опять возвращается на листъ 34 а. Очевидно, при переплетѣ листы были перепутаны).

Листъ 40 а.

и в грѣхоѣ родила ма ма́ка
 моя. што правдѣ ѣми
 локѣ, и невыповѣдѣны
 таѣниши мѣдрѣти твои
 шзна́млаѣ ми еси. Покро
 пишѣ ма шсопѣ а вѣдѣ
 шциционѣ. шмыѣ ма,
 а вѣдѣ на шнѣгъ вывелѣ

ѡзнáмѣ ми радостъ и весе
 лие и стѣшáса кóти мои
 пониженые. ѡбени лице
 твое ѡ грѣхѣ мои, а зглá
 вѣе неправды мои. сѣ
 це чѣто сотвори ко мнѣ
 Бже и дѣха правого ѡбнови
 во видѣтности мои. Не
 б. ѡбни мене ѡ лица твоего
 и дѣха твоего стого не ѡтб
 мѣ ѡ мене.. Приверни ми
 радостъ зваения твоего, а дѣ
 хѣ можнѣти твоен подо
 при мене. Набчу безакн
 ныи дорогѣ твоей, а незво
 ни до тебе сѣ навернѣ. ѡчи
 ни мене волнѣ ѡ кровѣ ѡ
 Бже Бже зваения моего, а
 языкъ мѣ з радостю будѣ
 выслакѣ справѣливо
 твою. Гдѣ ѡкори ѡсты
 мои, а ѡста мѣи будуть
 ѡпокрѣдѣ хвалу твою.
 Бо коли бы еси хотѣѣ ѡфѣ
 долѣ бытѣ теды, але сѣ
 не кохлешѣ в паленыи офѣ

Листъ 34 а.

рахѣ. ѡфѣра Бгу кдѣна
 еѣ дѣхѣ скрѣшонѣ, сѣца со
 крѣшоного и ѡнижоного Бже
 не гордѣ. ѡчини добре Гдѣ
 сишнови в добрѣ воли твое
 авы сѣ повѣдовали мѣри
 ердсалѣйские. на тѣ часѣ при

мешъ едѣчно ѡфѣри спра
вѣлиѣоти паленыи и цѣлѣе.
тогда накладѣт на шатѣ
теѡ телѣѡ. Шалѡ дѣдѡ на.

Припомнивъ славянскій текстъ покаяннаго псалма, мы сейчасъ увидимъ, что онъ-то и лежитъ въ основѣ перевода, точнѣе переложенія. Тамъ: какъ еще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ оубо; здѣсь: бо коли бы еси хотѣл ѡфер далъ быхъ тебѣ и пр.

Далѣе, одно бѣглое чтеніе для нѣскольکو опытнаго читателя, который припомнитъ черты «въ духѣ народной фонетики» южно-русскихъ памятниковъ XV—XVI столѣтій, у насъ выше осмотрѣнныхъ, достаточно, чтобы не ходить ему въ лѣсу и сейчасъ же найтись въ вопросѣ, что за языкъ Псалтыри Румянцовскаго музея, въ какую сторону склоняются его симпатіи? Онѣ идутъ, увѣ! въ сторону, не симпатичную для г. Житецкаго — западную, съ колоритною окраскою такихъ памятниковъ, какъ Статуть Литовскій, т. е. съ колоритнымъ *ъ—е*. Такимъ образомъ, Псалтырь половины XVII в. въ языкѣ своемъ не разрываетъ органической связи съ литературной стариною, прямо продолжаетъ литературный стиль того характера, которымъ отмѣчены памятники конца XVI вѣка, продолжаетъ въ эпоху уже новѣйшую, среди новыхъ литературныхъ условій для языка, созданныхъ Мелетіемъ и его продолжателями. Болѣе чѣмъ шаткій устой это для теоріи автора «Очерка»: Псалтырь нашъ прямо противъ него.

Обращаемся къ характеристикѣ языка.

ъ выражаетъ мягкое *е*: ѡфѣри = ѡфер, ѡ напраѣ, в ѡнѣе, ѡбелен, на ѡбѣне; изрѣдка *ъ = і*: ѡнѣте, заѡцитет, заѡчѣте пѣ'ню (75 а.), затрѣбѣте (75 а.).

о обыкновенно безъ измѣненія: *потомъ, болше', ѡт, покорномъ. о = і*: в серѣѣ *скрѣшонъ'* (если не полонизмъ, ибо сейчасъ далѣе — «покорномъ»).

Изрѣдка у ви. *о*: *мѡи. «рѣгатѣны и стрѣлы» (41 б.). Ср. въ грамотѣ Стефана Великаго 1471 г.: гакѣпана, т. е. укопано.*

ы вообще на мѣстѣ; но: *которы́, обѣри* и др.

Мѣстн. мн. -*охъ: в урѣхах* 40 а.

Неопр. накл. то *ти*, то *ть: хвалити*, но: *будетъ выславляатъ, шповѣдатъ*. Тоже въ Статутѣ Литовскомъ.

Условное составлено по тому же искусственному типуку, какъ въ памятникахъ XV, XVI в.: *если бы есь*.

Много книжныхъ элементовъ, особенно въ правописаніи, какъ и въ памятникахъ XVI вѣка: дат. мн. -*омъ*, твор. -*ы(и)*: *з во'ски нашими* 46 б; *Удалъ хрѣщом* 68 а; вспомог. глаголѣ: *есми, есть, суть*; 3 л. на -*т*: *будетъ, утѣшатся*; слова: *каждый, ма*.

Полонизмы. Въ правописаніи: *ы* послѣ *ц*: *цвоцы*; въ формахъ: *естесь*; въ словахъ: *подмуръ, теды, потлумилъ, слонце, оборонца* (съ приспособленіемъ къ русскому языку), *дѣдицтво*; въ оборотахъ: ты естѣ *Бюм моим* (33 б).

Особенно колоритная черта языка, это—свободное употребленіе *причастій* народнаго русскаго образованія, точь въ точь какъ въ Статутѣ Литовскомъ: *воюющихъ* 33 а. въ свѣтлости *живѣчихъ* 33 б. *голосъ закликающого* або чернокнижника 43 а. Благодаря Мелетію и его школѣ писателей, эти народныя формы смѣнились искусственными церковнославянскими, которыя мы употребляемъ и сегодня.

Такимъ образомъ, по нашему крайнему убѣжденію, г. Житецкій строилъ свою теорію о связи начала литературной исторіи малорусскаго нарѣчія съ «идеями реформаціи» на чисто субъективномъ пониманіи эпохи, на искусственномъ освѣщеніи литературныхъ фактовъ родной старины. Памятники якобы «сознательнаго употребленія малорусскаго нарѣчія», въ которыхъ авторъ ищетъ опоры для себя, говорятъ противъ, будучи въ языкѣ своемъ тѣсно связаны съ литературной стариной, никакого касательства съ «идеями реформаціи» не имѣющей.

Южнорусскія произведенія XVII столѣтія школы Мелетія не вырываются изъ общей картины долгой литературной жизни

малорусскаго нарѣчія; но, внесе стиль, съ опредѣленіемъ границъ славянскаго и роднаго элементовъ (*прибрежіе*, но *береги*), они составляютъ замѣчательный этапъ или моментъ въ исторіи сложнаго вопроса выработки нашего современнаго литературнаго языка.

Мы окончили съ литературной исторіософіей автора «Очерка», съ его общимъ введеніемъ, и переходимъ къ лингвистической части труда, основной части изслѣдованія, разбору анализа стиля, держась трехсоставнаго порядка изложенія самого автора.

11.

При встрѣчѣ двухъ простыхъ русскихъ людей сѣвера и юга, одна черта въ языкѣ одного и другаго возбуждаетъ взаимную улыбку: это мягкое *e*, напр. въ выраженіи «не несу», сѣверянина и твердое *e*, почти *э*, въ устахъ его южнаго собесѣдника. Пользуясь польскою графикой, мы одно произношеніе передали бы такъ: «nie niesu», другое— «ne nesu».

Улыбка, вызываемая произношеніемъ гласнаго *e* на лицѣ одного и другаго, отмѣчаетъ въ сознаніи простаго человѣка одну изъ самыхъ колоритныхъ чертъ различія обоихъ русскихъ нарѣчій, рѣзкую разницу въ живой рѣчи сѣвера и юга, знакъ, что эта черта живетъ отъ давняго времени. Но какъ давно эта отмѣтка?

Вопросъ интересный, а для г. Житецкаго въ особенности. Ибо имъ опредѣляется, почему южные писатели знали одно *e*, справедливо уравнивая его церк.-славянскому *ѣ*, почему учитель ихъ, Мелетій, закрѣпилъ правило: что *ѣ* (= великорусскому *e*) «выиѣшними писцы оставися», какъ ото осталось за барьеромъ и въ современномъ нашемъ правописаніи.

Намъ думается, что эта черта различія, это кардинальное несходство живой русской рѣчи сѣвера и юга, идетъ дѣйствительно съ-издавна, на примѣръ, отъ первыхъ памятниковъ русской письменности. Но авторъ не далъ себѣ труда заново обстоятельно разсмотрѣть этотъ живой вопросъ и, сдѣлавши не совѣтъ лов-

кое опредѣленіе великорус. *e*, приписавъ ему силу «смягченія предшествующаго согласнаго», вмѣсто того чтобы видѣть на немъ самомъ смягчающее дѣйствіе согласнаго на-лѣво, ограничивается совѣмъ недостаточною ссылкой, тогда какъ здѣсь вполнѣ былъ бы кстати любимый приѣмъ—экскурсія въ сторону. Позволяемъ себѣ привести нѣсколько данныхъ для соображенія.

Остромирово евангеліе. Функція кавыки, глядящей влѣво, полукружка вверхъ, точки или запятой въ памятникѣ ясна: эти надстрочные знаки были дополнительнымъ шрифтомъ для Григорія при обозначеніи мягкаго выговора: *нѣмь*, *воѣ* и пр. Тоже явленіе и въ одновременныхъ памятникахъ, напр. въ Изборникѣ 1073 годѣ. *ниго* = *него* = *него*. Въ соображеніе этого приѣма мы правописаніе Григорія погъвнѣтъ 8. б (при погъвнѣтъ 12 б. того же евангельскаго текста) должны прочесть: погъвнѣтъ, т. е. здѣсь модальное *ѣ* съ значеніемъ *je*, какъ въ нынѣшнемъ великорусскомъ.

Также ясно отмѣчено мѣстное *je* въ отрицаніи *не*: *нѣже* 43 б.

Не обозначено, но написанное *ѣ* въ произношеніи Григорія звучало *je*: *исаѣнѣтъ* 144 а. Ибо, если полукругъ означаетъ здѣсь мягкость *k*, то это возможно при послѣдующемъ небномъ *n*, слѣдов. *ѣ* = *je*. Если, затѣмъ, принять во вниманіе случаи, гдѣ *ѣ* стоитъ вмѣсто необходимаго *к* или *ѣ*, а оно здѣсь выдаетъ выговоръ *ища*: *разоумѣете* 277 б. въ *ерданѣ* 259 б.;

въ *никмъ несть* 26 б. *самарѣнѣхъ*. *предана* 263 а;

то мы можемъ констатировать, что современное великорусское *ѣ* достаточно представлено на страницахъ рукописи Григорія. Вѣроятно, Григорій большею частью читалъ свое *ѣ* какъ *je*, но не отмѣчалъ, какъ поступаемъ и мы.

Слова Григорія Двоеслова (примѣры изъ изслѣдованія памятника проф. Будиловича):

к вм. *ѣ*(*ѣ*): *вкликнѣхъ*. *нашкѣмъ*. *оутверждѣномъ*. *ограждѣномъ*;

ѣ вм. *ѣ*: *аньгѣльскѣмъ*. *дѣнь*. *лѣгальница*.
нѣльзѣ. *рѣкж*

Новгородская Миня 1095 г. (по академическому изданію):

к в. м. е: камики 21. вескиса 70. приложниі
92. браконискоусьнаи 178; ср. ві-
словесной 18.

е в. м. к: немь (часто). кландемъ 120.

ѣ в. м. е: с нвѣъ 20. истевѣ 89. първѣнць
103, 158. нѣтълѣннѣи 136. нѣ
нѣсъка 217.

е в. м. ѣ: къ тебе 95.

Такимъ образомъ, существованіе современнаго великорусскаго произношенія *e* дается XI столѣтіемъ. Но въ памятникахъ юга число примѣровъ *e* = *je* меньше.

Въ приводимыхъ примѣрахъ у автора мы должны сдѣлать сокращеніе. Ибо, какъета слово иностранное; скмъ, вскую нерѣшающаго характера, такъ какъ темы *ja*, отчего даже въ чешскомъ языкѣ и сегодня живетъ память объ этомъ въ мѣнѣ *š* на *š* (*všeho*). У малорусовъ и сегодня: *весь* — *уся*. Остается одинокій примѣръ Изборника 1073 года: оумножитк и твк изъ XIV вѣка. Эту скудость мы нѣсколько восполняемъ изъ своихъ матеріаловъ:

Изборникъ 1073 года (первые листы):

нк дързѣ 10 б. нѣльзѣ 14 б.

Изборникъ 1076 года:

къ темъ 27. лечецъ 105;

лѣжюште 438. заповѣдѣмъ гнамъ 345.

Галицкіе листки и отрывки (см. въ началѣ у насъ):

еуангѣлѣе, нѣвоздер... («Отчетъ», I, стр. 4); нѣчъ-
стивомъ (т. же, 7); нѣимѣнъа (дважды); нѣзриши
(т. же, 9, 10).

Пандекты 1307 г.

к в. м. е: оустаникъ 72 а.

ѣ в. м. е: нашѣи лаврѣ 3 а. вѣльми 4 а.

на сѣмъ свѣтѣ 41 б. (если ѣ не і). покешѣнъ 50 а.

кфрѣмовъ. 159 а. (ср. кфрѣмови т. же). гѣвноу
 168 б. скервѣхъ 197 б. (ср. скорвѣхъ 204 б).
 е вм. ѣ: телесомъ 3 б. повешѣнъ 50 а. ксте и
 пакте 82 а.

Пандекты — памятникъ Галицкой Руси и своими частыми примѣрами выговора *е* какъ *је* вполне гармонируютъ съ своими предшественниками. Эта группа памятниковъ своимъ «великорусскимъ» *е* удивлять насъ не можетъ; напротивъ, эта черта въ нихъ законна, такъ какъ именно изъ области распространенія малорусскаго племени въ одной Галиціи и сегодня *е* произносится мягко (выражаясь обычной терминологіей), по сѣверному, въ извѣстныхъ говорахъ, т. е. сохраняется глубочайшая старина, столь прекрасно иллюстрируемая литовскимъ языкомъ.

Если же принять въ вниманіе, что исконное великорусское *е* встрѣчаетъ въ то же время горячую симпатію къ себѣ въ языкахъ польскомъ, сербо-лужицкихъ и въ исчезнувшихъ нарѣчійхъ полабо-балтійскихъ, при чемъ всѣ эти языки расположены въ одной сѣверной широтѣ и образуютъ одну непрерывающуюся географическую цѣпь, аналогическое-же малорусское *е* находитъ не менѣе сильную поддержку со стороны еще болѣе крупной фаланги языковъ: южно-славянскихъ, чешскаго и церковно-славянскаго, расположенныхъ также въ географическомъ общеніи и представляющихъ вторую, болѣе крупную, сплошную цѣпь: то дозвоительно предположить, что малорусское нарѣчіе и въ эпоху первой письменности уже рѣзко отличалось отъ своего сѣвернаго собрата потерей мягкаго *е*; лишь слабыми отзвуками переживалась въ немъ былая старина, помимо горныхъ говоровъ Галиціи, къ которымъ примыкаетъ ближайшее географически словацкое нарѣчіе, дивергентное въ своей чешской семьѣ именно по этому вопросу.

Можетъ быть, различная судьба *е* въ цѣпи сѣверной и южной имѣетъ значеніе для вопроса о доисторическомъ распространеніи славянъ въ Европѣ.

Въ виду сказаннаго мы полагаемъ, что мягкій выговоръ согласныхъ, столь развитый на сѣверѣ, былъ уже давно на югѣ сильно сѣуженъ, но еще болѣе сѣужился «по мѣрѣ смѣшенія основнаго и съ основнымъ ѡ» (58). Возвратъ-же къ старинѣ начался съ объявленія мѣны о, е въ і долгое, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ. Но мы не можемъ согласиться, что твердость *гортанныхъ* «составляетъ господствующую черту малорусскаго нарѣчія». Мягкость гортанныхъ не исключена исконною «переходностью», удержавшеюся во флексіяхъ (*мачоси*): она и сегодня, какъ въ старину, а по автору, гортанныя не соединяются съ мягкими гласными (59). Развѣ к не звучитъ мягко въ «миленькій» (*Жеота*, Пѣсни, II, 43 и др.)? Но еще любопытнѣе «непереходность» гортанныхъ въ памятникахъ старины:

Изборн. 1073, въ иностран. словахъ: лоукинъ іпископъ ллодники 263 а.

Изборн. 1076: вѣки 37. 123. въ воури ли морьскѣи 27. въ доворотѣ во женьскѣи 349.

Житіе Θεодосія: чьрньчскѣмъ житиѣ 16, 8.

Пандекты 1307: паки 21 б. 251 б. въ кихъ люво 76 а. мѣкимъ оученикомъ 151 а. мирьскѣи (им. ед.) 227 а.

книги 72 а. къниги 263 а.

многи во погосѣи 86 а. небрегѣи 94 б.

въ хижѣ затворьсѣи 195 а.

Иностранныя слова: пистакокѣменъ 114 а. гѣеоноръ 168 б.

Въ памятникахъ Сѣвера, чрезвычайно чуткаго къ мягкости согласныхъ, «описокъ» больше. Онѣ отмѣчены у специальныхъ изслѣдователей. Отмѣтимъ только совсѣмъ ирраціональные примѣры Остромирова евангелія: ногѣма 154 б. и авѣрка 232 б.

Если же одновременно съ этими свидѣтелями мягкости гортанныхъ памятники, какъ Сѣвера, такъ и Юга, представляютъ вообще систему *несоединенія* гортанныхъ съ мягкими (*Кълкеъ*, *хъжа*), то мы затрудняемся видѣть здѣсь указатель языка; здѣсь просто утвердившійся въ книжномъ употребленіи ригоризмъ чужой школы старославянскихъ оригиналовъ.

Что же касается «переходности» гортанныхъ въ склоненіи, то замѣтимъ, что это явленіе рѣшающаго значенія въ общемъ вопросѣ имѣть не можетъ: ибо его знаетъ какъ отвергшій мягкость гортанныхъ языкъ чешскій (*noze*), такъ и свято соблюдашій старину — польскій (*noze*).

Но, понятно, южные писатели XVII вѣка охотно должны были удерживать церковно-слав. формы типа *кнѣзь*, такъ какъ тутъ поддержка была въ родномъ языкѣ, помимо всякой грамматики. Еще сильнѣе этотъ архаизмъ въ Статутѣ Литовскомъ, въ его *8 дорозе, слѣзъ, доче*.

Какъ третью звуковую черту, общую у малорусскаго нарѣчія съ церковно-слав. языкомъ, авторъ видитъ въ возраженіи малорусскаго нарѣчія противъ физиологическаго закона мѣны непркрытыхъ согласныхъ: *скарб*, а не *скарп* и пр.

Но дѣйствительно ли здѣсь пропасть между Югомъ и Сѣвромъ, какъ этого требуетъ авторъ (60)?

Мы сомнѣваемся въ ея существованіи и не сомнѣваемся, что чуткое ухо малорусскаго Караджича (если бы онъ былъ) не услышало бы ни *вребти*, ни *дид*, а было бы записано: *вребти*, *дит*. Общій законъ не можетъ сдѣлать исключенія для Юга. Конечно, мнѣ могутъ указать на французскій языкъ, на его *sage*, *éponge*: но только долгая школа, т. е. путемъ искусственнымъ, могла приучить языкъ нарушать общій законъ и выговору придать напряженный характеръ. Но и нѣмое *e* не безъ поддержки, при пѣніи.

Въ самыхъ памятникахъ старины находится нѣкоторое подтвержденіе нашей мысли о сомнительности исключительнаго положенія малорусскаго нарѣчія среди всѣхъ братьевъ, — чего «ни въ одномъ славянскомъ нарѣчій» (60), то у насъ...

Изборн. 1076: ни черсъ д̄ дни постиса ни черсъ... ē... ни черсъ д̄нь 473.

Пандекты 1307: то-же слово — чрѣсъ волю 23 а. Далѣе оусхотѣвати 9 а. ищрѣва 12 а. исьтрѣзвилъ 116 б. вєскоудни 3 а, и пр. Для сохранности же медіальнаго согласнаго является

гласный *o*: *везо вьрѣмене* 86 а. *надо всѣми* 88 б. *нзо много* 92 а.

Нарѣчіе Юга предъявляетъ нѣкоторую французскую виртуозность предъ своимъ собратомъ Сѣвера въ сочетаніи несочетаемаго, но не въ концѣ. Такъ малорось говоритъ *дожч* (но очень близко къ *дошч*), *бчела* (т. е. медіальный и *tepuis*), хотя въ Галиціи обыкновенно *бджола*. Указанія этого найдемъ и въ памятникахъ. Такъ *Пандекты* 1307:

вчелы 19 а. рон вчелинъ 183 б.

въжчизактъ похоть 45 б. (но: раждизактъ 66 б.).

поскрегчетъ 58 б. отаггѣхомъ 70 б.

въжчеланте прмдрѣти 166 б.

Формы: *гловъше* 93 а. *тажъчѣи* и др., нерѣшающаго характера, ибо опора могла быть въ *ь*, относительно котораго ср.: *тоу вюдетъ пѣлаче* и *скръжетъ* 98 б.

Да и самъ церковно-славянскій языкъ, не смотря на всю консервативность своего правописанія (въ виду зависимости мѣны *ъ*, *ь* на *о*, *е* отъ характера конца—медіальные концы были безъ прикрытія) прекрасно зналъ ассимиляцію: *ицадик* и пр. Это консервативное правописаніе глубокой старины чрезъ писателей XVII в. школы Мелетія вошло какъ законный ингредиентъ и въ нашъ современный языкъ, какъ требованіе образованнаго письма. Мы знаемъ, кто пишетъ—«*фхоть*». Что же касается до якобы фонетизма въ правописаніи тѣхъ писателей: *тридцяти*, *наидорожшихъ*, то здѣсь мы видимъ вліянія: этимологіи и польское (ср. *wyższy*). Извѣстно, что польское правописаніе въ сохранности старины, ея стили, идетъ далѣе нашего (*а*, а читай *оп*); слѣдов. оно только могло помогать блюсти преданіе старины, этимологической принципъ.

Относительно «чередованія согласныхъ и гласныхъ».—явленія, которые мы бы назвали музыкальнымъ ритмомъ (имъ заключается первый обзоръ), мы замѣтимъ: 1) трудно въ этой области особенно связывать малорусское нарѣчіе съ церковно-

славянскимъ языкомъ, въ которомъ, если глухо читать рѣпѣть, мѣдальнѣ, музыкальности было меньше чѣмъ мало; 2) это явленіе наблюдается не только на Югѣ и сближаетъ малорусское нарѣчіе не съ однимъ сербскимъ языкомъ (ср. 61).

И въ великорусскомъ нарѣчій имѣемъ: *о-ржаной*, *о-корокъ*; есть и согласныя приставки *h, j*, особенно же—*в* ¹⁾. Къ примѣрамъ, что у автора, прибавимъ одинъ — изъ Пандектъ 1307:

возкѣселитса о || вовцахъ 277 б. Въ виду этого, можетъ быть, и «въ вчахъ» въ выраженіи: иже ходиша въ вчахъ и козьяхъ кожахъ 40 а. надо читать: въ вовцахъ. Ср. въ Статутѣ Литовскомъ: 8 вочы и заучне 89.

Но спорить не будемъ, что великорусская рѣчь отмѣчена меньшею текучестью, вслѣдствіе, такъ сказать, своей практичности, своего быстрого, какъ бы дорожащаго каждой секундой, выговора. Отсюда и *лобъ*—*лба*, а не *лоба*; *ровъ*—*рва*, а не *рова*. Въ Изборн. 1076 г.: въ ровъ 297. въ ровѣ 264. Но въ Пандектахъ 1307: растергъ оуста лова 150 б.

Въ народной пѣсни удвоеніе предлога *у* — *во* совсѣмъ ясно, какъ требованіе музыкальнаго ритма. Такъ одинъ стихъ:

Та вдарылы з разу в дзвоны *у во осу*;

но черезъ двѣ строки:

Задзвоньлы *у осу* дзвоны по тым чумаку ²⁾. Съ мѣстоименіемъ *весь* предлогъ *у*—*в* сливается въ одно слово, но не безъ аналогіи женской формы — *уся*. Въ «Метрикѣ» 1687 Львов. епископа Шумлянскаго: «презь оувесь день». Вспомнимъ и молдавскую грамоту 1471 года.

Чередованіе *вз* и *у* составляетъ такую колоритную черту

¹⁾ Въ виду всеобщности губнаго придыханія не можемъ принять новой теории, по которой начальное *в* въ великорусскомъ напр. словѣ *всѣмъ* есть собственно предлогъ *в*, который сначала сросся съ своимъ словомъ въ косвенныхъ падежахъ, а потомъ прошелъ и въ именительный: «былъ вынуть новый именительный» съ *в*. («Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» акад. Ягича, 68—69). Въ московскихъ грамотахъ первый примѣръ съ *в* отъ 1389 г. Но на Югѣ мы находимъ *в* въ Пандектахъ 1307 года — откуда, *minimus*, должно вести свою форму малорусское *вима* (овца).

²⁾ *Żegota*, «Pieśni ludu ruskiego», II, 87, 40.

малорусскаго нарѣчія, что въ ровню ему не можетъ ити ни одинъ собрать, менѣе же всего языкъ церковно-славянскій. Но она и въ памятникахъ старины также ярка. О ней въ Пандектахъ 1307 г. мы говорили выше. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ оттуда:

оу ви. въ:

Посль гласныхъ:

оуз: неоуздатти 8 б. о оуздержаньи 22 б. оузда оустажующи 23 а. на оузатык 30 б. на оусточнѣи горѣ 45 б. оуностаного оузраста 55 б. оускѣю прискервна кси... и въскоую سموуцакши ма 68 б. оузлюбленин оуспранѣмъ 80 а. во оузмоуцѣнѣк 129 а.

оу: вѣра оумѣнитѣса оу правдоу 10 б. нди оу миръ 10 а. вѣроунте оу ва и въ ма 12 а. оу врѣгы и оу пропасти 28 б. яко оупадоша моухы оу постагъ паоучь 49 б. оумреши оу везгодык 101 б. оулоучити оу домъ 104 а. подкизантесл оунити 181 б.

Посль согласныхъ:

оуз: привытѣкомъ оузъвращактъ 20 б. шзыкъ ихъ оузнесеса 90 а.

оу: оу срамъ оупадактъ 86 б. ни ходихъ оу великыхъ ни оу дивныхъ паче мене 115 а. оу радъ оуводитъ 118 а. оу скорбехъ оу вѣдахъ оу тоугахъ 204 б.

Отдѣльные случаи: оудовница 57 а, -ци 27 а. коустафью, -ые 1 б, 2 а. ноуанъ 11 б. 34 б. 42 а. паоуль 15 а. 44 б.—ла 82 а.

в ви. оу:

въ предлогѣ оу: совѣпражняющихъ са 60 б. не етантѣса 62 б. вѣнчынѣк 72 а. аще оубо вѣнчынѣкма 202 б. ничсо же емоу въспѣ 100 б. двокго прошу рѣ воу въ тебе 107 а. чавкоу вѣгажающе 109 б. писма во вѣмерьщевактъ 117 б. иже та вѣдаритъ 128 а. праведника оубо вѣви 167 б. оубо вѣмилѣнѣкма 197 б.

Отдѣльныя слова:

кор. оук: повѣчѣнья 4 а. 51 б. повѣчатиса 43 б. навченъ 118 а. ко вчнкомъ 82 б. и др.

кор. жз: колъ възъка врата 181 = колъ оузка врата 215 а.

Но писатели XVII стол., какъ люди школы Мелетія, держались преимущественно этимологій, и потому въ пользу народнаго приѣма дѣлали изрѣдка исключенія, утверждая общерусское преданіе, унаслѣдованное отъ нихъ и нами.

Переходимъ къ разбору *морфологическихъ архаизмовъ*.

Флексія *ове* лишь изрѣдка въ языкѣ XVII стол., уступка преданію. Ибо въ народномъ языкѣ флексія эта только спорадически, напр. въ Галиціи. Правда, присутствіе ея можно допустить въ словахъ типа *жидовъ*; но это образованіе и въ великорусскомъ. Вообще русскія нарѣчія тутъ рѣзко отличаются отъ чешскаго, польскаго, сербскаго языковъ. Извѣстно, что чехъ употребляетъ *овѣ* и при неодушевленныхъ, чтобы только избѣжать немусыкальной мѣны гортаннаго въ свистящій.

Сомнѣваемся и въ архаизмъ другаго образованія — *мниси*. Это просто церковно-слав. форма. Взятая же въ подкрѣпленіе галицкая якобы форма — *слузи*, изъ сочиненія г. Огоновскаго, просто чудовищна, а авторъ въ ней слышитъ отголосокъ старины.

Иное дѣло флексія дат. ед. — *ови*: она такъ народна въ живой рѣчи, не чужда и старины, что совершенно понятна симпатія къ ней въ XVII вѣкѣ. Любятъ ее и чехъ. Съ точки зрѣнія сухой грамматики это — смѣшеніе темъ: на дѣлѣ это результатъ борьбы въ сознаніи народа нѣсколькихъ однофункціонныхъ формъ. Но въ интересахъ педагогическихъ можно удержать и терминъ «смѣшеніе».

Въ Изборн. 1076 г.: конєви, олтарєви 376. Въ Пандектахъ 1307: маръкови.—ѣрєи 6 б. дроугєви 158 б. кѣрємови 159 а. мирєви 160 а. Въ памятникахъ типа Статута Литовскаго флексія *ови* — общее явленіе.

Но на Сѣверѣ, гдѣ флексія *оми* въ народной стихіи не находила ни малѣйшей поддержки, гдѣ все униформировалось, любимый приѣмъ южныхъ писателей пройти не могъ, не смотря на живѣйшее сочувствіе въ церковной службѣ, и онъ отпалъ.

Въ формѣ *землі* (63) мы не видимъ «архаизма», а случайное совпаденіе съ флексіей ц.-слав. языка, послѣ того какъ $\text{ъ}=\text{і}$. Не согласны съ авторомъ въ пониманіи дат. мн. *паномъ*, что это отголосокъ старины, въ виду говора Галиціи. Но на сколько въ Галиціи эта форма чиста отъ польскаго вліянія, еще очень вопросъ. Въ Статутѣ: *кѹ* долгомъ пришлоъ, обчимъ людемь. Но и здѣсь или книжный архаизмъ, или польское вліяніе. Также мало искомый старины мы видимъ и въ вин. мн. *сими*. Ибо, въ народной рѣчи, пѣснѣ, это уступка ритму, какъ напримѣръ и у Пушкина *сымы*—им. мн.; у Галытовскаго или аттракція или излишняя манерность.

Но образованіе зват. п., согласное съ ц.-слав. языкомъ, какъ сегодня, такъ и въ XVII стол., есть безспорный архаизмъ малорускаго нарѣчія; только необходимо вычеркнуть изъ списка зват. темы *і*: эта форма явилась подъ диктовку Мелетія. Судьба этой формы въ дальнѣйшей судьбѣ литературнаго языка та-же, что и дат.-*оми*: чуждая Сѣверу, не смотря на поддержку въ церкви, она зачахла, за исключеніемъ книжныхъ оборотовъ (Боже мой) или просто малорусизмы—у Гоголя.

Оносительно формы твор. ед. ж. хотя и вѣрно замѣчено, что Югъ различается отъ Сѣвера сохранностью полной формы *оу*, *ою*, (*оу*, *ою*), но не указано, что это явленіе вызвано музыкальнымъ интересомъ. Если возможно сокращеніе конца *иу* въ *іу*: «Тогда гуляй пане до *самый* півночи» (*Żegota*, II, 81), то слѣдов. въ этомъ пунктѣ нѣтъ принципиальной розни между Сѣверомъ и Югомъ.

Во множественномъ числѣ сомнѣваемся въ народности «архаической» формы твор. — *береги* въ Галиціи: стихи не опредѣлитель языка. Въ Статутѣ Литовскомъ мы имѣемъ и этотъ «архаизмъ»: *сз паны*, *станы*, при ordinarily формѣ на-*ами*, *ми*. Здѣсь ско-

рѣй всего вліяніе книги, старины, такъ что этотъ архаизмъ нельзя равнять съ дѣйствительною архаической формой Сѣвера: съ *товарищи*. Для стиля-же писателей XVII вѣка, державшагося здѣсь нѣсколько свободнаго ученія Мелетія, отиѣтимъ изъ Пандектъ 1307 г. примѣры: своими даръми 74 б. съ могочтми тицатиса 98 б.

Раздѣляя вполне мнѣніе проф. Потемни, но не автора, о характерѣ *і* въ пред. пад. (а это *і* и сегодня, и въ языкѣ XVII в.), полагаемъ вмѣстѣ съ г. Житецкимъ, что дивергентная флексія *охъ* (предл. множ.) есть національное достояніе Юга = ц.-слав. ѣхъ, охъ (темы оу); если же она особенно жива въ Галиціи, то не безъ поддержки, не столько польскаго, сколько словацкаго языка. Здѣсь *охъ* прошло даже въ род. мн.¹⁾ Сила этой формы такова, что подъ нее прилаживаются и имена темы *і*: *мысль*. Но форма *ехъ* (сынех) не народна въ Галиціи. Но она съ симпатіями у писателей XVII вѣка потому, что держались Мелетія, который подвергъ удаленію форму *охъ*, форму *исторически народную*. Ибо:

Пандекты 1307: прѣстаети снохъ 194 б. (мѣстный всегда съ глаголами; снабженными предл. *при*: приложить животѣ 24 а. прилпе кость моя плати моки 24 а. постомъ взѣ присвонтиса 24 б. и др.). въ чинохъ 278 б.

Массы примѣровъ въ Статутѣ, съ крайней пестротой формъ: *охъ*, *ехъ*, *ахъ*, съ преобладаніемъ первой: *на езохъ* 38. *в местечкохъ* 39. *на замкохъ* 48. *на ночлегохъ* 62. *в постѣпкохъ* 70. *на сѣмикохъ* 74. *на тыхъ рокохъ* 127. и др.

Какъ рѣдкую въ «занадбаломъ» слав. языкѣ, Мелетій форму *охъ* устранилъ; за нимъ его школа, а потому и мы позже съ ней дѣла имѣть не могли.

Великорусское «волузяхъ» есть архаизмъ, но не потому, что здѣсь *я* = *ъ*: форма *лузъхъ*, т. е. *лузѣхъ* увлечена была ординарною флексіей *ахъ*; но мягкость *з* сохранилась, отсюда *язъ*.

¹⁾ Ср. нашъ «Отчетъ» III, стр. 47, 49. О силѣ словацкаго вліянія на языкъ русскій въ Карпатахъ, см. тамъ-же, 49.

Обзоръ заключается указаніемъ архаическаго приема въ словообразованіи при помощи суффикса *ят* (ѣт), который дѣйстви-тельно развитъ въ малорусскомъ нарѣчій до виртуозности, при-мѣняясь даже къ предметамъ, тогда какъ на Сѣверѣ онъ въ со-стояніи переживанія, болѣе и болѣе забываясь¹⁾. Понятно, писа-тели XVII вѣка свободно пользовались этимъ суффиксомъ и тѣмъ сохранили жизнь его и въ современномъ книжномъ языкѣ — въ нѣкоторой степени. Въ Пандектахъ 1307 г. отмѣтимъ лисата 129 а. Только у автора рѣчь о суффиксѣ *ят* непонятнымъ обра-зомъ вплетается въ хвостъ замѣчаній о двойств. числѣ (67).

Въ формахъ *лагола* (68—72) нарѣчіе Юга, какъ и Сѣвера, значительно отступило отъ церковно-слав. старины, сохранивъ отъ благаго времени немного.

Неопредѣл. накл. пользуется суффиксами *ти* и *ть*; въ сти-хахъ, въ пѣснѣ для размѣра то одинъ, то другой. Но все-таки *ти* національнѣе, чѣмъ на Сѣверѣ, ибо постоянно и въ простой рѣчи. Если у писателей XVII в. господствуетъ суффиксъ *ти*, то въ этомъ приемѣ мы видимъ прежде всего вліяніе ученія Ме-легія. Они достигли здѣсь того, что водворили однообразный стиль на мѣсто свободной пестроты, какая въ Статутѣ, гдѣ то *ти*, то *ть*, какъ въ чешскомъ языкѣ. Но въ стихахъ Статута — *ти*, для важности удержана церковно-слав. форма: «Долъжыню и шырокость шнуромъ *позначити*, И челоуѣка можемъ *познати* по твары». Этотъ архаическій приемъ XVII вѣка прошолъ и въ нашъ литературный языкъ XVIII вѣка, но не удержался, развѣ въ церковномъ собесѣдованіи, не найдя поддержки въ народной стихіи Сѣвера: его типичную форму *ть* знаетъ уже старѣйшій представитель его, Остромирово евангеліе, своимъ напѣлнитъ 213 а; затѣмъ Миней 1095 года: проситъ 183. Прибавимъ, что въ виду объекта въ винит. пад. и въ виду слабой интензивности

¹⁾ Гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе. Въ «Лѣсахъ» Мельникова, III, 56 встрѣчаемъ: «что коровѣ *теля*, что свиньѣ *порося*, что отцу съ матерью рождено дитя — все *едино*». Послѣднее слово соблазняетъ думать — не вліяніе ли здѣсь въ языкѣ раскольниковъ книжнаго языка церкви? . . .

глагола мы думаемъ, что и Пандекты 1307 года могутъ предложить одинъ примѣръ неопред. на *тѣ*: *нѣ довро вѣзати хлѣба чадомъ и поверѣци псомъ 156 б., т. е. вѣзати*. Супинъ здѣсь не у мѣста. Эта форма, столь живучая въ чешскомъ языкѣ, но съ потерю своей функціи, въ обоихъ русскихъ нарѣчіяхъ вымерла болѣе или менѣе одновременно, около XV вѣка ¹⁾. Въ Пандектахъ 1307 г. еще имѣются слѣды супина: *вѣсташа играти 19 а. призвати праведникъ 75 б. прииду соврати дѣла и словеса 136 а.*

Вполнѣ понятно, далѣе, что для языка XVII стол. формы архаическаго спряженія на *мѣ* были столько-же церковными, сколько и родными, такъ какъ эта старина живетъ въ народной рѣчи и сегодня. Но гдѣ нашелъ авторъ болѣе чѣмъ слабую «поддержку въ живой рѣчи» употребленія аориста?

Прежде всего мы не понимаемъ, почему формы въ языкѣ XVII в.: *слышалисьмо, естехмы* аористы? Русская «мова» творила всѣ подобныя формы подъ диктовку польскаго языка съ примѣсомъ мудрованья — *x* в. *с*, при сознаніи о символѣ прошедшихъ временъ *x* въ церковномъ языкѣ, какъ творилъ ихъ раньше, но проще, языкъ Статута Литовскаго.

Поддержку въ объясненіе мнимаго аориста авторъ находитъ въ говорѣ гупуловъ. Но если и допустить это, то только для глагола вспомогательнаго (*бих, бисте*) и въ образованіи условнаго (а таковъ типъ условнаго вездѣ): слѣдовательно, гдѣ же эти «остатки» аориста? Кромѣ того, форма *бымъ* чаще слышна, чѣмъ *бих*, а это и наводитъ насъ на настоящій слѣдъ. Исслѣдователь русскихъ говоровъ въ Карпатахъ всегда долженъ не упускать изъ виду одного — долгаго сожителства русскихъ людей тамъ съ поляками, разсыпанными всюду, а по югозападной границѣ — съ словаками, и сильнаго вліянія отсюда. Вѣдь извѣстно, что даже система польскаго ударенія цѣликомъ усвоена лемками, забывшими родное удареніе безъ остатка. Вообще, этническія отношенія въ Карпатахъ крайне путанныя; но вѣрно, что польскій элементъ

¹⁾ Ср. нашъ мемуаръ: «Какъ долго жилъ нашъ русскій супинъ?» въ «Филологич. Запискахъ» 1872 г.

также живеть на счетъ русскаго у себя, такъ словацкій у себя. Польское населеніе равнины отъ горъ къ Вислѣ — ополяченные русскіе; но эта регенерація идетъ далѣе по направленію къ востоку. Словомъ, мы склонны видѣть польское вліяніе тамъ, гдѣ раньше и сами видѣли старину ¹⁾.

Какъ сегодня, такъ и въ XVII вѣкѣ, уже не было прошедшихъ съ *x*. Самъ авторъ указываетъ, что Галятовскій, этотъ «лучшій стилистъ своего времени» (стр. 141), «одинъ изъ популярнѣйшихъ малорусскихъ писателей XVII в.» (стр. 26), употреблялъ сигматическія формы только въ текстахъ Свящ. Писанія (67, ср. 141), какъ поступаемъ и мы; всегда же — наше простое прошедшее на *лз* и безъ вспомогательнаго глагола.

Въ самомъ дѣлѣ, обязателенъ ли вспомогательный глаголъ, или онъ только допустимъ?

Авторъ базируетъ на думахъ и отвѣчаетъ положительно. Мы жена тотъ-же вопросъ можемъ отвѣчать скорѣе отрицательно, съ одною уступкой, что, помимо пѣсеннаго ритма, вспомогательный глаголъ не рѣжетъ еще уха на Югѣ, а потому терпимъ, не больше. Не довѣряя личному опыту, мы совѣщались по этому вопросу съ свѣдущими людьми изъ Подолья, Украины. Вотъ что намъ пишетъ любезный коллега А. Л. Боровиковскій, авторъ милаго этюда: «Женская доля по малорусскимъ пѣснямъ». (Спб. 1879) и извѣстный поэтъ:

«Вчера я сказалъ вамъ, что *еси* въ малорусскомъ языкѣ вообще малоупотребительно, а что при глаголѣ *прошедшаго* времени абсолютно не можетъ быть употреблено. Между тѣмъ я *настрное* припомнилъ, что въ одной народной пѣснѣ говорится:

«*Казавъ еси*, що свататы буду —

А теперъ я бачу, що твоя не буду».

Значитъ, *допускается*, и, притомъ не только въ «высокомъ» слогѣ, а при обыденныхъ «амурахъ».

¹⁾ Нашъ «Отчетъ» I, 45. Тамъ-же, 55—68, соображенія наши объ исторической мѣлѣ границъ Руси прикарпатской и повислоцкой.

Почти навѣрное говорю, что цитируемую мною пѣсню я читалъ въ сборникѣ Максимовича. А если нѣтъ, то, значить, почерпнулъ ее изъ источника еще болѣе авторитетнаго — *непосредственно* изъ народныхъ устъ: въ юности я очень интересовался малорусскими народными пѣснями и записалъ ихъ массу; къ сожалѣнію, тетрадей этихъ не сберегъ».

Что же касается Запада — языка Галиціи, то и мы раньше думали за одно съ авторомъ объ архаизмѣ его прошед. времени¹⁾. Но теперь смотримъ на дѣло иначе: свободное передвиженіе элементовъ *ж, с* (крошки отъ *есъмь, еси*) и прилѣпленіе ихъ то къ субъекту, то къ объекту, то къ частицѣ, въ зависимости отъ интересовъ логическихъ и ритма — совсѣмъ *польскій* приемъ и никому болѣе не извѣстный. Справки съ стариной утверждаютъ въ этомъ.

Если, по мнѣнію г. Житецкаго, употребленіе *есте* языкомъ XVII в. даетъ ему народный колоритъ (70): то по нашему мнѣнію народный колоритъ не здѣсь, а у Галятовскаго, знающаго одну форму — простаго *аз*.

Апостолъ Львовскій: *лице симонъ...* съде обиталъ 3 а. мнѣ же показалъ 3 б.

Пандекты 1307: не могъ къ малѣ реці 4 б. и си ш стхъ ѡцихъ нашихъ рекъ 4 а. ты осклавлася а она грохотомъ оусмыслася 49 а. оусхотѣлъ 60 а. съвершевалъ 47 б. истрѣзенлъ 116 б. оудъухала 142 а.

Пропускъ при *лъ* сущ. глагола стоять въ несомнѣнной связи съ опущеніемъ его, какъ сказуемаго тамъ же: члкъ ласкоръднѣъ ничтоже ино. нъ точью чрѣвою соуздѣъ богатъ 17 б. Также чисто по народному сказуемое *естъ* при подлежащемъ во множ. ч. въ апостолѣ Львовскомъ: кмоу же ксть хлѣви на примори 3 б.

Въ заключеніе авторъ оговаривается, что формы съ гл. *естъ* суть не народныя, а книжныя (71). Въ глазахъ же нашихъ —

¹⁾ «Отчетъ» I, 45.

того же ненароднаго характера и всѣ эти *еси*, *есмо*. Но удержанію ихъ способствовала широкая практика польскаго языка, который въ сферѣ книжнаго малорусскаго глагола такъ чувствуется уже въ языкѣ поповича Березки (Прологъ 1488 г.), напр. въ его *естесь* вм. *ты кси*.

Выраженное здѣсь нами сомнѣніе о «народномъ колоритѣ» галицко-русской формы: *лз* съ сущ. глаголомъ, прилагается и къ раннему, внѣмѣста, грамматическому экскурсу автора въ статьѣ о словарѣ Берынды (48—50). Прибавимъ же къ слову по поводу этого экскурса, что лексическія операціи г. Жытецкаго надъ опредѣленіемъ точекъ сближенія матеріальнаго состава польскаго языка, великорусскаго и малорусскаго нарѣчій отмѣчены отсутствіемъ желательной точности въ указаніяхъ. Авторъ утверждаетъ общность глагола *вабить* для этихъ трехъ языковъ. Но развѣ его нѣтъ, и съ сильнѣшимъ распространеніемъ, въ чешскомъ языкѣ? Развѣ въ области великорусскаго нарѣчія оно въ одномъ тамбовскомъ говорѣ? Сошлюсь на 3 томъ романа «Въ лѣсахъ». Здѣсь: *перевабить* переманить сокола; *вабило* пара птичьихъ крыльевъ (стр. 340). Ту же ограниченность сравниваемаго матеріала указываютъ и сравненія: *вежа*, *кій*, *конать*, *рачить*, *смажить* и др. Авторъ недостаточенъ въ лексическихъ операціяхъ, образцомъ которыхъ ему долженъ бы послужить неутомимый чешскій изслѣдователь, г. Матценауэръ: чтеніе лексическихъ статей послѣдняго доставляетъ истинное удовольствіе.

Но мы можемъ согласиться съ авторомъ, что остатки будущ. условнаго: прич. *лз* + *буду*, въ Галиціи — народная форма; если же у писателей XVII в. этотъ архаизмъ рѣдокъ, то потому, что въ сознаніи народномъ форма давно сочлась лишней. Въ самой Галиціи негласная поддержка этой формы была, вѣроятно, со стороны польскаго языка. Вотъ почему у тѣхъ же писателей XVIII в., но изъ Галиціи, она вполне употребительна. Приведемъ отрывокъ изъ рѣдкой книги, автору неизвѣстной. Это «Метрика», изд. въ Львовѣ въ 1687 году епископомъ Іосифомъ Шумлянскимъ (еще православнымъ). Тутъ читаемъ: . . . «въ такіи сѣа, которіе иноци по

монастырехъ звикли весь днѣ праздновати, могутъ простіи працовитіи люде, убогіи ремесники, безъ скрупулу робити, меновите овій, которій не заробивши на хлѣбъ *не мѣлъ будетъ* що исти, альбо мѣлъ бы кто не робачи того дна въ полю альбо въ дому шкоду понести»¹⁾).

Мы привели нарочно большой отрывокъ, чтобы видѣть простую книжную рѣчь того времени, конечно, на-сколько позволялъ это стиль, школа, а писать просто и было цѣлью автора-эпикопа: «для снаднѣйшаго вырозумѣна, не словенскимъ азыкомъ, але *нашимъ прирожонимъ російскимъ діалектомъ* изволихомъ писати».

Мы осмотрѣли главные пункты близости или совпаденія языка церковно-славянскаго и языка южныхъ писателей XVII вѣка — «церковно-славянскіе архаизмы въ малорусской рѣчи XVII вѣка» (72). Тщательная, кропотливая работа обличаетъ любовь автора къ своей задачѣ; но онъ извинитъ насъ, если, мы, по нашему разумѣнію, нѣкоторое число «архаизмовъ» должны вычеркнуть изъ предложеннаго списка: въ нихъ сокрыто не «благочестивое преданіе», а проявилъ себя полонизмъ.

Переходимъ ко второму отдѣлу — къ «обзору общерусскихъ звуковъ и формъ» въ литературномъ языкѣ Малороссіи XVII столѣтія.

12.

Вторая глава стилистическаго анализа составляетъ центр тяжести труда по объему (стр. 73—115), по интересу и отчасти по обработкѣ. И ее мы разсмотримъ въ порядкѣ изложенія автора.

Во главу *общихъ* чертъ поставлены обработка ж и «паденіе» «глухихъ», и совсѣмъ справедливо. Не только въ рукописи Новгородца Григорья, но и въ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у

¹⁾ Книгу эту мы имѣли отъ о. Михаила Ничая, уже покойнаго, когда въ августѣ 1874 года гостили у него на приходѣ, въ с. Завадкѣ, въ горахъ Карпатскихъ подъ Калушемъ, Стрыйскаго округа.

Константина Багрянороднаго уже нѣтъ ни слѣда юсоваго. Недоумѣваемъ только предъ.выраженіемъ, что въ Остромировомъ евангеліи «есть случаи замѣны юсовъ». Да ихъ тамъ такая масса, что лишне считать. Но авторъ, который такъ любитъ галицкіе архаизмы, забылъ вспомнить, что именно въ горахъ Карпатскихъ и нѣчто юсовое слышится. Вспомнимъ и *Ун*-варъ = *Уж*-городъ. Знакъ же юса малаго получилъ закрѣпленіе свое въ письменности у Мелетія, откуда прошелъ и въ нашу церковно-книжную ореографію.

Болѣе пестрая судьба въ наукѣ ѣ и ѡ, пестрая потому, что хотя, въ виду взаимной мѣны юсовъ и ихъ замѣстительныхъ знаковъ, легко всѣ усвоили теорію Востокова, но то же основаніе — взаимная мѣна — признано совсѣмъ недостаточнымъ приѣмомъ, даже фальшивымъ, при опредѣленіи природы ѣ и ѡ. Мы лично не видимъ причины быть такъ непослѣдовательну: ибо разъ звуковое значеніе знаковъ ж и ѡ опредѣляется чрезъ ихъ мѣну съ оу и ѡ, то то-же мѣрило можетъ быть примѣнено и при опредѣленіи значенія знаковъ ѣ, ѡ, и это тѣмъ обязательнѣе, что взаимная мѣна ѣ и о, ѡ и ѡ столь же *общерусская* черта письма Сѣвера и Юга, какъ и явленіе, впервые наблюденное Востоковымъ.

Мы не разъ высказывали нашъ взглядъ на значеніе знаковъ ѣ и ѡ, что они — секундарные о и е, ихъ звуки послабѣе о и е, во они не глухіе, въ *болгарскомъ* смыслѣ. Вотъ почему мы совсѣмъ привѣтствуемъ заключеніе автора, послѣ краткаго и неполнаго перебора мнѣній по данному вопросу, что та мѣна «указываетъ на звуковую близость этихъ звуковъ, которые въ произношеніи почти не различались между собою, поэтому переписчики и смѣшивали чистые съ глухими» (стр. 76). Какими же мотивами руководился св. Кириллъ при составленіи азбуки, внося въ нее ѣ и ѡ, это вопросъ темный и, можетъ быть, нѣсколько выяснится, когда явится средство прослѣдить судьбу славянской азбуки въ IX и X столѣтіяхъ. — Справедливы замѣчанія автора противъ оригинальныхъ доводовъ г. Огоновскаго. Но если бы

г. Огоновскій подобралъ изъ книгъ XVII столѣтiя доводы болѣе серьезныя, напр. изъ Метрики 1687 года: «чинъ аг'бо порадокъ въ писаню именъ *крицаемыхъ* младенцовъ», то и тогда слова, какъ *крицати*, были бы простымъ сокращенiемъ въ устахъ лемка, сокращенiемъ еще отъ стараго времени, но не безъ влiянiя польскихъ и словацкихъ сосѣдей. Въ глазахъ Мелетiя оба знака справедливо были только знаками — твердымъ и мягкимъ — а отъ Мелетiя усвоили и мы эту титулацiю.

Но пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы изъ памятникъ южнорусской старины, намъ доступныхъ, извлечь данныя для *звучовой* характеристики ѣ и ъ, при чемъ одинъ небольшой отрывокъ, какъ весьма колоритный, мы предложимъ цѣликомъ.

Изборникъ 1076 г.

ѣ вм. о: тако поутъ вьсѣмъ злѣм пишта 178. ѡкоже прѣже рѣхѣмъ 247. довѣльно ми ксть 269. (ср. 192). медъ въ веселiе дано вьсть бѣгѣмъ. а не на пишнество сътворено вьсть 536.

ь вм. е: ми са поучати словесѣмъ твоимъ б. нже по заповѣдѣмъ вѣнимъ... пожиша. 11. очисти родитѣль 309.

Изъ *милитскихъ* листовъ аналогическiя описки см. въ «Отчетъ» I. Здѣсь же печатаемъ текстъ отрывка, о которомъ тамъ же, стр. 4, № 1, нѣсколько словъ и строкъ. Пергаменный листокъ вѣка XII — XIII, изъ какого-то Слова противъ богумилъ.

(Первая страница, обрѣзъ на лѣво):

...ладъ свои. аще стоѣ еоу негѣлее ко ру
 ...держаще и неподъвнѣ толокоюущее
 ...оулавляюте члѣки на свою си пагоубоу
 ...ювое и вѣроу: крестянескоюю погоу
 ...мыслать: и осоуе и безоума томаще
 ...во своихо матвахъ: аще бо и раздаюте
 ...мѣние мое: и аще прѣдаме тѣло
 ...да согоритъ: лювое же нѣвимѣи: ни

...же оуспѣю: да аще то о чавцѣ рчено есть:
 ...еми паче о цркви бни: еаже ти неаю
 ...оучате: и стражете стое еуанглане
 ...коу ихъ и погывѣлею ихъ: аки и
 ...оусераже свинни во ротѣ: и толе сла
 ...врашно: смерти бываѣтъ: воложѣни
 ...ѣда ихъ: во дшахо послоушаючи прѣ
 ...нихъ: яко же и чаша стродинална
 ...единою каплею ѡгорчеваѣте: ѡ смерти
 ...да ихъ и таци соущен мнѣтеса: ни
 ...же творщен: тако во есте ѡбѣчани де
 ...оу и ѡслѣплѣте ѡчи: и оумалѣте
 ...ъ: да творщен злаю: мнѣтеса не тво
 ...е и ничсоже: ище во и поѣдино ного
 ...тица во пруглѣ оуказнете: смерти
 (Вторая страница, обрѣзъ направо).
 прѣдана бываѣте: толе ми еретиц...
 ко перостомъ вазаще оумираете: ко...
 словесе книжна не разовратиша: что...
 хоулиша: во мирѣ сѣмь: оустроѣноѣ...
 же и на земли точно: но и на высотоу хі...
 цаюте глѣце: по дежволн волн соуща вс...
 и слнце и звѣзды: воздоухо и землю и...
 цркви и крсть и вса бни дежволу прѣд...
 и просто и вса движущася на земли: н...
 наю: и вездшенаю: дежволн зовоуте...
 ша ще во во еванглан га рекоша: прито...
 ю: сноу: хѣ оубо творате старѣйшого...
 менешаго еже есте заблоуднаѣ: ѡ...
 ла мнѣть. и сами и мамону прозва...
 того творца нарицають и строители...
 нымъ вещьмъ: и того повелѣвошемъ...
 мъ: жены поймати и маса ѣсти. и в...
 ти: и просто и вса нехоулиша наша...

СА НЕСНИИ ЗИ ЖИТЕЛИ ТЕОРАТЬ: АЖ...
 И СА ЧЛѢКИ И ЖИВОУЩАИ ВО МИРОУ МА...
 НЪИ СЛОУГЪИ ЗОВОУТИ: САМИ ЖЕ И ГНИЩА...
 СА ВСЕГО ТОГО НЕ ПРИМАЮТЬ: НѢВОЗДЕР...
 ІИ РАДИ: ІАКО ЖЕ И МЪИ ПО СКВЕРНАВО ТЪ...

Пандекты 1307.

Ъ ВМ. О (И НАОБОРОТЪ): ТИХЪСТЬ. СОМѢРЕННИ (ВЪ ПРИПИСКѢ ПОСЛѢ ЗАПИСИ ПОСЛѢДНЕЙ СТРАНИЦЫ). ДОВОЛѢТЬ 26 а. 176 б. БЕЗО ВЪРѢМЕНЕ 87 б. ИЗГО МНОГЪ 92 а. ВОИНОУ 92 б. ВРѢДОСЬ 104 б. 108 а. ВЪ ГРАДОСЬ 119 а. ВЪЗДОДЪМЕШИ 135 а. ОТО ЗЛАГО 167 а. РАВОТЬ 234 а.

Е ВМ. Ъ (И НАОБОРОТЪ): ПРОСВѢТИЛЪ КСИ ВЪРЕНУХЪ СРЦА (ВЪ ПРИПИСКѢ ПОСЛѢ ЗАПИСИ). ПЪИМЕСТВНАГО 21 а. ЖЕНЕСКЪ 45 б. ОУСТЕНЪНЫМИ 46 б. ЧЮЕСТВЪНО 66 а. ПЪЛАЧЕ И СКРЪЖЕТЬ 98 б. ВРѢДЪ ДЪШКОЛЕСКЪ 132 б.

Е ВМ. Ъ: СЕСЦА ТВОА. 293 а.

Но особенно ясно документуется *звучность* глухихъ въ «опскахъ» современной общерусской вокализации словъ плавныхъ сочетаній.

Изборникъ 1076 г.

ОР: НАЧАТЬКЪ ГОРДЫНА ЧАКА 353. Въ виду этого, едва-ли можно сомнѣваться, какъ писецъ читалъ свое: НЕ ВОУДИ ГЪРДЪ ДА НЕ ПОХВАЛИТЬСА ГРОВЪ ГЪРДОСТЬ ТВОЮ ОВЪДЪРЖА. И ОУВОГИМ ПОЧИКЕТЬ НА ГРОВѢ ТВОКМЪ 102—103.

СКОРБИ 20. ВОУДИ ТИ ВЪ СКОРБИ ТВОЖ ПРИВѢЖИЩЕ ЦРЬ ПАЧЕ ЖЕ И КРОМѢ СКОРБИ ПО ВСА ЧАСЫ 22. КРАСНА КЕСТЬ ВЪ ВРЕМЯ СКОРБИ 330—331; но черезъ строку: ВЪ ВРѢМЯ СКЪРБИ 331, И ДР.

РО: ДРОВЪ 322.

ОЛ: ДОЛГОТЪРПѢЛИВЪ 399.

ЕР: ИМЪ ЖЕ ЦРЬСТВО ОТЪВЕРЗЕСА 37.

Но при твърд — на 14: твърдо; при парк — на 391: потому не идетъ на порыва грѣхы. Въ Галиціи, среди бойковъ, мы слышали: *трѣх* треба там, *четырѣх*.

ре : въскресенію 97. Кажется, здѣсь е подправлено; обычно: въскресенію 88. окръсть 28. хръстьяна 89.

Пандекты 1307:

ор : гордынахъ 116 б.

кормахъ 17 б. коръмитъ 177 а.

скорьнъша 41 б. скорвехъ 69 а. да не како лишъшею скорвью пожертъ воудеть 79 б. Но много чаще этотъ корень имѣеть оригинально — южную вокализацию ер : скервь 1 б. — и 33 а. 34 а. скервить 19 а. скерва 31 а. прискервена 68 б. оскервлякъ, — кмъ 141 б. и др.

оусторгати 89 а. Но: растеръгнѣте 27 а. растергъ 150 б. растергноуть 151 а.

Двойное о : скоропия 7 б. коромъчни 60 а. 254 б.

ро : при : «такъ же во дрѣва великъ въздвижють мпламъ» 18 б. — въземъ вѣрѣма дровъ 253 б.

ол : оболкъша 42 б. 75 б. оболкънса 77 а. оболкъша 257 а.

должни 128 б. долъжноукътъ 156. оузда си
долгъ 61 б.

долготерпѣнъша 10 б.

оу молвѣ 35 б.

молчати 62 б.

не оуспоползеса 92 а.

исподънени.

Двойное о : сколокъса 42 а. Ср. галицкіе листки.

ер : поверженомъ 3 б. поверженъ 10 а. въвергъше 127 б. Швержетъ 152 б. оувержено 168 б.

свершети 161 а.

дерзою 198 б. дерзи 200 б. везъдерзновеньк 193 а.

оуздержатиса 22 б. и др.

жерца 278 б.

мертеъ 3 б. оумеръцьвляющаго 5 а. весмертык 7 а.

и др.

первок 14 б. первьствовати. 133 б.

скверньнами 114 а. скверньоую 173 а.

терпѣливъ 3 б. (дважды).

черноризецъ 227 а.

почерпешн 247 а.

ре : крестъ 207 а. 215 б.

хрестыана 265 б.

поскрегчетъ 58 б.

въ трепетѣ 117 а.

Но ер вл. ре : беръвно 121 а. верньн 187 б.

ел : долчи 53 а.

ле : слезъ 208 а.

Отмѣтимъ двойное число ъ, ѡ въ Изборникѣ 1076 г.:

вбѣлъченоу 212. 213.

накръмлаи 30.

отъвързеть 162.

съмьръть 34. мьрътка 229.

мьръцаи 20.

поскърви 27.

Эти данныя указываютъ, что нельзя утверждать категорически («видимо») о принадлежности двойнаго ъ, ѡ и ихъ замѣстителей Сѣверу, и что примѣры, приводимые изъ Галичскаго евангелія, не единственны и могутъ быть нѣсколько увеличены. Въ стилизованной ороографіи XVII столѣтія эта двойственность имѣть мѣста не могла. Одиночное *p* или *ry* въ XVII вѣкѣ, но изрѣдка, обязано, несомнѣнно, народной рѣчи. Форма же *дъри*—въ Пандектахъ 1307 не рѣдка: дъри 6 а. и др., если только здѣсь ѡ не служить для обозначенія мягкости согласнаго, пріемъ, столь обычный въ правописаніи памятника: нсѣтрѣзналъ 116 б. нсѣкрънимъ т. же.

Стоящее въ непосредственной генетической связи съ звуковымъ значеніемъ ѣ — е *полногласіе* (мьрз—мор-о-з-ъ) въ народной рѣчи Сѣвера, въ народной и книжной рѣчи Юга проявляетъ себя много смѣлѣе, чѣмъ въ нашемъ литературномъ языкѣ. Писатели XVII вѣка въ этомъ отношеніи были болѣе народны, чѣмъ мы. Вотъ почему современный языкъ писателей Галиціи, которые продолжаютъ языкъ своей старины, съ его «нагорода», «беремя», намъ кажется страннымъ, манернымъ, а эта старина открывается Изборникомъ 1076 года. Въ немъ мы находимъ:

воротиса съ крагъмь 213.
 ворошанъмь сконь 300.
 да огорожаютъ ю. 489.
 морозъмь измьрзъше 84.
 пороха нападъшж 81.
 соромажнику выти 203.
 законъ хоронити 205.
 чюже сѣмьа половела горчѣкѣ 152.
 веремь 155. 191. 409.
 ни вереднхъ 217. безъ вереда 444.
 веремь 80. 115. 370. веремени паче 298.
 раздѣретьса и върхъ 502.
 перебиваніе нхъ 119. беспечали перебивакть переже
 прихода 239. переже въсхытна 249.
 по исткереженни 150.
 черепають 33.

Особенная, если не описка, вокализация: черсъ 473 (дважды).

Въ разсмотрѣніи весьма сложнаго вопроса о природѣ ѣ авторъ теперь отказывается отъ эпохи до памятниковъ и утверждаетъ по старому, что хотя исходною русскою точкою для ѣ есть мягкое долгое е, но со времени памятниковъ долгота была чужда языку (80). Позволяемъ себѣ замѣтить:

1) Наши «южнославянскіе учителя» (80) были изъ Болгаріи, въ XI—XIV в. Но какъ же они могли занести къ намъ взглядъ,

что ѣ это *je*, когда у нихъ ѣ = *ia*? Вспомнимъ хоть Парамейникъ Григоровича, съ его характерными *дзарь*, *скятъ*.

2) Какъ въ польскомъ (*las*, но «*lesie*»), необходимо допустить и для русскаго ѣ = *ia*. Ср. *прямо* = *прѣмо*.

3) Авторъ не достаточно обратилъ вниманіе на судьбу ѣ въ чешскомъ языкѣ, именно въ памятникахъ средневѣковой эпохи и первопечатныхъ книгахъ. Тамъ онъ увидѣлъ бы, такъ сказать, графически картину генезиса ѣ — *i* изъ ѣ — *je*, благодаря не установившейся еще ореографіи. Да и нынѣшняя мѣна ѣ — *je* и ѣ — *i*, въ зависимости отъ производства: *věriti* — *vtra*, достаточно иллюстрируетъ положеніе, что ѣ — *i* есть развитіе перваго звуковаго элемента въ *je*. Напрасно авторъ наложилъ предварительный обѣтъ — обходиться безъ славянскихъ справокъ: въ предметѣ, какъ исторія русскаго языка, нельзя успѣшно оперировать безъ внимательнаго отношенія къ славянскимъ языкамъ, ихъ исторіи.

Но ѣ, будучи въ началѣ нашей письменности нѣкимъ алгебраическимъ знакомъ («для выраженья разныхъ звуковъ»), у писателей XVII в. равно *i* долготу; благодаря же Мелетию, они употребляли его вообще въ системѣ, каковой системы держимся и мы сегодня.

Вѣроятно, обмолвкой авторъ въ вокализаци словъ *полата*, *сотона* (стр. 82) видитъ народный элементъ, тогда какъ эта форма уже въ церковно-славянскомъ языкѣ. Слово же *младенецъ* сюда не идетъ: это — полонизмъ.

Мѣна *e* послѣ шипящихъ, ограниченная извѣстнымъ условіемъ на Сѣверѣ, какъ извѣстно, свободна на Югѣ. Но какъ стара эта свобода, это *чидъ*? Явленіе, ставшее всеобщимъ, раньше могло имѣть лишь частичное примѣненіе; поэтому ограниченіе, дѣйствующее на Сѣверѣ, должно имѣть за собой старину, и это заключеніе самымъ дѣйствительнымъ образомъ поддерживается *польскимъ* языкомъ. Свобода же Юга развивалась съ постепенною потерей въ сознаніи народа мягкости шипящихъ: отсюда *чидъ*, *щокюю* и сегодня, и въ XVII вѣкѣ. Пандекты знаютъ ста-

рину: свершающему 2 а. Но апостоль Львовскій уже имѣтъ о: вѣроующему 4 б. Впрочемъ, эти примѣры нерѣшающаго характера, такъ какъ въ памятникахъ уже развито склоненіе по аналогіи: реченому. стѣому.

Обратное явленіе: перегласовка *о*, *а* въ *je* ограничивается преимущественно Галиціей, да и здѣсь живетъ спорадически, причемъ сохраняется мягкое *е*. Нельзя потому принять утвержденіе автора, что «перегласованіе составляетъ органическую принадлежность народной фонетики» (84).

Изъ памятниковъ старины отмѣтимъ:

Житіе Θεодосія: шегаяци 1 б.

Пандекты 1307: меншого 1 б. Ѡ желѣкмыхъ 24 а. подовакъ свершети. 161 а. пріпражехомъ 178 б.

Статутъ Литовскій: Варшевою.

Что же касается Галичскаго евангелія, то въ указанныхъ примѣровъ можно разсматривать, какъ пріемъ южно-славянскій.

Взглядъ автора на дивергентное *у* въ гл. *бути* совсѣмъ правленъ. Въ Галиціи, у бойковъ, никогда не слышно украинской формы, а только *бути*. Въ Чехіи, на западѣ, есть небольшой край *булаковъ* (*buláci*); это тѣ, «kdo mlúví *bul*, -а, -о *zamísto* *byl*, -а, -о», по опредѣленію чешскихъ этнографовъ. Это чеш. *byl* не имѣетъ ничего общаго съ малорусскимъ *буѣ*.

Но не точно объяснена такъ наз. вокализация *л* (*l*), столь отличающая малорусское нарѣчіе отъ языка Сѣвера и сближающая его съ сербскимъ. Ибо: 1) не для чего предполагать посредника между *л* и *у* въ лицѣ *ѣ*, такъ какъ получается одинъ средній звукъ; 2) нѣтъ причины связывать это явленіе съ «потерею» *ъ*; причина — музыкальный инстинктъ: *даѣ*, но *дамд*. Если въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ есть и *дайа* (= *daĽa*), то этотъ разговоръ производитъ одинъ комическій эффектъ — своею неуклюжестью звуковою и гримасою на лицѣ говорящаго. Формы: *любвемся*, *напывемся* (*Zegota*, II, 91), указываютъ только на отвратительную молодость этого *польскаго* образованія; раньше должно было быть только: *любѣѣ*, *напыѣѣ*.

Извѣстно, что въ Галиціи есть мѣста, гдѣ вокализація *л* не обязательна. И слѣда ея нѣтъ въ Статутѣ Литовскомъ, языкъ котораго такъ народенъ, напримѣръ, въ выраженіи: «на тебе брехалъ яко песь»; но въ жизни она уже дѣйствовала. У писателей XVII столѣтія встрѣча ея — рѣдкій провинціализмъ, конечно, подъ вліяніемъ Мелетія.

Согласные: d, t—j даютъ, какъ извѣстно, двѣ общія фонемы во всей области русскаго языка, рѣзко выдѣляя нашу рѣчь въ родной семьѣ: всякая иная фонема не «свойственна» ей, вопреки мнѣнію автора (88). Обѣ эти фонемы документируются старѣйшими памятниками роднаго слова. Отмѣтимъ въ Архангелогородскомъ евангеліи (1091) даже *Ѡпоучати* 117 а.

Но вотъ карпатская фонема *дж* (*роджѹ*): исключеніе? Нѣтъ, если она національна, она та-же общерусская фонема *ж*, но съ датой самой сѣдой старины. Мы говоримъ условно, потому что еще не устранена абсолютно мысль о польскомъ вліяніи (*rodze*). Обстоятельно мы нѣкогда говорили объ этой оригинальной чертѣ галицкой рѣчи въ нашей диссертациі: «Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій», во вступительныхъ страницахъ. Если галицкая фонема такъ часто у Берынды, то потому, что онъ самъ долго жилъ въ Галиціи. Понятно, что сочетаніе *здж* даетъ *ждж*. Въ Метрикѣ Шумлянскаго: «не вымишляючи собѣ *проижджокъ* албо прохадзокъ непотребныхъ»; второе — полонизмъ.

Совершенно въ сторонѣ стоитъ своею судьбою въ обихъ русскихъ нарѣчійхъ сочетаніе *жж*, гдѣ *ж* изъ гортан. *з* или получившееся инымъ какимъ способомъ, въ церковно-слав. *жд*, случайно однозвучная величина съ фонемой отъ *d—j*. Авторъ не достаточно различаетъ обѣ эти однозвучныя фонемы. Возьмемъ церковно-слав. слова: *дъждь*, *рѣждикъ*.

Языкъ Сѣвера относится къ этому *жд* по своему, языкъ Юга по своему: тамъ выработалась фонема *жж*, здѣсь — *жч*. Такъ, въ Миней 1095 года: *нжгилачъ кси* 178. *дъжгъ*. Но въ Пандектахъ 1307 г.: *въжчицакъ похоть* 45 б. (ср. *раждизаѣтъ* 66 б).

въжчелантѣ прмдѣти 166 б. Отсюда уже чрезъ ассимиляцію на Югѣ ж въ ш: *дошч* — столь народная фонема (а гдѣ сохранность «звучныхъ»?). Естественно, что она и у писателей XVII в.

Что же касается «народности» словъ: *пророцтво, свѣдоцтво* (89), то мы здѣсь видимъ одинъ полонизмъ. Здѣсь совсѣмъ иное образованіе, чѣмъ въ остромировомъ вѣствѣ 145 а.

Далѣе, отвердѣніе шипящихъ, наоборотъ, сохранность мягкости у свистящихъ, обѣ эти черты составляютъ довольно рѣзкую особенность Юга: къ нимъ Сѣверъ стоитъ прямо въ обратномъ отношеніи. Мелетій въ этомъ вопросѣ оказался на сторонѣ Сѣвера, подъ влияніемъ церковныхъ книгъ, почему правописаніе наше сегодня — правописаніе и XVII вѣка, за немногими изъятіями. Но болѣе старые памятники Юга на сторонѣ народа.

Изборникъ 1076 г.:

свѣтъ немьръцаи слъньце. 20. въ съкръвенни отиноудъ не приницати 208.

Львовскій Апостолъ: на горницу 2.

Пандекты 1307:

Фрицати 9 б. трцю 12 а. Фцю 10 а. нарицакмыа 305 б. оусадитъ тж оу темницу 171 а.

Но изъ XVII стол. возьмемъ Метрику еп. Шумлянскаго, писанную «нашимъ російскимъ діалектомъ»; тутъ стиль не Мелетія:

«Укажетъ ли потреба довѣдатиса кто кого и котрого рокѣ, мса и два родилъ, албо крестилъ»; «друкарню новую *працею* и коштомъ власнымъ спорадивши»; «не послоухаетъ же кто... дховнаго *заказуючого ста*»; «дай же му *отцевское* наказаніе».

Что же касается взаимной мѣны свистящихъ и шипящихъ, то это явленіе, столь характерное искони для рѣчи крайняго Сѣвера, справедливо, рѣдко на Югѣ, и сегодня, и въ старину. Въ Пандектахъ 1307 имѣется одинъ-другой примѣръ: *ноць* 3 б. *поверзень дхомъ* 10 а., не считая мѣны въ *кромѣ чист*: *очистѣше* 7 б, но: *о цѣцѣньи* 9 б. Слово *золчь* 53 а и въ памятникахъ павнонскоѣ семьи, при *жлъчь* въ Бовонскоѣ псалтыри.

Такъ называемое «удвоеніе» согласныхъ при суфф.-икъ въ рѣчи Украины (если оно есть) чуждо рѣчи русскихъ Галиціи, гдѣ процессъ образованія отглагольныхъ именъ прошелъ по общей колеѣ чешскаго, сербскаго и другихъ братій, безъ оригинальничанья. Въ чешскомъ языкѣ, какъ извѣстно, суфф. ик сокращается въ долгій звукъ (kázání). Справедливо указаніе автора, что точка отпращиванія—форма ѣк, почти единая и въ Пандектахъ 1307 г. (уже первое слово здѣсь: «присланьѣ»), какъ и въ Галичскомъ евангеліи; но ни изъ чего не видно, что если въ XVI столѣтіи встрѣчается правописаніе *одъча*, «то отсутствіе ѣ ясно (!) указываетъ, что въ этихъ формахъ произошелъ уже процессъ удвоенія согласныхъ» (92). Вѣдь самъ авторъ призналъ, что оригинальное «удвоеніе» «отсутствуетъ» въ Галиціи. Строгий Мелетій строго ставитъ передъ я значекъ - замѣсто ѣ. Въ Пандектахъ 1307 г. совѣмъ по-русски и въ ѣ: *пѣанчнѣ. посмѣнѣ 20 б*; и изъ ѣ только въ род. мн.: *неоубидиши привѣдѣнни страшнѣ 111 б*. Указываемъ на это, чтобы быть обезпечену, что писецъ 1307 года свое ѣк читалъ, какъ мы свое ѣе. Примѣръ стяженья ѣк въ к какъ будто находится въ Львовскомъ апостолѣ, гдѣ и рѣчь народная: *кмоу же ксть хлѣви на примори 2 а*.

Небольшія замѣчанія о согласныхъ *з, ф* заключаютъ фонетическую главу. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что авторъ, наконецъ, отказался отъ своей патріотической теоріи, навязывая малорусское *з* даже языку св. Кирилла, хотя и формулируетъ свое отреченіе недостаточно скромно (93). Затѣмъ, прибавимъ, что законодатель нашего правописанія, Мелетій, тѣмъ осторожнѣе долженъ былъ отнестись къ буквѣ *ф*, что его современники привыкли съ нею соединять свое народное содержаніе, видѣтъ въ ней выразителя этимологическаго сочетанія *хв*: «водле Ѡфалы сомовое», «Ѡфалимъ», «з лифы жилъ», читаемъ въ Статутѣ Литовскомъ.

Прекрасные примѣры замѣны чуждаго *ф* своими *х* и *хв* имѣемъ изъ XVI вѣка: *Хвекла, Олехверилнз, Хедотз, Хедорз*,

Оасия (= *Оахса*), *Олюзна*, *Стеханъ*¹⁾. Основной звукъ *е*, *х* — придыханіе.

Примѣры *х* изъ *к* въ корнѣ *крѣст*: *хръстьяна* (Изборн. 1076, 89); *хръстьяна* (Пандекты 1307 г. 265 б.); къ стѣтомуу *хрѣщенью*, по *хрѣщени* (Апостолъ Львовскій 4 а.).

Въ *морфологической* главѣ авторъ прежде всего трактуетъ объ общерусской флексіи *ѣ* — тождественное окончаніе въ памятникахъ старины для тѣхъ многихъ падежей, въ которыхъ старослав. языкъ зналъ *а*, рефлектирующее *ы*, а нынѣшній русскій Сѣвера и Юга — *и*, одно изъ «искаженій» старины, выражаясь неудобной терминологіей г. Житецкаго (94).

Авторъ разбираетъ литературную исторію вопроса, въ частности, вопросъ — какъ читать это *ѣ*, и приходитъ къ вообще справедливому, на нашъ взглядъ, заключенію, хотя и формулируемому многословно и не вполне ясно, что это *ѣ* — формула: одинъ читалъ въ ней *и*, другой *е* (96). Мы же замѣтимъ:

1) Если *а* рефлектируется въ русскомъ языкѣ черезъ *я*, то непонятно, почему въ склоненіи онъ непослѣдователенъ себѣ. Мы полагали бы, что флексія *а* прежде всего замѣнилась звукомъ *я* = *ъ*. И любопытно, память объ этой формѣ старины безсознательно живетъ и сегодня. Что такое наше *нелзя* = *нѣлъзѣ* Изборника 1073 года? Простой род. ед. отъ именит. *лза*, сохраняющагося въ сложеніи: *по-лза*, и буквально наше *нелзя* значить: нѣтъ возможности. Поэтому такъ ошибочно нѣкоторые писатели XVIII в. конструировали: *аъзя-лъ?*

2) Флексія *и* для тѣхъ падежей образовалась путемъ аналогіи и раньше, чѣмъ полагаетъ авторъ: она документуется уже XI столѣтіемъ, что упущено имъ. Ибо въ Остромировомъ евангеліи читаемъ: на погребени стѣла вци 228 а. Слѣдов. этотъ примѣръ на вѣкъ старѣе примѣра изъ Галичскаго евангелія, что у акад. Ягича: *пользѣ*²⁾. Въ Пандектахъ 1307 г. — *полза* ради 72 б. Еслибы слово *трапеза* не было иностраннымъ, то мы имѣли бы въ

¹⁾ Нашъ «Отчетъ», I. 26.

²⁾ «Критич. замѣтки по исторіи русскаго языка», стр. 73.

той же Остромировой рукописи параллель къ «пользѣ»: трапезы 88 а. Въ Пандектахъ 1307 г., по видимому, форма по аналогіи: очи мои на вѣрныа земли 11 а. Если же принять во вниманіе, что этому памятнику не безызвѣстно ѣ = і, то, вѣроятно, много скрытыхъ примѣровъ род. на и: напр. кадинос недѣлѣ 3 а.

3) Столь же стара (грамматически старѣе) и очень народна флексія *а* — *е*: отъ Миней 1095 г. (вѣрны. надежде. любѣе 142) чрезъ Пандекты 1307 г. (настасѣ. марфы. квиньѣ. кедохѣ 306 б.) и до Статута Литовскаго, при чемъ долше всего не поддавалось дѣйствию аналогіи склоненіе прилагательныхъ. Отсюда въ Статутѣ: «шкром... шабли... и иншоє рѣчноє броня»; «тежѣ и крѣщицы *остакиє*». Но какъ понимать это *е* изъ *а*, *а*? Правда, это рефлексъ для *а* общеславянскій, но — не русскій. Остается думать дѣйствительно о перегласовкѣ; такъ, въ той же Миней 1095 года имѣемъ: соугражнинѣ 220, шетаниа 67, 122, въ Пандектахъ ю въ и: межи собою 155 а.

Одинаково сильно и давно пошло и общее униформированье — «искаженіе» — схемы склоненія вообще, т. е. униформированье темъ, флексій и функцій самихъ падежей. Частично это явленіе даетъ себѣ чувствовать и въ памятникахъ панновскихъ. Партія, нѣсколько блѣдно изложенная у автора, прекрасно представлена акад. Ягичемъ, такъ что мы приведемъ лишь нѣсколько справокъ изъ старины:

Ед. ч. слажьша медоу, но: паче меда, *Изборн.* 1076, 10, 5. конєви, олтарєви. вєви, т. же, 3, 376, 457. дроугєви, кфѣрємови. мирови. марѣкови, *Пандекты* 1307, 158 б. 159 а. 160 а. 306 а.

пламѣ = мпламѣ, *Пандекты* 45 б. 18 б. написанѣ о лотовоу дщєроу, тамъ-же 22 а. ли окѣмѣ крадѣмѣ, *Изборн.* 1076, 417.

Дв. ч. да понцють цѣви двєца двєю, *Пандекты*, 6 б. прозорочьными очима, *Житіє Θεодосія*.

Мч. ч. оудокѣ, *Изборн.* 1076, 406.

вождѣкъ (и у автора). врановѣ. троудовѣ. лрревѣ,
тамъ-же 14, 49, 177, 544.

даръми, *Пандекты* 1307, 74 б.

Замѣтимъ противъ автора:

1) Не ясна причина, какъ фл. *охъ* могла быть мостомъ для сближенія флексій *пахъ* и *ахъ* въ *охъ*. Флексія *охъ*, очень живучая въ Галиціи, въ Статутѣ Литовскомъ при *ехъ*, *охъ* (см. выше).

2) Появленіе формъ *Данило*, *Михайло* и пр. не имѣеть отношенія къ «падению» глухихъ, и есть результатъ музыкальнаго ритма: *Даниилъ*, *Гавриилъ*, *Самуилъ*; но: *Данило*, *Гаврило*, *Самойло*. Для давности этой музыкальной вокализации конца, вполне напоминающей вокальную гармонію въ образованіи малорусскаго повелительнаго — *ходимъ*, но *ходьмо*, отмѣтимъ:

гаурилла, данилла (род ед.) Остромирово еванг. 231 а. 245 б.;
гаврило Миней 1095, 46; прркъ *самойло* Пандекты 163 а.
Ср. *самонла* мати, тамъ-же, 109 б.

3) Перуны противъ «малограмотныхъ писцовъ» на стр. 99 несогласны съ раньше высказаннымъ взглядомъ на природу ѣ, ѡ. Или одно, или другое.

4) Формы: *живота*, *хлѣба* (100) суть настоящіе родит. падежи — родит. *partitivi*.

Въ изложеніи о *маголт* замѣтимъ прежде всего, что суф. неопр. накл. *тъ* вм. *ти* ведетъ свою исторію ранѣе, чѣмъ съ XII в.: выше мы привели даже изъ Остромира — *напѣлнѣтъ*, почему и правъ г. Соболевскій, а не его критикъ, готовый совсѣмъ вычеркнуть *тъ* изъ синодика отличій русскаго языка отъ церковнославянскаго ¹⁾. Колебаніе въ выборѣ идетъ очень долго, какъ видно изъ Статута, продолжается и сегодня на Югѣ, ритма ради. Совершенно вѣрно, что суф. супинный *тъ* ни при чемъ въ утвержденіи формы *тъ*: достаточно вспомнить чешскій языкъ; но не

¹⁾ Акад. Ягичъ, Крит. замѣтки, стр. 88.

точно, что *чи* есть «общерусское окончаніе» — только въ извѣстномъ классѣ глаголовъ, но въ малорусскомъ, какъ сегодня, такъ и въ XVII ст. — путанное: *беречи*. Вообще точность какъ-то иногда совсѣмъ оставляетъ автора, напр. въ судьбѣ личныхъ флексій наст. времени. Развѣ можно говорить, что памятники XI в. только «иногда» (стр. 102) замѣняютъ ж—оу? Напротивъ, слишкомъ неиногда, если и нельзя сказать — всегда. Кромѣ того, рѣдкая встрѣча ж не имѣетъ никакого отношенія къ самому языку. Далѣе, развѣ гл. *имамъ* (*мъ*?) архаическаго спряженія? Но этимъ глаголомъ можетъ документироваться появленіе флексіи *мъ* вмѣсто *мь*: напр. въ кодексѣ Григоровича на два случая *имамъ* 15 — *имамъ*. Языкъ, сохранявшій очень долго *ь* въ 3 лицахъ, долженъ былъ долго сохранять тотъ-же звукъ и въ 1 лицѣ, въ *мь*. Этимъ объясняется задержаніе формы *есмь* и колебаніе ея — *есме*, *есми*. Въ Пандектахъ 1307 г. эта мягкость конца рѣзко отмѣчена: *късмь* 60 а, 115. Прибавимъ, что великорус. повелит. *тъ* (т. е. *тъжъ*) иллюстрируется *вижъ* Пандектовъ, 80 б.

Объ отвердѣніи суффикса 3 л. замѣтимъ, что въ Изборникѣ 1076 года мы нашли одинъ примѣръ: *въсхѹдитъ* *отъ* *нихъ* 42. Въ галицкихъ листкахъ строго *тъ* въ обоихъ числахъ. Въ Пандектахъ правило *тъ*, исключеніе *тъ*: *оунадетса* 29 а. *не втлитса* 62 б. *възрадоуктса* 71 б. *оучит ны* 88 а. *оузвратитса* 95 б. *оуздражактса* 108 б. *поносатъ вамъ* 126 а. *повѣчатса* 146 а. *возвеселитса* 277 б. Отъ Мелетія идетъ наше правописаніе — *тъ*.

Опущеніе суф. *тъ* (*тъ*) очень старо, дѣйствительно; но какъ сегодня, такъ и въ старину, оно особенно на Югѣ. Такъ въ Изборникѣ 1073 (первые листы): *къ*. *прикмак*. *расжждак*. *ноуждак*. *сънавѣдѣбак*. *може*. *съвршак* — на листахъ 13 и 14. Въ Изборникѣ 1076: *да ти воуде овъче* 138. *рѣрицею примме* 537. Въ Пандектахъ: *къ* 14 а. 17 б. 72 б. 102 б. 257 б. *соу* 63 а. *приндоу...* *роутателн* 93 б. Но сохраніе *тъ* сегодня лишь у глаголовъ низшихъ разрядовъ: языкъ воздерживается, чтобы не путаться съ повелительнымъ наклоненіемъ.

Что касается прошедшихъ простыхъ, то неправильно сказать,

что они были «нечужды» (104) языку въ старину. Не только аористъ I, но и II очень ярко окрашенъ народнымъ употребленіемъ въ памятникахъ Сѣвера даже XIV вѣка, напр. въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, житіяхъ. При недостаточно точной фразеологіи автора, можно бы даже подумать, что анафорическій, по аналогіи, ублюдохъ ть (ть) есть какое-то органическое достояніе аориста I. Та-же живость, энергія въ памятникахъ и у имперфекта; ужь по этому самому въ немъ нельзя видѣть заноса съ Юга, изъ-за Дуная. Сосуществованіе наряду съ *-аахъ* формы описательной на лъ еще не даетъ права говорить объ искусственности имперфекта. Излишне вспоминать лужицкіе языки, гдѣ живутъ прекрасно и аористъ, и имперфектъ, языкъ болгарскій. Русскій языкъ средней эпохи находился въ положеніи нынѣшняго сербскаго, гдѣ аористъ и имперфектъ живутъ, но употребляются въ извѣстныхъ случаяхъ ¹⁾.

Справедливо замѣчаніе, что русскій имперфектъ образовывался подъ вліяніемъ глаголовъ темы *a* (это связано съ раннимъ образованіемъ длительной категоріи): у Нестора *ходаше* при ц.-слав. *хождаше*, безъ смягченія. Но нельзя сопоставлять съ этою формою остромировское *идаше*, ибо то-же образованіе и въ церк.-слав. языкѣ: *идѣше* въ евангеліи Григоровича. Нельзя безусловно утверждать, далѣе, что стяженные формы непременно русскія, какъ *идаше* (104). Вотъ то-же евангеліе Григоровича: въ немъ глаголаше 36 разъ, глаголахъ 20 разъ. Подобный же счетъ могутъ представить и другіе памятники.

Что описательныя формы рано вошли въ свои права, доказывается появленіемъ ихъ въ домашней, болѣе свободной отъ преданія письменности—въ надписяхъ, грамотахъ, даже съ выпускомъ вспомогат. глагола. Авторъ ссылается на грамоту 1130 г. Но зачѣмъ забывать Тмутараканскій камень, его «мѣрилъ»?

Сознаніе все болѣе и болѣе излишества ветхихъ прошедшихъ временъ и дружное вытѣсненіе ихъ формами новыми, аналитиче-

¹⁾ Въ области чешскаго языка — въ говорахъ Моравіи — еще живетъ аористъ. Ср. *Smyšl*, Mor. národní písně, № 255.

скаго характера, простыми, легкими, кажется, находится въ связи съ раннимъ употребленіемъ въ языкѣ *видовой* категоріи, благодаря чему языкъ былъ поставленъ въ возможность тѣмъ же простымъ способомъ выражать ясновсѣ функции, соединявшіяся раньше съ аористомъ и имперфектомъ. Такъ поступаетъ современный сербъ, но надѣвая, для парада, иногда и «ветхія ризы» — аористъ и имперфектъ. Укажемъ напр. на языкъ лучшаго сербскаго ученаго-стилиста, Стояна Бошковича, напр., въ его академической бесѣдѣ о проф. Матичѣ ¹⁾.

Категорія кратности, длительный видъ, документуется первыми памятниками Сѣвера и Юга и гораздо живѣе, чѣмъ какъ это представляется автору. Для XI ст. авторъ ссылается на Остромира; но и тутъ въ своихъ счетахъ онъ не вполне точенъ, и мы заполнимъ недочеты.

Остромирово евангеліе (кромѣ приведенныхъ): подъкапаванъ 124 а. нсконъчакааѡж сѡ 244 б.

Минея 1095 г.: прѣведока 12. прѣозаревакъ 45. просвѣщивана 89. съконъчавати 165. примѣшека сѡ 186.

Изборникъ 1073 г. (первые листы): роспытовактъ 10 б. причетавати 12 б.

Изборникъ 1076 г.: разоумѣвати 203. веселоватисѡ въ мирѣ 18.

Житіе Θεодосія: въдаваоче 15 а.

Пандекты 1307 г.: оусхотѣвати 9 а. оучинокати 7 б. ошаватисѡ 21 б. (ср. ошатисѡ 33 б). пострадавакамъ (наст.) 98 а. съвершевалъ 47 б. «не можѣмъ оубо едадати себе» 94 а. помашати 126 б.

Но характерное русское *и* (и) является съ памятниковъ XII вѣка.

Авторъ, согласно своимъ интересамъ, тщательно выбралъ данныя изъ дѣловаго языка Юга XV—XVI в. — съ суффиксами *ива*, *ова*, *а*, конечно, съ обязательнымъ пропускомъ Статута Литовскаго,

¹⁾ «Свечани скуп Српског ученог Друштва 11 маја 1886 года». (Београд, 1889).

который живостью своихъ формъ: *wdy' mowalz, pry' mowalz, perexovywaz, zaxovywatz* и пр., останавливаетъ изслѣдователя. Но нѣкоторые изъ приводимыхъ примѣровъ можно разсматривать, какъ имѣющіе всего кратность 1-ой степени, извѣстную и церк.-славянскому языку, и съ тѣмъ же *символическимъ* растяженіемъ кореннаго вокала: *бѣдати, грѣвати*. Въ параллель съ *нагорожати* можно привести уже изъ Изборника 1076 года: *огорожатъ* 489. Форма кратности 2-ой степени держится того-же символическаго приѣма: *толкати*, но — *талкивати*. Авторъ на этотъ символическій приѣмъ не обращаетъ надлежащаго вниманія: «иногда, говоритъ онъ, глаголы I класса, принимая тематическій гласный звукъ глаголовъ V класса, сразу получаютъ значеніе кратной степени: *псть — пдати, пить — пивати*» (109). Здѣсь примѣры неудачные. Но, обратясь къ игнорируемому приѣму, сравненію, напр., съ чешскимъ (а чешскій замѣчательно близокъ къ великорусскому въ этомъ вопросѣ, что не отрицается на стр. 107), авторъ тотчасъ-же замѣтилъ бы присутствіе указаннаго символика: *pi-ti*, но *pi-v-a-ti* или *pi-je-ti = pi-ja-ti*, т. е., что въ нашихъ *ни-тъ* и *ни-с-ать* — не одного количества коренной гласный.

Изъ чешскаго *pi-je-ti = pi-v-a-ti* особенно ясенъ генезисъ многократнаго вида: тема имперфекта + суф. инфинитива. Геній народа поступилъ здѣсь такъ, какъ поступали нѣкоторые чешскіе ригористы, пытаясь для передачи латинскаго *infinit. perf.* образовать особый инфинитивъ: *habuisse* они передавали — *měvše-ti*. Но что во власти народа, постоянно творящаго свой языкъ по своей потребѣ, то не по плечу самымъ «письменнымъ» изъ «письменныхъ»: тамъ творчество, здѣсь механизмъ. Простой чехъ провелъ категорію кратности еще далѣе, чѣмъ мы, своими *přívávatí, chodívávatí*, но все держась стараго приѣма, все прибѣгая къ однимъ и тѣмъ же элементарнымъ средствамъ. Что творчество категоріи вида началось задолго до памятниковъ, какъ и полагаетъ акад. Миклошичъ, ясно изъ образованія видовыхъ формъ по одному шаблону во всѣхъ славянскихъ языкахъ, а не «на памяти исторіи» (107). Но какъ легко должны

были смѣшиваться глаголы истинной кратности съ отъименными, и не въ одномъ малорусскомъ, видно изъ того, что мы, пишущая братія, въ важномъ стилѣ намѣренно дѣлаемъ ошибку и пишемъ— *наказуемъ* вмѣсто *наказываемъ*, какъ бы считая первую форму менѣе вульгарной, и безсознательно попадаемъ въ тактъ съ исторіей языка.

Повелительное наклоненіе, одинаково сильно пострадавшее отъ дѣйствія аналогіи 2 лица настоящаго времени и на Сѣверѣ, и на Югѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, съ давняго времени предлагаетъ только въ побочныхъ приемахъ нѣкоторое сходство: *бѣги*, но *бѣжи*. Но малорусская форма имѣетъ за собой свидѣтельства изъ первыхъ памятниковъ, что и понятно, ибо въ ней чистая тема 2-го лица: вѣжи (Остромирово евангеліе 252 б.). грѣха вѣжи яко ратьника (Изборн. 1076, 18). вѣжимъ оубо... пынствьнаго вѣса (Пандекты 1307, 21 а.).

Правда, 1 лицо множ. исчезло и замѣнилось формой наст. времени, но въ малорусскомъ не безслѣдно: *ходѣм* или *ходѣмѣ*, т. е. съ уменьшеніемъ признака модальности вокализуется согласный конецъ. И эта вокализация имѣетъ за собой старину, при чемъ форма вокализации мѣняется между *о* и *ы* (-*мо*, *мы*). Такъ *Пандекты* 1307 г.:

Съ примѣтою *і*: оузицѣмъ 40 а. не мѣзѣмъ 40 а. оуспранѣмъ 80 а. возмѣмъ 196 а.

Съ примѣтою *ь* (= *ѣ*):

а) - *мо*: поревноумо 36 а. здѣймо 40 а. послѣдоумо 40 б. оузвонмоса 90 б. поумо 115 а. помышланмо 122 а. двѣдшьствоумо 196 а. приповѣданмо 197 б. (приносимо 264 а). дѣлаимо 223 б.

б) - *мы*: разоумѣканмы 136 б.

2 лицо мн. ч.:

Съ примѣтою *і*: хвалѣтеса и не ажѣте 107 б. вѣжчелмите 166 б.

Съ примѣтою *ь* (*ѣ*): плачѣтеса 29 а.

Какъ плавная и сильно анафорическая форма, форма на *мо* встрѣчается, понятно, у народныхъ писателей XVII вѣка, напр. въ проповѣдяхъ Галятовскаго: «а мы, православныи христїяне, *мѣймо* всё такую надѣю, же будемо . . .». Но, мѣстная, она не могла пройти въ дальнѣйшій литературный языкъ.

Нѣсколькими бѣглыми замѣчанїями о судьбѣ *причастїи* заканчивается отдѣлъ.

Но если въ нѣкоторой степени справедливо, что *причастїи прошедшихъ* полныхъ «нѣтъ въ народныхъ нарѣчїяхъ, ни великорусскомъ, ни малорусскомъ» (мы оговариваемся, такъ какъ старое причастїе замѣстилось новымъ, на-*мый*, а связь обояхъ такъ ясна въ польскомъ литературномъ языкѣ, въ его-*Iszy*, съ XVII в.): то затрудняемся понять удивленїе автора по поводу тѣхъ же причастїи *наст.* времени: «любопытно, однакоже, что въ южнорусскихъ грамотахъ XIV вѣка (только?) онѣ (т. е. формы на *ячи*, *учи*) являются уже въ видѣ членныхъ причастїи» (114).

1) Въ виду формъ: *будучїи*, *заказующїи* и пр., нельзя говорить о *днепричастїяхъ* подъ обликомъ причастїи, думать, что когда-либо и гдѣ-либо имѣло мѣсто снабженїе адвербіальныхъ формъ членомъ. Вспоминать ли, что процессъ былъ какъ разъ обратный? Сказанное на стр. 141 подлежитъ измѣненїю.

2) Развѣ эти формы ограничены XIV вѣкомъ? Развѣ онѣ не живутъ полною жизнью въ Статутѣ и др. памятникахъ, замѣняя именно наше причастїе на *щїи*?

3) Развѣ автору неизвѣстны аналогическія, чисто народныя формы на Сѣверѣ, всё эти: *текучїи*, *пловучїи*, *сыпучїи*, *ходячїи*, *зрячїи*, *висячїи*?

Что же касается образованїя ихъ, то оно—по аналогїи *ви-нит.* падежа, при пособїи именит. ж. р.—*чи*, *чия*, и шло по тому же пути, по которому шло образованїе именительнаго и въ именахъ, какъ *любовь*, *церковь*, *камень*, и какъ эти имена образовались давно, такъ давно должны были образоваться и всё эти причастїя, ибо психическія условїя всегда одни, и они дѣйствуютъ тѣмъ съ неотразимѣйшею силою, чѣмъ безпрепятственнѣе развивается языкъ—

безъ школы, среди «неписменныхъ». Мелетій же воспользовался роднымъ ему матеріаломъ и образовалъ искусственное, важное причастіе на *щій*, даже съ краткою формою—*щъ*, каковымъ причастіемъ и пользуется русскій литературный языкъ уже третье столѣтіе, отнеся свои родныя причастія въ разрядъ прилагательныхъ. Статутъ Литовскій, Псалтырь Рум. Музея ясно указываютъ, что все это причастія, самымъ синтаксисомъ ихъ.

13.

Третья, и послѣдняя, часть лингвистическаго отдѣла въ трудѣ г. Житецкаго посвящена дивергентнымъ чертамъ малорусскаго нарѣчія, сформировавшимся на памяти исторіи, опредѣляющимъ его этнографическую индивидуальность. Чертъ этихъ, естественно, не много. Но первое мѣсто среди нихъ по праву занимаетъ кардинальное явленіе южнорусскаго вокализма—удлиненіе корневаго или суффикснаго *о*, *е*, совсѣмъ чуждое языку Сѣвера (и сегодня, и въ памятникахъ ничего), но замѣчательнымъ образомъ сближающее рѣчь малоруса съ языками польскимъ и особенно чешскимъ (*кѣнь*, ч. *кѣй* изъ *киой*).

Явленію этому авторъ посвящаетъ 9 страницъ. Но больше всего здѣсь мѣста заняла бесѣда автора съ критикомъ его перваго труда и вообще полемическою экскурсіей; но новаго ничего. Бесѣда эта тѣмъ менѣе была обязательна, что самъ критикъ позже отказался отъ первыхъ мыслей (117). Прибавимъ здѣсь, что одновременно съ авторомъ надъ тѣмъ же малорусскимъ явленіемъ работалъ и настоящій рецензентъ, одновременно съ авторомъ и издалъ — въ 1875 году — свои наблюденія, и — оба мы, работая независимо, пришли къ однимъ общимъ выводамъ, оба предложили одинаковое объясненіе условій появленія долгаго *і* изъ *о*, *е*, оба проэктировали одну схему промежуточныхъ формъ и въ той же послѣдовательности¹⁾.

¹⁾ Нашъ «Отчетъ», I, 31—34.

Да, занимающійся польскимъ и чешскимъ языками не можетъ не усмотрѣть одинаковости судьбъ внутреннихъ *o* и *e* и въ нихъ съ нарѣчіемъ малорусскимъ, въ зависимости отъ слоговаго ослабленія вправо, уменьшенія вокализма въ данномъ словѣ. Если мы сообразимъ отношеніе двухъ формъ одного и того же падежа: *конями* и *кѣнми*, то тотчасъ же выступаетъ значеніе новаго гласнаго *i*, звука долгаго, какъ замѣщеніе потери слога.

Въ XII—XIII вѣкахъ *ъ*, *ь*, не глухіе, а звуки, опредѣляемые какъ короткіе *o*, *e*, жили еще: но открылось исчезновеніе ихъ — открылось и возмѣщеніе.

Справедливо замѣчаетъ авторъ, что «скачка въ развитіи *i* изъ основнаго *o* въ чешскомъ нарѣчій (языкъ ?) нѣтъ». Средневѣковые памятники его предлагаютъ ясную лѣстницу промежуточныхъ формъ, но, въ отличіе отъ малорусскаго нарѣчія, лѣстницу *небольшую*. Вотъ почему, въ виду предложенной нами обоими схемы промежуточныхъ звуковъ между долгими *o* и *i* въ малорусскомъ (*конь*, *коонь*... *кѣнъ*), и въ настоящую минуту, какъ и тогда, я въ недоумѣніи и все вынуждаюсь искать объясненія. Что мы говорили въ «Отчетѣ» I, 32, то повторяемъ и сейчасъ: «если эта хронологія въ біографіи звука *o* болѣе или менѣе и справедлива, то тѣмъ не менѣе остается еще одна сторона въ жизни этого звука совершенно темной. Исторія чешскаго языка показываетъ, что тамъ процессъ образованія сильнѣйшаго звука изъ первоначальнаго *o* шелъ необыкновенно медленно: съ XIII по XVI в., въ теченіе трехъ столѣтій, *o* едва успѣло дойти до *u*, тогда какъ въ малорусскомъ нарѣчій уже въ XIV вѣкѣ *o* могла переходить въ *i*, т. е. въ *конечный* звукъ, до котораго только можетъ дойти *o*». Чтобы выйти изъ этого затрудненія, мы думали тогда помочь себѣ предположеніемъ, что процессъ перехода *o* въ *i* могъ мѣстами начаться раньше, чѣмъ какъ отмѣтили его памятники языка. Предположеніе вѣроятное, но дѣлу оно не помогаетъ. Г. Житецкій прибѣгаетъ къ тому же удлиненію періода процесса — до XI вѣка (119).

Вотъ почему мы готовы думать, что живущія и сегодня по

говорамъ формы: *y, yo, ю* имѣютъ одну географическую, но не историческую, связь съ болѣе общою формою — *i*. Тѣ формы сами по себѣ, а эта сама по себѣ. Но откуда *сразу* это *i* долгое? Дѣлаемъ предположеніе, что этотъ новый звукъ явился прежде всего въ словахъ звука *e*, какъ его общеславянское удлиненіе: ср. старо-слав. *грести* и *грибати*, *летѣти* и *литати*, чеш. *pero* — *pírko*, совершенно какъ въ малорусскомъ — *женá* — *жінка*; затѣмъ онъ увлекъ подъ себя и аналогическія слова со звукомъ *o*, тогда какъ въ говорахъ съ *y, yo* слова эти въ своемъ измѣненіи пошли по пути нормальному, по тому, по которому шелъ чешскій языкъ, польскій, и ихъ окаменѣлыя фонемы на мѣстѣ великорусскаго *o* и сегодня тѣже, что и поль-тысячелѣтія назадъ.

Новое въ области нашего вопроса принесли наблюденія г. Соболевскаго, и они отмѣчены авторомъ. На себѣ лично г. Житецкій испыталъ значеніе правдоподобныхъ гипотезъ, испыталъ, что только кропотливныя «архивныя» работы даютъ доброе зерно, иначе, впереди грозитъ одно — покаяніе, что на стр. 123. Прежде всего работы г. Соболевскаго указали фактическую подкладку мыслямъ объ точкѣ отправления малорусскаго *i* долгаго — двойное, т. е. *домое o*. Авторъ какъ-то особенно любитъ двойнымъ числомъ *o*. Но это обыкновенный приѣмъ обозначенія долготы въ рукописяхъ чешскихъ, польскихъ, и мы можемъ только удивляться рѣдкости его въ нашихъ памятникахъ. Сильна была традиція — признакъ долготы письма у насъ. Въ Пандектахъ 1307 г. мы имѣемъ то-же слово, что найдено г. Соболевскимъ съ двойнымъ *o*, и также съ необычнымъ правописаніемъ — слово *овца*, но безъ срединнаго *ь*, за то съ губнымъ придыханіемъ въ началѣ: «*вожцахъ*» 277 б. Такъ какъ начальное *o* безъ прикрытія измѣниться въ *i* не могло, отсюда всѣ слова въ малорусскомъ имѣютъ впереди *o* (*оін* — *онъ*, *овиця* — *овца*), то можно думать, что писецъ Пандектъ, помѣщая впереди *o*, свое «*вожцахъ*» произносилъ по нынѣшнему.

И второе наблюденіе принадлежитъ г. Соболевскому, это — неорганическое, но строго выдерживаемое въ памятникахъ Юга,

ѣ: оучѣньк, всегда при суффиксѣ ѣк (ср. правописаніе Пандектъ выше). Г. Житецкій, очень строгій въ хронологіи, слишкомъ уже подчеркиваетъ, указывая, что въ Добриловомъ евангеліи ѣ тамъ, «гдѣ *прежде*, напр. въ Галицкомъ евангеліи 1144 г., стояло ѣ» (120). Но вѣдь это «прежде» отдѣляется всего пространствомъ 20 лѣтъ.... Въ этомъ неорганическомъ ѣ авторъ справедливо видитъ звукъ, «сходный съ тѣмъ і, который въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ является на мѣстѣ основнаго ѣ» (122), т. е., і. Писцы не были филологами.

Но въ памятникахъ Галиціи имѣемъ и прямо и, гдѣ и нынче этотъ звукъ изъ е. Къ примѣрамъ, приведеннымъ у насъ въ «Отчетѣ», I, 31, прибавимъ еще нѣсколько.

Если сравнить Добрилово евангеліе, памятникъ второй половины XII вѣка, галицкіе отрывки изъ XII—XIII вѣковъ, наконецъ, Пандекты 1307 года, то нельзя не удивляться согласію памятниковъ въ помѣщеніи новаго ѣ, строгому употребленію этого новаго пріема письма на разстояніи полутора столѣтія. Эта гармонія въ правописаніи должна была имѣть опору въ живой рѣчи. Въ Пандектахъ 1307 г. правописаніе—еньк рѣдкость: оузмощеньк 129 а. вороженьк и ковѣньк 193 б и др. Но есть еще одно отступленіе, изъ котораго видно, какъ читали писцы здѣсь ѣ: это — оубыньн 2 б.

Во Львовскомъ прологѣ («Отчетъ» I, 8) мы имѣли примѣръ и вм. к: твоимъ страѣ прилѣпикса. Въ Пандектахъ новый: не примѣшантеса имь 101 б.

Принявъ во вниманіе эти описки, далѣе, то обстоятельство, что писецъ Пандектъ ставилъ мѣстами ѣ на мѣсто и: прѣстави сноухъ 194 б. лѣковахумъ 92 а. лѣкоуѣтъ 138 а. не хвалѣтеса и не лжѣте 107 б.; наоборотъ, просто и вм. ѣ: ни кдино всиухъ... имъ всѣмъ... 14 а., мы, на вопросъ: какъ читать ѣ въ словахъ: добродѣтелѣм, нынѣшнѣмъ, въ немъ, оу сѣмъ, и въ суффиксѣ — ѣньк — можемъ отвѣчать: *читать какъ и*.

Въ виду документуемой такимъ памятникомъ, какъ Пандекты 1307 года, старины перехода е въ і, т. е. давности малорусскаго

оригинальнаго процесса, мы не можемъ согласиться съ авторомъ, что, «і вм. о и е въ XVII в. не было еще такъ распространено, какъ въ настоящее время» (138), потому, что-де примѣры у писателей рѣдки. Но, очевидно, они держались школы Мелетія и избѣгали непослѣдовательности. Что же касается встрѣчающихся у нихъ выражений *нузъ, рузъ* и проч. (123—124), то это скорѣй всего полонизмы.

Слѣдующая дивергентная черта малорусскаго вокализма, это потеря *ы*, сближеніе его съ *и* въ одно среднее *і*. Но эту черту раздѣляетъ съ малорусскимъ и сербскій языкъ, и чешскій, вообще, масса славянскихъ языковъ. Опорой Сѣвера, и здѣсь, какъ и въ его *e = je*, является польскій языкъ, языкъ съ сильной стариною. Уже одна эта гармонія между нарѣчіемъ великорусскимъ и польскимъ языкомъ указываетъ намъ на историческое первенство сѣвернаго *ы* передъ его малорусскимъ замѣнителемъ. Но не такъ смотреть авторъ.

Въ своемъ первомъ трудѣ онъ пытался придать малорусскому замѣнителю великорусскаго *ы* роль основнаго звука, что въ древнерусскую эпоху *ы* произносилось какъ *и*. Авторъ произвелъ неудачную мѣну мѣстъ. Теперь, послѣ горячей полемики съ «упрямымъ» Колосовымъ, онъ почти не сдвинулся съ своей позиціи, защищаясь Шлейхеромъ, смѣшеніемъ «рядовъ» гласныхъ и проч. Но авторъ не достигъ одного, главнаго—онъ не поколебалъ значенія гармоніи великорусскаго и польскаго вокализма въ вопросѣ объ *ы*. Въ этомъ, строго славянскомъ, вопросѣ справки съ значеніемъ однѣ — справки съ исторіей отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, не имѣющихъ *ы*, а эти справки только укрѣпляютъ историческій приоритетъ великорусскаго *ы*.

Если же у южнорусскихъ писателей крайняя пестрота въ изображеніи звука изъ *ы*, пестрота въ употребленіи самой буквы (127—128), то стоитъ только припомнить правописаніе сербскихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, этихъ дорогихъ нѣкогда нашихъ литературныхъ однополчанъ, ихъ тяжелую борьбу съ русскимъ *ы*, чтобы понять, что въ

этой пестротѣ — знакъ борьбы между школою, Мелетіемъ, и живымъ языкомъ.

Небольшую статью о согласныхъ авторъ безъ ущерба могъ бы выпустить, за отсутствіемъ объекта — по личному его признанію (128). Но раньше онъ говорилъ о сохранности медіальныхъ и здѣсь опять повторяетъ о «твердой позиціи въ малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ согласныхъ», предваривъ, впрочемъ, что онъ имѣетъ говорить о правописаніи. Авторъ указываетъ, напримѣръ, что въ XVII вѣкѣ преобладала этимологія, рѣдко уступавшая народному выговору. Но это вполнѣ понятно, такъ какъ писатели XVII вѣка были люди школы, школы Мелетія, и люди съ политическимъ тактомъ. Замѣтимъ, затѣмъ, что изъ *хваляцца* не могло пойти *хваляцца*, что з въ *збуты* всюду, не исключая и Пандектъ, гдѣ: *злож з доврѣньмъ* 167 а. *всѣмъ з возизнью* 182 а. *здѣнмо* 40 а.

Къ «характернымъ чертамъ» малорусскаго *склоненія* отнесены: творит. ед. ж. *оу, ом*; рассмотрѣнные уже раньше флексивные архаизмы (*боже* и др.) и — факты уже простаго правописанія, а не языка (*матитъ*), при чемъ авторъ заявляетъ о своемъ отреченіи отъ своего перваго ученія объ оригинальномъ построеніи малорусскаго *склоненія*.

Замѣтимъ противъ автора:

1) Флексія *оу* только въ Галиціи, гдѣ очень распространена. Это — своеобразное упрощеніе общей флексіи *оу*: зѣвъ — излюбленный приѣмъ, напр., у лемка, который выбрасываетъ *j* и въ глаголахъ и говоритъ: *бывають*. Но авторъ глядитъ иначе: «мы болѣе склонны думать — о смѣшеніи падежей» (129). Но почему?

2) Относительно флексіи *ом* авторъ полагаетъ, что здѣсь простой «обмѣнъ» *о* и *м*. Правда, обмѣнъ подобный извѣстенъ въ великорусскомъ, сербскомъ и другихъ (*мнукъ — онукъ*). Но есть и иная возможность: вліяніе аналогіи именъ муж. рода. Вотъ та-же форма въ великорусскомъ: «*силомъ, слышь, замужь выдать хотѣли*» («Въ лѣсахъ», III, 57).

3) Въ дивергентныхъ формахъ у писателей XVII вѣка: *бо-*

ичовъ и пр. авторъ находитъ «переходную стадію въ развитіи малорускаго *i* изъ *eo*» (130). Но на нашъ взглядъ здѣсь приспособленная польская флексія.

Въ число оригинальныхъ явленій малорускаго *спраженія* занесены то дѣйствительные факты языка: 1 мн. на *мо*, образованіе повелит. множ. — *ѣмѣ*, *ѣть*, будущ. съ *му*, то факты правописанія (*могъ* и *моглъ*), то образованія сомнительныя — прошед. на *лз* съ вспомогат. глаголомъ. О большинствѣ этихъ чертъ была рѣчь раньше. Но, безспорно, оригинальнѣйшая черта, это — малорусское образованіе буд. времени.

Тема глагола \rightarrow *му*, сокращеніе изъ *иму* беру, это совсѣмъ пріемъ сербскаго языка, гдѣ только взять иной глаголь — *ћу*, сокращеніе изъ *хѣћу* хочу: одинаково вспомогательные глаголы сокращаются и одинаково сливаются. Малорось манипулируетъ своимъ *му* также ловко и свободно, какъ сербъ, и смотритъ на *му*, какъ на служебную частицу. Но въ Галиціи это образованіе менѣе обыкновенно или глаголь *иму* (*јму*) стоитъ отдѣльно. На этой послѣдней стадіи находятся нѣкоторыя Московскія грамоты XIV в. гдѣ читаемъ: «кто у них *имет* жити»¹⁾.

Объ образованіи прош. на *лз* \rightarrow вспом. глаголь мы говорили выше и выразили наше сомнѣніе. Если оно окрашиваетъ языкъ XVII вѣка (133), то только у такихъ убогихъ стилистовъ, какъ Филипповичъ, въ «Діаріушѣ» котораго господствующая стихія — польская, и есть свидѣтельство подавляющаго вліянія польскаго языка на мысль русскаго человѣка той эпохи, разъ онъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Въ заключеніе филологической части авторъ дѣлаетъ рекапитуляцію стилистическихъ чертъ языка писателей XVII вѣка и предлагаетъ нѣсколько соображеній объ историческомъ значеніи ихъ литературной дѣятельности.

Въ концѣ труда приложенъ «Словарь книжной малорусской рѣчи» XVII вѣка, найденный авторомъ въ одномъ изъ кievскихъ

¹⁾ Академикъ Ягичъ, Критич. замѣтки, 143.

книгохранилицъ, любопытный памятникъ, свидѣтельствующій о внимательномъ отношеніи читателей той эпохи къ трудамъ своихъ писателей. Стоитъ пробѣжать сочиненія Галятовскаго, лучшаго стилиста, съ ихъ массой польскихъ словъ, часто понятныхъ, помимо поляка, одному чеху: *шаты, рылмый, сличный*, чтобы видѣть, что напечатанная усерднымъ изслѣдователемъ южнорусской этнографіи и старины «Синонима» образовалась путемъ замѣтокъ при чтеніи писателей.

Но спросимъ себя: какое-же впечатлѣніе оставляетъ по себѣ книга г. Житецкаго?

Мы уже въ началѣ замѣтили, что вообще она производитъ впечатлѣніе въ пользу трудолюбиваго изслѣдователя, ослабляемое, къ сожалѣнію, тѣмъ, что авторъ двоялся предъ двойною задачею — быть въ одно и то же время оригинальнымъ историкомъ и лингвистомъ, имѣя полное право на второе, и слабое — на первое.

Увлеченный своимъ субъективизмомъ въ вопросахъ исторіи, авторъ явленія побочныя подымаетъ на несоотвѣтствующую высоту и строитъ цѣлую систему безъ точнаго обоснованія. Въмѣстѣ съ этимъ читатель не можетъ не отмѣтить излишней зависимости автора отъ пособій тамъ, гдѣ рѣшающее значеніе могутъ имѣть одни источники, и въ то же время неправильное отношеніе къ предмету, который одинъ имѣетъ громадное контролирующее и выясняющее въ научныхъ работахъ по вопросамъ изъ исторіи русскаго языка значеніе — *къ исторіи славянскихъ языковъ*. Не замѣтитъ читатель мѣстами какую-то спѣшность изложенія, отчего авторъ то попадаетъ въ крайне неловкое положеніе при характеристикѣ того или другаго явленія, то является неточнымъ въ самомъ своемъ языкѣ, то, не замѣчая самъ, увлекается въ далекія экскурсіи.

Но, принимая во вниманіе, что стилистическое изслѣдованіе г. Житецкаго по предмету столь интересному, какъ матеріальный составъ русскаго литературнаго языка у писателей Юга, въ XVII столѣтіи, представляетъ опытъ новый, безъ предшественни-

ковъ, и по серьезному отношенію автора къ нему—опытъ, имѣющій занять свое мѣсто въ исторіи разработки нашего литературнаго языка; принимая, затѣмъ, въ соображеніе извѣстную начитанность автора въ области своего предмета, умѣнье правильно оживить свой однообразный матеріалъ справками съ этнографіей и литературной стариной, критическій тактъ, умѣнье разбираться среди массы мелкихъ стилистическихъ фактовъ, въ пестротѣ найти систему, рецензентъ позволяетъ себѣ поручить новый филологическій трудъ пытливаго изслѣдователя старины нашего Юга снисходительному вниманію Академіи Наукъ. Рецензентъ надѣется, что одобрительное, а потому ободряющее отношеніе Академіи къ труду скромнаго дѣятеля на пользу отечественной науки укрѣпитъ въ немъ силы для новыхъ работъ.
